

ПАВЕЛ ПРОСКУРЯКОВ

А МЫ ТАКИЕ МОЛОДЫЕ

* * *

В старых папкиных ботинках
сорок пятого размера
без шнурков
в ливень я бреду по лужам,
а вода всё прибывает.
Сон таков.
Вышел по воде на взгорок,
чувствую — потоком сносит
под обрыв.
Как могу сопротивляюсь,
но к откосу продвигаюсь,
едва жив.
И сквозь марево и ливень
на мосточке нешироком
блзнят мне
вечно ждущие кого-то
(такова у них забота)
Бог на ослике,
Смерть — на коне.

ПРОСКУРЯКОВ Павел Сергеевич родился в 1957 году в деревне Ежово Манчажского района Свердловской области. Автор двух книг стихов: "Хрустальная трава" и "Глиняный человек". Является постоянным автором литературного журнала "Урал"; печатался в "Литературной газете"; в сборнике "Галерея уральской поэзии (ГУЛ); в антологии современной уральской поэзии (АСУП 4); альманахе "Черным по белому" и других. В журнале "Наш современник" печатается впервые.

ДАНИЭЛЬ ОРЛОВ

ВРЕМЯ РИСКОВАННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

ПОВЕСТЬ

1

Нос у Лыкова был сломан трижды. Первый раз — ещё в техникуме, когда занимался он в секции бокса. Прикатило прямым ударом на районных соревнованиях в Судогде. Ужасно больно. Хотя никаких обид, бой Лыков выиграл даже не по очкам, а самым настоящим что ни на есть нокаутом. В его тогдашней весовой категории, до шестидесяти трёх с половиной килограммов, это вообще редкость. Тренер после соревнований посадил Лыкова в “Жигули” седьмой модели и повёз в Москву, в институт красоты, где была докторица знакомая. У них запись на год вперёд, а парня без очереди — и сразу в кресло. Вправила там, что надо, тампоны вставила, всё срослось. Хороший был тренер. Убили в девяностые.

Второй раз нос ему сломали рукояткой пистолета во Владимире, уже в нулевых. Лыков тогда хорошо зарабатывал, хоть и не по профессии. Торговал бухлом и сигаретами в ларьке перед вокзалом. Другой работы не было. Как-то в июне, в субботу, в районе часа ночи сдал сменщику вахту в ларьке, да и намылился ехать домой в Чмарёво. Городские автобусы так

ОРЛОВ Даниэль Всеволодович родился в 1969 году в Ленинграде, окончил геологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, работал в геофизических партиях. Дебютировал как поэт и автор-исполнитель. С 2005 года начал публиковаться как прозаик. Рассказы и повести печатались в журналах “Знамя”, “Октябрь”, “Нева”, “Дружба народов”, “Днепр”, “Зинзивер”, “Сетевая словесность”, “Полутона”, “Присутствие”, “Вечерний гондольер”, “Literatura” и др. Отдельными изданиями вышли романы “Долгая нота”, “Саша слышит самолёты”, “Чеснок”.

поздно на Судогду уже не ходили. Лыкову пришлось ловить тачку. Потому и заранее со сменщиком договорился, если тот опаздывает, по десять баксов за час вынь да положь. Тот и платил. И в этот раз двадцатку отслюнявил, мол, прости, засиделся, футбол смотрел. У вокзала-то нормальные люди в такси не садятся, только если совсем приспичит с вещами. В три раза дороже получается. Лыков обычно поднимался по ступенькам к Богородицкому монастырю, это уже КГБ оттуда съехал, и ловил на Большой Московской. Там машин много. И в тот раз прошёл вдоль монастырской стены до дороги, ну, и на ту сторону. Переходил-то на зелёный, а эти хмыри на шестьсот двадцать шестой “Мазде” едва не сбили. Он им, понятное дело, кулак показал. Так они по тормозам и задом. С водительского места какой-то молодой выскочил, ей-богу, лет на десять моложе Лыкова. Светлые кучеряшки, лобешник широкий, а переносица тонкая. Сам в курточке с буквами на груди, как у школоты из американских фильмов, сынок папашкин, любимка мамкин. А Лыков, не будь дурак, сразу ему джебом в лоб, что церемониться? Он же прав по переходу на зелёный. Учить надо молодых. Положено.

А тот обesosыш, глаза такие голубые, чуть навывкате, головой тряхнул, да из-под мышки, где, видать, кобура была спрятана, достаёт вольну и прямо Лыкову в переносицу, между глаз. Как в кино американском. И держит, как будто в кадре собой любитесь, по-пизонски, плашмя, а не как правильно. Так, если стрелять придётся, ни в кого толком и не попадёшь. Попукаешь только, порохом навоняешь да насоришь гильзами. Наверное, газовый пестик, да какое там, вообще, скорее, пневматика. Но только проверять Лыков не стал. А этот, который молодой, ещё спрашивает, мол разнести тебе башку или как? И что ему ответить? Послал его Лыков на три буквы. А змеёныш рукояткой со всей дури прямо в нос, прыг в тачилу и увистал по Большой Московской в сторону Золотых ворот. Юшка из клюва хлынула, так всё на рубашку. Лыков дорогу опять перешёл, стал в ворота монастыря стучаться. Манишка в крови, ну, точно белогвардейский офицер недорасстрелянный. Охранник услышал, отпер, головой покачал, но пустил и показал, как в уборную пройти. Полчаса в раковине плескался, пытался кровь остановить. Остановил. Сделал турундочки из туалетной бумаги, запихнул в обе ноздри, так и вышел, на моржа похожий. Охранник увидал, заржал. Ничего. Тоже срослось за милую душу.

Третий раз нос Лыков сломал себе сам, в Египте, на курорте, куда ездил с Натальей Николаевной и детьми. Как-то нагрузился изрядно в баре на пляже и приспичило научиться на доске под парусом плавать. И так на неё, и эдак. Всё не устоять, сваливается. А пока заберёшься, тоже накувыркаешься. А у берега мелко, плита базальтовая, хрен разберёшь, только ежей морских полно. Решил коленкой доску прижать, да и забраться. В нём тогда уже центнер был. Прижал, но вырвалась, зараза, да как долбанёт ребром в переносицу. Неделю потом в тёмных очках на обед ходил.

Внешность у Лыкова и до этого случая была разбойничья: подбородок тяжёлый, лоб низкий, сам сутулый, бицепсы, трицепсы, банки грудных мышц, а тут от себя в зеркале чуть ли не шарахался. Когда нос на сторону, по-доброму ни на кого уже не помотришь. Ко всем бедам довеском ещё храпеть стал, и прегромко. А беды по возвращении из отпуска начались серьёзные. Пришёл к себе на моторно-тракторный, там всюю сокращения и слухи, что закроют завод. Мужики собрались, пошли права качать, так его вместе со всеми, невзира на стаж.

Наталья Николаевна привычно до того пилила, а только сократили, даже соседней перестала стесняться. Что не так, кричит, мол, она с высшим образованием на кассе в магазине целый день горбатится, а муж безделит. А ведь в доме, Лыковым же построенном, жила, на Лыковым заработанное да поднакопленное. Детей на лыковские деньги поднимала. Он же и бельё теперь стирал, и супы готовил. А что бы не сготовить, если всё равно днём дома, не надо спозаранку на автобус тащиться, чтобы во Владимир ехать. Только и делаешь, что в интернете объявления о вакансиях просматриваешь да резюме рассылаешь. Ну, и по хозяйству: обои в комнатах переклеил, новый оголовок на колодец поставил. Дети — близнецы-мальчишки, пусть не

его, а Натальи Николаевны от прошлого брака, но Лыковым с пелёнок воспитанные, оттого и родные. На руках отнянченные, в шахматы играть обученные. Но как перешли оба в восьмой класс, стали, как их мать, называть Лыкова не папой, а по фамилии — Лыков. Вначале вроде забавным показалось, как шутка такая. А потом, когда слово “отец” из дома вовсе пропало, Лыков погрузнел. Мать — главный воспитатель, близнецы на неё смотрят.

Безоговорочно почитал за хозяина и был предан Лыкову только огромный кобель Лёня. Он был кудлатый, беспородный, дурной, но Лыков его любил. Привёз он щенка из командировки в Ярославль, куда однажды услали с моторно-тракторного наладочные работы. Вот там у гастронома и купил за рубль у местного алкаша. “Бери, мужик, — говорит, — отменный волкодав получится. Отец — кавказец, мать — московская сторожевая”. И казалось бы, зачем Лыкову волкодав? Но смотрел на него щенок из-под лохматых бровей такими чёрными блестящими пуговицами, что Лыков не выдержал. Неделю, что жили в местном общежитии, держал пушистика в коробке, на своей свёрнутой фланелевой рубашке, кормил настоящим собачьим кормом, который покупал в супермаркете. А привёз — сразу смастерил будку на вырост. Наталья Николаевна и близнецы к псу остались равнодушны, а мать любила. Она его Лёней и назвала. Говорила, напоминает ей брата Лёню, Лыковского дядю, — рыжего, лохматого мужика, помершего от панкреатита. Щенок матери отвечал взаимностью. И потом, когда вырос, к ней одной ластился, аж мурлыкал. Казалось бы, морда огромная, тупая, но не злая, а как лыбится, словно человек.

Иногда кобель перегрызал репшнур, которым был привязан, делал подкоп под забором и убегал по следу пустующих собачьих девиц. Не давал о себе знать дня по три-четыре, а то и неделю. Появлялся худой, грязный, но довольный. После этого Лыков для порядка лупил его по морде сложенным вчетверо брезентовым поводком и сажал на цепь. Для такого дела он даже купил эту цепь в местном промтоварном. Цепь Лёне не нравилась, да и Лыкова раздражало, что гремит. Но в воспитательных целях Лёня сидел на цепи регулярно.

Оказался лыковский пёс среди местных собак первым парнем на четыре деревни. То и дело, завидев очередного кудлатого барбоса, Лыков узнавал знакомую тупую морду и хитрую не то улыбку, не ухмылку. Деревенские приплод по привычке топили, неча дармоедов плодить. Но если видели, что отцом оказывался лыковский волкодав, одного из помёта оставляли. Больно хорошие псы получались.

Раз в неделю гладил Лыков рубашку и отправлялся на собеседования во Владимир. Электромехаников свободных после закрытия завода в городе было, как грязи, столько и не требуется, так он электриком пытался, пока не смекнул, что через агентства никакой нормальной работы не светит. Четыре месяца без результата. Хоть в столицу поезжай на стройку или охранником, как все.

В Чмарёво, где они с Натальей Николаевной жили, ещё как совхоз закрылся, никакой работы не стало. Разве на пилораме, да там всё друзья или родственники хозяйки, Людки Беленькой, его бывшей одноклассницы. Был бы муж её жив, договорились бы, а с Людкой общаться не хотел. Дурная баба. Можно, конечно, крыши крыть, заборы ставить дачникам. Но это только летом. А в остальное время кому крыть-то? Деревенские сами себе кроют, а если кого просят, так и неудобно денег больших брать. Не прокормиться.

Когда совсем становилось немого, отстёгивал Лыков кобеля и под предлогом, что псу надо пробздеться, уходил в поля, где вначале и вправду гонял пса за палкой, пока не надоедало обويم. Тогда лесной дорогой поднимался до дальнего магазина, привязывал Лёню к стойке для велосипедов, брал бутылку и отправлялся к куму на кочегарку. Кочегарка, как и водонапорная башня, словно нависала над полем. Чуть правее и ниже — ржавый каркас бывшего сенохранилища, где после субботних дискотек обжималась молодёжь помладше и пыхтели, сняв штаны, те, что постарше. Облатками от использованных презервативов потом играли мелкие вертлявые сквознячки-смерчки.

— Припёрлись, разбойники, — радостно лыбился кум и тянулся к металлическому стеллажу, где всегда имелся припрятанный от крыс шмат солёного сала. Лёня укладывался тут же на уголь и лежал, уставив взгляд на топку. Они быстро справлялись с поллитрой, кум доставал ещё, и после, по традиции, шёл проводить Лыкова с Лёней до водокачки. Там они курили и говорили на сельскохозяйственные темы. Лыков обычно сетовал на развал и запустение, вспоминал, как ещё отец его распахивал эти поля на тракторе под подсолнечник.

— А с хера ли? — кум обводил рукой заросший сорняком пейзаж. — Что сажать-то? Репу какую? Картошку? На хер кому она сдалась! Пшеницу? Рожь? Сгниёт к херам. У нас тут эта, как его... — кум чесал затылок. — Во! Зона рискованного земледелия. У нас только кормовые сорта всякой парашки можно сажать. Херов турнепс да херов подсолнух. Чтобы не сильно заботиться, вырастет или не вырастет. Если не вырастет, так ботву пожрут.

— Кто пожрёт? — не очень понимал Лыков.

— Да хоть кто. Хоть свиньи, хоть коровы, — кум показал на пустые окна корпусов фермы. — Хоть ты — на закусь. Тебе же всё равно, чем закусывать.

— Так нет же коров, — невпопад удивлялся Лыков, думающий уже о чём-то своём.

— Вот теперь и нет. А раньше были. Потому что порядок был и народное добро. А теперь народное говно. Идите уже, — выстреливал он щелчком окурок в ноябрьское небо и толкал Лыкова в бок, а потом смотрел, как мелькает среди озябшей инеем травы серая холка Лёни.

Наталья Николаевна эти походы на кочегарку не одобряла, как и вообще в последнее время любые проявления мужниной самостоятельности. Как всякая женщина, она переживала потерю Лыковым работы, и в её голове профессионального экономиста шла двойная запись по поводу семейного бюджета. Лыковское бытовое пьянство в ту запись вносило дезорганизацию и хаос.

Но как-то кум, качая головой на лыковские сетования, надоумил подать объявления на бесплатном сервере, мол, что менжуешься: “Заполни эту херню там со строчками, имя, сука, фамилия. Пиши про парашу свою всякую, мол, выполняются все виды электрических и механических работ, двадцатилетний опыт, русский, сука, непьющий”. И заржал. А Лыков, пока шёл с псом к себе, про то покумекал, да и сделал, как кум посоветовал, даже про непьющего загнул. Хотя — кто видел непьющего электрика? Да, выпивающий. Так ведь не запойный! За всю жизнь случая никто не упомянет, чтобы Лыков по пьяному делу на работу не вышел или что напортачил. И ведь попёрли заказы!

Вначале по мелочам: щиток поменять, найти обрыв провода, прокинуть воздушку от дома к бане. От крупных, вроде замены всей проводки в ангаре, сам отказывался, опыта набирался. Летом уже в “Пятёрочке” в Судогде разводку делал. После того заказа купил подержанный лёгкий мотоцикл, чтобы к клиентам ездить. Прикрутил стальную раму, на неё тачку дюралевую, втулку от велосипеда, велосипедное же колесо, чтобы можно было проводами да инструментом нагружать. Скорость не разовьёшь, а килограмм восемьдесят разного хлама всяко довезёшь-докатишь. А как стал по всему району ездить, поклеил объявления и на столбах. На повороте с Муромского шоссе к Судогде углядел на опушке щит деревянный, на котором надпись: “ПЕЧНИК!” — и телефон. Рядом своё объявление повесил: “ЭЛЕКТРИК!” — такой же — после поворота на Трухачёво с объездной. За полгода рассчитался с долгами по кредиту.

А тут в апреле позвонили из райцентра, мол, требуется в лабораторном корпусе больницы сменить всю проводку, три фазы ввести, ну, и так, по мелочам. Дескать, прошлый электрик запил, надо доделать. Лыков приехал, побродил с прорабом-азербайджанцем по комнатам, потрогал висячие провода на скрутке и прикинул, что с одного заказа сможет добавить и купить себе семилетнего “джили”, а это пусть китайский, но настоящий автомобиль. Такой, если что, самому и отремонтировать можно. Главное, пусть не

обманут, а заплатят, а то всякое бывает. Прораб вроде понятливый попался, опытный.

— Не бойся, — говорит, — мы с тобой договор подряда подпишем. Всё честь по чести, даже налоги удержим.

И ведь подписали: Лыков, то да сё, паспортные данные, обязуюсь туда-сюда, стоимость работ определена, сумма прописью, от руки цифрами прорабом вписано “сто пятьдесят тысяч рублей”, срок действия, особые условия. Два экземпляра, каждый по пять страниц. Сразу и ведомость заполнил.

— Дату не ставь. Сегодня и завтра в офисе никого нет, послезавтра печать поставлю, можешь пока начинать.

На следующий день Лыков приехал с перфоратором, принялся штробить каналы под кабели. Там, где штукатурка толстая, легко шло, быстро, а где тонкая — там кирпич, и потому медленно. Проваландался часов тринадцать без перерыва. Сам весь в кирпичной муке, а не помыться: стояки перекрыты. До дома добрался, воду на плите нагрел, в бане окатился, свалился спать, что убитый. Наутро наскоро позавтракал, сел на мотоцикл, поехал опять на автомобиль зарабатывать.

В перерыв сбегал в “Пятёрочку”, в которой в прошлом году разводку делал, взял кефир, холодные сырники и винегрет. Вернулся в лабораторный, посидел на крыльце, поел, пожмурился на весеннее солнце, представил, как посадит жену и детей в “джили” и повезёт в Суздаль, а потом, глядишь, и в Москву. Жена давно на Арбат просится. Надо только сразу всю электрику в автомобиле заменить. Если ходовая у китайцев ещё туда-сюда, то электрика ни к чёрту. В этих мыслях Лыков поднялся по лестнице на второй этаж, к тому месту, где оставил инструмент, нацепил на плечо сумку со всем хозяйством, взял со стула перфоратор и только сделал шаг в коридор, ведущий к дальней лаборатории, как чуть ли не столкнулся лбом с выходящим из коридора невысоким мужиком в кожаной куртке поверх костюма, с папкой подмышкой и зарядкой от телефона в руках. Охнул от неожиданности. Извинился.

Мужик зыркнул на Лыкова начальственно, так что тот, отпрянув в сторону, позволил пройти на середину комнаты. Там мужик остановился, оглянулся по сторонам, вздохнул, раскрыл папочку и пошелестел листочками.

— Мне нужен Лыков Альберт Михайлович.

— Я Лыков, — Лыков осторожно опустил перфоратор на стул.

— Прекрасно. Так как дальше думаете, Альберт Михайлович?

— Думаю, завтра со штробой закончу, так можно и кабель трёхфазный подвозить.

— О штробе да о кабеле раньше надо было думать, Альберт Михайлович. Теперь поздно. — Мужик нехорошо улыбнулся, и Лыкову показалось, что где-то он его раньше уже видел.

— Это в каком смысле?

— А в таком. Следователь прокуратуры Астудин Алексей Иванович, — представился мужик, махнув перед лицом Лыкова корочкой удостоверения. — Вами от ИП “Хачатуров” ещё в прошлом году получен аванс в размере двух миллионов ста пятидесяти тысяч рублей на выполнение работ по организации электропитания согласно смете. Работы, как мы видим, не выполнены.

— Так я же... — попытался вставить Лыков.

— Не выполнены, не выполнены, — мужик обвёл рукой комнату строительным мусором и свисающей с потолка ланшой старой проводки. — Соответственно, договор подлежит расторжению, а денежная сумма возврату. Можете подтвердить свою подпись?

Лыков растерянно глянул в бумаги. Это был тот самый, вчерашний договор на пяти листах. Только перед давешней суммой, той же рукой и теми же чернилами было приписано: “два миллиона”. А там, где дата, стоял март прошлого года.

Лыков неуверенно промышчал что-то вроде того, что он не уверен, но следователь уже продолжал:

— А вот заявление на имя прокурора от гражданина Хачатурова Алима Абидовича о том, что гражданин Лыков не выполнил работы по договору-

подряду и присвоил себе аванс в размере двух миллионов рублей, отпущенных на закупку материалов. Вы закупили материалы, Альберт Михайлович?

Лыков не знал, что ответить. Он начал осознавать, что его втянули в страшную аферу, и решил, что лучше для него будет молчать.

Следователь ещё что-то говорил, называл номера статей, перебирал документы в папке, что-то демонстрировал стоящему перед ним с сеутуленными плечами огромному Лыкову. И солнечный свет, отразившийся от стёкол больничного корпуса напротив, падал на волнистые светлые волосы следователя, от чего волосы казались переплетением тончайших вольтовых дуг над высоким лбом, а само лицо следователя — иконописным. Лыков вдруг вспомнил, где видел этот широкий лоб, нос с тонкой переносицей и эти, в морщинках под кругом, чуть навывкате голубые глаза. Пусть видел их только несколько секунд перед ударом рукояткой пистолета в нос. Да! Это был он, тот молодой, из “мазды”, что лет пятнадцать назад едва не сбил его напротив ворот Богородицкого монастыря, а потом ударил, но оттого и сфотографировался в памяти Лыкова. Лыков странным образом часто вспоминал этого парня. Всякий раз, когда речь в компании заходила о новых хозяевах жизни, ему припоминалось это лицо, губы, кривящиеся в нехорошей улыбке, пустые голубые глаза, морщинки вокруг глаз, курточка с буквами на груди и коронкой, искрящаяся переливчатой краской новенькая “мазда”.

И вот он, тот борзый, только уже не такой молодой, лет тридцать пять ему уже. И опять уверен, что имеет право, при власти и при силе, в хорошем костюме, с корочкой в кармане. И уже всё решено, всё посчитано, сколько можно взять за шкуру, которую с Лыкова вот-вот сдерут. Много на таком не наживёшься, но миллион по родственникам да друзьям соберёт, продаст что попримечнее, хоть тот же инструмент. И тогда — да-да! — тогда можно попробовать не возбуждать дело, хотя правонарушение, конечно, налицо, все доказательства налицо, подпись вот, вот отпечатки, вот свидетельские показания, вот корешки квитанций, вот ещё сотни других бумажек, по которым ясно, что закон торжествует опять. Есть принятые между своими цены: столько тому, столько этому, третьему, четвёртому, тому, кто навёл, начальнику отдела, ещё какой-нибудь шишке, чтобы глаза закрыл. И себе милому, образованному, с аккуратной стрижкой, на новую машину, на костюм новый, на ботиночки итальянские кожаные ручной работы. А то ведь обувь горит, приходится стапывать, царапать по стройкам да шарпать по всякой другой грязи, куда отбившиеся от стада бараны, дураки дураками, забредают, коих отары пасут и пасут со строгим лицом и правдой, идущей от времени и должности.

— И очень рекомендую подумать и найти аргументы в свою защиту, вот мой телефон.

Кусочек бумажки, с визитку размером, на принтере цифра напечатана. А ведь дорого оценил! Полтора миллиона рублей. Лыков даже азарт почувствовал. Значит, цена ему не “тыща в базарный день”, как давеча Наталья Николаевна выразилась, в очередной раз браня за ерунду при детях. Не тыща! Полтора миллиона! Вполне нормальная сумма за русскую душу. Когда ещё нас дороже покупали? Чай, не финн какой, не эстонец. И понятно, кто продавец, баклажан этот, который по объявлению звонил да на работу принимал, — Алим, сука, Абидович. Ай, молодец какой! То-то спрашивал, далеко ли на работу ездить, есть ли машина. Лыков ему на голубом глазу выложил всё, что за душой, про то, что накопил уже почти, ещё чуть-чуть — и кушит “китайца”. А тот кивает, по плечу хлопает, лыбится. Зубы золотые. Таких сейчас и нет ни у кого, все себе нормальные вставили.

Лыков, как те золотые зубы у прораба разглядел, сразу Людку Пухову вспомнил, одноклассницу свою. Той тоже летом после седьмого класса родачки золотой зуб справили, хотели, чтобы соответствовала. Папашка — директор совхоза, мамка — училка, химию у них в школе вела. А Людка песни пела на гитаре. Про солнышко лесное пела, про костёр, про каргополочку какою-то. Костры и сейчас палят. Вот ногами на Войнинге сидели с пацанами да девчонками. Людка поёт, костром освещена. И зуб этот золотой сверкает. Как не влюбиться? А тут Ашот этот или Алим. И вся верхняя челюсть в золоте. Сука черножопая, придумал нажиться на мужике!

— Не рекомендую сильно размышлять. Дело ваше простое. Не конец квартала, но показатели важны. И не только нам, но и суду. Потому приеду завтра в это же время, на том же автобусе. Надеюсь, предоставите неопровержимые доказательства своей невинности. Иначе, сами понимаете, закон и государственность превыше даже личной симпатии.

Папочку закрыл. Руку, гнида, протянул для прощания. Лыков автоматически пожал. Сухая рука, твёрдая, уверенная, тёплая.

— Проводите меня, Альберт Михайлович, боюсь заплутать в ваших катакомбах.

Лыков кивнул в сторону выхода. Следовательно улыбнулся и бодро зашагал вперёд. По загаженной извёсткой лестнице спустились на первый этаж.

— И как вы в этом безобразии ориентируетесь, — успел сказать следователь, перед тем как рухнуть в кучу штукатурки.

Совковую лопату с подтёками цемента Лыков прихватил ещё на втором этаже. Она стояла, прислонённая к дверному косяку у входа в коридор. Не то, чтобы он что-то решил. Он просто протянул руку, сжал древко, подбросил, почувствовав вес, и пошёл дальше. После первого пролёта он уже знал. И когда следователь чуть притормозил у входа в коридор, ведущий в холл лабораторного корпуса, шнул носком кожного ботинка кусок кирпича, Лыков уже был уверен. Удар пришёлся в затылок. Это был сильный удар с хорошим размахом. Лыков ждал, что лопата зазвенит подобно колоколу, но всё произошло в полной тишине. Даже упал тот в полной тишине. Лишь шелест, хруст штукатурки. Ни стопа, ни звона, ни крика.

Лыков бросился наверх, туда, где оставил сумку. Пошурудил в поисках мотка изолирующего скотча, нашёл. Сунул в карман комбеза вместе с пучком пластиковых хомутов. Бегом обратно. Следователь лежал, где его оставил Лыков, у входа в коридор, коленками в сторону перил. На мгновение Лыков замешкался, не решив, что делать сперва: связать руки или заклеить рот, но словно что-то ему подсказало, он оторвал кусок серебристого скотча и залепил следователю губы. Потом уже трясущимися пальцами вддел хвостик во втулку пластикового хомута и затянул на запястьях. Ноги Лыков сматал тряпичным ремнём, вынутым из собственного комбинезона. Ошлёпал карманы человека, нашёл разряженный телефон в кармане брюк, удостоверение и портмоне. Сунул к себе в нагрудный карман. После подцепил бесчувственное тело за воротник и затащил в небольшую каморку под лестницей, где раньше держали реактивы. Даже стеллаж с баночками и флаконами сохранился. Ключей у Лыкова не было, и он просто привалил дверь мешком цемента.

Стрелки показывали два часа дня. Лыков заправил наручные часы обратно под манжет, пальцы дрожали. Сейчас бы сигарету, но он бросил курить десять лет назад. Лыков потряс кистями рук, широко растопырил ладони и несколько раз с силой сжал кулаки, потом сделал глубокий вдох, задержал дыхание, медленно, через сложенные трубочкой губы выдохнул. Этому его научил молодой лейтёха ещё в учебке, теперь он так успокаивался после ссор с Натальей Николаевной. В ушах шумело, как после двух чашек крепкого кофе. Сквозь закрытые двойные рамы на лестницу проникал с улицы звук отбойного молотка. Дорожные рабочие с раннего утра курочили бордюры вдоль больничного сквера. Лыков миновал тёмный вестибюль с покрашенными краской стёклами, толкнул дверь и вышел во двор. Мотоцикл он ещё утром оставил рядом со входом, возле огромного контейнера со строительным мусором, перекрывающим вид на больничный корпус. Напротив двери были свалены строительные леса, на которых, видимо, ещё с зимы, кисло несколько комплектов рабочей одежды. Сразу за лесами — ряд кустов в облаке нежной зелени только-только допнувших почек. С этой стороны дверь с улицы тоже не просматривалась. К долбёжке пневмомолотка добавились гортанные крики на нерусском языке под шипение и лязг дорожной катерпилларовской фрезы, срезающей старый асфальт на улице Ленина между Малым Красным и Большим Советским переулками.

Всё, что делал дальше Лыков, он делал автоматически, словно бы наблюдая за собой со стороны. Вот он толкает мотоцикл вплотную к дверям

лабораторного корпуса. Вот он стоит возле двери в каморку с реактивами, прислушивается, не различимы ли звуки изнутри. Вот он проходит внутрь, наклоняется и взваливает на плечо лежащего без сознания связанного человека. Человек лёгкий, не больше семидесяти килограммов. Вот он подходит к двери и вытягивает шею, вновь оглядывая пространство перед корпусом. Никого нет, и он опускает связанного человека в дюралевую коляску, закидывает сверху заляпанными краской куртками и комбинезонами, предварительно снятыми с лесов. Вот он закрепляет содержимое коляски ремнями. Вот возвращается в корпус и осматривает лестницу, коридор и кладовку в поисках каких-нибудь мелочей, выпавших из карманов. Вот достаёт со стеллажа стеклянную бутылку с каким-то реактивом и бросает на пол кладовки. Вот смотрит, как под ногами шипит и пузырится строительная пыль. Вот он закрывает дверь в корпус, садится на мотоцикл и заводит двигатель. Делает несколько перегазовок, выезжает со двора лабораторного корпуса и качается на колдобинах разбитой дорожки к задним воротам, где мусорные контейнеры, чтобы мимо морга попасть на Красную улицу. А вот уже катит по Красной, сворачивает на Второй Первомайский, потом на Ленина, где только что сняли старое дорожное покрытие. Там пахнет смолой и горячим асфальтом. Потом до Карла Маркса, мимо рынка до Халтурина и уже на выезд из города. А день такой радостный, и солнце совсем горячее, и девочки-школьницы несут куртки в руках, и аллея старых лиственниц, посаженных сотню лет назад чуть ли не самим лесопромышленником Храповицким, уже опять в салатовой дымке.

Лыков ехал медленно, не больше тридцати километров в час, лёгкий “Спутник” с трудом тянул, нагруженный сверх всякой меры. После Муромского шоссе дорога поднималась в гору, и Лыков опасался, что вот-вот мотоцикл заглохнет. Но нет, старая надёжная система, наследница ещё немецкого ДКВ, с двухтактным стадвадцатипятикубовым движком не подвела.

В Лухтоново, сразу после поворота на интернат, мотоцикл вдруг закачало. Разомлевший от солнечного тепла и весенних запахов, Лыков на время забыл о человеке в коляске. Не доехав до развилки на Смыково, он свернул на укатанную грунтовую дорогу, идущую по краю поля и чуть углубился в молодой березняк, чтобы скрыться от проезжающих по шоссе: не хватало ещё встретить кого-нибудь из знакомых. Только он заглушил двигатель, как сразу услышал мычание из-под комбинезонов. Лыков слез, обошёл коляску и, не распуская удерживающие груз ремни, несколько раз с силой ударил туда, где по его расчёту, находилась голова человека. Послышался стон.

— Сука! Повихляйся ещё! Убью! — сказал он громко, почти крикнул, чтобы точно быть услышанным. Подождал немного и ударил локтем посередине, в корпус. Человек под тряпками охнул.

— Утоплю, не заткнёшься. Утоплю, с водолазами не найдут.

Он угрожающе и неизобретательно выматерился, после чего харкнул себе же под ноги, попал на носок ботинка и от того вновь заматюгался. Человек затих. Лыков постоял, послушал, потом отошёл подальше от мотоцикла, расстегнул ширинку и помочился в кусты, почему-то стесняясь журчания. Мимо по дороге протарахтел трактор с прицепом, полным обрезков с Чмарёвской пилорамы. Человек в кабине заметил Лыкова, признал и махнул в открытую форточку. Тот демонстративно застегнул ширинку и помахал в ответ. А что? Нормально, не дотерпел мужик, заехал по нужде. С кем не бывает. Он завёл мотоцикл, развернулся на развилке и вновь выбрался на асфальт, вдруг сообразив, куда везти связанного человека. До этого мига он ехал наугад, в сторону дома, просто потому, что дома вся сила. Но теперь в голове, проветренной дорогой, чуть пьяной запахами прошлогоднего разогретого сена, появилось нечто, пусть отдалённо, но напоминающее план. Лыкова, словно ладан, успокоил дым от подожжённой по краям дороги травы, полегшей ещё в прошлом ноябре. От всей этой околесицы звуков и запахов ранней мещерской весны хотелось жить.

Село Чмарёво, будто сидящее на корточках перед церковью, вдруг разрослось в семидесятые, захватив окрестные деревни от Селядино до Радостево и уже зданием бывшей совхозной котельной и водокачкой нависало над

Подольем. Это в нулевых, в самых подлых, администрация переехала в Лаврово. До того руководство совхоза и местный совет депутатов располагались в Чмарёво. Чмарёвское мясомолочное производство из года в год оказывалось в числе первых в области. Если вдруг чмарёвцы в соцсоревновании не завоевывали переходящее Красное Знамя, то всяко оказывались в передовых хозяйствах. После перестройки, прошедшей ржавой косой по всей средней полосе Руси, раньше богатое предприятие не то, чтобы разорилось, а вдруг стало ненужным и за два года растеряло людей и ресурсы. Огромная, в шесть коровников, совхозная ферма закрылась и была продана кому-то необязательному и случайному. Некогда моторизованный ток, перерабатывающий кукурузу и подсолнечник, что грузовиками свозили с полей, столетиями до того возделываемых чмарёвцами в междуречье Судогды и Войнинги, вначале просто остановился. А потом вдруг залистопадил с огромной своей верхотуры ржавым кровельным железом, лопнул у основания пахнущими отработкой кожухами механизмов и раскидал по округе огромные, кованные ещё в советском государстве зубчатые колёса червячных передач.

Чужие люди из года в год приезжали на грузовиках и собирали то, что им приглянулось, а свои не смели забрать из умершего хозяйства ни гвоздя. Лишь когда уже заработала в корпусах бывшей машинно-тракторной станции пилорама, когда на площадке, некогда служившей для сортировки зерна, стали тесать на продажу срубы, местные — чмарёвцы, радостевцы, селядинцы и даже подольцы — приноровились забираться в совхозные владения кто за досками, кто за каким нужным в хозяйстве железом.

Однажды некто из безликих в своей нерадивости новых хозяев обнёс территорию фермы профнастилом и злой колючей проволокой. Походы чмарёвцев и подольцев прекратились. Но селядинцы, живущие у самого забора, лазейки знали и время от времени делали набеги на бывшее общественное, а ныне невесть кого имущество. Свой личный проход имелся и у Лыкова. Его участок, как и распаханное в ничейной земле картофельное поле, граничил непосредственно с бывшей фермой. Лыков ещё по осени выкрутил винты в заборе и при надобности аккуратно отставлял в сторону целый сегмент ограждения. Последний раз он ходил на ферму в октябре, когда искал какое-нибудь длинное высушенное бревно, чтобы поддомкратить бетонное кольцо на яму для септика. Место, куда теперь Лыков решил отвезти связанного человека, он заметил тогда же. Оно находилось во втором от лыковского участка корпусе фермы. Справа при входе — весовая, а слева, сразу от тамбура, за обитой жёсткой дверью, — бывшее кухонное помещение, потом небольшой коридорчик, раздевалка для доярок, потом туалет и душевая. Совхоз богатый. В уборной некогда стояли импортные польские унитазы голубого фаянса. Их-то и сняли первыми. Потом вытащили холодильник, четырёхконфорочную газовую плиту, польскую же раковину. Кто-то знал, что они там есть. Потом, не то случайно, не то специально, чтобы оставить ещё на другой раз, завалили дверь досками и всяким хламом. Оставили, а сами либо забыли, либо просто сгнули в удалой перестроечной хмари.

Мимо этой двери Лыков проходил раз двадцать. Эта дверь оказывалась в стороне от самого внимательного взгляда. Когда рыщешь в поисках полезного, проникаешь снаружи в темень тамбура, сразу идёшь на свет, в коридор, куда выходят узкие окна стойла. Так с чего бы смотреть налево? Только вперёд! Если и помотришь, что там может быть? Ну, щиток электрический с выдранными пакетниками или пустой шкаф-кладовка для инвентаря.

Лыков решил, что отвезёт связанного человека в эти комнаты. Он ещё не придумал, что потом, но страх и растерянность уже покинули его. Нужно успеть всё сделать до возвращения из школы близнецов. Лыков отправился к дому не по своему обычному пути, через деревню, по улице Мелиораторов, а мимо озера, что было сокрыто за задними окончаниями чмарёвских и селядинских огородов и окружено небольшой рощицей. Дорога, вовсе не проездная ранней весной, к майским кое-как подсыхала. В этом же апреле, удивившем двадцатиградусной жарой ещё на третий день Пасхи, к двадцатым числам все, кто на велосипедах, кто на скутерах, уже катались этим

путём в магазин. Только на легковушках миновать разлившуюся на повороте между прудом и озером лужу было как-то несподручно.

Лыкову повезло: дома никого не было. Близнецы — в школе, жена — на работе в магазине. Кобель Лёня сонно бухнул пару раз из будки, обозначив своё присутствие. Лыков загнал мотоцикл во двор и, спешно затворив ворота, опустил щеколду. Когда через час он, аккуратно приподняв три метра блестящего профнастила, прикрученного к обрезной, изготовленной тут же, на пилораме, доске, вернулся в свой сад, на дворе, кроме спящего третью вечность кудлатого кобеля, никого не было.

Лыков отпер дом, щёлкнул пультом телевизора, включив дневное шоу с нервными людьми, достал из холодильника кастрюлю с борщом, налил в ковшик (Наталья Николаевна не любила, когда Лыков разогревал целую кастрюлю, всякий раз пеняя ему) и поставил на газ. Поел, помыл за собой посуду. Через полчаса он уже вновь штробил стены в лабораторном корпусе.

2

До позднего вечера Лыков работал с перфоратором и закончил только, когда за окнами почти стемнело. Он убрал в кейс пахнущую горячей пластмассой “макиту” и позвонил Алим. Тот ответил только после пятнадцатого гудка.

— Это Лыков, Алим Абидович, я по поводу...

— Э! Не звони сюда! Люди отдыхают, чего трезвонишь? — не дал ему договорить прораб.

— Так я по работе...

— Не звони, сказал. Напортачил, сам разбирайся!

Раздались гудки. Алим явно предполагал, что Лыков звонит после встречи со следователем с намерениями потребовать справедливости.

— А вот накося, выкуси, чурбан нерусский, — со злорадством прошипел Лыков.

“Штробление закончил. Можно вести кабель и клеммники. Жду договор”, — набрал он в мессенджере.

Лыков видел, что его послание прочитано. Но ответа не последовало. Лыков усмехнулся и сунул телефон в карман.

— Давай-давай! Понервничай теперь, — вслух пригрозил Лыков и потащил инструмент на выход.

Когда мотоцикл вырुлил на Карла Маркса, уже зажглись лампочки на столбах. Напротив рынка в свете витрины винного магазина стояло несколько раздолбанных авто с открытыми дверями. Возле них стояли не то азербайджанцы, не то дагестанцы, не то и вовсе чечены (Лыков их не различал), громко и гортанно о чём-то спорили, ожесточённо жестикулируя. В армии Лыков довольно быстро разобрался, кто узбек, кто таджик, а кто среди всей этой валяющей дурака массы среднеазиатов киргиз, но кавказцы казались ему все на одно лицо. И померещилось, что среди споривших был и Алим.

За Лаврово фонари вдоль дороги заканчивались. Лыков ехал в темноте, свет от светодиодной лампочки, которую Лыков вставил вместо перегоревшей штатной галогенки в переднюю фару, то и дело резко выхватывал из темноты рыжие столбы сосен. Лыков представлял, как прораб звонит по-дельнику, как тот не отвечает. Как Алим вновь и вновь набирает номер из записной книжки своего айфона. Как пишет сообщение: “Как дела? Дай знать!” А в ответ — молчание.

Если днём Лыкова подташнивало от неожиданно свалившейся на него беды, то сейчас ему хотелось кричать от восторга. Чувство превосходства над врагом лопалось внутри сотней тысяч газовых пузырьков. Ему уже хотелось под пальцами почувствовать толстую шею Алима, надавить на кадык, чтобы услышать хрипы и свист последнего вырывающегося из ненавистой глотки воздуха.

— А-а-а! — вдруг завопил во всё горло Лыков, приподнявшись в седле мотоцикла и выбросив вверх руку, словно сжимая невидимый клинок. —

А-а-а! Ура-а-а! На-а-а! Суки драные! На-а-а! — орал Лыков в безумной ночной атаке и размахивал воображаемой шашкой.

Сзади крикнула полицейская сирена. Лыков чертыхнулся, притормозил и съехал на обочину.

— Ну-ка дыхни, — обратился к нему на “ты” широкомордый лейтенант, лет на пятнадцать младше Лыкова.

Лыков послушно дыхнул.

— Странно, вроде трезвый. А рожа пьяная. Ты что руками машешь?

— Плечо разминаю, — соврал Лыков, — не то застудил, не то потянул.

— А в коляске что?

Лыков слез, отпустил ремни и поднял брезент, показал инструмент.

— Хороший этот перфоратор, не ломается? — неожиданно спросил лейтенант, указав пальцем на кейс с “макитой”.

— Нормальный.

— А дыхни ещё раз.

Лыков дыхнул снова.

— Свободен, можешь ехать. Разминаться надо дома или на турнике, а не во время движения. Усёк?

Лыков молча кивнул.

— Ну и рожа, — покачал головой лейтенант, показал на свою переносицу и, не отдав честь, вернулся к машине.

Пока Лыков заново крепил ремни на коляске, гаишник гуднул сиреной и в несколько секунд скрылся за поворотом на Смыково.

— Ничего, ничего, до вас тоже доберёмся. Дайте срок! — Лыков махнул крест-накрест воображаемой саблей.

На всё Селядино, деревню в одну улицу, приходилось семь фонарей. Перегоревшие лампочки в них перестали менять ещё в перестройку. Худо-бедно освещали дорогу только три. Как-то ненастным воскресным утром девяносто третьего заезжие сборщики металла срезали даже кусок осветительного кабеля от трансформатора до Чмарёво. Пятнадцать лет после этого Селядино с наступлением ночи погружалось во тьму. Однажды перед очередными выборами приехала бригада, рабочие протянули новый кабель, заменили лампы и от каждой спустили вниз провод с выключателем. Лыковский фонарь был четвёртый от края деревни, у перекрёстка с дорогой, идущей через ток и бывшие совхозные мастерские. Свет от него в основном попадал на высокий жестяной набор пиlorамы, крышу бывшей ремонтной мастерской и торцевую стенку коровника, где Лыков оставил связанного человека.

Обычно фонарь включал Лыков, но когда возвращался поздно, это делал кто-то из близнецов. В белом свете ртутной лампы обрезки досок, свалившиеся с тракторного прицепа, на котором каждое утро везли отходы с пиlorамы, смотрелись среди жухлой прошлогодней травы как гигантская вермишель. Лыков оставил мотоцикл перед воротами, прошёл на двор и потрепал за холку кобеля. Привычно гудела пиlorама. Лыков прислушался, не слышать ли стонов пленника, но визг циркулярной пилы перебивал остальные звуки. Со двора второй коровник не просматривался, мешал забор.

Дома уже спали. Лыков, забрав из шкафа свежее бельё, направился в баню, там нагрел полный электрический чайник, разбавил кипятком колодезную воду и с наслаждением помылся. В мыльной уютно пахло дубовыми вениками. Переодевшись в чистое, Лыков закутался в старый, ещё отцовский халат, вынул заначенную от жены чекушку и заправил водкой заваренный из пакетика чай с тремя ложками сахара.

— Надо бы ему пить отнести, что ли, — подумал Лыков, но махнул рукой. — Перебьётся. Потерпит.

Он представил, что нужно выключить фонарь возле дома (если близнецы спят некрепко, не дай Бог, кто-то выползет смотреть, что случилось), потом придётся в темноте и без фонарика пробираться через проход в заборе (а железо точно грохнет), ещё отдирать скотч с рожки пленника, выслушивать ругательства и угрозы, поить, опять залеплять. Нет, Лыков устал и хотел спать. Он закрыл баню и через дверь в клетки поднялся в сени.

Когда близнецы подросли, им отдали самую большую комнату. Лыков с Натальей Николаевной переселились за печь в бывшую спальню лыковской матери с одним окном, выходящим на дорогу к пилораме, но с широкой тахтой. От круглосуточно работающей лесопилки там было шумно. Матери, пока та была жива, не мешало. Она и слышала не очень. А Наталья Николаевна измучилась, пока Лыков не заменил старую двойную раму на новомодный стеклопакет. Стало тихо, но ненадолго. После отпуска в Египте из-за сломанного носа он даже трезвым храпел былинным храпом. Наталья Николаевна в ноябре от нервного расстройства выгнала мужа спать в сени. Лыков сени утеплил снаружи пенопластовыми блоками и обшил пластиковыми панелями для красоты. Как раз пошли заказы по электрике, и появились деньги. Внутри на кирпичях укрепил переносную голландскую печь, трубу от которой вывел в форточку. В печь вплоть до поздней весны приходилось дважды в ночь подбрасывать дрова. Из-под разошедшихся досок пола, пусть и покрытого линолеумом и ковровином, тянуло холодом. До пола руки у Лыкова ещё не дошли.

Вообще в сенях Лыкову было удобнее. Частенько он допоздна пялился в телевизор или рассматривал всякие электромонтажные хитрости по интернету. Да и с Натальей Николаевной не всё клеилось в интимном смысле. Последний раз жарко сопел он в макушку жены всё в том же Египте, за сутки до того, как перебил нос доской для виндсёрфинга. Это было накануне, между завтраком и обедом, пока близнецы катались с горок в аквапарке. Лыковы выпили в одном из баров по паре бокалов сухого вина и неожиданно почувствовали сильнейшее друг к другу влечение. До номера бежали бегом. Но соитие после долгого перерыва оказалось стремительным и радости обоим не принесло.

Сейчас же, только выключил свет и укрылся одеялом, Лыков внезапно ощутил возбуждение такой силы, что стало больно в паху. Не зажигая лампы, он отворил дверь из сеней в дом, перескочил через скрипящую левую половицу в коридоре и юркнул мимо комнаты детей в спальню жены. От боковой стенки протопленной на ночь русской печи шёл жар, и Наталья Николаевна спала, раскрывшись. Свет от фонаря перед домом через ажурный тюль падал узорами на спокойное лицо жены, длинную гладкую шею в маленьких папилломках и полные плечи. Лыков на секунду залюбовался, помимо желания, ощутив приступ любви к этой женщине. Через мгновение он уже яростно вжимался всей своей созревшей страстью в ничего не понимающую спронею жену. Охнув, что-то пробормотав, она вдруг поддалась неожиданно темпераментному напору Лыкова и теперь боялась закричать и разбудить близнецов. После получасового остервенелого, но молчаливого боевого соприкосновения, озвученного лишь повизгиванием пружин внутри дивана, Лыков осторожно опустился на простыню рядом с Натальей Николаевной, ощущая через влажный рукав её ночнушки пульсирующий жар.

— В школу близнецов отправь. Завтра Светка заменить просила, опять утром магазин открывать. Свари им кашу, сосиски свари или что там найдёшь. Сможешь?

— Угу, — промычал Лыков.

— И к себе иди, сейчас храпеть начнёшь, я совсем не высплюсь. Ишь ты, налетел, как ворон. Настойчивый такой. — Она поцеловала мужа в лоб и подтолкнула коленом с кровати.

— Иди уже. Водкой от тебя разит. Опять пьёшь среди недели?

Лыков порыскал рукой по полу в поисках трусов, нашёл, нацепил, наклонился, чтобы поцеловать Наталью Николаевну, но та тряхнула головой.

Лыков пожал плечами, вздохнул, взял со столика половинку яблока, на которую падал свет фонаря, и вышел из спальни жены.

Утром он проспал. То ли будильник в телефоне не прозвенел, то ли Лыков его не услышал. Его разбудила Наталья Николаевна, уже одетая, в плаще, пахнущая духами Kenzo, которые он купил ей в duty free каирского аэропорта.

— Поднимайся. Близнецам сегодня к восьми, у них какой-то урок дополнительный, вроде политинформации. Да вставай уже, храпун! Ещё не хватало, чтобы они опоздали. Чайник я поставила.

В голосе Натальи Николаевны не было привычного раздражения. К тому же, она вдруг наклонилась и поцеловала Лыкова в лоб, чего не делала с тех пор, когда жили они ещё вместе с близнецами в большой комнате. Им и оставалась только суббота, чтобы побыть вместе как мужчине и женщине. В субботу близнецы учились, а лыковская мать чуть свет отправлялась на автобусе в Судогду торговать яйцами на рынке. Они тогда лежали голые в кровати и запросто болтали, как любящие друг друга люди. И, вставая, Наталья Николаевна всегда целовала Лыкова в лоб. Это была своеобразная печать того, что в их доме пусть и невеликое, но счастье.

Лыков приподнялся на локтях. Солнце отразилось от стекла, закрывающего книжную полку, и стукнуло Лыкову точно в переносицу.

— Налетел такой, как ворон! — опять повторила Наталья Николаевна и не то нахмурилась, не то улыбнулась. — Дурак мой кривоносый.

Близнецов Лыков растолкал, накормил овсянкой с сосисками и выпроводил в школу.

— Пока, Лыков! — крикнули они вместе, выскакивая со двора и устремляясь вдогонку за компанией подольевских, уже прошедших мимо их дома. Подольевским было короче и удобнее идти через лес, но они предпочитали через Селядино: так веселее.

Лыков запер калитку на щеколду, вернулся на кухню, сгрузил остатки каши в пластиковый контейнер из-под корейской морковки, бросил туда же сосиски. Отпилил половину буханки ноздреватого судогодского хлеба. Помешкав, достал из холодильника сыр, отрезал несколько тонких ломтиков и положил вместе с хлебом в пакетик. Набрал из крана воды в большую пластиковую бутылку из-под пива. Оглянулся по сторонам, потёр переносицу, как делал всегда, когда задумывался над чем-то досадным, наконец, открыл сахарницу, вытряхнул на ладонь с пяток кубиков рафинада и сунул в карман.

— Если стресс, рана там или просто задолбались, помогает глюкоза. Жрите сахар, — говорил лейтёха ещё в учебке.

Контейнер, пакетик и бутылку положил в линялый рюкзачок, с которым в школе ходил в туристические походы и теперь брал с собой, если отправлялся в лес ненадолго. Проходя мимо сарая, подхватил на всякий случай топорик, воткнувший в малую колоду, и тоже сунул в рюкзак. Солнце уже жарило. К привычному визгу пилы добавились рыкающие перегазовки и вой прокручивающихся протекторов чего-то большого и тяжёлого. Лыков миновал лаз в заборе и поднялся к первому коровнику. Было видно, как во дворе пилорамы, прямо перед огромными ржавыми дверями в ангар, по передние оси закопался стройбазовский “ЗИ.Лок”, гружённый выше бортов обрезной доской. Из ангара вырывался поверх всех шумов звонкий мат учётицы. Сзади грузовика сгрудились рабочие, но наверх никто не смотрел. Да и если смотреть... Мужики теперь часто по ферме шастают: то труба стальная нужна, то кусок шифера. Мало ли зачем Лыков отправился. Надо, ну и пошёл.

Окно помещения, в котором был заперт пленник, выходило во внутренний дворик, образованный галереей, соединяющей первый и второй корпуса фермы. Лыков прислушался, не слышны ли какие звуки, но шум пилорамы добирался и сюда. Внизу, за забором, возле своей будки, вторя селядинским собакам, брехал Лёня. Лыков через левую весовую попал к стойлам, а оттуда уже добрался до коридорчика с дверью, за которой оставил связанного человека. Вчера днём, покидая коровник, дверь Лыков завалил досками и листами ржавой кровли. Всё было на месте. Он оттащил жестянки, скинул в сторону заляпанные птичьим помётом доски, достал из кармана ключ и отпер замок, который навесил вчера. Петли Лыков вкрутил шуруповёртом прямо в наличник дверного косяка. Войдя, он услышал мычание, но поперёд почувал носом яркий запах свежего дерьма.

Человек лежал там же, где его оставил Лыков, в углу, возле металлического стеллажа и смотрел на вошедшего. Чтобы пленник не сбежал, вчера пришлось протянуть через связанные сзади руки капроновый шнур и завязать его альпинистским узлом на решётке окна. Для этого понадобилось забираться с ногами на газовую плиту: узкое окошко находилось под самым потолком и было устроено скорее с вентиляционными целями, нежели для того,

чтобы освещать помещение кухни. Если бы не разбитое стекло, воняло бы сильнее: человек обделался в штаны.

Лыков снял с плеча рюкзак, примостил на стуле с коленкоровым сиденьем, достал бутылку с водой и показал пленнику. Тот закивал головой и часто заморгал.

— Будешь орать, зубы выбью. — Лыков показал огромный кулак. — Тихо себя веди. Всё равно никто не услышит, а жевать нечем будет.

Лыков наклонился, взял человека за воротник, усадил и резко содрал клейкую ленту, закрывавшую рот. Тот жадно задышал и закашлялся.

— Пей! — Лыков присел на корточки перед ним, от чего громко хрустнули колени, и поднёс бутылку ко рту человека. Наклонил. Тот стал жадно пить.

Лыков видел, как ходит вверх-вниз кадык, подскакивает от узла галстука рубахи под самый подбородок, обросший за сутки красно-ржавой щетиной. Вода проваливалась внутрь с громким клёкотом. Лыков сам пил так же громко, за что его вечно ругала Наталья Николаевна, обзывала бочкой. Человек мотнул головой, показывая, что напился. От этого вода попала за шиворот. Лыков закрутил крышку, встал, вернулся к стулу, наклонился и стал копаться в рюкзаке, пытаясь достать контейнер с кашей, пакет с которым запутался в размочаленных завязках, обернувшихся вокруг топора.

— Вы сейчас срок себе, Альберт Михайлович, набираете.

Лыков обернулся. Пленник смотрел на него в упор.

— Это похищение человека, статья сто двадцать шестая. До трёх лет. А ещё и насильственные действия, направленные против представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, статья триста семнадцатая. Срок до пяти лет. Зачем вам, Альберт Михайлович, это понадобилось?

Человек пытался говорить убедительно, весомо, словно находился наверху положения. У Лыкова стало горячо в затылке. Вчерашняя ненависть, породившая уверенность в своей правоте, вновь зашумела в ушах, вскипела потом вдоль позвоночника, задрожала под правым веком. Он вновь наклонился к рюкзаку.

— Меня уже ищут. Все знают, где я, по какому делу работаю и с кем. В ближайшие часы здесь будут сотрудники прокуратуры вместе с ОМОНОм.

Наконец, Лыкову удалось разобраться с верёвками. Он повернулся: в одной руке контейнер, в другой топор. В глазах пленника мелькнул даже не страх, а ужас. Бойся говнюк, правильно бойся.

— Девкам рассказывай, кто тебя ищет. А мне брехать не надо. Вижу, как вы с азербонам на бабки меня решили поставить. Так что хавальник завари, сиди смирно, пока не решил, что с тобой делать. И лучше меня не зли. Ты мне и без этого не нравишься.

Лыков расстелил на полу перед пленником пакет, вывалил на него кашу и сосиски из контейнера. В контейнер налил воду и поставил рядом.

— Жри так. Пить захочешь, пей из миски. Руки развязывать не буду. Больно борзый. Так что, продолжай срать под себя. Посидишь в собственном говне, авось, что поймёшь.

— Да тебя, сука, уроют. Тебя...

Договорить тот не успел, Лыков присел на одно колено и резко ударил пленника в солнечное сплетение, от чего тот загнулся и повалился на бок.

— Вот так. — Лыков выпрямился, потёр тыльной стороной ладони левую щёку, огляделся по сторонам, словно что-то искал. — Буду вечером. Веди себя хорошо. Кушай кашу. Телевизор не смотри. Делай уроки. Приду — проверю.

Лыков нацепил на себя обе лямки рюкзака, обошёл ещё раз все помещения, оценил, нет ли чего, что поможет пленному выбраться, но решил, что вряд ли можно сбежать при помощи чугунных фановых труб. Единственное узкое окошко в душевой выходило внутрь, к стойлам, но было забрано сварной решёткой. Хмыкнув, Лыков вышел в коридор, закрыл дверь на замок и вновь завалил её досками и кровельным железом.

Если в помещении бункера, как про себя уже называл эти комнаты Лыков, было более-менее тихо, то в коридоре визг фрезы, разрезающий длинные стволы на аккуратные доски, отражался от каждого уголка и превращался в металлический многоголосый хор. Лыков выбрался наружу, обошёл по кругу внутренний двор, то и дело косясь на окно комнаты, в которой остался пленник. Наконец, решил не рисковать, вернулся в коридор, содрал со стенда на стене кусок ДВП с правилами пожарной безопасности, топориком выбил из досок несколько гвоздей и подобрал дырявое эмалированное ведро, лежавшее тут же, на куче мусора. Во дворе он ведро перевернул, взобрался на него, стараясь не продавить дно, и несколькими точными ударами приколотил кусок оргалита поверх рамы. За время, что Лыков мастерил, пленник не проронил ни звука. И лишь когда Лыков шнул ведро носком катерпиллера так, что оно отлетело на середину двора, до Лыкова донёсся еле различимый сквозь визг пилорамы, идущий из глубины бункера мат. В тот же миг в нагрудном кармане завибрировал пришедшим сообщением телефон. “Ты где?” — написал Алим. “В манде!” — хотел ответить Лыков, но набрал: “Скоро буду. Покупаю бур”. Он поднял лежащую у стенки ржавую трубу, взвалил на плечо и так перешёл через открытое место к своему забору. Если кто со стороны увидит, решит, что ходил за чем-то для хозяйства.

Он запер дом, кинул в миску кобелю Лёне вчерашние макароны и через три минуты уже катил по асфальту к Судогде. У рынка Лыков припарковался перед магазином стройтоваров и действительно купил бур для перфоратора подороже, потребовав выписать товарный чек. Часы показывали четверть десятого.

Через пять минут он уже был возле лабораторного корпуса. Дверь оказалась заперта. Возможно, Алим и приходил, посмотрел на запертую дверь и послал сообщение. Лыков отпер корпус, поднялся на второй этаж, переоделся в рабочую одежду, достал бокорезы и пошёл срезать-смаывать в бухты старую проводку. По всем правилам, это была не его работа, но он не любил протягивать новый кабель, пока оставался не убран старый. Даже в разрухе ремонта должен был быть порядок.

Алим появился к часу, когда Лыков собрался идти в магазин за едой. Прораб возник в проёме двери, прижимая плечом трубку к уху и перебирая документы в папке.

— Нет, не привозили кабель. Да, уважаемый, нет у меня накладной. Посмотри по телефону, я звонил раз десять. Разберись, конечно. Мы давно работаем, я подожду.

Прораб нажал что-то на смартфоне, завершая разговор. Но Лыкову показалось, что экран не светился, и его наниматель только делал вид, что разговаривает.

— Что с кабелем? — спросил он недовольно. — У меня всё готово, можно прокладывать. Был разговор, что без простоев по материалам.

— Всё получится. Не надо волноваться. Вижу, хорошо сделал. Вижу, аккуратно у тебя. Вижу, вовремя. Не волнуйся. Сегодня можешь заканчивать, завтра будет тебе кабель.

Внутренний Лыков хохотал во весь голос, бегал по стенам и потолку, корчил рожи, сплёвывал, расстёгивал ширинку и мочился на брюки прорабу. Но Лыков внешний лишь смотрел в глаза человеку, который хотел, да что хотел — обманул и чуть не победил его, Лыкова, подлым приёмом, болтом, зажатым в боксёрской перчатке. Внешний, настоящий Лыков смотрел в глаза и потирал переломанную переносицу. Наверное, со стороны это выглядело убедительно.

— Договор принёс? Без договора дальше работать не стану. Ты меня, Алим Абидович, кидать не думай. Я нашим скажу, что отпахал на тебя без денег, будет история неприятная.

Не было у Лыкого никаких “наших”. Но вдруг решил он со всей ясностью, что сила на его стороне. Противник растерян, не знает, как себя вести. Вот и не надо отпускать.

— Э! Нехорошо не надо о людях думать, Альберт! Будет договор. Так получилось, что неверная форма, устаревшая. Бухгалтерия сказала, новый

договор надо делать. Сегодня сделают, завтра привезу. Законодательство, понимаешь, постоянно меняется, то одно, то другое, то третье. Вчера так, сегодня иначе. Нам отчитываться, а как не примут в налоговой? Ты же всё по-честному хочешь, сделаем по-честному, чтобы документы в порядке. Налоги вычту как налоговый агент, в соцстрах за тебя заплачу. Всё официально.

Прораб улыбался примирительно, но в его взгляде Лыков видел растерянность.

— Послушай, — наконец, не выдержал Алим. — Кто-нибудь вчера приходил? Ну там, проверки всякие идут по городу. Смотрят, всё ли по закону.

— Нет, не было, — сухо ответил Лыков, упаковывая в кейс перфоратор.

— Хорошо, что не приходил. Если кто появится, обязательно позвони. У нас все документы на работы есть, не волнуйся. Я в Судогде пятый объект ремонтирую. Никто не жаловался.

— Позвоню. А ты, Алим Абидович, носи договор, пропечатанный с твоей стороны. Мне сосед сказал, чтобы я у вашего брата ничего без печати заказчика не подписывал. Извини, но нехорошая слава ходит.

— Обо мне слава? Не надо обижать. Всё будет, уважаемый. Всё будет в порядке. Поезжай домой. Завтра. Всё завтра.

Прораб протянул руку и пожал лыковскую ладонь с горячностью, как жмут людям, от которых что-то зависит.

— Завтра так завтра, — сказал Лыков после того, как прораб уже ушёл. — Но если что, деньги я с тебя всё равно стрясу.

3

Лыков уже представлял тот “джили”, что скоро обязательно купит. Нет, даже не представлял, он уже нашёл на доске объявлений в интернете машину за двести тысяч с терпимым пробегом. Тридцатник был у Лыкова назначен именно на такой случай, двадцать он планировал занять у Беляева, городского, живущего в Селядино с позапрошлого года. У того все занимали понемногу, пока вроде никому не отказывал.

Главное, чтобы Алим привёз чёртов кабель. Тогда проложит дня за два, сразу выведет под щиток. А остальное не его дело: работа выполнена. Если там без коммутации на щиток, так минус десятка, ну, для такого “уважаемого человека” минус двадцатка. Но остальное пусть платит.

Лыков подумал, жаль, что у него нет этих вот “наших”, которым можно позвонить в случае несправедливости или иной какой беды. Раньше, конечно, были. Одноклассники в лихие времена вдруг оказались “при делах”, носили спортивные костюмы с тремя полосками, ездили на “восьмёрках” с тонированными вглухую стёклами. Никто не разбогател. По крайней мере, так, чтобы можно было завидовать. Кого-то убили. На кладбище возле чмарёвской церкви на фоне стены, как те три полоски, торчали три одинаковых обелиска с выгравированными на чёрном габбро портретами его друзей. Они были похожи на свои фотокарточки из восьмого класса. Может быть, даже по ним гравировку и делали. Вообще, деловые прятали своих во Владимире, там на престижных кладбищах уже куплены участки. Но если погибали деревенские, родственники просили хоронить ближе, чтобы можно было приходить к могилам пешком. Из тех времён никого и не осталось. Кого позвать? Из секции бокса, в которой Лыков занимался, в братки пошли почти все. Но всех и постреляли в девяносто третьем, когда делили что-то с муромскими. Траур справляли по всем окрестным деревням. Чему удивляться? Лучшие парни, спортсмены! У каждого медалей штук тридцать, дипломы, грамоты. Почти все техникумы закончили, с образованием, надежда родителей. А вот не повезло. Лыков думал об этом, пока мотоцикл тарахтел по расчерченному теньями от старых лиственниц шоссе.

Беленькая! Надо спросить у Беленькой! Это она сейчас Беленькая, после того как за Андрюху замуж вышла. А была просто Людка Пухова, его любовь, страсть его, фантазия с девятого класса. Если бы не Беленький... Но у друзей женщин не уводят. Не по понятиям. Когда Беленький помер, Пухова завладела лесопилкой. Стала крутая, даже в чмарёвский магазин

заезжала редко, предпочитала отовариваться во Владимире. Беленькая дела ведёт, значит, у Беленькой есть кто-то, кто эти дела прикрывает. И точно кто-то из “наших”, вряд ли Людка кого чужого потерпит. Ещё девчонкой была крутая, никакого страха. Сволочь ещё та, конечно.

Завернул к магазину, где Наталья Николаевна работает, парой слов перекинуться. А там как раз отец Валентин конфеты в пакет складывает. На Лыкова посмотрел строго, кулак показал: “Чтобы в воскресенье на исповедь пришёл!” Лыков знал, что тот так всех в церковь загоняет, но пообещал. Чего бы не прийти? Да и какие у Лыкова грехи? Страстей совсем не осталось. Уныние да пьянство, вот и все грехи. Даже жене, хоть и не венчаны, не изменяет. Понарассказала попу что Наталья Николаевна? А что рассказывать? Не про мужскую же удадь...

Взял пакетик орешков, жену поцеловал и домой по дороге пошёл мимо озера. “Спутник” трясло на колдобинах тракторной колеи. И надо же так случиться, как из леса выехал, у самого берега заметил тонированный вглухую “Рав-4” Беленькой. Из раскрытых дверей машины грохотала незнакомая Лыкову музыка. На полёгшей прошлогодней траве сушились резиновые коврик. Сама Людка в тёмных, явно модных очках сидела на раскладном кресле, вывернув к солнцу локти, закатав под самые колени брюки, и сверху только лишь в блестящем бюстгальтере. Грудь как грудь, небольшого размера, да и животик вялый, сорок восемь лет уже, как-никак. Что так раньше шарахало, неясно, даже мысли теперь греховной на исповедь не накопишь.

Лыков остановился и заглушил двигатель мотоцикла. Людка приподнялась в кресле, посмотрела на непрошеного гостя, приспустив очки. Узнала в нарушителе покоя Лыкова и вновь подставила лицо солнцу.

— Привет, Люд!

— Что не на работе?

— Как дела твои?

— Наталье скажи, что хамить мне не надо. У меня тоже высшее образование, и менструации пока раз в месяц, но я себе матом на клиентов орать не позволяю. Что она у тебя такая дикая? Не трахаешь, что ли?

Лыков разговора о жене не ожидал и не сразу нашёлся, что ответить. А когда нашёлся, Людка уже встала, сложила кресло и собирала коврик.

— Надо что, Алик? Или соскучился? Пихарей мне и без тебя хватает. А на работу не возму, извини. У меня принцип: селядинских не беру.

Если четверть часа назад Лыков готов был просить у Людки помощи, то вмиг передумал.

— У тебя попросишь, потом облысеешь отдавать. Всех своей пилорамой уже достала. А как забор воткнёшь, так лишние полкилометра людям ходить придётся. Пошла ты!

Лыков сплонул в щель между передними зубами, завёл мотоцикл и злой перегазовкой выхаркал в апрельский воздух сизые клубы перегорелого бензина с маслом.

Некого просить о помощи. Некого! Был бы муж Людкин жив, Андрюха Беленький, его бы просил. Тот серьёзным мужиком слыл, деловым. После Афгана, когда все вернулись, кто чем озоровал. А этот дела круто заворачивал и по справедливости решал. Жаль, здоровья не хватило. Говорят, Людка своими закидонами довела, от сердца умер. А больше и никого. Уехали, поумирали, спились... Те, кто во Владимир подался, тоже не начальники: либо под жёнами своими, либо так заморочены, что никаких просьб, кроме как рюмку подвинуть, чтобы налить сподручнее, не услышат. Молодые, те, что вроде как стали на ноги чуть позже, все уехали. Все в Москве.

Лыков вдруг подумал, что всякие депутаты и министры — это его, Лыкова, ровесники (ну, плюс-минус лет пять) — сейчас страной и управляют. И по тому, что видит он вокруг, управляют из рук вон плохо. А ведь одни книжки читали, одни контрольные по математике решали, одни темы по географии, биологии да обществоведению у доски отвечали. И вроде же всё правильно было в тех темах. Что же стряслось? Почему так всем тошно, словно инопланетяне какие землю завоевали? Есть статистика или ещё какая наука, по которой не может такого случиться. Ну, скажем, было в их 9-В

из сорока человек два подонка. Злые люди, нехорошие, собак вешали, девчонок портили, старшим продавали, один из них даже отличником был. Гады стопроцентные. Так это же два человека. Да и первого в том же девяносто третьем шмальнули из револьвера при выходе из чмарёвского клуба после дискотеки. А второй нашёл жену-еврейку, уехал в Израиль, по слухам, живёт небогато, работает в газете. Главное, живёт. Откуда же всё? Почему те, что клятвы пионерские давали да устав комсомола зубрили, вдруг такую подлость для человека творят? Совести нет вовсе? А что совесть? Крестятся на купола. Даже Лыков, хоть раз в год, но на причастие ходит... Опять вот пойдёт. Отец Валентин отчитает, мол, не по закону Лыков живёт, но к чаше допустит.

Если не брать во внимание три месяца после увольнения с тракторно-моторного, так Лыков дома днём бывал редко. А как оказывался, почему-то сразу хотелось ему выпить. словно как родители на работе, а он один и может проказничать. А как проказничать взрослому мужчине? Лыков сразу прошёл в баню, выудил из глубины дровника початую бутылку "Юбилейной". Отвинтил пробку, налил в чашку, стоящую подле самовара, до половины. Выдохнул и выпил залпом. Поморщился, но налил ещё. На подносе лежало засохшее овсяное печенье, такое и не разгрызть. Он разломал одно в руке, растёр почти в муку. И снова выпив, слизнул с ладони сладкое крошево. Кобель Лёня, разбуженный брехнёй деревенских псов, сунул морду в предбанник. Лыков разломил пополам ещё одну печенинку и дал собаке. Наталья Николаевна запрещала кормить пса сладким, но Лыков иногда баловал. Лёня со вкусом похрумкал, раскидав вокруг себя пену.

— Ну что, брат, а ты как считаешь? — спросил собаку Лыков.

Пёс потёрся мордой о дверной косяк, подождал вторую часть печенья, получил и ушёл доедать к будке. Видимо, он не считал себя вправе рассуждать на человеческие темы.

— Ёдранный же ты странный, — ругнулся Лыков, не обращая ни к кому, а только выдыхая в апрельское дневное первомарево свою обиду. Он пошарил под лавкой, нашёл две шестилитровые канистры-баклажки и набрал в них ржавой воды из печного бака. Покопался на полке в мыльной, выбрал и покидал в пакет полупустой флакон шампуня "нивея против перхоти" обмылок земляничного мыла и губку.

— Что там тебе ещё? — пробормотал Лыков, оглянулся, снял с крюка свои старые треники и некогда любимую чёрную футболку с потрескавшейся и вытершейся надписью: "HODORKOVSKY, GO HOME!"

— Ладно, хер с тобой. — Он достал из тумбочки вытертое синее байковое одеяло, которое помнил с детства и которым ещё бабушка укрывала деду ноги, если тот засыпал в саду на скамье. — Всё равно выкидывать.

Потом долго гремел в сарае, собирая всякое необходимое в рюкзак. Вернулся в баню. Налил ещё, выпил, запил водой из самовара, намочил тряпку и тщательно протёр клеёнку на столе, оттирая какие-то древние тёмные пятна.

Наконец, завязал тесёмки рюкзака, подхватил канистры и пошёл по тропинке к лазу в заборе. Возле будки с кобелём Лёней замешкался, поднял цепь, взвесил на руке, вернулся в сарай, снял с гвоздя моток репшнура. Отстегнул кобеля, смотал цепь, заменил на капроновый шнур. На пилораме отрывивался двигатель грузовика. Откуда-то снизу Селядино почти от самого родника неслись громкие звуки радио "Комсомольская правда". Жизнь днём в будний день уверенно правила здешним Синеборьем.

Лыков механически выкручивал саморезы и с досадой думал, что всё происходящее совершенно ему не нужно. Он отставил в сторону тяжёлый сегмент забора и протиснулся в получившийся проём. Зачем? Всё же так хорошо начиналось. И не хотел больше, чем нужно, и на чужое не смотрел, и сил не жалел, пахал за двоих. Должна же быть справедливость? По справедливости, нужно, чтобы погань всякая страдала при жизни, не на том свете, а честный человек жил счастливо. Он и Евангелие читал в армии, там про это самое, но иными словами. Случайно оказалось у него совершенно для тех времён необычное карманное издание, бумажка тонёхонькая, книжица

размером чуть меньше пачки сигарет. Прознали бы про то офицеры — отобрали бы. А так читал после отбоя да в нарядах. Он и крестик носил, зашитый под подкладку в клапане левого кармана х/б. Может, только благодаря тому крестику и выжил, когда накрыло колонну на Саланге из ближайшего дувала на очередном повороте дороги. Сколько было тех поворотов? Да не сосчитать!.. И ни царапины. Ни одной маленькой царапины. Только мозоли, натоптыши от ботинок да розочки стрептодермии. И весна сейчас такая ранняя и жаркая. И хочется доделать уже этот лабораторный корпус и заняться, наконец, электрикой “джили”, который он, конечно же, купит. Тот, что присмотрел, тот в Дмитрове. От Дмитрова до Чмарёва часов пять. Дорога дурацкая, через Киржач, по одной полосе в каждую сторону, и обочина осыпается. Почти везде сплошная линия. Как встанешь за большегрузом, так и покатишься не больше шестидесяти. Но за пять часов всяко можно добраться, хорошо, за шесть. На учёт надо сразу тачилу поставить, чтобы голова не болела. Значит, быть в Дмитрове до десяти утра, выехать в шесть или даже в пять. Где МРЭО во Владимире? Может, и в Судогде есть? До того Лыков про то и не задумывался. Главное, чтобы по дороге не заглох. Это потом переберёт всё под капотом, проверит да подтянет подвеску. Главное — добраться. Это вот самое сейчас главное.

С этими мыслями Лыков поднялся по склону ко второму корпусу фермы, вошёл внутрь, аккуратно разобрал завал и открыл замок. Пленный сидел в углу. Воняло в помещении уже нестерпимо, щипало глаза. Лыков схватился пальцами за нос, сделал шаг назад и распахнул дверь в коридор.

— Ну и смердишь ты. Принохался, уже и не замечаешь. А с улицы входишь, так за малым делом не сплевывать бы.

Каша и сосиски оказались съедены. Воды в миске тоже оставалось немного: пленный не кривлялся, ел и пил. Лыков поставил пластиковые баклажки на землю.

— Я тебя сейчас развяжу. Иди в соседнее помещение, Алексей Иванович, там мойся. Весь в говне, самому, наверное, противно. Тут тебе мыло и прочее. Помоешься, переоденься, — Лыков положил на стул одежду и одеяло, — И не дури. Если что не так, худо будет. Не убью, так покалечу. Будешь хорошо себя вести, руки свяжу спереди, чтобы штаны мог снимать и на дырку ходить. Это тебе послабление режима.

Лыков добрался до окошка, долго копошился, тщась развязать капроновый узел, но тот затянулся сильно, пришлось обрезать ножом. Пленник попытался встать, но ноги его затекли и не слушались.

— А ты не торопись. По стеночке, по стеночке. Пока моешься, я тут приберусь. Считай, в санатории, первые процедуры закончились, начинается лечение. Одежду свою, кроме куртки, на, вот, сюда кидай. — Лыков показал на пакет из магазина “Пятёрочка”. — Дерьмо отстирывать не стану, выкину.

Что пленник вырвется и убежит, Лыков не опасался. Он был намного выше, килограммов на тридцать тяжелее, в хорошей физической форме, у него, в конце концов, был разряд по боксу. Если даже начнёт махать ногами, и то без пистолетика шансов нет. Лыков хмыкнул, закрепляя один конец цепи на решётку окна замком.

— Никто тебя, дорогой мой оборотень в погонах, не ищет. Никому ты не сдался. Телефон у тебя разрядился, потому местоположение твоё не засечь, — говорил Лыков достаточно громко, чтобы пленник в другой комнате расслышал, — Приехал сюда на автобусе, сам сказал, так что машина твоя тоже не туточки. Небось, уже не на “мазде”, папашей купленной, едешь? На “мерседес” наворовал?

Плеск воды на мгновение прекратился. Лыков спрыгнул с плиты вниз, подёргал цепь и, разматывая клубок, перешёл в соседнее кафельное помещение, где когда-то была душевая и где теперь обмывался губкой пленник.

— Это с пистолетиком да с ксевой всяк горазд выкаблучиваться. — Лыков подтянулся и укрепил другой конец цепочки на решётку небольшого окошка, выходящего внутрь коровника. — А с обделанными портками уже и не орёл. Азербона твоего, наводчика хренова, я тоже достану. Смотрю,

опять распоясались, силу почувствовали. А нет у вас никакой силы. Одного за другим простые люди вас за скобки выведут. Математику учил в школе? Всё, что за скобками, уже не в счёт. Можно делить, можно вычитать. Вы же шифруетесь, хитрите, делаете так, чтобы не знал никто и ничего. Вот никто и не узнает. Сейчас чистенький и мытенький посидишь тут, пока кормить тебя не надоест. А там решу, что делать. Усёк?

Пленник молчал. Он вытерся рубашкой, полотенце захватить Лыков не догадался. Переоделся в принесённое и теперь стоял в углу душевой, глядя исподлобья на своего тюремщика.

— А ты, Алексей Иванович, не зыркай! — Лыкову не понравился взгляд пленника. — Что молчишь, правильно. Не хрен болтать. Меньше рот будешь разевать, больше шансов, что зубы не выбьют.

Лыков сплёл из тех же пластиковых хомутов что-то типа наручников, затянул на запястьях так, что цепь, на которой только что ещё сидел кобель Лёня, оказалась продета между торсом пленника и его руками. Убедился, что тот может более-менее свободно проходить из бывшей кухни в уборную и дальше в бывшую душевую.

— Ну, бывай! — Лыков сунул руку в карман, достал давешний пакетик с оreshками и бросил пленнику. Тот поймал. — Если что, пиши. Вечером приду. И не дури. Всяко не выберешься, а увижу, что озоровал... — Лыков привычным жестом потёр переносицу. — Не дай тебе Бог меня злить, парень. Это личное. Просто ты не помнишь. А я помню. Полтора десятка лет кануло, а помню.

4

День за днём полторы недели прошли одинаково. Утром Лыков по привычке просыпался в семь и отправлял сообщение Алиму: “Что с кабелем и договором?” Почти сразу получал ответ, что сегодня кабеля не будет, как и бухгалтера, у которой печать. Если второе было полным враньём, то кабель, действительно, могли и не привезти. Деньги Алим давно потратил, а махинация не всегда удаётся. Лыков решил, что потерпит до выходных, а там решит, что делать. Наталья Николаевна ежедневно уходила на работу, Лыков отправлял детей в школу, немного копался в огороде, потом ехал на заказы. Возвращался на обед, ел сам, навещал пленника, относил еду и воду, старался делать это в разное время, чтобы у того не появлялось лишних мыслей про побег. Но тот вёл себя тихо, почти не разговаривал. Лыков не замечал ни следов подкопов, ни вообще каких-нибудь попыток снять импровизированные пластиковые наручники. Лишь один раз пленник попросил принести болеутоляющее, сказал, что разболелся зуб. Лыков уже привык к нему, как привыкают к случайно появившемуся и вначале раздражавшему своей никчёмностью домашнему животному. Но когда тропинка в прошлогдней траве от забора к асфальтовой площадке перед первым корпусом фермы уже была промята и понатоптана, раздражение прошло. Какая разница? Кинул макароны кобелю Лёне, бросил корма курам, зашёл к козам, отнёс еду пленному.

Заказов поступало много. Из-за тёплой весны дачники приезжали в свои владения раньше. Днём дома прогревались, а ночью зимняя сырость проступала из стен и из подпола, приходилось спасаться электробатарейми. Отсюда проблемы с проводкой: вылетали автоматы, что-то дымилось, что-то воняло. На старых дачах в сетях накручено было не пойми как, так что, Лыков приезжал починить щиток, а вместо этого менял всё электричество в доме. Деньги шли хорошие. Уже и занимать у соседа, городского Беляева, не требовалось.

В субботу после очередной работы он отправил Алиму сообщение: “Плати или пеняй на себя”. Ответа не получил. Домой приехал, помылся переоделся, смотрел на себя в зеркало, пока расчёсывался: морда страшная. На месте Алима Лыков с таким бы не связывался. Ну и что, что электрик? А может быть, это у него хобби такое, клеммники крутить? А так — явный душегуб. “Пусть нервничает”, — в который раз злорадно подумал Лыков

и отправился, как и в предыдущие ночи, к Наталье Николаевне. Вернувшись к себе, лёг в постель, но вдруг вспомнил, что назавтра обещался отцу Валентину быть к исповеди.

До часа ночи читал Лыков покаянный канон. Расчувствовался, как всегда перед Евхаристией. Упрекал себя в маловерии, в гордыне, в лени душевной, в том, что с последней исповеди прошёл год, что в храм за этот год зашёл раза три: на Пасху, Рождество да на отпевание соседа, долго болевшего и всех своей болезнью измучившего. Раскаялся, что не заходил к болящему последние месяцы, не находил в себе сил. Припомнил вдруг, что с Натальей Николаевной живут они лишь в гражданском браке, а по церковному закону не венчаны. Корил себя, что невнимателен к близнецам, что ругает их больше, нежели любит. Вот давеча наорал на обоих мальчишек, чуть по мордасам не надавал. Всё потому, что поймал их выходящими с фермы через дырку в заборе. Как увидел в окно клетки, что идут с той стороны, внутри всё скользкой дрянью обморозило, по которой слова и покатились. А если бы пленника нашли? Что сказать? Но нет, всё разрешилось. Стояли, носами хлопали. Признались, что следили, но не за ним, за Лыковым, а за сукой, которую Лёня оприходовал. Большая чёрная сука. Сама из Подолья, а рожать примостилась в пустой бойлерной, что перед первым корпусом фермы, ближе к пилораме. Пошли вместе, действительно, гнездо себе из тряпок устроила, в гнезде пятеро щенят, ещё слепые. Сейчас бы взять, да и утопить, пока ничего не соображают, да как-то нехорошо перед близнецами. Суку отогнал, щенят в охапку, матери свистнул. Устроил за баней у себя в дровнике. Кинул старую фуфайку, поставил миску. Лёня, учуяв, разбрехался, но Лыков пнул его сапогом в бок. Тот понял, заткнулся, только морду вверх то и дело поднимал, показывал, мол, знает, что есть посторонние на территории.

За всё суетное Лыков каялся. Каялся, что на купола не крестится, стесняется. Каялся, что хочет он автомобиль купить, то есть мирских благ, во много раз больше и страстнее, нежели Царствия Небесного. Упрекнул себя в грехе уныния, которому поддался после потери работы. Ведь даже подумывал Лыков отправиться однажды на охоту и с охоты той не вернуться, потому как невозможно ему стало выносить упрёки Натальи Николаевны и свои внутренние терзания. А как не терзаться, когда он, здоровый и крепкий мужик, не может обеспечить семью. И в том упрекнул себя, что в унынии не уповал на Господа, не открыл ему свою душу, а лишь суетился в мирском. А когда Господь поперёк гордыни лыковской сотворил чудо, направил его словами кума туда, где даден был ему хлеб насущный, Господа не отблагодарил ни молитвой, ни подношением. И куму ведь тоже спасибо не сказал. А надо было, через кума, глядишь, и до Господа бы дошло. Плакал Лыков, крестился правой рукой, левой держал перед собой смартфон и читал с экраны по-церковнославянски, не понимая, но чувствуя, что верно угадывает и всем сердцем принимает смысл. И просил Духа Святаго выжечь в его крови всю скверну, всякую плесень, что там скопилась, что сам многогрешный раб божий Лыков туда запустил, поскольку ничего без его воли не было бы, коль наделил его той волей Создатель и ждёт от него проявления воли Спасителя, единые с Духом Святым.

Наутро, видя, что Лыков надевает светлую рубашку и костюм, Наталья Николаевна поняла, что муж собрался в храм. Сама она церковь не жаловала, но тут решила пойти вместе с Лыковым. В глубине души вернувшаяся чувство к мужу она посчитала Господним даром, удивилась ему и решила, что надо поставить свечку, чтобы и дальше всё так удачно управлялось.

В жизни её Лыков, по признанию подруг, вообще оказался даром небес. После того как нелепо в автомобильной аварии погиб первый муж, отец двоих полутурагодовалых близнецов, она от переживаний заболела всем сразу, да так, что врачи даже в областной Владимирской больнице не понимали, что именно и из-за чего болит. И до того была она женщиной аккуратной комплекции, а после трагедии за каких-то три месяца потеряла двадцать килограммов. На работе во Владимирской торговой компании, где трудилась она экономистом, вначале сопереживали и сочувствовали, но когда после отпуска последовали один больничный за другим, стали намекать, что не мешало бы

и уволиться. Впрочем, Наталья Николаевна сама понимала, что работник из неё в такой ситуации скверный. Двоюродная сестра с новым мужем позвали временно пожить к себе в Чмарёво, благо дом большой, новый. Первый этаж — кирпичный, второй — из брёвен, как раньше. Однокомнатную квартиру мужа на Северной Наталья Николаевна сдала через агентство и получала каждый месяц десять тысяч рублей. Деньги не очень большие, но и тех достаточно, чтобы не считать себя приживалой.

А с Лыковым познакомились в автобусе. Он, видя, что женщине тяжело, помог подняться, а потом согнал какого-то молодого бездельника и усадил Наталью Николаевну на место у окна. Удивился, что она тоже едет до магазина в Чмарёво. Вышли, отправились в одну сторону по Мелиораторов, он взялся нести сумку. Оказалось, что нового мужа сестры Лыков знает, они одноклассники, да и с прошлым, Афониным, дружны. Пригласила заходить в гости. Он и зашёл уже в ближайшую пятницу, принёс бутылку сухого вина, печенье и букет роз. А это ещё начало лета было, для роз не сезон. Значит, специально ездил в Судогду в цветочный магазин.

Он ей сначала не понравился. Огромный такой, сутулый, нос перебитый. Но потом стал приходиться часто, она и привыкла. А однажды вдруг и получилось у них всё само собой, да так страстно и сладко, что понял Наталья Николаевна, что это ей подарок за пережитое. Поженились. Не хотела, конечно, жить со свекровью, но, куда деваться, переехала в дом к мужу. Лыков добрый, близнецов любил и баловал, матери напраслину на жену возводить не позволял, работал иногда по две смены, пил умеренно.

Пока Лыков исповедовался, Литургию стоял, причащался, телефон в кармане то и дело вибрировал. Вышли, глянул — Алим пять раз звонил. И сообщения прислал, мол, можно приезжать. И вроде на душе благодать и день воскресный, а дела надо закончить. Наталья Николаевна к сестре пошла, а Лыков переоделся в рабочее, сел на “Спутник” и покатил в Судогду.

На этот раз прораб встретил его на крыльце. Был он в костюме, светлой рубашке, но без галстука. Завидев мотоцикл Лыкова, спустился со ступенек и пошёл навстречу, вытянув перед собой руку.

— Уважаемый, не сердись. Не будет больше работы, какая-то ерунда началась. Я тебе за сделанное заплачу, сделано много. И прошу не обижаться. Обстоятельства меняются. Другой объект горит, этот пока консервируем.

Прораб вынул из внутреннего кармана конверт и протянул Лыкову.

— Сколько тут?

— Половина. Ровно половина. Важную часть работы сделал, но важную не сделал. Понимаю, не по своей вине. Но и меня пойми, выживаем, как можем. Деньги с одного объекта на другой перекидываем. Материалы дорожают, жизнь дорожает. Законы принимают какие-то дурацкие. Ни дня не проходит, чтобы что-то не произошло. Не обижайся, уважаемый!

Лыков раскрыл конверт, достал деньги, пересчитал, хмыкнул.

— Пятнадцать добавь, и в расчёте, — он мрачно посмотрел на Алима.

Тот неожиданно быстро согласился, достал три красеньких бумажки и протянул Лыкову

— Если будет заказ, обязательно обращайся. Такой мастер хороший, непьющий, аккуратный. Так там всё убрал, в порядок привёл, старое всё смогал...

— А я к тебе, Алим, больше не пойду. Не нравишься ты мне. Я насквозь вижу, что бы ты ни говорил. Но простил. Вчера перед исповедью и простил. Русские люди зла не держат, но обид не забывают.

Алим посмотрел на Лыкова, словно пытался понять, знает ли тот что или просто обиделся на что-то своё, не по мужицким понятиям произошедшее. Но по широкому, со свёрнутым на сторону мясистым носом лицу Лыкова, по его глазам под густыми бровями ничего нельзя было прочесть, кроме того, что русский сердится и лучше держаться от него подальше.

— Давай проверим, на что ты способен!

Кум налил кружку до краёв. Они уже с двух часов дня сидели в кочегарке, куда Лыков прикатил, не заезжая домой. Он купил у знакомой тётки

на рынке мяса, прихватил овощей, взял на углу Маркса и Ленина несколько бутылок водки.

— Значит, как в кино, руки сзади, зубами цепляешь и пьёшь. И чтобы не проливать.

— Да пошёл ты!

Лыков обычно на такие подначки не вёлся. Какая разница, на что он способен. Нашёлся тут проверяльщик! Но сегодня после Евхаристии было ему на душе необычайно хорошо, хотелось любить весь мир. И, прежде всего, кума.

— Спасибо тебе.

— За что? — удивился кум и пьяно оглянулся вокруг, словно в поисках сделанного им доброго дела.

— Так это ты надоумил меня объявление подать. Теперь работа есть, деньги есть. Это меня Бог навёл через тебя. Точно знаю.

— Ну, скажешь! — замылся кум. — Это же очевидная вещь. Если агентства всякие — это параша, то если сам будешь, то не параша. Потому что на хера в парашу-то влезать? Ты пить будешь?

Лыков рассмеялся, привстал с табурета, собрал руки сзади в замок, наклонился, подцепил кружку и выпил тремя длинными глотками

— Во! Герой! Терминатор!

К концу третьей бутылки в голове помутилось, а на улице уже почти совсем стемнело. Лыков вышел облегчиться и увидел, что в Подолье зажглись фонари вдоль улицы. Пора было домой. Следом из кочегарки появился кум.

— На моцик не садись, в воскресенье менты у магазина и на повороте дежурят. У Пухова так на год права отобрали. Всего-то решил до бетонки доехать от дома.

— А если полем, напрямик? — подумал вслух Лыков.

— Завязнешь. После зимы точно завязнешь. Сам знаешь, кислятина там ещё. Болото, параша сплошная. Хорошо, когда ферма работала, вот тут въезжаешь, вон там выезжаешь. — Кум показал на закрытые ворота фермы, освещённые одиноким фонарём.

— А что сейчас мешает? Там же нет никого, — осенило Лыкова.

— Так ворота закрыты. И потом куда? Колочая проволока вместо нижнего выезда. Оставь ты его тут. — Он пнул ботинком колесо мотоцикла. — Не город, не разденут. Завтра заберёшь.

— У меня там лаз широкий. Моцик пройдёт.

— Если Беленькая заметит, что на моцике въехал, развоняется, наступит главе. Она уже на эту территорию глаз положила. Будет парашу какую-то строить, какие-то вагончики или бытовки. Ну, ты её знаешь, ей бы на чём нажиться только к херам собачьим.

— Так я на выключенном двигателе. Там же бетонка. Уже темно, фонарь только у ворот. Докачу, а потом под горку и дома. У тебя клещи есть? Боюсь, бокорезами не справлюсь.

Но клещи не понадобились. Они просто подняли вдвоём створку ворот, вынув её из петель. Лыков завёл мотоцикл внутрь и вырубил двигатель. Кум порывался помочь толкать, но Лыков наотрез отказался. Он вдруг подумал, что кум, хоть и пьяный, может услышать пленника, коль тот не удержится, различит шаги и примется звать на помощь.

Они, матерясь, попытались водрузить ворота на место, но получилось только прислонить створку к столбу. Решили, что исправят после, когда протрезвеют. попрощались, махнув друг другу через получившуюся щель, и Лыков потолкал “Спутник” вдоль бывшей электрической подстанции и домика, в котором когда-то располагалась дирекция и ветеринарная служба. От этого места было видно, как далеко из-за рощи, откуда-то вверх по течению от того места, где Войнинга впадает в Судогду, поднимался и наползал на поле и Подолье густой, словно вытопленный из домашней тушёнки, жирный туман. Часть Подолья уже скрылась внутри него.

Толкалось легко. Он миновал все три корпуса фермы, придерживая тормоз, спустил мотоцикл к самому лазу на свой участок. Отодвинул было забор, но в этот миг кто-то, может быть, близнецы или даже сама Наталья

Николаевна, включил фонарь. Лыков нетрезвым умом понял, что грохотать железом, втаскивать мотоцикл на задах участка, когда тот, кто включил свет, войдёт на двор, не следует. А если Наталья Николаевна увидит, как он пьяный тащит технику мимо бани, не дай Бог, заезжая колесом коляски на клумбы, будет скандал, и все наладившиеся было отношения окажутся похерены. И вообще, затея попасть на собственный двор со стороны фермы начала казаться ему совсем уже дурацкой. Стоило вернуться той же дорогой, которой приехал, либо оставить мотоцикл во внутреннем дворике между корпусами, куда выходило окошко темницы. Это чтобы утром моцик не предстал во всей красе перед удивлёнными глазами работников пилорамы. Чертыхаясь, поскользнувшись несколько раз и ударившись в мягкую влагу полегшей прошлогодней травы, промочив и испачкав глиной брючины на коленях, он снова вытолкал мотоцикл наверх. Если бы не туман, Лыков с мотоциклом оказались бы на фоне кирпичной стены фермы, как на сцене в деревенском клубе. Но туман уже поглотил край Селядино, дальний конец картофельного поля, и лишь бело-жёлтый шар фонаря сопротивлялся его победному молчаливому наступлению.

Он отвёл “Спутник” за первый корпус и поставил точно в середине внутреннего дворика. Порывшись в люльке, вытащил фонарь, ещё одну бутылку водки и банку маринованных огурцов, которую забыл достать у кума на кочегарке.

— Эй, узник херов! Сейчас приду к тебе. Просыпайся! — крикнул он, не опасаясь, что его услышат в деревне. Туман опустился столь густой, что заглушал вечный визг пилорамы. Доски, поставленные закрывать дверь от случайного взгляда, он пнул ногой, те с грохотом упали. С замком пришлось повозиться. С пьяных глаз Лыков никак не мог понять, в какую сторону крутить ключ. Наконец, сообразил, что пытается открыть ключом от собственных ворот, матюгнулся, выбрал из связки другой и отпер дверь.

Пленник лежал, укрытый одеялом с головой.

— Мёрзнешь, что ли? Подъём! Совесть твоя пришла.

Лыков поставил водку и банку с огурцами на край плиты, а сам плюхнулся на стул. Человек зашевелился, из-под одеяла показалось его заспанное лицо, он попытался заслониться от фонаря, но Лыков специально слепил пленника.

— Нет, посмотрите! У него тут курорт! Ничего не кольшет говнюка. Спит. Ничего не грызёт внутри, не беспокоит. Жопу помыл, пожрал, спать лёг. Курорт подонку устроили, на всё готовом. Лежит, ждёт, когда путёвка закончится, и он к папочке поедет. Папочка тебя по головке гладить будет? Похвалит тебя, поди, что сынок у него такой сообразительный. Сообразил, как денежку зарабатывать. Хочешь, говнюк, к папочке?

— Умер, — слипшимся голосом проговорил пленник.

— Что ты там бормочешь? — не расслышал Лыков.

— Говорю, умер отец. Давно. Десять лет как умер от инфаркта.

Лыкову вдруг стало стыдно. Он повернул фонарь на стену.

— Будешь? — Лыков показал бутылку. Тот кивнул.

Лыков выудил двумя пальцами из кармана стопку, налил, протянул пленнику. Налил себе.

— За что пьём?

— За свободу.

— За свободу, — рассмеялся Лыков. — Ну, да. За неё и стоит пить. Свобода — самое важное. То одно человека закабальет, то другое. Вроде и свободен, а душа не на месте. Значит, где-то что-то тебя прихватило, держит. А так чтобы совсем, как ветер, такого и не бывает. Ответственность, всё такое. Но ты прав. Давай!

Они выпили. Лыков подцепил огурец из пакета и дал пленнику. Тот откусил половину и стал громко хрумкать. Лыков наполнил стопки.

— Давай. Не чокаясь. За тех, кого с нами нет. За Алима Абидовича! За гражданина Хачатурова!

Пленник закашлялся, чуть не пролил.

— Вы его...

Некоторое время Лыков пьяно смотрел на человека в углу, пока не понял, чего тот испугался. Тряхнул головой.

— Пусть живёт пока. Просто поговорил. Но дал понять, что, если что не так... — Лыков поднял руку огромной ладонью вверх, сжал пальцы и потряс кулак, словно в нём была зажата шея прораба. — Скажи мне, оборотень в погонах, как там тебе, Астудин Алексей Иванович. Ты, поди, и не узнал меня. А мы встречались. Только не помнишь. А я помню. Вроде не злопамятный, а помню. И знаешь, почему? А всякий раз, как рожу свою в зеркале вижу, так и вспоминаю. Это же ты, поганец, мне рукояткой пистолета переносицу проломил.

По лицу пленника Лыков видел, что тот силится, но никак не может вызвать в памяти лицо тюремщика. Лыков стал рассказывать про красную “мазду”, которая чуть не сбила на переходе человека. Про водителя, который вместо извинений достал пистолет и человека старше него заставил размазывать кровавые сопли. Про то, как ненавидит тех, кто решил, что им всё позволено, папочкиных сынков на хороших машинах да с ксивами. Много говорил. Два раза, пока говорил, выпивал полную стопку, не закусывая. Наконец, выдохся. Устал. Положил руки на колени и, опустив голову, надолго замолчал. Слышно было, как глухо гудит пилорамы.

— Простите, Альберт Михайлович. Простите меня и отпустите. Я никому не расскажу. И дела никакого не будет. Вообще ничего. Своим наплету, что заболел в гостях, позвонить не мог. Отпустите.

Лыков посмотрел на пленника, словно на кошку, которая вдруг заговорила. Мотнул головой. Усмехнулся.

— И то верно, что тебя держать. Денег мне твой Алим заплатил, договора липовые все у меня. Завтра, когда посветлее будет, вытащу тебя на свежий воздух, причешу и запишем интервью на камеру, расскажешь, как с подельником решили честного человека обмануть. И выложим это всё, Алексей Иванович, в интернет. Потом можешь идти на все четыре стороны или на остановку автобуса. Только, чур, не плутать! А там, как повезёт. Повезёт, и дальше будешь жить и работать, а не повезёт, так вначале уволят, а потом и на зону пойдёшь. Много кто обидчика по записи узнает. Не первый же я у тебя. Думаю, лет на десять наберётся. А глядишь, что и посерьёзней откроется. Таких поганцев, как ты, жадность всегда подводит. Хотите, чтобы больше было, больше...

Лыков покрутил в руках бутылку и поставил обратно.

— Оставляю тебе. Согревайся. Бывай!

Выпил Лыков крепко. До дома добрался, что называется, на автопилоте. Разделся, покидал вещи в угол. На шум вышла Наталья Николаевна, принохалась и с горечью махнула рукой:

— Бухарик!

Он не стал спорить. Рухнул на кровать, укрылся с головой и сразу провалился в сон.

5

Проснулся Лыков как-то резко от того, что не то задохнулся, не то наоборот — слишком надыхался воздуха. Стрелки настенных часов показывали половину пятого. На улице протяжно и отчаянно выл кобель Лёня. Самое дурацкое время, когда грань между жизнью и смертью вроде как и пропадает. И страшно то, чего обычно даже не замечаешь, и мерзко то, что если не любишь, то чего-то желаешь... Страшное время, особенно, если накануне перебрал. Лыков сел на кровати, нащупал на столе рядом чашку, но та оказалась пуста. Дверь отворилась, появилась Наталья Николаевна в розовой пижаме.

— Иди кобеля своего уйми. Второй час округу изводит. Опять, наверное, течка у кого-то. Всё ждала, когда проснёшься. А ты храпишь, как слон, и не просыпаешься.

Лыков поднялся с кровати, натянул комбез, сверху свитер и вышел во двор. Туман между кустами и деревьями висел такой густой, что ни будка, ни баня, ни даже дверь в сарай не были видны. Только слышалось, как кобель

в исступлении царапает когтями шиферную крышу будки. Лыков подошёл, присел на корточки. Пёс сразу уткнул ему морду подмышку и замер. Он так всегда делал, когда волновался. Надо было позволить Лёне надыхаться запахом хозяина, тогда тот успокаивался. Наконец, пёс вынул голову, посмотрел на Лыкова, лизнул его в нос, закрутился на месте, устраиваясь, и прилепился, положив морду на передние лапы.

— Вот и хорошо. Вот и умница!

Лыков потрепал Лёню по загривку и поднялся с корточек. Неожиданно сам исполошился, забеспокоился — закрыл ли вчера дверь на замок? И сразу показалось, что не закрыл. А ведь мог и не закрыть. Пьян был, как через двор шёл да в дом входил, и не помнит. Внутри затрясло-заколотило, не то с похмелья, не от волнения. Лыков откашлялся, потёр ладонями плечи, оглянулся на виднеющееся сквозь туман освещённое окно клетки и, приняв решение, двинулся по тропинке к лазу.

Светало, но туман и не думал рассеиваться. Лыков поднялся по скользкой от влаги траве, прошёл вдоль стены первого коровника, завернул во внутренний дворик. Там кто-то был. Он увидел тёмный силуэт в середине двора, замер. Чёрт! Да это мотоцикл! Лыков рассмеялся, подошёл, покопался в люлке, нашёл давший фонарик, который по привычке сунул вчера на место, добрался до темнеющего в тумане проёма двери.

Всё было в порядке. Дверь оказалась заперта на замок. Он уже собирался вернуться домой и лечь спать, как что-то его насторожило. Пилорама! Да! Пилорама не работала. Стояла полная тишина. И в этой тишине слышался только звук падающих откуда-то капель. Чуть помешкав, Лыков достал ключи и, отперев злосчастный замок, толкнул дверь. Луч фонаря осветил в углу скомканное одеяло. Сильно пахло водкой.

— Эй! — позвал Лыков. — Похмельиться осталось? Не всё выжрал? Ты где, Алексей Иваныч? На очке, что ли?

Никто не ответил. Лыков прошёл дальше вдоль цепи до уборной, но и там никого не было. Под ногой хрустнуло стекло. Лыков осветил вниз, наклонился, увидел осколки бутылки и разрезанный пластиковый хомутик.

— Ах, ты ж!

Лыков бросился вперёд, луч света от фонаря заметался из стороны в сторону, выискивая беглеца. Куда? Куда делся? И тут Лыков увидел валяющуюся чугунную трубу, стоявшую ранее в уборной. Он поднял глаза и на высоте двух метров от земли обнаружил человеческие ноги, торчащие из того самого узкого окна, которое выходило куда-то к стойлам. Стало ясно, что пленнику удалось этой самой трубой выбить решётку. И если бы не Лёня со своим воем, то беглец бы уже скрылся. Лыкову просто повезло, что он появился в момент побега.

— Стоять, сука! — Он схватил ближайшую ногу, но пленник даже не дёрнулся. — Говорил, попытаешься сбежать, покалечу? Говорил?

Беглец не издал ни звука. Лыков дотронулся рукой до голённой щиколотки. Она показалась ему холоднее, чем должна была быть. Ещё не до конца веря в произошедшее, Лыков лихорадочно соображал, как попасть в то помещение, в которое выходило окно. Он выскочил в коридор, перешагивая через завал, ринулся вперёд до весовых, оттуда налево, уперся в стенку, вернулся обратно в коридор. Попробовал направо, попал в огромный зал со стойлами, расчерченный трубами. Здесь выхода налево не было. Лыков вновь вернулся в коридор, потом выбежал во двор, пошёл вдоль стены до входа в первый коровник. Нашёл его, дверь оказалась завалена изнутри. Он выбил её несколькими ударами ногой. Там был такой же коридор, как и во втором корпусе. По этому коридору, освещая себе путь фонариком, Лыков добежал до первого поворота направо. То, что он увидел, вызвало у него приступ рвоты. Беглец безжизненно свешивался из окна. От его безвольно опущенных рук до земли оставалось около полутора метров. Стена вся была в густой крови. И на полу той крови натекла огромная лужа. Пытаясь выбраться, пленник насадил себя, как на булавку, на торчащую из проёма окна арматуру, к которой была приварена решётка. Видимо, стараясь освободиться, он пропорол вену в паху и в считанные минуты истёк кровью.

Лыков тихо взвыл от ужаса, жалости и невозможности что-то исправить. Почему-то резко вспомнилось, как тонул он в Войнинге, в реке, в которой и купаться-то стыдно, не то что тонуть. Местами если не по колено, так по пояс, а если какой омут, то его ещё найти надо умудриться. Как-то купались с парнями у самого моста, прыгали со столбов в воду. Там труба металлическая под водой проходит. Внутри трубы кабель. И все местные про ту трубу знают, да и видна она не только в солнечный день, а и в пасмурную погоду, потому что почти у самой поверхности. Бывает лето без дождей, так по ней мыши с одного берега на другой перебегают, потому что из воды торчит. Вот о ту трубу как-то неловко ногой зацепился и соскользнул на вздохе, хватанул воды, да не мало-мало, а так, что больно в груди стало. Руками замахал, а парни решили, что дурачится, айда подныривать, да за ноги вниз тянуть. Ему и не вздохнуть, и грудь разрывает, в глазах темнеет. Ещё чуть, и совсем сознание потеряет, и так в макушке горячо, хотя и в воде она. Рванулся из последних сил, кому-то из приятелей пяткой в лицо попал, но на поверхность выскочил, об опору старого моста брюхо разодрал, но выбрался. До берега добрёл, упал ещё в воде на колени, выблевал. На локтях уже до берега, там за осоку подтянулся, выполз. Сзади тот, кому в лицо попало, матюгается, грозит. А Лыкову как небеса перед ним раскрылись, и голос какой или плач с неба. Выполз на пляжик, да тут сознание и потерял.

И сейчас Лыков сел на корточки у стены, схватился за голову, и казалось ему, что утоп. И уже не выплыть. Только ни голосов, ни плача. Тишина ватная.

Просидел в полной тишине Лыков долго, пока не унялась рвота и не затекли колени. Встал, вернулся в бункер за стулом и одеялом. Стараясь не касаться стены, забрался на стул и аккуратно снял покойника со штыря. Тело показалось Лыкову совсем лёгким. Может быть, крови много вытекло, может быть, только показалось, а может быть, это от волнения. Расстелил одеяло в коридоре на грязном кафеле, принёс труп, уложил, завернул и замотал полуметровыми отрезками кабеля ВВГ два на полтора, моток которого всегда возил с собой, если понадобится для коммутации на заказах.

Когда Лыков укладывал похожий на гусеницу свёрток с мёртвым человеком в коляску, уже совсем рассвело. Однако туман держался. Торопясь покинуть ферму незамеченным, Лыков почти бегом толкал мотоцикл к воротам. С каким облегчением он вспомнил, что накануне им с кумом не удалось повесить створку обратно на петли. Поднатужившись, Лыков отвёл её в сторону и выкатил “Спутник” наружу. Слава небесам, туман был ещё столь густой, что и здание амбулатории, и многоквартирные дома, те, что отапливались кочегаркой, были не видны. Кое-как примостив ворота на место, Лыков завёл двигатель, чтобы не пришлось толкать мотоцикл вверх по бетонке до кочегарки кума.

Эти океанские дни, когда пленник был ещё жив, и Лыков мучительно раздумывал, как же ему выбраться из ситуации, нет-нет, да и приходила ему в голову грешная мысль. А за этой грешной мыслью он, морщась, словно от зубной боли, придумывал: “А, собственно, куда его девать?” — взвешивая варианты. Сперва он представлял себе, как копает яму в лесу, потом как бросает свёрток с моста в Судогду или Клязьму, отвозит на мусорную кучу за Владимир. В каждом таком способе был изъян. В конце концов, он запретил себе думать о том, чтобы лишить пленника жизни, смиренно решил покориться судьбе и ждать, что оно как-то само управится. А вчера, после второй бутылки, глядя, как кум лихо забрасывает уголь в топку, он вдруг понял, что это лучший и самый простой способ. Улыбнулся, даже рассмеялся, чем вызвал дружеский мат кума:

— Чо ржѐшь? Я на тебя посмотрю, когда целый день лопатой помахаеть. У меня сутки только начались. Завтра ещё уголь кидать. Если всю кучу не спыхаю, — кум показал рукой, на внушительную гору угля, — на следующий год к херам урежут. Мне по херу, а чмарѐвские помѐрзнут. А помѐрзнут, мне и сменщику звездолей на хер вышишут. Вот и не по хер сразу.

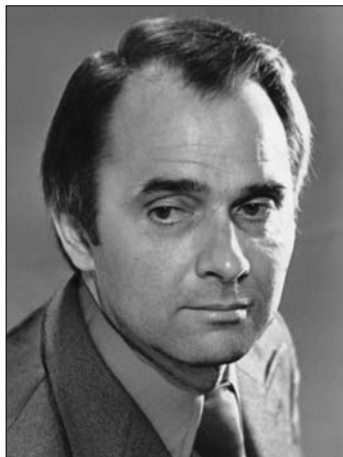
Лыков подъехал к котельной и заглушил движок. Дверь оказалась незапертой. Внутри было так же, как он оставил вчера. На столе — тарелки

с остатками картошки и пустые консервные банки, полные окурков. Кум спал на диване, завернувшись в ватник. Тихо позвал его по имени, но тот продолжал заливисто храпеть. Лыков аккуратно раскрыл дверцу топки. Внутри переливалось малиново-алое марево. Через три минуты всё было кончено. Зря Лыков волновался, что дверца топки слишком мала.

Он сел к столу. В бутылке оставалось чуть меньше половины. Лыков налил в давешнюю кружку, сходил к стеллажу, достал сало, отрезал тонкий кусок. Вышил и смачно закусил. В кочегарке было тепло, пахло дымом, спиртом и хлебом. Уютно храпел кум. Допив водку, Лыков вытянул ноги и смотрел на красные искорки, выскакивающие через решётку колосника. Часа через полтора он взял брезентовые перчатки, заткнутые за батарею, раскрыл топку и уже без страха заглянул внутрь. Белые огоньки пламени вырывались из-под того, что когда-то было человеком. Это было похоже на остов корабля, может быть, даже “летучего голландца”, зачем-то улыбающегося волнам. Лыков пошурудил стальным прутом, и фантом распался в блёстках и фонтанах искр.

Лыков вышел из кочегарки, аккуратно притворив за собой дверь. Пошатываясь, он выбрался на перегиб, за которым заросшая прошлогодней осокой да цикорием дорога двумя мокрыми колеями спускалась вниз. Она шла мимо забора выпаса и где-то возле кучи белой лашши из отходов пилорамы раздваивалась: наверх — в Селядино и вниз — в Подолье. Туман почти рассеялся, лишь клочки его, напитанные пеплом и гарью из трубы кочегарки, подобно ленивым облачкам, решившим вдруг, что не надо никуда плыть, торчали в иероглифах прошлогоднего терновника. И там, внизу, в зоне рискованного земледелия, то появлялась над тропой, то вновь пропадала кудлатая спина кобеля Лёни, спешащего в соседнюю деревню к своей собачьей любви.

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

В БЛИКАХ СОЛНЕЧНЫХ,
В РОЗДЫМЯХ СТЫЛЫХ...

* * *

Сосна в лесу поёт: “Смирись...”
Ветла в лесу поёт: “Держись!”
Волна в лесу поёт: “Молчи...”
Желна в лесу гремит: “Кричи!”

Какой, какой нескладный хор!
Не хор лесной, а жаркий спор...
Спор, спор горячий. Спор сплошной.
...Природный, стройный хор лесной.

* * *

— Через сумрак идя и сквозь тьму,
В бликах солнечных, в роздымах стылых,
Что ж ты, что ж ты стремишься к тому,
До чего дотянуться не в силах?

КАЗАНЦЕВ Василий Иванович родился в 1935 году в деревне Таскино Варгатёрского сельсовета Чаинского района Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского университета (1957) и Высшие литературные курсы (1971). Работал школьным учителем, журналистом. Автор более двадцати поэтических книг, вышедших в Москве, Томске, Новосибирске. Среди них “В глазах моих небо” (1962), “Прикосновение” (1966), “Рожь” (1983), “Счастливый день” (2004), “Восторг бытия” (2017). Лауреат литературных премий имени Есенина, имени Твардовского, “Имперская культура”. Живёт в г. Реутов Московской области.

— Но в пределах пути своего,
В долгих муках старанья, терпенья
Лишь того добиваюсь, того,
Что иные имеют с рожденья.

— Но достойно ль себя самого
Тратить все свои годы земные
Только, только на то лишь всего,
Что с рожденья
Имеют
Другие?

* * *

— В ярко-солнечном, блещущем зное,
Как в лучисто-счастливом венце,
Ты стоишь, деревцо молодое.
Что же тень у тебя на лице?

— Оттого я невесело взглядом,
Так нечаянно грустен мой вид,
Что другое, стоящее рядом,
На меня с неприязнью глядит.

— Так и ты в этих ответах молний
Чистоту своих солнечных глаз
Неприязнью ответной наполни!
— Это было бы тяжче в сто раз...

* * *

Упал воздушный снег на чащи.
Кругом глубокий, светлый сон.
И в чаше каждый стук тончайший
Белейшим снегом обведён.

Молчат в снегу густые чащи,
И бестревожный длится сон.
И в чаше каждый звук мягчайший
Легчайшим эхом повторён.

Бежишь затерянной тропюю.
Снежком сухим хрустишь. И тишь
Спугнуть не можешь ты собою —
Тишь ты подчёркиваешь лишь.

* * *

Посреди полей лесных,
Ярких, солнечных, пустых,
Быстролётный ветер стих.
Снег воздушный, пышный, гладкий.

Вихрь. Внезапный снежный вихрь.
Вихрь. Искристо-белый вихрь.
Вихрь. Мгновенный, яркий вихрь —
Из-под снега куропатки.

* * *

Река летит, летит, летит,
Сон берегов тревожит,
Среди туманно-светлых ив,
Среди раскинувшихся нив,
Летит, летит река, летит,
Но улететь не может.

Среди густых, округлых ив,
Среди просторно-светлых нив
Свой путь река проложит,
Но как с красою этих ив,
Но как с красою этих нив
Она расстаться сможет?

А коль от этих ив и нив
Она умчать не может,
То почему ж она летит?
А потому она летит,
Лишь потому она летит,
Что не лететь не может.

СЕРГЕЙ АРУТЮНОВ

Я РАДОВАЛСЯ КАЖДОМУ ИЗ ДНЕЙ

* * *

Одно и навсегда: одолевай,
Пока размеренно и беспристрастно
По-ленинградски щёлкает пространство
И снегопады празднуют январь.

От безразличья не окоченей,
Когда зимы вторая половина
Синичий трепет в сердце уловила,
И вот уже ты весь охвачен ей,

И будто на виду у всей страны
Выходишь, и томительно равнины
Снеговиков и крепостей руины,
И лиственниц озябшие стволы.

Не припадай к дверному косяку,
В метельные круги ступай, не горбась,
Когда случайно уцелевших опишь
Идёт по птичьим крестикам в снегу.

АРУТЮНОВ Сергей Сергеевич родился в Красноярске в 1972 году. Поэт, публицист, руководитель семинара поэзии в Литературном институте им. А. М. Горького, автор нескольких поэтических сборников. Живёт в Москве.

* * *

Блѣклые паруса
Суетной колготни,
Праздного полусна
Серые полудни —

Нытикам здоровей
Патриотизм квасной,
Вѣрткий, как соловей,
Цокавший здесь весной.

Дней уже эдак сто
Зябко желтеет спил
Там, где он свил гнездо,
Там, где гнездо он свил.

Тянутся ль не спеша
Судьбы, в труде, в тоске ль —
Песнь, что была свежа,
Стала земли тусклей.

Мнимой величины
Горький комок сглотну:
Ветви зимы, черны,
Тянутся в пустоту.

* * *

Я радовался каждому из дней
Весны, пришедшей изнутри, извне ли,
Когда и даль становится ясней,
И сам себе становишься яснее.

Бесснежно мне. На глади февраля
Не содрогнуться б, словно запятая,
Судьбой своей беспомощно руля,
Солёным снегом будни заедая.

Двусмысленным “отведай передка”
Звучит посланье, но уже так въяве
Весны ещё далёкой берега
Распахиваются, как верность клятве.

* * *

Что в голос чести столетье,
Что драный бушлат напяль,
От серости скрыться негде:
Бесснежен, стоял ноябрь.
Воспитанный на лекалах
Общительный вертопрах,
— Ну, как вы? — спрошу я галок,
Что ссорятся во дворах.

— Как видишь, никак не сгинем,
Плодимся, а толку — чуть,
Пред сном неизбежным, зимним

Предчувствий не откачнуть,
Их будто бы в грудь воткнула
По самые купола
Бесшовная туч фактура,
Безветрия каббала.

Но сколько б ни надрывали
Души ледяной лоскут,
Вернутся на круг трамваи,
И там до утра уснут.
И то, что в себе уйма,
Однажды предстанет взору,
По счастью, не моему.

* * *

Не в руку, а много глубже
Был сон мне, что смёрзлись лужи
Вдоль пашен и лесосек.
Дождались. В округлых перлах
Спустился, первее первых,
Намоленный русский снег.

Вплотную к иным канунам,
Чего ещё ждать в году нам?
Побудка, отбой, и бац —
Пацан с рукавом набитым,
С кем в детстве жевали битум,
Кивает мне через плац.

Куда ты, октябрь? Остайся.
Я только тобой и спасся,
Асфальтовый зодиак.
Страдальчески брови горбя,
Москва, упаковка горя,
Не может уснуть никак,

Ругаться с ней, обжиматься ль
Закованным в снежный панцирь
Газонам пустых аллей,
Подумай, но знай — мученье
Быть плотью той снежной черни,
Быть может, креста больней.

ОЛЕГ РЯБОВ

ТРУБА ЖИЗНИ

ПОВЕСТЬ

Страшное, кошмарное выдалось лето 1972-го. Сто с лишним дней — ни капли дождя, а кое-где и дольше. Горели леса и торфяники, деревни и города. От дыма было не продохнуть, люди ходили в масках. Маленькие речки пересохли, а в крупных кое-где вода так разогрелась, что рыба сварилась и плыла варёная вниз по течению, белея своими мёртвыми брюхами. Звери посходили с ума и бегали обгорелые по центральным улицам городов: и медведи, и кабаны, и рыси. Дым стоял такой, что самолёты перестали летать, а для поездов пришлось утверждать новые маршруты и расписания. Выгоревший торф образовывал под землёй такие полости, что в них проваливались и автомобили, и трактора. Да что там: дома и целые деревни проваливались. Ухнет гулко, и нет ни трактора, ни дома, только сноп искр, и поминай как звали.

Шатура, Балахна, Керженец стали центрами мировых событий в то лето для русского уха, а не Рим, Париж и Лондон. Каждый житель страны знал теперь, где находятся эти русские поселения и как там идут дела.

Пошли дожди, но они не помогли, только дыма поменьше стало. А когда выпал снег, ещё страшнее стали смотреться эти сотни тысяч выгоревших гектаров когда-то красивого русского леса, мёртво стоящего вдоль наезженных

РЯБОВ Олег Алексеевич родился в 1948 году в городе Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт. В научно-исследовательском радиофизическом институте занимался проблемами внеземных цивилизаций. С 1968 года стал печататься в журналах "Наш современник", "Нева", "Север", "Молодая гвардия" и др. Поэт, публицист, прозаик. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала "Нижний Новгород", директор издательства "Книги". Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

трасс. А снег всё валил и валил, а из-под него — дым горящих торфяников всё полз и полз.

Следующий год был объявлен годом борьбы с погорельниками: и Политбюро собиралось, и важные люди по всей стране совещались, и академики советовались, и народ как-то сам по себе тоже что-то решал. По весне пожарные бросились заливать недогоревшие торфяники, и толпы, тысячи, сотни тысяч солдат, студентов, инженеров и служащих, разбитые на бригады, отправлялись на уже подготовленный фронт работ: выпиливать, выкорчёвывать, расчищать остатки погибшего товарного леса и засаживать скорбные чёрные поля миллионами новых посадок ёлочек и сосенок.

Удачный повод выдался и для орготделов партийных структур различных уровней, чтобы помянуть нерадивых и засидевшихся руководителей, ликвидировать ненужные подразделения, создать новые леспромхозы, построить новые дороги, новые узкоколейки, новые зоны отдыха, новые заповедники да заказники.

1

Александр Иванович Тужилин третью смену безвылазно сидел в торфяном посёлке Кержаки. Приезжали студенты, весёлые, беззаботные, Тужилин разбивал их на бригады, назначал старших, расселял в пустующей школе, прикреплял по сменам к столовой, выдавал инвентарь, топоры, бензопилы, голочки, проводил инструктаж по технике безопасности, и — вперёд...

Многие студенты его хорошо знали: Тужилин работал заведующим кабинетом начертательной геометрии в строительном институте, и студенты были его, родные, строители. Окончил он институт уже после срочной службы в армии, и в том, что его оставили работать на кафедре, конечно, сыграло роль наличие партийного билета: в партию он вступил в армии. Ну, и ещё то, что дружил он близко с Вадимом Базаровым, своим армейским товарищем, который ух как быстро побежал вверх по партийной лестнице. Жил Тужилин с женой своей Ниной в комнатке институтского общежития, и студенты по-свойски, но уважительно часто звали его дядей Сашей, несмотря на то, что не было ему и тридцати.

И Тужилин, и Нина были родом из такой глубинки, таких глухих деревень, что рассказывать про их прежнюю жизнь — это просто лучше не рассказывать ничего. А интересно, что ли, про то, как в морозы со скотиной вместе в избах жили, а за водой с ведрами — на прорубь, а в тридцатиградусный мороз по нужде — во двор на обледенелую дырку.

То, что они сумели пробиться в городскую цивилизованную жизнь, они считали своей заслугой и победой. Притом наблюдались у обоих Тужилиных те два замечательных качества, которые нельзя не подчеркнуть. Во-первых, оба они обладали особой кондовой русской красотой, которую мы все очень хорошо представляем, но редко встречаем. Нина была стройна, невелика собой, с толстой, цвета светлой соломы косой, которую она халой укладывала на голове, обнажая лебяжью шею и маленькие ушки-ракушки; всегда она была улыбочива, отзывчива и внимательна. Александр — ростом под метр девяносто, с шевелюрой кудрявых, лезущих во все стороны волос, и всегда он занят тем, что помогает кому-то, и у него никогда не хватает времени на какие-то свои домашние дела. А во-вторых, что было у них общим, это полное отсутствие чувства зависти, этого всепожирающего русского порока, который, будто раковой опухолью, разъедает быстро и собственно душу, и любимое дело любого человека, если только просыпается в нём.

Нина была на три года помладше Александра, окончила она биофак и работала библиотекарем в городской библиотеке. То, что они четыре года живут в студенческом общежитии, ничуть их не смущало — знали Тужилины, как в стране люди живут. А многие ведь и не знают. Жили они вроде на радость и себе, и другим, да только пока Бог детей им не давал. И как-то исподволь, незаметно, на четвёртый год стала эта незадача смущать их обоих, но боялись они на эту тему не только разговаривать, но даже и думать всерьёз.

В то лето Тужилин, можно считать, почти три месяца не был дома. Почти, потому что раз в неделю удавалось заскочить на пару часов. Чмокнет Нину в щёчку и назад в лес. Без выходных, да почти и без сна, трубил он и боялся только одного: боялся день и ночь, что кто-нибудь топором себя полоснёт или цепь с пилы сорвётся и изувечит человека. Вот тогда и суд, и тюрьма, потому что всю технику безопасности он взял на себя. Он и в институте был заместителем главного инженера по технике безопасности. Но пока что обходилось — привалило, правда, одного местного бродяжку деревом, руку сломал, но повезло Тужилину: не его работник и к тому же был пьян.

С пьянкой имелись проблемы: каждый вечер несколько студентов сбрасывались по рублю и ехали на леспромхозовской “буханке” в район за вином или водкой, а то и бочку пива лысковского на шестьдесят литров как-то раз небольшую дубовую привезли, полную, забитую пробкой. Пиво оказалось вкусным и холодным, но наутро ползали все, как дохлые мухи, — Тужилин объявил банный день. Хотя надо отдать должное Тужилину как руководителю: каждую новую смену он, быстро определив, кто здесь “вино-водочный актив”, отправлял их в город, и порядок тут же восстанавливался. Ведь студентам платили сдельно, и очень хорошие деньги.

Раз в неделю приезжали комиссии: пузатые, в белых рубашках-безрукавках, что-то спрашивали друг у друга, тыкали пальцем в небо, ковыряли землю, нюхали обгорелую сосновую кору и уезжали. Привозил их всегда первый секретарь райкома Николай Иванович Варакин, будто на экскурсию. Он звал уважительно Тужилина дядей Сашей, а Тужилин его тоже уважительно, но с долей иронии, “дядя Коля”.

В сентябре на душе чуть-чуть полегчало: почуял Тужилин, что скоро кончится его урок, пора в институт, занятия начинаются. Вот в начале-то сентября и приехал к Тужилину Варакин, без водителя, сам за рулём, на забрызганном грязью райкомовском “газике”. И что-то ёкнуло внутри у Тужилина — нет, не от страха, бояться ему нечего было. Просто нутром понял он, что судьба его меняться будет. Но он ещё не знал в тот день, что человек приносит себя в жертву, когда соглашается даже на мало-мальски ответственный пост.

Николай Иванович вспоминал о своём военном прошлом где надо и не надо. Уж не знаю, с какими звёздами на погонах вернулся он с фронта, но то, что он курил только “Казбек”, картинно вынимая пачку из кармана пиджака, по-актёрски открывая её и угощая при возможности всех присутствующих, говорило, как минимум, о его полноценном капитанском звании, хотя внешне он и на полковника мог потянуть.

Тужилина Варакин встретил на автостанции посёлка — Александр Иванович только-только отправил на автобусе в город последнюю бригаду своих студентов. Сам он остался на пару дней: надо сдать инструменты, отчитаться за выполненные работы, по-человечески попрощаться с людьми, которые помогали тебе в течение нескольких месяцев.

Варакин мягко подъехал, не спеша вышел из своего вездехода, показательно открыл пачку “Казбека”, угощая Тужилина. Тот, улыбаясь, покачал головой: не курил Тужилин, да и Варакин знал про то. Засунул он коробку назад в карман пиджака, а потом снова вынул, да и закурил сам. Что-то изнутри будто тормозило его, а он всё молчал и не мог начать разговор.

— Знаешь, дядя Саша, разговор у меня к тебе более чем серьёзный. Давай пройдемся по Трубе, прогуляемся. Есть минутка для меня неспешная?

— Да пойдём, дядя Коль, прогуляемся. А что значит по-вашему, по-местному, “по трубе”?

— Как что? Ты здесь три месяца живёшь, а то, что вот эта центральная просека от Кержаков до Керженца, до речки, Трубой называется, не выяснил? Иногда её даже Трубой Жизни называют.

— Да ну? Нет, не выяснил. Хотя, может, и похожа просека эта на трубу.

— Просека эта длиной километров двадцать.

— Да знаю — чай, я ездил по делам по ней несколько раз до Комсомольского, до этого посёлка на берегу Керженца.

— Понятно. Так я тебе про Трубу расскажу. До войны, в тридцатые годы, просеку эту прорубили, лагеря здесь были сталинские: и в Кержаках, и в Комсомольском. Вот зеки и просеку эту прорубали, а потом и узкоколейку протянули, и паровозик по ней пустили с четырьмя вагончиками прямо от Кержаков до Комсомольского, там торфоразработки были. Паровозик маленький такой работал тут, сормовский, колёсики маленькие, база между колёсами в два раза меньше, чем у нормальных, современных. Я как сейчас помню. И бежит не быстро, пытит, дым из трубы валит — при желании и обогнать его можно, если бегом. И на дровах он пытел, работал, и на торфяных брикетах, и на угле. Отсюда до Комсомольского двадцать километров, так вот — он чуть ли не час дотуда шёл.

— А где же сейчас этот паровозик?

— А Бог его знает. Узкоколейку-то году в шестидесятом разобрали. Паровозик потом тут, в Кержаках, стоял на улице, за зданием администрации, ржавел, а потом, по-моему, какой-то музей железнодорожный его запросил, мы и отдали.

— Посмотреть бы.

— Да чего там смотреть! Вот Труба — это да! Настоящее гидротехническое сооружение.

— А почему гидротехническое? Геотехническое — я понимаю. Или лесотехническое — тоже ясно.

— Ты не бывал у нас тут весной, дядя Саша. А вот по весне, во время паводка, в Керженце вода поднимается иногда на пять, а то и на семь метров и разливается чуть ли не на десять километров, и весь лес в воде стоит неделями. А потом всё это постепенно-постепенно стекать начинает в Керженец. И речки, и ручьи с этой талой водой журчат меж ёлок и берёз месяц, а то и два. Вот иной раз по лесу идёшь и среди чащобы лесной видишь лодку. С чего она здесь, за несколько километров от речки, оказалась? А это рыбачишко какой-то по высокой воде ещё забрался порыбачить сюда, в лесоту, а пока сидел да сетки проверял, вода и спала, и пришлось ему лодку свою в лесу бросить.

Он рассказывал дальше о том, что асфальт лишь небольшим язычком выползал из посёлка на земляную дамбу. Та хребтиной острой торчала посередине просеки, которая, в свою очередь, глубокой трещиной расплосовала вековую заповедную заволжскую тайгу. Асфальтовый пятячок переходил в забутованную дорогу, не ремонтированную и не поновляемую уже лет десять, а потому всю в ямах и колдобинах, а местами и крепко провалившуюся. Через три километра забутованная дорога переходила в лежнёвку, а и та тоже уже повывита была донельзя, до такой степени, что приходилось любому транспорту скатываться с насыпи и объезжать такие разбитые места по лесным буеракам.

Попервоначалу казалось, что продвигаться по этой насыпи можно на любом виде транспорта, но уже метров через пятьсот становилось понятным, что добраться по Трубе до Комсомольского можно лишь на тракторе или уж на самом что ни на есть вездеходе. Да где их набраться, вездеходов-то! Рельсы, как и паровозик тот сормовский, наверное, в металлолом были свезены, а вот шпалы коротенькие от бывшей узкоколейки, когда-то пропитанные креозотом, а теперь уже превратившиеся в труху, торчали кое-где по обочинам, ползасыпанные и полззаросшие. Обочины больше походили на достаточно глубокие овраги, в которых даже в самые жаркие месяцы мерцала холодная болотная жижа. Лежнёвка по насыпи делалась когда-то любовно и со знанием дела из половинок-плах еловых, а кое-где — берёзовых. Чувствовалось, что изредка она поновлялась, но изредка — это и значит, что редко. И когда это было?

Леса вокруг заповедные, мрачные, зверовые: и медведь есть, и лось, и кабан, и рысь. Волка своего нет — только проходящий. И непонятно: вот леса сказочные, и рядом — болота скрытые, которые этот лес берегут. Эти болота даже не почувствовали того страшного засушливого лета. Торфяники выгорели, а рядом болота — хоть бы что!

— Тут, мой друг, дядя Саша, каждую весну проблемы возникают, — продолжил свой рассказ Варакин. — В конце Трубы, километра за три до Комсомольского, по весне, то есть я имею в виду, именно в каждую весну, талые воды промывают насыпь, и течёт там приличная речка, поток такой, дня три, а то и пять, пока вся снеговая вода с леса левого берега не свалится в Долгое озеро да в Гусиное, а уж оттуда уже и в Керженец. Потом, через три дня, я даю им тут экскаватор, бульдозер, а трактор “Беларусь” у них и свой есть, и дорога, то есть насыпь, делается заново, до следующей весны.

— Что-то я не понимаю — как же тут паровоз-то ходил и узкоколейка лежала?

— А вот это и значит, что при Сталине в лагерях не только воры и бандиты сидели, но и хорошие настоящие инженеры попадались. Потому я и сказал тебе, что это гидротехническое сооружение. Из деревянных труб — а трубы те из нашей местной лиственницы сделаны, — так вот, из них была сделана настоящая дренажная система по отводу талой воды. Трубы — это плахи-половинки из лиственницы или пихты выдалбливаются, потом обе колоды составляются и крепятся, получается труба. А теперь — увы, этой системы дренажной нет.

— Глупость какая!

— В смысле?

— А в том смысле! Ты что — не можешь трубы нормальные, хорошего диаметра сюда притащить? Ну, такие, как в ливневые канализации ставят. Мало полметра — возьми восьмисотку, мало одной — поставь две.

— Это я понимаю, а как я её, эту трубу, сюда затащу?

— Как-как! У тебя такие друзья кругом и связи, я видел! Попроси у военных вертолёт, и все они тебе и притащат, и уложат. Точно я тебе говорю. Был бы я на твоём месте — так бы сделал. А в Комсомольском пионерских лагерей не один, а несколько устроил бы — там такой золотой песочек на берегу Керженца!

— Вот о чём я и говорю!

— О чём говоришь?

— Тихо, тихо, тихо, стой! Вон туда смотри. — Варакин пальцем указал на небольшую прогалину лесную, хорошо просматриваемую с насыпи лежнёвки.

Посередине прогалины торчал чёрный обгорелый столбик с метр высотой. Этот столбик вдруг двинулся и важно и неспешно пошёл в сторону леса, где и скрылся.

— Это что? — спросил Тужилин.

— Как что? Глухарь.

— Такой здоровенный? И чёрный! И как пошёл-то гордо!

— Конечно, чёрный, а глухарка — она коричневая. И птенцы, а они уже к осени выросли и крупные, тоже пока все коричневые. Вдоль просеки их полно сейчас можно встретить — они в дужках камешки себе наклёвывают. Зимой этими камушками в желудках своих хвою еловую перетирать будут. Так вот — хорошо ты, дядя Саша, сейчас сказал про это место, что, мол, на твоём месте. А говорю я это вот к чему: велели мне, дядя Саша, сделать тебе предложение. На последнем заседании бюро обкома решался и уже решился вопрос о создании крупного леспромхоза в нашей, заволжской части области. Возражающих очень много, в основном, из тех, кого волнуют флора и фауна, ну, животные разные, в общем. А в частности — вот эти самые глухари. Это понятно! Было найдено соломоново решение: сначала создать в двух заволжских районах, в том числе и в нашем, очень большой по площади заказник или даже заповедник — пока не решено. А при нём ещё и леспромхоз, в котором будут выращиваться миллионы саженцев-сосенок для новых посадок: погорельники-то засаживать надо. Под это выделяются серьёзные фонды: материалы, техника, люди. Будет создана и научная биостанция, база с лабораториями от биофака университета, и лесоводческое отделение сельхозинститута будет иметь здесь свой центр. Это тоже будет делаться здесь, и уже на будущий год. Нужен человек, который сможет всё это большое дело возглавить.

— Хорошее дело! Ну, и что?

— Как что? Этот человек — ты!

— Ты рехнулся, дядя Коля? Или за дурачка-переростка меня принимаешь?

— Да не рехнулся я. И не я тебя сосватал, а есть у тебя друг Вадим Базаров, он сейчас все эти вопросы в обкоме партии курирует. Все решения были приняты уже две недели назад, и мне было приказано с тобой переговорить, а я всё тянул, ждал, когда ты тут закончишь с детьми своими возиться.

— Николай Иванович, как ты себе это мыслишь? Мы с Ниной в общежитии студенческом почти пять лет живём, как в собачьей будке, но назад в деревню она ни за какие коврижки не поедет. Скотину кормить да за ней ухаживать, в огороде кверху жопой от зари до зари торчать, и в дому всё время что-то сломано и устраивать надо! Нет, и не мечтай даже!

— Я и не мечтаю — я знаю. Я тебя знаю и говорю об этом, как о вопросе уже решённом.

— И кем же ты меня тут видишь?

— Да не знаю: директором заповедника, главным охотоведом области, заведующим лабораторией, я имею в виду будущую биостанцию, — выбирай сам. Будет у тебя в городе квартира, дадут тебе, а здесь — служебное жильё, и машина служебная будет. Советоваться надо.

Где-то вдалеке чуть слышно зашумело, потом гул стал приближаться.

— Это что такое? Как поезд. Никогда тут не слышал, — спросил Тужилин.

— Это тайга гудит, — ответил Варакин, — тайга живая.

— Ага, у вас и тайга живая, и земля живая, и вода живая.

— Да у нас тут всё живое, и иначе нельзя.

2

С Ниной разговора не получилось — она просто хлопнула дверью и ушла. Хоть бы выслушала, что и квартиру в городе дают, и в Кержаках — не избу деревенскую, а тоже квартиру в доме специалистов с центральным отоплением, а участок под огород и с баней отдельно. И машина служебная есть — пусть пока и “газик”. Даже просто не выслушала — ноги в сапоги резиновые, плащ на плечи, зонтик в руки, и дверью — хлоп!

И вот — второй день нет её, и дома нет, и в библиотеке. Только подружка её, Алевтинка, тоже библиотекарша, вдруг ни с того ни с сего пришла на кафедру к Александру Ивановичу и для большого секрета, оглядываясь по сторонам, вытащила его в коридор.

— Саша, — зашептала она, держа крепко двумя пальцами Тужилина за рукав пиджака, — Нина твоя написала заявление на административный отпуск на две недели и сейчас собирает свои вещи у вас в общежитии. Она мне сказала, что собирается подавать на развод. Думай! Но мне кажется, что она того.

— Что того?

— Беременная она.

— Да иди ты.

— Вот тебе и иди ты! Я-то пойду, а ты?

Тужилин догнал свою ненаглядную Нину на автостанции — ещё как-то догадался, что она к матери поедет. И клялся, и божился, и умолял, только что по земле не катался — Нина смотрела на него, как на постороннего или как на пустое место. И только ступив на подножку сильно помятого и уже кое-где тронутого ржавчиной автобуса “пазика”, глухо и очень серьёзно произнесла:

— Рожать у мамки буду. Не приезжай. Позвоню.

— А я? А мне? — успел спросить Тужилин.

— Как знаешь, так и живи. Мне сейчас не до тебя.

Нина рожала в середине апреля в райцентре, в Арзамасе. Родила крепкого здорового мальчика, а саму её не спасли — умерла через два дня

в том же роддоме: сепсис. Вот такая глупость: в двадцатом веке в роддоме родами умереть. Когда Тужилину сообщили о сыне, он сразу прикатил. И Нину он ещё застал в живых, и похоронил её сам на местном кладбище.

Сына своего он на руках подержал, попытался ему прололкать что-то, но получилось плохо, хрипло, будто ворона каркнула. Тёща строго на него так посмотрела и сказала:

— Езжай, у тебя делов полно своих, мужских, мне Нина рассказывала. Как же она тебя всё поминала, как чувствовала, что не сдюжит. Сына я тебе выращу, не волнуйся. Это наше дело, бабье — рожать да детей растить. Нина его Сашенькой назвала — значит, так и зарегистрируем Александром.

Так судьба сама распорядилась будущим Тужилина. Вернулся он в город, промышкался тройку дней неприкаянно и непонятным образом снова оказался в Кержаках, где его и выловил Варакин.

А вскоре тёща тужилинская насовсем из своей деревни вместе с маленьким Сашкой перебралась в райцентр к своей второй дочери, бездетной да вдовой. Так и остался Тужилин-младший жить с бабкой и с тёткой в районном центре, в древнем городе Арзамасе. Только и райцентры разные бывают — в Арзамасе и народу живёт ой-ёй-ёй, много тысяч, а совсем недавно он и областным городом был. И в культурном, и в историческом плане многим городам Арзамас фору даёт.

В школу Сашка в Арзамасе пошёл, да только не стал Арзамас для него родным, не засосал, не успел, хотя бабку свою он за мать кровную почитал, а тётку так просто мамой Люсей звал. А в двенадцать лет уже забрал его отец в свои Кержаки, чтобы привыкал к нормальной мужской жизни, а не бабился. Школа, почта, магазин, амбулатория со своим фельдшером, клуб, баня общественная — всё есть в Кержаках, как в любом порядочном посёлке. Но есть ещё и тайга: зашёл в лес и можешь идти до самого Полярного круга, хоть тысячу километров — один раз железную дорогу перейдёшь в районе Котласа где-то. Правда, можно про тайгу и что-нибудь поильнее рассказать.

В домашней жизни Тужилин-старший был очень суров, даже аскетичен — ничего лишнего в обиходе, хотя всё необходимое старался иметь только лучшее. С сыном своим он тоже не любил миндальничать: вечером, чай попивая из большой кружки, попросит:

— Расскажи, как жизнь идёт?

Вот Сашка и расскажет и про школу, и про друзей, и про лес. А Тужилин-старший выслушает и срезымирует ловко что-нибудь эдакое:

— Я почему тебя жизни не учу? Потому что научить этому нельзя, можно только каждый день примеры подавать — как надо правильно жить. Основные жизненные принципы и навыки ребёнок, да и взрослый уже человек не из советов родителей и не из книг нахватывает, а из жизни, из примеров, которые ему встречаются на каждом шагу. Видит ребёнок, как поступает несимпатичный ему человек, и начинает сомневаться в правильности поступка и старается так не делать. А вот увидишь ты, как хороший электрик розетку ремонтирует, а плотник стамеску держит в руках, и сразу заметишь много такого, чего в книжках нет, и, наверное, научишься.

Появилась у Сашки своя комната, своё личное время, которым можно было распоряжаться, но и обязанности появились: прибрать в доме, сходить в магазин, приготовить поест, сделать уроки. В Кержаках у Сашки появились и первые настоящие друзья-одногодки, а потом и первая, захватившая его надолго страсть, — фотография. Подарил ему батька фотоаппарат хороший по тем временам, дорогой “Зенит-ТТЛ”, а потом и всю аппаратуру для домашней фотомастерской: увеличитель, красные фонари, химреактивы, кюветы для проявителей да фиксажей и много ещё чего.

В школе Сашка учился хорошо, все предметы давались ему легко, и учителя сквозь пальцы смотрели на его прогулы и задержки. Как и во всех маленьких городках и посёлках, в Кержаках существовало твёрдое правило почитания статусности. А надо заметить, что охотовед, егерь, лесник в таёжных районах — фигура поважнее милиционера, потому что только он знает и глаза закрывает на поставленные рыбацкие сети во время нереста, и он

мимо ушей пропустит зимний выстрел по одинокому кабану-секачу, которого возьмут на мясо, а потом поделят на две-три семьи.

Сашка теперь мог часами, а то и целыми днями бродить по лесу. Потом сидел он у себя, запершись в ванной комнате, которую удавалось ему каждый раз использовать как небольшую фотолабораторию.

Он фотографировал всё: сосульку, цветок со шмелём, синицу, хотя, прежде всего, охотился он, конечно, за “животными картинками”, как он сам их называл. Удалось ему подглядеть и заботливую медведицу с медвежатами, и зайцев-беляков, играющих в сугробе, и весенние тетеревиные тока на рассвете. А что же тут удивительного, если у тебя родитель единственный — директор крупнейшего зверового заказника со штатом в два десятка егерей, а ещё по совместительству и заведующий научной лабораторией-биостанцией университета.

Но главным в этой детской забаве или увлечении оказался результат: фотографии Сашки Тужилина завоевали призовые места сначала на областном смотре работ юных фотографов, а потом и на всесоюзном; они были опубликованы и в журнале “Пионер”, а потом и в самом профессиональном журнале “Советское фото”. Когда в Кержаки приехал репортёр-фотограф, чтобы взять интервью у Сашки, оба Тужилина отнеслись к этому событию снисходительно, как к недоразумению. А вот результат...

Старший Тужилин сумел созвониться с редакцией журнала и заказал для Сашки целых двадцать экземпляров номера с его работами. Только быстро они кончились — раздарил юный фотограф всё.

Когда Сашке стукнуло четырнадцать, привезли высокопоставленные любители-охотники из области ему в подарок первое ружьё: французское дамское или детское “Монтекристо” двадцать второго калибра. С разрешения отца, конечно, такие подарки делаются.

Детское оно или дамское, к тому же ему сто лет уже, и потому в лес с таким, на серьёзную охоту, лучше не ходить. Игрушка — игрушка и есть! Подарок этот, хотя и был сделан Сашке, являлся знаком благодарности отцу за какие-то непонятные заслуги. Ружьё старинное, красивое, а в придачу к нему — ещё и полтора десятка тонких латунных охотничьих гильз в горсть Сашке насыпали. Их теперь каждый раз, отправляясь с друзьями-мальчишками в лес по банкам стрелять, Сашка сам для себя снаряжал. Благо старший Тужилин быстренько обучил сына этому нехитрому мужскому делу: и порох меркой вывешивать, и пыж войлочный правильно загонять.

В то же лето Сашка смело смог уже называть себя настоящим охотником, хотя по возрасту ему срок ещё не вышел: чего там — четырнадцать лет. Серьёзное мероприятие, связанное с охотой, пусть и не медвежьей, было ему поручено.

Безумное, просто аховое количество кротов расплодилось в районе, и было сделано от руководства официальное обращение в местное охотхозяйство, которое находилось также под присмотром Тужилина-старшего. Вот это-то обращение, а может, заявка — что-то сделать с кротами, — и было передано для исполнения Сашке и его школьным друзьям. Они в домашних условиях изготовили из проволоки каждый по двадцать элементарных кротоловок. И за лето сдали в заготконтору почти три тысячи шкурки. Получили деньги, для мальчишек даже очень большие.

А зимой Сашка впервые стал полноправным участником настоящей охоты. Поступила слёзная просьба о помощи из соседней Костромской области: нет управы на огромные волчьи стаи, которые вырезали в отдельных районах по деревням всех собак, а теперь уже не только за овец, но и за коров, и за лошадей принялись. Просили помочь.

Бригаду из пяти охотников сколотили быстро — мужики все опытные, и по медведю, и по волку работали не раз. Зима с самого начала задалась не очень морозная, но уж больно снежная, и к середине декабря покров был уже значительно выше нужного. Сашка просто упрямил отца взять его с собой на такую операцию, а Тужилин-старший и был негласным руководителем всей охотничьей бригады.

В первую поездку, которая продлилась неделю, что-то не заладилось: и взяли всего пять волков, и Сашка заболел. Мужикам что — вечером по стакану водки выпили и согрелись, а пацану после холода и сырости простудиться — пара пустяков. Мужики вернулись домой, переснарядились и снова в Костромскую область. Сашка остался болеть.

Вернулись охотники под Новый год, тридцать первого, на армейском вездеходе.

Сашка к тому времени поправился, но пока немного ещё куксился. Тужилин-старший днём из клуба, где готовился новогодний праздник, заскочил домой:

— Давай, одевайся, хватай фотоаппарат и дуй бегом в контору. Я тоже туда иду.

Сашка быстро сунул ноги в валенки, накинул ватник, шапку напялил и побежал за отцом.

Контора заказника находилась на краю посёлка, почти на границе с лесом. Тут же, как бы в комплексе, стояли и биостанция университета, и общежитие для командированных учёных, и жилой дом для сотрудников, и гараж для служебных машин. Между корпусами стояла чуть заснеженная “пишига” — вездеход, затентованный ГАЗ-66, единственный реальный способ передвижения по заснеженным лесным дорогам. Между автомобилем и жилым корпусом прямо на снегу в ряд были выложены убитые волки, тридцать одна штука. Мужики стояли, курили, неспешно и негромко переговариваясь.

Сашке стало чуть-чуть не по себе от такого количества убитых крупных животных, но он сделал всё же несколько кадров и пошёл домой.

3

Труба, загадочная двадцатикилометровая просека, проброшенная от посёлка к реке, вызывала у Сашки особый интерес. Во-первых, если пройти по Трубе с километр, то, остановившись и прислушавшись, можно при наличии особой фантазии различить непонятное гудение — это Труба трубит, говорили Сашке местные старухи. Огромная мрачная просека с высокой насыпью была проложена более чем полвека назад для абсолютно непонятных целей к берегу златоустрийного Керженца. Торф туда возить для отправки по воде — так Керженец не судоходен; вроде и речка приличная, а вся топляками завалена, двести лет по ней лес в Волгу сплавляют! Заключённых в лагерь отправлять — много чести, и пешком дотопают! Связывать таким образом два небольших посёлка — нерационально: по лесным дорогам пусть и поухабистее трястись, и на пяток километров побольше, но добраться можно. Не о туристах же думали в тридцатые годы, которым, может быть, и могла бы пригодиться эта Труба, — поговаривают, что там, рядом с Комсомольским посёлком, где колочку уже убрали, но вышки ещё остались, в заповедном нехоженном месте сохранились остатки старообрядческого скита матушки Манефы и её могилки, той самой легендарной героини Мельникова-Печёрского. Так только добраться до этих остатков скита древнего не каждый сможет: и тропы туда ведут заповедные, и не каждому эти тропы открываются. Да, есть ещё там деревня Лыково, прямо напротив Комсомольского посёлка, чуть пониже по течению. Знаменита она, эта деревня, на весь мир тем, что из неё ушла на Алтай в затвор семья старообрядцев Лыковых, о которой с лёгкой руки журналиста Пескова стали вдруг все, кто ни попадя, писать. Писали бы лучше про берлоги, которые ежегодно оборудуют себе местные мишки в этих краях, несмотря на близость человеческого жилья.

Насыпь под лежнёвку внутри трубы делали когда-то высокой, кое-где до полутора метров, и потому дорогу даже в очень снежные зимы не сильно переметало. К тому же заносам мешали и дремучие непроходимые леса, стоящие по обе стороны от Трубы. Лесные пожары в своё время не тронули этот район, остановились у посёлка Кержаки и схлопнулись. Делалась насыпь с умом, под железнодорожное полотно, и стояла она надёжно. Правда, всё равно каждую весну проводилась ревизия и мелкие недостатки устраняли.

Там, в Комсомольском, на берегу Керженца, располагался в последние годы пионерский лагерь, и два раза в неделю в течение всего лета ходил туда автобус, возил продукты.

Зимой тоже проблем не было: трактор “Беларусь” со скребком пройдёт туда-сюда и отвалит весь снежок на стороны. Ну, а если уж ледяной дождь берёзы в дугу согнёт так, что те на дорогу завалятся, то приходится иной раз и топором поработать. Хотя берёз мало тут — всё больше ёлка, сосна, пихта.

Слева, если из Кержаков идти, сторона повыше, и грибной она считается, а вот правая сторона, что пониже, она болотистая и ягодная: клюква там, брусника. И каждой весной талая вода с тысяч гектаров леса собирается у этой насыпи, стоящей гребнем внутри Трубы, и каждую весну эту насыпь вода промывает насквозь. И размывает она насыпь вместе с лежнёвкой за пару дней так, что потом сюда и бульдозер, и экскаватор приходится пригонять и восстанавливать всю дорогу. Место это местные прораном называют, и каждый год в его основание вставляется для отвода воды какая-нибудь ржавая канализационная труба, из тех, что под руку попадётся, и струится там всё лето ручеек с верхнего леса в нижний лес. А всё равно к зиме эта труба забивается, и каждую весну дорога рушится талой водой.

Когда-то давным-давно, когда проектировалась, а потом и строилась Труба, в том самом месте, где теперь каждый год возникает проран, в основание насыпи и были вставлены для водоотвода те самые две деревянных трубы большого диаметра, составленные из долблённых половинок-плах лиственницы. Лиственница не гниёт! Кто, когда разрушил тот дренаж, который должен был служить сотни лет, — неясно. Только теперь каждый год эта морока: ждидайся по весне, когда вода спадёт, оборудуй для ручейка новый сток, сделай новую насыпь, утрамбуй грунт, чтобы машины могли ходить. И ведь не всегда всё правильно да удачно получается: то наперекосяк трубы, что для ручейка, лягут, то проваливаться земля вдруг начнёт. В общем — проблема!

Про всё, что связано с Трубой, Сашка Тужилин знал. В летние месяцы он пользовался ею чуть ли не ежедневно. Если пройти по Трубе с полчаса, а потом спуститься в нижний лес, то можно попасть на озеро Гусиное, очень красивое и прямо-таки заповедное из-за труднодоступности. Говорят, будто оно карстового происхождения и глубины немереной и якобы соединяется оно речкой подземной с легендарными озерами Светляром и Нестяром, которые по местным меркам неподалёку находятся. Но если всё, что связано со Светляром и Нестяром, святостью окутано, про Гусиное нехорошие рассказы ходили среди местных старух, и люди не любили Гусиное, старались обходить его стороной.

Только Сашка даже и думать не думал про те предания. Затащил он на озеро ботник-долблёнку, которую раздобыл в Кержаках, бесхозную. Точнее, хозяин-то у неё был когда-то, да помер, а вот бабушка-наследница и отказала лодочку Сашке. Непонятно, как эта лодочка в Кержаках оказалась, — до реки двадцать вёрст; может, хозяин тоже в этом озере рыбачил. Сашка сначала проверил ботник на предмет щелей и дыр, потом батяка объяснил, как его надо просмолить. Только после этого заново просмоленную посудину с помощью отца Сашка оттащил на озеро. Теперь он стал настоящим хозяином Гусиного.

Друзей у Сашки задушевных в посёлке так и не образовалось — и не потому, что у него какой-то замкнутый характер, а просто у всех нормальных деревенских ребят его возраста дома свои заботы, и немало, связанные с хозяйством. Накормить скотину, убрать за ней двор, работы в поле, по огороду, который должен кормить целый год, — всё в деревне становилось зоной ответственности ребят к этому возрасту. Да мало ли! Даже в лес по грибы ходили по-разному: Сашка вроде как погулять да на жарёху набрать, а местные — только с промысловой целью, ждали, когда слой пойдёт, шли семьями, чтобы насолить груздей — так кадушку, а белых набрать несколько корзин, чтобы засушить или продать. Бруснику гребённой соскребают, да так, чтобы на весь год хватило, и мочат тоже в бочках. Охота такой же была: глухарей насолят бочку, а тетерева и рябка даже не бьют, брезгают — говорят, что пусть их лисы едят. Вот лося взять или кабана — это дело!

Как и в старину, лес кормил, и неплохо кормил местного жителя. Только Тужилиных не волновал этот вопрос — холостяковали они и жили почти бесхозно. На биостанции была приличная столовая, где готовили на сотрутников, и кормились Сашка с отцом там. Дома — только вечерний чай с пряниками у телевизора или с журналом “Охота и охотничье хозяйство”. Была ещё тётя Нюра, баба здоровенная, которая у Тужилиных полы мыла через день и одежду грязную стирала.

Тужилин-старший так и намеревался остатки дней своих бобылём прожить — девки местные, да и бабёнки подкатывались к нему с намёками и с авансами, а он только непонимающе-глупо улыбался им или посылал сразу что-то неприятное делать, например, метлы из берёзы вязать; была такая разнарядка непонятная — десять тысяч штук, которую приходилось лесному хозяйству выполнять для города каждый год. А отказаться сделать что-то такое, что приказал Тужилин, нельзя — пожалеешь потом. Просил он редко, но и отблагодарить мог, связи у него крепкие были. И профессора из университета, и главврачи из всяких больниц, и руководство разное приезжали постоянно к нему в гости кто — на охоту, кто — на рыбалку, а кто — погулять.

И Тужилин-младший таким же недотёпой рос — четырнадцать лет, все пацаны с танцев по вечерам девчонок в бани тащат, а он и в клубе-то не бывал, пожалуй, что ни разу — дома сидит с книжкой или фотокарточки печатает. Фотокарточки у него получаются классные, и в посёлке все это знают — в каждом доме на видном месте его работы висят.

Однако, когда в пятнадцать лет Сашке отец подарил мотоцикл, да не просто мотоцикл, а “Яву-350”, пусть и не очень новенькую, жизнь в Кержаках поменялась. По правде говоря, не отец мотоцикл подарил, а дядя Коля Варакин с разрешения отца: списал Варакин этот мотоцикл с баланса какого-то совхоза за ненадобностью. Специфический звук выхлопа работающей “Явы-350” был помягче, чем у “Харлея”, но действовал он на вторую половину человечества, как призыв токующего глухаря на его озабоченных курочек. Теперь все девчонки, которые раньше носом шмыгали да в кулак прыскали при виде Сашки, стали табуном ходить за ним. Ну, это я так образно выразился, только женский интерес к нему внезапно проявился в количествах значительных. Конечно, и ему приятно было школьных подружек на таком агрегате покатать. Сядут они к нему на заднее сиденье, завизжат по-девчоночьи, обнимут Сашку сзади, прижмутся к нему своими косточками. А бугорки-то уже набухли, расти начали, а Сашку-то они волнуют, прижатия такие, хотя бы и к спине, а процесс этот чувствительный и волнительный. Долго ли до греха-то?

А как права получил мотоциклетные, к мамкам своим в Арзамас чуть не каждый месяц стал гонять, иной раз и с подружкой какой-нибудь своей новой: что такое это пятьдесят вёрст — два часа! Захватывал Сашка с собой всегда подарок обязательный, так уж с детства привык: или баночку мёда лесного, или ведёрко брусники, а то и свежатинки какой, лосятинки или медвежатинки — в лесных краях такие неожиданности случаются.

Через год от всего огромного Сашкиного женского окружения, осеняющего его своим вниманием, остались самые верные три подружки, самые нахальные. Двойняшки-близняшки Таня и Марина, готовые замуж за Сашку хоть вдвоём пойти: а как ещё им, двойняшкам быть, если они друг без друга жить не могут? Ещё была Соня, застенчивая, молчаливая с огромными восточными глазами и такими длинными и густыми ресницами, что, когда она ими хлопала, было слышно. Интересно, что все три девочки не ревновали Сашку друг к другу, а дружили и были готовы вместе ухаживать и приглядывать за Сашкой.

4

В армию Сашка Тужилин уходил, как и все, в восемнадцать лет, уходил из своего посёлка Кержаки. Были разные способы откосить: и администрация могла в военкомате документы припрятать, и врачи могли болезнь нужную

найти, только Сашка знал, что надо служить, да и батька его поддержал. Правда, как школьный медалист успел Сашка поступить в сельхозакадемию на факультет лесного хозяйства, а учиться... “Вот отслужу, а потом уже и учиться приду”, — говорил он.

Проводы в армию в посёлке устроили такие, будто война началась. Гуляли так, что потом пять лет вспоминали, самогонки выставили столько, что, кажется, озерко можно было небольшое напрудить. Три подружки Сашкины плакали в рёв, обнявшись, клялись-божились, что собираются ждать его всю оставшуюся жизнь. На них гляючи, другие бабы и девки тоже слёзы пускали. Тужилин-старший только перед отходом автобуса вышел из дома и пожал сыну руку, присовокупив:

— Ну, ты там не подведи нас.

— Хорошо, бать, не подведу. А ты, бать, всё же попробуй за эти пару лет поставить там в проране хорошую бетонную трубу-восьмисотку, а лучше пару по полметра диаметром.

— Я подумаю, сын. А вот и Варакин приехал.

Дядя Коля Варакин из района приехал, чтобы пацанов проводить.

На сборном призывном пункте, расположенном совсем в другом райцентре, куда автобус доставил новобранцев, как скотина в загоне, ожидали своей судьбы мальчишки-призывники со всей области, человек с полста. В большом зале были расставлены стулья и диваны, но так как почти все ребята смолчили, не выпуская изо рта сигареты, почти без перерыва, то стояли во дворе кучками и молчали, ждали. Если не иметь представления, что за толпа здесь была собрана, то можно было сойти с ума от одного её внешнего вида: почти все полупьяные, небритые, неумытые, нечёсанные, одетые в самую неприглядную и бросовую одежду, которая нашлась дома и которую планировалось выкинуть сразу же после получения положенных государственных гимнастёрок. А так как никто из пацанов не представлял себе с уверенностью, что их ожидает, то и выражения на их лицах было не просто тупые, а даже ещё тупее. Со стороны всё выглядело так гнусно и скверно, что блюющий у забора маленький худенький мальчик гляделся как нечто свежее и живое. По крайней мере, было видно, что этот мальчик хочет жить и будет жить.

У двоих ребят гитары были, но что-то не пелось и не игралось — грустные проводы были. Вот фляжка с самогонкой, припасённая одним из самых находчивых, пошла “на ура”, разошлась вмиг; кто-то очень мудрый и опытный подсказал загада новобранцу эту идею с фляжкой.

По совершенно непонятному принципу к полудню стали вызывать: кого по фамилии, а к кому-то просто подходил сержант и, пальцем указав: “Вы, трое, — в пятый кабинет!” К Тужилину тоже подошёл этот щупленький сержантик и спросил:

— Тужилин? Пошли со мной.

В комнате сидели старлей и два капитана. С минуту они смотрели молча на Сашку. Ну, действительно, сегодня Сашка чуть-чуть выделялся из всего представленного во дворе сборища: он и побрит, и причёсан, и на лице нет следов похмелья, и одет вполне благопристойно, а уж про то, что и рост сто восемьдесят семь, и с лица не глупый, и говорить нечего. Так что вдруг все три офицера заулыбались одновременно, а капитан спросил:

— Тебя в какие войска записали?

— В железнодорожные, — чуть помешкав, ответил Сашка.

— Фамилия Тужилин?

— Тужилин!

— Образование какое?

— Одиннадцать классов.

— Так он вообще школу с медалью окончил, — обратился к первому капитану второй, листавший тем временем бумажки из папки, лежавшей на столе.

— А чего же ты в армию пошёл, а не в институт? — спросил у Сашки снова первый капитан.

— А я поступил в институт, в сельскохозяйственный, только теперь хочу сначала в армии отслужить.

— Почему?

Сашка не ожидал такого вопроса, и вдруг ни с того ни с сего ляпнул:

— Несчастливая любовь!

— Какая любовь? — переспросил капитан.

— Несчастливая, — повторил Сашка, а про себя подумал: “Чего несую?”

— Понятно! В Москве будешь служить, в Кремле. Слышал? Есть у нас разрядка на одного человека — вот мы тебя и выбрали. Должен будешь советскую власть защищать. За тобой уже прибыли.

Сашка хотел что-то сказать про советскую власть, но промолчал.

— Губкин, — обратился капитан к сержанту, стоявшему у дверей, — отведи Тужилина в седьмой, пусть оформляют. Мы документы все потом подпишем.

5

Хотя в юношеских своих фантазиях Сашка Тужилин и мог себя представить где-то очень-очень высоко, почти на облаках, но не до такой же степени...

Ладно — Москва, ладно — Кремлёвский полк, так ещё ведь и казармы-то в самом Кремле, рядом с президентом России и рядом с Царь-пушкой. А скоро, может, и у Мавзолея удастся в почётном карауле постоять, только шаг ритуальный, кремлёвский надо отточить...

Шаг отточился быстро, а вот что со свободным временем делать, Сашка не знал — в увольнительные его часто отпускали, а куда идти? Вспомнились Сашке батькины слова о том, что в Москве люди такие же, как везде, и даже хуже, и погода, как везде, и даже хуже, и речка, как везде, но значительно хуже нашего Керженца. В Москве только Третьяковская галерея лучше, чем остальные галереи. Вот Сашка и повадился в Третьяковку ходить, когда его отпускали, — не в старую, настоящую, что на ремонт закрыта уже много лет, а в ту, что на Крымском валу расположилась как бы временно.

Довелось Сашке и у Мавзолея постоять, пусть один раз, но зато как результативно! Это потом беспорядки, связанные с нарушением Конституции, начались в Москве, и расстрел Белого дома, а уж когда бородатые мужики с криками да с иконами попытались толпой прорваться внутрь Мавзолея — отменили пост № 1, развернулись охранники главного памятника эпохе и ушли с Красной площади через чёрный ход, закрыв за собой вход в центральное советское святилище.

Но Сашка Тужилин успел.

Успел он с карабином без патронов постоять свой час на посту номер № 1, притом не вхолостую.

Кончался май, выдался солнечный тёплый день, запах сирени заносило из Александровского сада на Красную площадь, и... последний звонок.

Девчонки, сотни девчонок в школьных формах с белыми передничками заправили всё пространство перед постом № 1. Счастливые, смешливые, с круглыми голыми коленками, они не только сами волновались в этот день, но и сильно волновали мальчиков, стоявших в карауле около входа в нашу маленькую, но очень значительную ступенчатую пирамидку. И надо же было так совпасть, что в этот единственный за всю его жизнь час, пока Сашка Тужилин стоял на этом ответственный посту, прямо напротив, у металлических перил, ограничивающих толпу, какая-то пигалица, а иначе и не назовёшь, возникла, установилась на него и сначала стала высовывать язык и дразниться, потом скосила глаза и оттопырила уши. Сашка стоял, вытаращив глаза и стараясь даже не моргать. Он пялился на здание ГУМа и делал вид, что не замечает наглую девчонку. Но эта пигалица в коротеньком школьном платьице с белым фартуком, тряхнув толстой светло-русой косой с капроновым белым бантом, вдруг громко закричала, сложив ладошки рупором и не обращая внимания на окружающих:

— Я знаю, что ты меня видишь и слышишь. Приходи завтра в пять на ВДНХ к фонтану Дружбы. Я уже жду.

Вот так сложилась судьба Сашки Тужилина. Точнее сказать — почти сложилась, потому что потом она всё равно разложилась. А почему она сначала сложилась? А потому, что случилась у Сашки увольнительная на следующий день, и Сашка пошёл на ВДНХ к фонтану Дружбы и встретил там Полинку, Полю, девочку с соломенной косой, которая показывала ему язык около Мавзолея Ленина.

Чего там фантазировать — всё получилось с первого раза у девятнадцатилетнего солдата и семнадцатилетней московской выпускницы средней школы в тёплый майский вечер на скамейке парка ВДНХ. А через неделю состоялось уже официальное знакомство Тужилина с Полинкиными мамой и папой, Альбиной Степановной и Александром Сергеевичем Кружковыми.

Жили новые знакомые прямо в одном из арбатовских переулков в старинном четырёхэтажном доме без лифта, но зато с огромным чердаком, а теперь уже скорее мансардой, переоборудованной под художественную мастерскую с частичным верхним остеклением в виде широких двухстворчатых фрамуг. Папа у Полинки — художник, настоящий художник, а не из тех, что на Арбате стоят и портреты приезжих колхозников пишут. Больше скажу: он — главный художник Большого театра. Просто в Большом театре главных художников много: первый, второй, третий, по костюмам, по декорациям, по освещению буфетов — и все они главные! Так вот занавес для репетиционной сцены делали по эскизам Полинкиного папы, и денег, заплаченных за выполнение этого заказа, хватило бы на несколько лет безбедной жизни, если бы не проклятая революция — сожрала все деньги, что лежали на сбернижках.

Полинкина мама — подполковник милиции Альбина Степановна — была командиром взвода охраны очень важной государственной структуры. За этим скромным, условным “взводом” стояло мощное вооружённое формирование, подкреплённое таким телефонным правом, которому кое-кто мог бы позавидовать и в Кремле. Кроме того, она была ещё в Москве и дежурным по городу. И ещё много-много чего любопытного и не подлежащего разглашению замыкалось на эту миниатюрную, очень домашнюю и очень хозяйственную женщину, которая предпочитала форменной фуражке модную фасонистую шляпку, а папаче с кокардой — лёгкий берет из соболя.

Глубинка — это не где-то далеко от Москвы на краю земли, глубинка есть и в Московской области, причём такая же глубокая, как и во всей стране. Надёжный комсомольский лифт выдернул когда-то в “центр” эту девочку из её деревни, и она не потерялась, а стала нужным винтиком в механизме страны. Причём Альбина Степановна, будучи умной женщиной, обременённой богатым жизненным опытом, понимала, что можно жить либо по совести, либо по правилам. По совести она должна сейчас сажать редиску где-то в Подмосковье, а по правилам...

Начиная с московской Олимпиады, когда пришлось Альбине Степановне плотно посотрудничать с “чекистами”, они оценили её способности и уже не выпускали из виду, доверяя курировать точки, обслуживающие элиту страны, а это — почти весь Калининский проспект: от пивного бара “Валдай” до ресторана “Арбат”. Можно предположить, что по линии КГБ она ещё что-то курировала, несмотря на досужие сплетни на существовавшие трения между этими силовыми структурами.

Так вот, Альбина Степановна любила свою работу, но деньги любила тоже, и любила она их тратить — и свои, и чужие. Тратила Кружкова их на старинные книги, кабинетную бронзу и картины известных мастеров, которые покупала по сносным ценам и со знанием дела в московских комиссиях, благо товароведы подполковника в соболиной шляпке знали и сами ей звонили.

Старинная мебель из тополя, ореха и розового дуба эпохи Павла I Альбину Степановну не очень волновала: её в убогомрачительных количествах предлагала старая московская интеллигенция даром Большому театру. И этот поток контролировал Александр Сергеевич Кружков уже много лет

подряд — с тех пор, как стали её, эту интеллигенцию, постепенно переселять из арбатских коммуналок в хрущёвки, в Новые Черёмушки. Так что вся огромная квартира Кружковых с четырёхметровыми потолками была похожа на солидный государственный музей. В горках — русское серебро работы Овчинникова и братьев Грачёвых, фарфоровые статуэтки Гарднера да Попова, тарелки императорского завода. На стенах работы Клевера, Пукирева, эскизы Сурикова, Репина — всё по высшему разряду. Были у Альбины Степановны и голландцы: и Стен, и Остаде, и Давид Тенире-младший, но она их почему-то стеснялась и держала за шкафом.

Три большие комнаты, солидная кухня с окном, выходящим на лестничный пролёт, и маленькая тесная прихожая. Две спальни, родительская и Полинкина, выходили в гостиную, большую, сорокаметровую, посередине которой стоял дубовый стол на восьми ножках с восемью стульями, тоже старинными дубовыми, да ещё и с бронзовыми львами на спинках. Стол постоянно, в дежурном режиме, был накрыт белой накрахмаленной скатертью, и стояла на столе большая хрустальная ваза с яблоками или виноградом, или мандаринами — по времени года. Альбина Степановна всегда была готова к приёму гостей.

Мастерская Александра Сергеевича находилась тут же; надо было просто подняться по лесенке в конце коридора, которым заканчивалась лестничная клетка, и попадаешь в двухсотметровую студию, пусть и со стропилами и упорами, которые были ловко декорированы и не бросались в глаза. В торцевой стене дома, выходящей во двор, сделан специальный трёхметровый узкий паз, через который с помощью выдвигной небольшой лебёдки можно было станковые многометровые работы спускать из мастерской на улицу.

Огромным достоинством мастерской Александра Сергеевича был не её размер, а то, что благодаря таким размерам она имела ещё один выход — через соседний подъезд. И им пользовались не только многочисленные натурщицы, которые регулярно его навещали с целью заработать, но и вся богема города Москвы: мастерская функционировала круглые сутки. К женскому полу, регулярно посещавшему мастерскую мужа, Альбина Степановна относилась совершенно индифферентно в силу своей занятости и возраста. Во-первых, она не воспринимала всерьёз этих женщин, не верила в их значительность или значимость, а во-вторых, была она намного старше его, своего Кружкова, родила она Полинку поздно, уже во втором браке, и от первого своего, комсомольского, где были гормоны и любовь, не осталось у Альбины Степановны ничего, даже воспоминаний. В общем, она не очень уже нуждалась в физиологическом партнёре и в реально существующих соперницах не верила.

6

Время шло к ужину, но Альбина Степановна со службы ещё не появилась. В квартире было пусто, и ребята через коридорчик да по лесенке поднялись в мастерскую: Александр Сергеевич в майке-футболке с заокеанским орлом на спине, руки в брюки, с сигаретой во рту, задумчиво разглядывал свой чистый картон, закреплённый на этюднике. Рядом на табуретке стояла огромная кружка с чаем, а в хрустальной пепельнице лежала ещё дымящаяся трубка.

— Папка, ты что — одновременно куришь и трубку, и сигарету? А трубка эта у тебя новая? Я только что видела фотографию Сименона — у него такая же трубка. Это не он тебе подарил?

— Нет, не подарил. Но, может, ещё и подарит: он пошёл пописать и сейчас придёт. Это шутка такая у нас новая. А это твой новый ухажёр?

— Да, я вам с мамкой говорила.

— Тоже Саша?

— Да, я как-то к вам, к Сашам, привыкла.

— А тот предыдущий, зимний Саша, где? Куда ты его дела?

— Ту-ту, вылетел в трубу. Адыю-адыю. Привет-привет. Я его отправила домой, разбежались мы с ним.

— Тогда давайте знакомиться. Хотя надеюсь, что этот Саша тоже не последний.

Весь этот короткий диалог с налётом домашнего юмора, понятный лишь близким людям, происходил в присутствии Тужилина-младшего, и поначалу он даже не сориентировался, как реагировать на него, но быстро понял, что отчасти это проверка его на всхожесть и его понимание иронии, а значит, и на социальную принадлежность. Значит — пока что не надо реагировать, а пропускать всё мимо ушей; Тужилин, открыв рот, разглядывал мастерскую. Но тут её хозяин наконец-то повернулся к гостю и протянул руку:

— Александр.

— А я тоже Александр. Только, можно, я всё же вас по отчеству, Александр Сергеевич? Я так как-то не привык.

— Если хочешь, можешь Александром Сергеевичем, а привыкнешь — будешь Сашей.

— Наверное, не привыкну: всё же я солдат.

— Ну, и что же? Я тоже солдат, был солдатом двадцать лет назад. Только ведь наше солдатское у нас никто и никогда не отнимет. Это вон родительница Полинкина — только что майором была, а теперь — подполковником стала, а солдатом никогда она не была и не будет. Она потому тут и командует, и не только тут.

Зазвенел телефон. Телефон старомодный висел на стене рядом с дверью, и трубка его с рожком микрофона помещалась на торчащем крючке. Саша Тужилин уже обратил внимание на нарочитую эклектику в заполненности мастерской разнокалиберными, трудно сопрягающимися предметами: человеческие и кошачьи черепа рядом с гипсовыми отливками Венеры Милосской и Ники Самофракийской, рыцарские средневековые доспехи и деревянные с хохломской росписью братины, большущие канделябры из французской кабинетной бронзы на абрамцевском резном столе и тут же — тракторный граммофон с метровой трубой, а рядом — двухкассетный “Грюндиг” последней модели; и, конечно же, множество икон, да таких, каких в своих деревнях он, Сашка, никогда и не видел, они сияли, горели и жгли даже своей чернотой. А ещё — пространство вроде бы большой по площади мастерской было просто загромождено бесчисленным количеством старых, потёртых и даже поломанных диванчиков, пуфиков и кресел.

Александр Сергеевич снял трубку — звонила Альбина Степановна, Полинкина мама.

— Мама твоя набрала в гастрономе продуктов и просила её встретить, — то ли обратился, то ли доложил он своей дочери. — Пойду встречу, помогу.

— Нет, папка! Мы с Сашей сами её встретим. Ты пока чайник ставь. Мы минут через пятнадцать будем.

Быстро они сбежали с четвёртого этажа на улицу по широким лестничным пролётам. В подъезде какло не ожидаемыми кошками, а масляной краской, а на улице — не нависающей через забор сиренью, а горячим асфальтом. У Саши этой весной резко обострилось обоняние, и, с одной стороны, это радовало его, а с другой — чуть-чуть беспокоило: отчего оно обострилось? Может, пора съездить домой? В увольнительную удивительно часто отпускают, а вот в отпуск почему-то не хотят. “Надо ещё раз обратиться к командиру”, — подумалось.

По ступенькам вверх, в арку, и вот они уже на Калининском. Мамы не видно. Пришлось идти в гастроном. В отделе заказов на втором этаже она ждала. Пакетов было — больших — четыре.

— Мамулька, это мой Саша — я тебе говорила. Он нам поможет. Сколько ты сегодня набрала. Это всё нам? Пойдём!

— Нет, это заказы для Лёночки Дербенёва, Глазунова Ильи Сергеевича и Ларисы Васильевой, — ответила очень строго мама, передавая пакеты Саше.

— Ой, а Лариса Николаевна сегодня придёт?

— Наверное — по крайней мере обещала.

— А я так соскучилась по ней.

Поднявшись в квартиру, Альбина Степановна, не снимая летнего лёгкого пальто, а лишь скинув ботинки на довольно приличном каблуке, откинувшись, уселась в кресло на кухне, положив вытянутые ноги на второй стул.

— Ты иди и разбери пакеты — надо что-то там засунуть в морозилку, — махнула она рукой дочери. — А вы, Саша, присаживайтесь тут рядышком и за пять минут, которые мне просто нужны для отдыха, расскажете про себя. Ноги уже никуда не годятся. Да ещё — если не затруднит, позовите сюда из мастерской моего живописца. Надо мне поделиться с ним.

Но Александр Сергеевич, весь измазанный, распространяя вокруг себя аромат масляных красок, вытирая руки тряпкой, тоже воняющей, но растворителем, уже зашёл на кухню.

— Сашка, расскажу, не поверишь, — начала Альбина Степановна без предисловий. — Я снова её не узнала.

— Кого ты снова не узнала? Это интересно — кого ты всё время не узнаешь! Это может принести однажды неприятности или убытки!

— Поёрничай, поёрничай! Галину я не узнала, Галину Леонидовну Брежневу. Помнишь, пятнадцать лет назад я тут на кухне сидела, дрожала, потом всю ночь от страха заснуть не могла. А ты ещё ехидничал — суши сухари!

— Нет, не помню.

— Пятнадцать лет назад я стою в нашем гастрономе “Новоарбатском” на втором этаже, в отделе заказов, и разговариваем мы с заведующей — я только что входила в тему, как сейчас говорят. И вдруг какая-то неадекватная баба, прилично одетая, распространяя вокруг себя жуткую смесь аромата свежесыпной водочки и хорошего французского парфюма, врывается и начинает чуть ли не матом всех крыть: мол, я заказывала шесть сортов рыбы, а вы мне тут только пять! Да я вас всех! Мне пришлось взять её прилюдно за шиворот, подвести к лестнице и подтолкнуть. Директриса гастронома побледнела и в кресло — хлоп. А заведующая отделом заказов мне и говорит: “Вы что наделали? Это же Галина Брежнева, она всегда так хамит и всегда пьяненькая. Мы привыкли”. Я тогда пришла домой и всё ждала, когда меня арестовывать придут. Так и не пришли!

— Да, я помню — что-то такое было, — откликнулся живописец, успевший и вытереть руки, и достать из пакета банку чешского пива, — ты всегда мало пива берёшь.

— Так вот, сегодня, — продолжила Альбина Степановна, — я снова вытолкала взашей из отдела заказов пьяную старую противную бабу и спустила её с лестницы, и снова это оказалась Галина Брежнева. Она ещё жива и по-прежнему прикрепленна к нашему “Новоарбатскому”. Но уж больно страшна стала! Вот! И что ещё я тебе хотела сказать — сегодня Лёничка Дербенёв должен приехать и Лариса Васильева, давай их в мастерской примем?

— А ты говорила про Илью Сергеевича?

— Я думаю, что Глазунов водителя приплёт. Так я водителя пошлю подальше, и Глазунов завтра сам приедет.

— А что он, сегодня сам не сможет?

— Смочь-то сможет, только не захочет.

— А что это?

— А то, что должен он тебе: он обещал мне, что тебе заказ свой отдаст, а жалко. А чего там жалеть — денег там особых нет, да и не нужны ему деньги, он уже не знает, куда их девать. Академию ему подарили и вроде отбирать не собираются. Пусть бы и занимался своей академией. Так что всё у него тип-топ! А вот то, что за этим новым заказом люди новые и нужные стоят, я знаю, но, видно, и наш Илья стал догадываться. Вот он и заменжевался.

— А что за новые люди?

— Да не всё ли тебе равно? Ты работай, пиши, а я буду заниматься хозяйством. Ну, уж если тебе интересно — Гаврилы Попова больше нет, а новый мэр — это надолго, и эти люди новые — люди нового мэра. За ними большие заказы стоят и большие новые деньги. Помнишь, как на выставке у Саши Харитоновна на Малой Грузинской мы, точнее, я сделала вид, что

Сашу не знаю и по рекомендации Юры Селивёрстова купила у Саши картину за пятьсот долларов?

— Нет, не помню.

— Ничего ты не помнишь!

— Я помню то, что мне надо, а чепуху всякую запоминаешь ты.

— Так вот, тогда после выставки я пригласила всех к нам. Пошли Селивёрстов, Харитонов, кто-то ещё, человек пять, Володя Мигуля среди них. И какие появились у тебя шикарные заказы через Патриархию после вечера этого с лёгкой руки Селивёрстова!

— Да, я эти два года хорошо поработал.

— И поработал, и заработал! Вот сиюю кверху ногами уже минут пятнадцать, а состояние — будто в сапогах по-прежнему. Надо что-то с обувью делать. Я же не могу в ваших кроссовках ходить на работу. Саша, — обратилась вдруг, наконец, Альбина Степановна к своему новому гостю, — ты извини меня за невнимательность, надо выговориться, чтобы тебя слушать, уже не отвлекаясь. Ты сам будешь всё рассказывать или тебе задавать вопросы? Я это умею как милиционер.

— А чего рассказывать-то?

— Всё! Но за десять минут, а потом я ужин пойду готовить.

Тужилин кисло улыбнулся и, пожав плечами, продолжал смотреть на Полинкину маму.

— Ну, ладно, — пробормотала та, и тоже ухмыльнулась, но по-доброму, — у тебя папа, мама есть? Где они, как зовут?

Милицейский допрос длился недолго, и кратким было резюме:

— Придётся тобой заниматься. У тебя кто командир — полковник Кондратьев?

— Так точно.

— Поддай-ка мне телефон, — Альбина Степановна кивнула в сторону тумбочки, на котором стоял чёрный допотопный аппарат, но на длинном шнуре. Тужилин подал, а Альбина Степановна начала копаться в дамской полухозяйственной сумке, легко покрывавшей её, как и любой советской женщины, половину жизненных потребностей. В конце концов, она открыла маленькую потёртую записную книжечку и набрала номер.

— Коля, привет, это Алла, — и после некоторого молчания: — Ну, и слава богу! Коля, у тебя по первому году служит Тужилин Александр. Он сейчас в увольнении... ну, так узнаешь. Оставь его мне до утра, в семь ноль-ноль он будет в расположении.

Альбина Степановна положила трубку, потянулась и scomандовала:

— Так, иди мой руки и в гостиную. Я ужин буду готовить.

7

Когда есть понимание, что вопрос надо решить и решение вопроса всем на пользу, он решается моментально. Так, через месяц Сашка Тужилин уже в форме младшего лейтенанта милиции вышагивал каждое утро на службу в здание МИДа на Смоленскую площадь. Жил он теперь по решению родительского комитета, а точнее, Альбины Степановны, в квартире своей невесты Полинки — решили, что нечего ей, порядочной девочке, по подъездам отираться.

Регистрация и свадьба наметились на сентябрь, и венчание в храме Воскресения Словущего, что на Гоголевском бульваре, было тоже запланировано и обговорено. И заявление в загс подали.

Альбина Степановна не просто взяла в свои руки обустройство судьбы дочери с её очередным мальчиком, но и сделала эту идею руководящей в своей деятельности на какой-то неопределённый период времени. Чёткое понимание, что девочка её созрела и школу окончила, и пустое болтание по новой либерально-демократической Москве, её дворам, подвалам и подъездам, ни к чему хорошему привести не может, сформировалось. Да и что-то родное, зовущее её из детства, чудилось ей в Сашке этом новом; чудилось ей что-то такое сладкое и острое, чего она нахлебалась в своём начале деревенском,

но, видимо, не досыта. О той тяжёлой жизни, такой тяжёлой, что от неё надрываются насмерть раньше, чем это понимают головой, не любила она вспоминать. Спас её в своё время комсомольский лифт, вознеся почти до уровня хозяев жизни. А сама, привязанная к этому лифту, она была испорчена как раз им, испорчена этой ежедневной, ежеминутной борьбой за удержание своего социального уровня, который с некоторых пор стал определять всё в её жизни. И тут — она вдруг увидела в Сашке что-то реальное и настоящее, что, хотя и редко, но всё же иногда таится в совершенно неожиданных людях, которых хотя всё меньше и меньше становится вокруг, и чего давно уже не встречала она в своём домашнем божественном и служебном милицейском окружении; а ведь знала она о возможном существовании такого цельного существа, и втайне она думала о таком, и вот. Этот не предаст, не бросит, это настоящий мужик.

По секрету от близких, то есть от семьи, она организовала себе командировку в город Горький, а теперь уже в Нижний Новгород, и вовсе не служба того требовала. Захотелось ей посетить родные Сашкины Кержаки и познакомиться с его отцом, будущим своим сватом, без посторонних. Плохо она подготовилась, точнее — неправильно подготовилась: думала королевой в деревню заявиться, думала удивить.

Не получилось: старший Тужилин сразу разноухал сущность московской дамочки — налёт с пылью столичные да что-то сущность больно родная, сельская. Хотя за стол гостью усадил, чай заварил, пряники свои любимые выставил — ждал он её, Сашка позвонил. Начала Альбина Степановна вроде правильно, с нейтральной темы — спросила про куниц:

— Александр Иванович, а нельзя ли у вас тут договориться и заказать сразу наибольшую партию кунных шкурок на шубку нашей девочке?

— Отчего же, — отвечал Тужилин, — конечно, и заказать можно, и купить. У нас тут ещё не перевелись охотники-промысловики. Всё сделаем.

— Вот и хорошо! Значит, за вами кунья шубка для Полинки, свадебный подарок. А я с вашими промысловиками ещё хочу кое о чём переговорить, познакомьте меня.

— Да, познакомлю!

И почувствовала Альбина Степановна холодок в этих словах Тужилина или показалось?.. Но не смогла уже дать задний ход Альбина Степановна, отыграть в своё детство деревенское да похитрить маленько, да прикинуться уставшей, не успела — не сориентировалась сразу. Надо было сказать, что мозоль натёрла! А когда озвучила она сумму, в которую может вылиться московская свадьба, опять спохватилась и опять опоздала рот закрыть. А точнее, поторопилась она с деньгами, а может, и вообще не надо было про деньги? Хотя что тут неприличного: свадьба — это всегда траты большие. Может, не надо было сразу про суммы московские? Нет, не удивила! Тужилин только глазки сощурил:

— Вот что, сватья дорогая, пока что юридически и недооформленная, докладываю: денег таких у меня нет, и не обессудьте. Люди мы простые, русские, деревенские. Сашке я своему на женитьбу ещё добра не давал и невесту не видал. Сколько есть сейчас в доме у меня денег, возьмите, — положил Тужилин старший пакет с деньгами на стол, — вот рыбки, медвежатины или лосятины, мёду, грибов могу сколько хотите дать. Этого добра найдём. А денег — ну, есть у меня ещё чуток в загашнике, отдам, сколько есть. Не ругайтесь сильно.

Натянутость возникла между будущими родственниками.

Хотя и к охотникам насчёт пушнины поговорить Тужилин сватью будущую сводил, и к скорняку местному, который шкурки выделывает. Договорилась с ними Альбина Степановна по-деловому и настояла, чтобы аванс взяли. Пытаясь как-то подсластить “холодный чай” домашний, от которого осадок остался, прогулял Александр Иванович московскую милиционершу с километр по Трубе, рассказал кое-какие легенды местные, пожаловался, что двадцать лет не может ни с кем из начальства договориться, чтобы трубы канализационные ему на вертолёте затащили в его лесную глушь.

— Я тебе, Александр Иванович, чтобы как-то задобрить или как-то за-
гладить знакомство наше не очень тёплое, обещаю: вертолёт с трубами, по-
жарный или военный, или какой-то другой у тебя будет. Жди!

А вскоре и Сашка со своей невестой приехал на неделю на свою малую
родину (будущая тёща подуетилась с отпуском), чтобы самому порадовать-
ся и Полинке похвастаться красотами своими, точнее, лесными. Вот тут уже
старший Тужилин с ним серьёзно говорил, выразив серьёзные сомнения.

Была у Александра Ивановича в Кержаках настоящая русская баня при
биостанции, которую довольно часто использовали для приёма избранных
гостей. И районное, и областное начальство любили сюда приезжать. Отлич-
ная баня: и парилка, обшитая липой, и гостиная с самоваром и диванами,
в которой не стыдно даже самых важных гостей принять.

Умудрились отец с сыном, уединившись от Полинки, поговорить в бане,
пока ту готовили, топили.

— Ты пойми, сын, денег не жалко: это бумага! А вот ради денег всю
жизнь проставить — это гибель. Гибель человека, точнее, гибель той нату-
ры внутренней, что человека человеком делает. Мало того, что эта жажда
накопительства, это стяжательство разъедает личность в труху, так это ещё
и привычкой, болезнью становится, страстью, как у наркомана или игрока.
Только незаметно это происходит: и не стыдно, и не попрекнёт никто, будто
это рвачество, это желание занять как можно больше денег и благ является
уже чуть ли не добродетелью какой-то. Страшно это — то, что заболевает сей-
час этой болезнью очень много умных и порядочных людей, и не замечают
они этого. Так ведь и у детей это стало уже появляться. Я тебе расскажу: вот
мы с твоей мамой ещё в городе жили, и были у нас друзья Осиповы, и была
у них дочка Маша, годов пяти, наверное. И вот приходит Машенька эта раз
из детского садика вечером домой и говорит: “У нас один мальчик сегодня
нехорошее слово сказал”. “Какое же это такое слово?” — спрашивает опас-
ливо у Машеньки мама. “Деньги!” — отвечает Машенька. Ты понимаешь,
сын, в то время даже пятилетняя девочка знала, что слово “деньги” — сло-
во нехорошее. Потому я и называю это явление болезнью; ведь этим, как
гриппом, может незаметно заболеть и умный человек. А вот предохранять-
ся надо. Полинка твоя простая и добрая, и неиспорченная, береги её, а на
свадьбу я к вам не поеду! И не уговаривай. Да и родственникам нашим но-
вым про то, что я не приеду, не говори. Пусть так случится! По поводу тво-
ей женитьбы — я не возражаю, дело это серьёзное, а ты уже мужик взрос-
лый. Кстати, если интересно, — все три твои невесты, и двойняшки эти,
и третья, чёрненькая, замуж повыскакивали ещё зимой. Что значит созре-
ли! И ещё: ты со своей девчужкой до прорана, что на Трубе, доезжал?

— Конечно, мы на Керженец купаться ездили.

— Так вот, мы там проран готовимся забетонировать намертво. Догово-
рилась твоя тёща будущая с пожарниками-вертолётчиками, не обманула.
Те приезжали, всё посмотрели, через две недели пару железобетонных труб-
восьмисоток по воздуху приволокут нам, и мы поставим их поперёк насыпи,
под лежнёвкой, на веки вечные. Кстати, про тёщу твою: баба она самая про-
стая, деревенская, да только детство у неё голодное было. Недоедала она
в детстве, вот и не наестся всё никак, и хватает всё.

К мамкам в Арзамас удалось сгонять на мотоцикле (дождалась “Ява-350”
хозяина!), пригласили их на свадьбу. Те и приехать обещались, и сказали,
что подарок уже придумали: ключи от дома деревенского отдали, в котором
мама Нина родилась и в детстве жила. Переоформить в собственность пообещали
в ближайшие дни. Дом смотреть не поехали — отложили на потом.

Ездили и в лес по грибы, и на Керженец купаться, и по посёлку то с рё-
вом, то с визгом, то с урчанием. Полинка визжала, мотоцикл урчал. Полин-
ка попросилась за руль — Сашка доверил, но не смогла удержать тяжёлую
машину маленькая невеста, уронила, чуть ноги не отдала. А вот стрелять
из дамского французского ружья “монтекристо” по банкам Полинке понрави-
лось, и результат неплохой был. Старший Тужилин даже уговаривал молодых
остаться ещё на неделю, на открытие охоты. Отказались. Хотя Сашка успел
показать Полинке кое-какие чудеса позднего летнего леса и кроме грибов.

На старой лесной опушке со сваленными полусгнившими деревьями он усадил свою ненаглядную на пенёк и вытащил из кармана старинный медный манок. Раздался тихий и тонкий свист, потом ещё раз, и тут из какой-то чащобы, из-за кучи полусгнивших прошлогодних листьев, не торопясь вышла небольшая курочка и направилась пешком прямо к Полинке. А за ней вышли одна за другой ещё четыре такие же курочки. Но хрустнула ветка под ногой у Саши, и все пять птиц с шумом поднялись и улетели. Правда, одна, самая любопытная, уселась на ветку ёлки невдалеке, метрах в десяти, и ещё с полминуты смотрела на людей.

— Это кто? — спросила Полинка.

— Рябчики. Выводок. Они ещё ничего не боятся. Я манком их подманил — таким свистом их мамка собирает.

На дальний новый кордон, который только что построили для научных звероводческих нужд совсем уже в глуши, на берегу его любимого Гусиного озера, добирались тоже на мотоцикле, и долго. База, или кордон, как её звали работники, по каким-то специфическим причинам находилась на другом берегу озера, и из-за топких заболоченных берегов добираться туда приходилось в объезд.

Ехали на мотоцикле по Трубе, звуки выхлопа растекались, теряясь в мрачном лесу и не вызывая эха. Свернули в лес около прорана, ручеёк журчал — промоина в насыпи была и широкая, и глубокая. Метров за двадцать до прорана был замечен спуск с насыпи в лес для объезда, там ручеёк представлял собой просто лужу. Хотя по тому, как были расчищены подходы к злополучному месту, Саше показалось, что тут готовится что-то серьёзное, и перемены будут.

На кордоне их не ждали, но трое молодых ребят, два научных сотрудника и лаборант, встретили гостей с радостью. Приехали как раз к обеду. Прекрасная погода звала к романтике, и обед готовился на костре — уха из окуней и щурят.

Можно спорить до посинения по поводу правильности приготовления настоящей волжской рыбацкой ухи и услышать при этом, что в неё следует добавлять и помидоры, и рис, и наливать водку в закипающий котелок, и разрешается для вкуса придумывать совершенно фантастические ингредиенты. Чепуха!

Главное для приготовления хорошей ухи — это свежая рыба и вода из того же водоёма, где эта рыба жила. Вода на костре в ведре или котелке должна закипеть вместе с головкой лука и выпотрошенными мелкими окунями, которые после надо будет выкинуть — хотя тех, что крупнее 200 граммов, можно и оставить для дальнейшего употребления; кроме того, кладутся сразу же в холодную воду при наличии: порезанная картошка, перец-горошек и лавровый лист. Свеженький, мелко порезанный укропчик — на стол. А вот в уже кипящую воду запускаются куски рыбы; если это щучья уха, то вкуснее всего щурята весом от пятисот грамм и до килограмма. Варится свежая рыба три-пять минут. После чего она выкладывается на отдельное блюдо или поднос и присаливается, пересолить не страшно — рыба берёт соли столько, сколько ей надо. Вот тут уже можно и вышить сто граммов водки, а юшку вкуснее всего хлебать деревянной ложкой, не так горячо, а хлеб нужен ржаной и свежий.

Стерляжья уха готовится так же, только обязательно надо срезать с рыбин и боковые, и брюшные шипы — ну, и со спины тоже. Просто я остановился на щучьей по той причине, что эта уха считалась всегда классической, а у старорежимных врачей ещё и самой диетической и лекарственной пищей для больных и детей, куриный бульон шёл за ней следом. Помните, как в кинематографической классике: “Митька помирает, ухи просит!” — это неспроста.

Уезжали из Кержаков на обычном рейсовом автобусе. В окно увидели, что на выезде из посёлка стоял человек, дедуля в тулупе. Он смотрел вслед автобусу удивлённо.

Жизнь в стране в начале девяностых менялась не просто на глазах, а значительно быстрее: не только глаза, но и мозги не успевали замечать перемены. Хотя не везде и не сразу что-то менялось быстро: вот учёные-биологи, что жили на кордоне, на Гусином озере, этих перемен не замечали, да и художники с музыкантами, которые творили в своих мастерских, не очень за этими переменами следили. А у Тужилина-младшего перемены случались чуть ли не каждую неделю: я не про свадьбу, которой вряд ли стоит кому-то избегать, но вот, вернувшись из своих родных Кержаков, он узнал, что подсустилась за время его отсутствия Альбина Степановна, и комиссовали его из армии, точнее, из внутренних войск, по здоровью — у него и не спросили. Служит теперь Сашка в каком-то ЧОПе, с которым у его, Тужилина, бывшего милицейского подразделения заключён договор. И получает он, Тужилин, теперь нормальную зарплату, только денег в его зарплате в несколько раз больше, чем у полковника, его бывшего кремлёвского командира.

Служба у Тужилина теперь сутки через трое, хотя и в свободные дни часто выдёргивают на всякого рода оперативные мероприятия.

Полинка позанималась пару дней со специальной профессоршей, солидной дамой с нерусской фамилией, и была зачислена в какую-то коммерческую художественную академию.

Каждый вечер, а чаще — ещё и с обеда начинаются у семьи мероприятия: выставки, презентации, концерты, спектакли, и везде надо быть обязательно, чтобы не выпасть из обоймы светской тусовки. Если вечером нет концерта, то дома обязательно приём: на столе — бутылки, фрукты, соленья, и гости творческие успехи и проблемы обсуждают. Тужилин обычно ложился спать в одиннадцать, но и до того времени успевал нахлебаться разговоров художественных досыта — ведь это же каждый день!

Обычно первые гости приходили по одному, после телефонного звонка, вроде как по делу, а вот затемно, после спектакля или юбилея какого-нибудь могла завалиться и компания весёлая, но это уже не в квартиру, а в мастерскую. Если по делу какому-то приходили, то Альбина Степановна принимала в гостиной за сервированным столом и угощала даже. Но всё равно, если засиживались, то после одиннадцати тихонько перебирались к Александру Сергеевичу в мастерскую, там уже и догуливали.

— Вот посидеть по-семейному, по-домашнему вообще не удаётся, — пожаловалась как-то раз Альбина Степановна Сашке, — понимаешь, раньше — то ЦДЛ, то Дом кино, то Домжур, кафе, рестораны. Там они все сидели, там выпивали, там задачи всяческие решали, договоры договаривали, а теперь — не знаю что! Ну, что я, мёдом намазала, что ли, для всех дом-то наш? Ведь вот к нам прут, кого не ждут. Даже стихами заговорила — не видано! Кстати, Саша, когда я была у твоего батьки в Кержаках, то он мне рассказал про заботу его, связанную с прораном на так называемой Трубе. Мои друзья из управления пожарной охраны обещали помочь, и вот сегодня позвонили и доложили, что вертолёт на этой неделе будет, и трубы канализационные, самые большие, какие найдут, на место поставят. Жди звонка от отца.

— Мамуля, дом ты наш давно уже мёдом намазала, — выскочила из своей комнаты на кухню Полинка, — и мы все, как духовные вампиры, подпитываемся от этих наших гостей постоянных. Как вон Сашенька мой — в лес пойдёт, а там зайчиха с зайчатами на зелёной лужайке играет, он смотрит на них и тоже подпитывается.

— Да, сейчас, в августе — это листопаднички. Это редко случается, обычно зайчихи в марте родят и в снегу своих зайчат выкармливают. И действительно, правильно ты говоришь — посмотришь на этих весёлых ребят, что по сугробам прыгают, и радостью наполнишься. А то вон ваш Коля Гнатюк принёс новую афишу, хвастает — там он в белом костюме запечатлён. На деле Коля приятный нормальный мужик, а на афише в этом белом смокинге — как официант, что ли? И чем там хвастать-то? Может, он от этой афиши тоже подпитывается?

— Ага — подшитоывается, и мы тоже подшитоываемся! Ты представляешь, Саша, буквально в последнее воскресенье, вас тут не было, приходит Серёжа Куницын, днём это ещё, а его папа — главный редактор журнала “Наше время”, не можем мы ему отказать в нашем доме и нашей компании. Он молоденький мальчик, умный и радостный такой, возбуждённый пришёл и говорит: “Сейчас иду с демонстрации. Это счастье какое: мы идём с Зюгановым, с портретом Ленина, а рядом архимандрит Михаил со всей своей братией и с хоругвями!” Это до какого же идиотизма мы дожили, если Зюганов с Лениным и поп с хоругвями в одном строю, чуть ли не в обнимку, и об этом с восторгом говорит русский писатель — Серёжа Куницын только что книжку написал и выпустил про Маяковского и Есенина. Раскопал он где-то ещё какие-то подтверждения, что их обоих ГПУшники убили и никаких самоубийств не было, хотя эти сплетни уже надоели всем.

— Ну, что ты, мама, Серёжа действительно хороший и умный мальчик, а то, что он экстравагантный, так это все знают. Кстати, он сегодня вечером придёт — я обещала познакомить его с Иосифом Давыдовичем. Он ведь будет, ты говорила?

— Полина, Куницын к нам постоянно шастает, так это только потому, что он на тебя глаз положил. Но теперь я его отважу, если он сам не поймёт, что место занято. Ребята, я так счастлива за вас, за вашу любовь. Ведь такое редко случается. А Иосиф будет. И Савва Ямщиков с Мишей Шварцманом придут ещё. Они хотят поговорить о новом заказе, очень денежном, с папой. Даже не о заказе — Питер готовится отмечать трёхсотлетний юбилей, и хотя до юбилея ещё далеко, но завтра там, в Питере, состоится первое заседание экспертного совета. В этот совет входят сто пятьдесят человек, и наш папа в том числе. Под это дело я зарегистрировала на вас троих новое предприятие ТОО “Академия реставрации”. Надеюсь, что кое-какие заказы от Собчака мы получим, а потому завтра нам надо быть в Питере. Сегодня папа хотел кое о чём поговорить с Иосифом, он очень доверяет Иосифу Давыдовичу, когда речь идёт о деньгах. Помнишь, как Иося Володю Мигулю продвинул, а ведь всего-то навсего научил того, как деньги заработанные делить надо: тридцать процентов отдай тому, кто тебе заказ подогнал, тридцать на раскрутку пусти, то есть на рекламу потрать, там, на радио или телевидении отдай, кому надо, а вот на остальные живи. Когда Мигуля триста рублей зарабатывал, так он с воды на хлеб перебивался: на оставшиеся ему сто рублей не очень-то в Москве разживёшься, если ещё и комнату надо снимать. Когда тридцать тысяч долларов стал зарабатывать, то на десять тысяч стал жить. Зато теперь у Мигули и “мерседес”, и сам он весь упакованный. Иосиф рассказывал, помнится, как его, ещё совсем зелёного, в первый раз на гастроли за границу, в Болгарию или в Грецию, оформляли, и опытные ребята из Министерства культуры подсказали, чтобы он для Кати Фурцевой из загранки шубу привёз. А денег ему на поездку в обмене дали — как раз в обрез на две шубы хватало. Так он обе шубы Фурцевой-то и подарил. Она оценила! Уж не знаю, зачем ей столько шуб надо было, наверное, каждый, кого она на гастроли отправляла, ей по шубе и привозил! Только с загранчными гастролями после того случая у Кобзона всё стало просто отлично.

Так сидели они и болтали, пока сумерки плотно не заполнили жилые комнаты, и лица совсем уже стали неразличимы. Александр Сергеевич вошёл шумно, включил все люстры, бра, и сразу запахло живопиесью, масляными красками и растворителем: перемазан был Александр Сергеевич изрядно.

— Вы тут заболтались, а я там заработался. Кстати, Альбина, там у меня в мастерской сейчас Галина была, так вот...

— Какая Галина?

— Ну, какая Галина, какая Галина? Галя-труба. Я тебя прошу — с ней будь полюбезнее, она тебя боится с некоторых пор. И ещё — дай мне всё чистое, я под душ пойду.

— Иди под душ, я тебе всё принесу, а насчёт полюбезнее, так любезнее, чем я, уже и не придумаешь.

— Мама, а почему Галя-труба? Она такая интересная и добрая тётка. Ей сколько лет, лет пятьдесят уже? И кем она сейчас работает?

— Да, пятидесяти-то ей, наверное, нет, а вот сорок есть точно. Работает она художником по костюмам в Большом театре, а вот почему труба, а потому и труба, что добрая. Это вообще у Миши Шварцмана лучше спросить, он интереснее расскажет, он в лианозовскую группу, по-моему, входил когда-то, хотя и на Масловке жил, а Галина эта тоже к лианозовским какое-то отношение имела.

Раздался звонок в дверь.

— Непонятно, — через губу промолвила Альбина Степановна, — свои все знают, что двери у нас днём не закрываются. Кто бы это? Саша, открой.

Но открывать двери не пришлось: в комнату прошли с шумом и разговорами сразу трое.

— Звонки — это предупредительные, а то, может, кому-то одеться надо, а тут мы.

9

Пришли три художника, все трое бородатые: Савва, Миша и...

— Знакомьтесь, это Вова — художник, — представил Савва, — тоже наш, когда-то лианозовский.

— Ой, Савва, Савва, — защебетала Полинка, — а вот вы знаете Галю-трубу? А может, и ваш Вова-художник знает?

— Вова, ты помнишь Галю-трубу?

— Конечно, помню, только не знаю: вашу Галю-трубу я помню или не вашу. И вообще, вы про Галю-трубу или про Таню-трубу? — ответил только что представленный гость этой квартиры.

— Про Галю, про Галю! Вова, а расскажите, почему она Галя-труба и какой секрет с ней связан?

— Полинка, ты подожди. Сначала поставь чайник, подай фужеры для шампанского, а потом Вова тебе всё расскажет. Ты замуж ещё не вышла? — прогудел Савва.

— Нет — через две недели.

— Значит, пока без некоторых подробностей он тебе расскажет.

— Так, может, лучше через две недели с подробностями рассказать? — спросил, хитро улыбаясь, художник Вова.

— Нет, нет, давай, Вова, сейчас, и со всеми подробностями, а потом бери свою революцию делать, — опять загрохотал на всю комнату Савва. — Ты знаешь, Альбиночка, Вове позвонили сегодня и попросили прийти на защиту Белого дома. А он вот — за нами зашёл, с собой позвал. А я по-дружески Юре Лужкову позвонил, и он мне сказал, чтобы я никуда не ходил и ничего не защищал. Мы ведь с Лужковым в детстве в одном бараке жили. Как, по-твоему, надо нам идти защищать Белый дом или нет?

— Никто отсюда на защиту никакого Белого дома не пойдёт — это приказ. И никакой политики в этом доме никогда не будет. Рассказывать подробности того, что сейчас в стране происходит, я не могу. И не могу не потому, что не могу, а потому, что не знаю и никто не знает.

— Ну, меня-то уже ждут, Альбина Степановна, — прогнусавил как-то противно Вова-художник.

— Тогда вот ты и катись на свои баррикады, но сюда больше не приходи.

— Тогда я побегал. Так, только сначала слушайте: я расскажу вам про Галю-трубу, а может, это и про Таню-трубу. Хотя, в принципе, это без разницы. Я тоже долго не мог понять, почему она Галя-труба. Вот уже жизнь прожил, а до сих пор не знаю: можно шизофреникам в брак вступать или нельзя? Не подумайте — я не про себя.

Так вот, лет двадцать с гаком назад наша Галя-труба была хозяйкой довольно известной квартиры на Трубной площади, где по вечерам собирались поэты, художники, артисты и прочие сумасшедшие, пили вино, чай, курили и трепались. Галя-труба была барышней в теле, смуглая южная красавица, и голос у неё был звонкий и громкий, как походная труба. Папа у неё был генералом, служил где-то в Сибири и квартиру ей снимал в Москве — только бы она к нему не возвращалась. Просто Галя приехала сюда в Москву,

чтобы учиться в театральном училище, да не поступила, вот и застряла. Я долго считал, что она была Трубой по той причине, что жила на Трубной площади, но это оказалось не так. Всё оказалось куда сложнее. Думаете, она пирожные-трубочки любила? Нет! Влюблены были в неё Дима Иткин и Илья Битман, оба проверенные медицинским способом шизофреники. Кто их помнит, может это подтвердить. Законченные шизики, проверять не надо. Оба они предлагали Гале руку и сердце, и всё безуспешно. Безуспешно потому, что Галя им обоим подробно объяснила — шизофреникам брак запрещён. Это самое дело, ну, интимное, — пожалуйста, а в законный брак — нет! И жила она и с Ильёй и с Димой по очереди или сразу вместе — не поймёшь уже сейчас. Потом случилось, что Дима всё же женился на Гале, и Илья Битман так разволновался от этого, что даже стрелялся. Это от неправильно разделённой любви. Но стрелялся он из какого-то самопала, а потому только руку обжег. А перед этим он довольно долго пытался выяснить, почему ему, психу, жениться не разрешают, а Иткину, тоже психу, разрешили. То ли Иткин не шизофреник, то ли его папа, профессор, с кем-то договорился. Вот такая история. В общем, Олег Клошкин мне потом всё объяснил про Трубу, в смысле — почему она Труба! У Гали были перевязаны фаллопиевы трубы, и она своим мужчинам всегда об этом говорила, предупреждала, чтобы они ни о чём не думали и не волновались по поводу залёта. Да она тоже, наверное, шизофреничкой была, потому и разрешили им жениться.

— Фу, какая гадость! — фыркнула Полинка, взмахнув одной рукой, словно больная птичка, и прошла в свою комнату, хлопнув дверью.

Пока Вова-художник рассказывал свою историю, Альбина Степановна с телефонным аппаратом ушла на кухню, плотно закрыв за собой дверь. Но довольно скоро, выйдя снова в гостиную, она решительно приказала:

— Ты, Вова-художник, быстро собираешься и уходишь, вы двое ждите, а ты, Саша, — она как-то замедленно ткнула пальцем в сторону Тужилина, — иди, поговори по телефону там на кухне.

— Аля, там что-то случилось? — услужливо спросил Савва.

— Да, случилось, но вас это не касается. Это семейное. И, в общем, довольно серьёзно всё. Наверное, никакого разговора делового не получится у нас с вами сегодня, друзья. Мы завтра в Питере должны делами заниматься, а у Саши папа погиб. Так что никаких пока что соблезнований, потихонечку собирайтесь, а мы будем думать, как дальше жить. Только, ты, Вова-художник, и вы, друзья мои, — не советую я вам ходить к Белому дому, купите-ка вы лучше бутылку да шли бы к кому-нибудь в гости. Там, у Белого дома, всё будет по-взрослому. Не завтра, так через неделю.

Трое художников-бородачей как-то сразу засуетились, засобирались, а Савва неуклюже ткнулся целовать ручку Альбине Степановне на прощание. Но она это не одобрила, а довольно уверенно, окучивая двумя руками, двинула своих гостей на выход.

Саша Тужилин сидел на кухне с телефонной трубкой в руке, и на всю кухню из неё разносились зовущие короткие гудки. Полинка стояла перед ним на коленях, обняв Сашины ноги и положив на них голову.

Звонил по телефону Варакин. Это он говорил сначала с Альбиной Степановной, а потом и с Сашей.

Тужилин-старший руководил установкой в проране бетонной трубы большого диаметра, которую притащил на стропях в этот лесной край пожарный вертолёт. Она должна была закрыть проблему с ежегодным прорывом дамбы. Планировали поставить два пятиметровых бетонных слива диаметром восемьсот сантиметров. Беда случилась ещё до обеда. Как Тужилин соскользнул в эту яму с болотной жижей, в которую ложилась труба, никто не понимал. Выдернуть трубу вертолёт сразу не смог: в ней весу две или три тонны, а её ещё и засосало сразу. В общем, пока пригоняли экскаватор, а потом ещё и подъёмный кран...

По распоряжению Вадима Базарова, полковника КГБ, который теперь стал руководителем службы безопасности губернатора, генеральская чёрная “Волга” за Сашей Тужилиным в Москву давно вышла и должна быть у его дома на Арбате примерно часа через два.

Альбина Степановна пыталась взять переговорный процесс в свои руки, объясняя по телефону сложное, почти революционное положение, складывающееся в Москве: баррикады, военные патрули, толпы народа. Варакин жёстко подавил её призывы, пояснив, что ситуация московская им хорошо известна, все решения уже приняты, и машина со спецсигналом, радиотелефоном и всеми представительскими пропусками через пару часов заберёт Сашу с Полиной.

— Полинка, солнышко моё, иди, собирайся, у нас два часа, — почти шёпотом произнёс Сашка.

Глаза его были сухими и холодными, но голова чуть заметно тряслась. Сам он при этом провалился в какой-то туман, и звуки и голоса доходили к нему откуда-то издалека; даже те слова, которые произносил он сам, казались ему чужими, а картинка перед глазами казалось нереальным сном, и понимал Сашка, что сейчас он потеряет сознание.

— Вот выпей, это валерьянка. — Альбина Степановна сунула силой в руки Сашке хрустальный наполненный стакан, а сама уже наливала во второй коньяк из фигуристой большущей бутылки.

Только выпив две эти ёмкости, Сашка вернулся из пропасти полузабытья. — Саша, мы с тобой сегодня никуда ехать не можем. — Это уже Полинка гладит его по голове. — Сейчас ты успокоишься, а завтра мы все вместе едем в Питер, там судьба наша решается: и папина, и наша с тобой. Мы поедем в Кержаки на девятый день, бывает, что так иногда делают.

— Полинка, солнышко, ты что, с ума сошла? Так делают, когда больше никаких вариантов нет, а за нами уже машина идёт. Собирайся!

— Саша, Полинка правильно тебе всё говорит: поедете на девятый день. — Это снова врезалась Альбина Степановна. — Ну, хочешь, я сейчас Варакину позвоню и объясню ему всё. Ты понимаешь, что завтра в Питере решаются такие деньги, от которых отказываться нельзя и которые второй раз в жизни не предлагаются. Собчак зовёт. Это почти приказ. Там миллиарды, там миллионы долларов, там будет обсуждаться празднование трёхсотлетия города, которое уже почти на носу. Неделю назад я зарегистрировала новое предприятие ТОО “Институт реставрации” на вас троих с Полинкой и с папкой, и наш институт, и мы все там заявлены в экспертную комиссию. Что-то должно там обломиться и нам. А возможно, что через год вы с Полинкой уже переедете жить и работать в Питер. Всё решится завтра.

— Альбина Степановна, мне насрать на ваши деньги, на ваши миллиарды и на вашего Собчака! Вы понимаете, что у меня папа умер... Папа погиб!..

— Саша, у всех папы умирают, у меня три года назад тоже папа умер. — Это уже Александр Сергеевич влез совсем не по делу.

— Да вы понимаете разницу: то был ваш папа, а это мой папа. Ведь любая смерть — это с какой стороны посмотреть. Это же большая разница, как несчастье и беда. Что же ты этого-то даже не понимаешь, Александр Сергеевич!

Дверной звонок ударил неожиданно — не ждали так быстро. Альбина Степановна открыла дверь, и всем было слышно, как она сказала кому-то:

— Мы сейчас спускаемся, ждите.

Полинка чмокнула Сашу на кухне в щеку. Альбина Степановна спустилась с ним во двор. Синий милицейский проблесковый маячок тревожно вращался, бликами освещая тесный тупик московского дворика.

— Господи, упокой душу отца твоего, Саша. Пусть земля ему будет пухом... Ты, наверное, больше не вернёшься, не приедешь?

— Приеду, Альбина Степановна, через десять дней. Вы там, на работе, моим объясните, скажите, что я административный напишу.

— Скажу, Саша. Возвращайся скорее. И прости ты нас.

МУШНИ ЛАСУРИА

МОЛИТВА

(Отрывок из поэмы “Звезда рассвета”)

* * *

А я сегодня в Иерусалиме.
В монастыре Крестовом столько книг!
Не всё исчезло в пламени и дыме...
Я счастлив, что желанного достиг.
Склоняюсь в тишине над письменами,
Сколь многое сокрыто в этом храме!

И что я вижу!.. “Чёрный Иоанн”¹,
“Пицундский Иоанн”, — такое имя
Исходит из писаний сквозь туман...
Ты — здесь и там с деяньями своими!

Сюда, учёный! Ждёт тебя давно
Посеянное некогда зерно.
Коснись его — живой воспрянет колос!
А нет — исчахнет всё, что здесь боролось,
Зерно познания, ссохшись, сгинет даром...

Вот письмена, изученные Марром...²
Пергаментами занимался он...

ЛАСУРИА Мушни Таевич родился в 1938 году, известный абхазский поэт, учившийся в России. Автор нескольких сборников, переведённых на русский язык в 1960–1980 годы.

Так много этой памяти времён
В Европе, на Руси, в горах Кавказа
И в Азии!.. Скрывается от сглаза
В сокровищницах пыльных стольких стран!
И ты забыт, затерян, Иоанн!

Я всё листаю старых книг страницы,
Где есть упоминанья о тебе,
Текущие, как бусин вереницы...
Померкла память о былой борьбе,
Твой мир переменялся, многолицый.

Была тебе твердыня эта домом,
И, если стены вдруг заговорят, —
Напомнят об отшельнике знакомом,
Здесь обитавшем столько лет назад.

Сын Питууса, ты ведь был абазгом,
Сюда добраться церковь помогла,
И в этом храме, издревле кавказском,
Твой голос внятен и душа светла.

Ты здесь трудился, презирал безделье,
Читал, писал, ютился в тесной келье.
Глядели все, как буквы выводил,
Склонялся, призадумавшись, над словом.
И восхищались, будто чем-то новым,
Диковиною ты для здешних был.

Историю святых из Питуунта
Писал ты, загораясь поминутно.
Вложил всю душу в эти жития.
К преданиям, к абхазским шёл истокам,
Весь воплотился в подвиге высоком,
Чтоб родина прославилась твоя.

Мой брат в столетьях, Чёрный Иоанн,
Твоей несущи частицу крови в жилах!
Ты жил здесь и, в своих дерзаннях рьян,
Мечтал — до берегов родных и милых
Из этих мест, не растеряв в пути,
Сей святости хоть малость донести.

Святому посвятив свой светлый разум,
На языке абхазском ты абхазам,
Волнуясь, Слово Божье возвестил,
Слуга Господень, бодр и полон сил!..

Истаяла свеча, угас огарок,
Но свет иной стал в полном мраке ярок.

Знал языков ты много, но родной
Лелеял сердца жгучей глубиной.
На нём и славил речью непустою
Отчизну, что всегда была с тобой,
И на чужбине не был сиротою.

Ты от зари, писец и переписчик,
Над свитками трудился дотемна,
В обрывках, что спаслись на пепелищах,
Распознавал живые письмена.

Ты Господом благословлён был рано,
Священниками Амзары сюда
Был послан в этот край обетованный
Во имя благодатного труда.

И был ты окружён учениками,
И Сам Господь досматривал за вами.

Подвижники — тот пеший, этот конный,
Кто на галере по волнам морским —
Вы с трепетом, с мечтой неутолённой
Все пробирались в Иерусалим...

В те времена абхазам и грузинам
Случилось долго в царстве жить едином.
Здесь, осенив библейские места,
Воздвиглось вдруг подобие креста.

Так три ствола древесных здесь сплотила
Какая-то неведомая сила.
А после них на поле том же самом
Воздвигся храм, что стал Крестовым храмом.
И, каждодневный труд свершая свой,
Монахи жили дружною семьёй.

Сказанье, сохранённое доселе,
Гласит, что был среди них и Руставели —
Так далеко поэта увела
Судьба, мирские оборвав дела.

Вот вижу я портрет его настенный...
Да, старец тут изображён почтенный,
Что молится, коленопреклонён...
Свою земную жизнь здесь кончил он.

Постойте возле храма и взгляните
В каменносечный памятник Шота!
Поэты-братья! Сердцу дорог “Витязь”!
Поклон я отдал, и душа чиста...

Здесь в тишине промчались век за веком,
И храм принадлежит сегодня грекам.

О, Иоанн, ты много лет писал,
Вместилось много красок в твой пенал,
И сам ты извлекал их из растений
И смешивал... Был всех святых блаженней,
Когда бессмертье буквицам давал.

Внесённая пером из тростника,
Легла на кожу каждая строка.
Изящны буквы в книгах Иоанна.
Заглавная всегда крупна, багряна,
Не выцвела ничуть и в наши дни.

Вид прочих букв отменно чётко, чёрно,
И этот лист пергаментный просторен,
И не соприкасаются они.

Над свитками трудился ты умело,
Писанье изучая, делал дело.

Евангелья лежали на столе,
И ранним утром и в вечерней мгле
Трудился ты над выделанной кожей,
Её заполнив вещим Словом Божиим.

Огромен был развёрнутый рулон,
Вновь после чтенья скручивался он.

Удержанное деревянной осью,
Ложилось вновь Писание на стол,
Оно вмещало всё многоголосье —
Ты через сердце всё его провёл.

Но создавал ты здесь не только свитки,
Порой у книги образ был иной,
Суровые сшивали кожу нитки,
Состав соединяя четверной.
Ты был и переплётчик, и разметчик,
Нарезанных страниц вмещалось десять
Меж твёрдой кожей, между двух дощечек,
И облекалось в бархат... Книг не счесть!
Но вновь входила в мир “Благая весть”!

Благословил Всевышний ремесло,
Которое здесь древле расцвело...

Ты виден мне, хоть слёзы взгляд застлали,
И тень твою я здесь ищу в печали.
И слышу я, вступая в Божий дом,
Что молишься на языке родном.

Как хоровое пение из рая,
Твой голос, голоса учеников
Звучали здесь, молитву сочетая
С абхазской песней канувших веков.

Трудясь в затворе, без большой опаски,
Мечтал ты, давним замыслом томим,
Писанье возгласить и по-абхазски —
Не зря пришёл ты в Иерусалим.

Ты жизнь свою возвёл на твёрдом грунте,
Был на дороге Богом не забыт,
И в юности, ещё и в Питиунте,
Ты греческий освоил алфавит.

Тона абхазских звуков, перепады
Передавались буквами Эллады.
Труд праздничен, привычен скудный быт!

Но набегали турки, бедуины,
Всё жгли, покоя не давали вам,
Свирепых ратей двигались лавины,
Хотели сокрушить и этот храм.

И рукописи столькие сгорели!
И на золу, на пепел в пятнах цвѣли³
Ронял ты слёзы, Чёрный Иоанн!

Всё ж воскресала сила христиан,
Её вливала в них земля родная...

В храм возвращались, выполов бурьян,
Служение своё возобновляя.

Но в отчий край, покинутый давно,
Вернуться было уж не суждено
Отдавшему всю жизнь служенью Богу.
Почувствовав, что близок твой конец,
Постился ты, подвижник и чернец,
Два месяца...
И таял понемногу.

Совсем не ест, порой лишь воду пьёт
И смотрит в потолок, в высокий свод,
И, думая о Царствии Небесном,
Всё видит вдалеке свою страну,
Свой Питиунт, приливную волну,
Холмы, озёра, Бзыби быстрину,
Леса густые в шелесте древесном.

Как на ристаньях мчались скакуны,
Как в храме том, родном, горели свечи!
И звуки тех молитв тебе слышны,
И длится зов своей земли и речи,
Всё ближе, всё виднее, всё слышней...

Но тьма застлала очи, тонешь в ней,
Весь пребывая в таинстве великом.
Настала расставания пора,
И стал ты легче птичьего пера,
Твоё лицо суровым стало ликом.

Ушла душа, прекрасна и чиста,
Открылись Царства Вечного врата,
И — там она, куда всегда стремилась!
Иль каждому дарует Божья милость
Желанные его душе места?

Здесь завершилась жизнь твоя земная,
Вокруг монахи собрались, стеная:
— О, горе! Питиунтский Иоанн! —
Скорбя, ученики твои рыдали
И видели отчизну сквозь туман.
Тянулись к ней из этой дальней дали,
— Прости его, Господь! — твердя стократ.
Взывали горько:
— О, наш бедный брат!
И отзывалась родина, тоскуя.
И раздалось чуть слышно: “Аллилуйя!”
...И долго не могли унять тоски
Любимые тобой ученики.

Господь позвал — душа была готова,
И ангелы в сияющую высь
Её несут во имя жизни новой...
За ней напрасно демоны гнались.
И вот уже она с Всевышним рядом
И любящим Его согрета взглядом.

Писанья вдохновенный переводчик,
Весь жар души и сердца чистоту
Отдавший каждой из священных строчек,

Тебя благоговейно я почту!
Сын Амзары, её лесов сосновых,
Весть о тебе я отнесу туда...
Тебя не помнят в поколениях новых,
Приметы смыло время, как вода.

Давно ушедший в райские селенья,
Где небо душу чистую ждало,
Причислен ты к святым без промедленья...
Так пусть тебя припомнят поколения!

Преданье столь прекрасно и светло...

Я по следам твоим иду годами,
Не выходя из этой колеи.
Перебираю рукописи в храме
И с трепетом меж них ищу твои.

Вновь письма, что вывел ты любовно,
Рождаются, пройдя через века,
Все возникают, выстроившись ровно,
И за строкой является строка.

Увы, не скажет ничего стена,
Что помнит страстотерпца времена,
Но дорожу приметой люблю,
И всё же, всё же говорю с тобою!

Витающую душу узнаю,
Которая давно уже в раю.

* * *

Убит злодейски Иоанн из рода Геги...⁴
О, яркий светоч Лыхненской земли!
Промчались годы в невозвратном беге,
Не исказив твой образ, протекли.

Навек на стену Лыхненского храма
Томящаяся тень твоя легла.
Кровавая здесь совершилась драма,
И всё о ней гласят колокола.

А дни текли, как страшный сон тягучий,
Сгущались над народом нашим тучи,
Грозя огнём и затмевая высь,
И в схватке Русь и Турция сошлись⁵.

Паденье турок, русская победа...
А нам — упрёки нового соседа:
“Вы предали, не с нами были вы!”
Куда от этой спрятаться молвы!

И нашу землю сильные делили
И поделить, сражаясь, не могли,
И нас теснили, покоряя силе,
Чтобы стереть с лица родной земли.

А ты взывал к народу: “Погодите,
Ну, потерпите хоть ещё чуть-чуть,

Помедлите, не выходите в путь!
Земля, нам Богом данная, родная,
Без нас пустыней станет неживой...”
Увещевал ты, слёзы проливая...
Предвидел ли конец ужасный свой?

С отчизной ты молил не разлучаться
И осуждал того, как святотатца,
Кто за́ море собрался в горький час...⁶
Нет, там спасенья не было для нас!

Но кто же устоит перед потоком,
Мосты сносящим в натиске жестоком!
Кто услышал мольбы твои, кто внял!
Ты братьями задушен, скошен роком,
Затоптана молитва, хлынул вал...

И в рай другим ты призван Иоанном,
Сошлись там ваши крестные пути...
И плач стоял над телом бездыханным —
Погубленным корням не прорасти!

...Всех праведников твёрже и упрямей,
Служил ты Богу и задушен в храме!
Убитый, ты упал на солею⁷,
Но не убили истину твою.

Мольба твоя доносится до нас:
“Накрыло всех и всё водоворотом!
Загубленный безвинно, я угас...
Был тяжким век, наигорчайшим час,
Но не корю отсюда никого там!

Народ терзали, был он зол и нищ,
Дома сжигали и с земли сгоняли.
Лишённые и пищи, и жилищ
Изгнанники толпились на причале.

И шли, и шли... А был ли путь другой?
Шумело море, выгнувшись дугой.
Моим здесь не внимали уговорам...
Кого винить, кого казнить укором?

Нет, не виню... Ведь жребий беглеца
Ужасен был и надрывал сердца,
И, что творят у гибельного края,
Не ведали убийцы, убивая.

Так были их гонители страшны,
Тонул народ под гул большой волны.
Уплывшие, найдя иную сушу,
Спасали тело, оставляя душу”.

О, светоч наш, премудрый Иоанн,
Наставник, что ведёт беседу с нами!
Какой-то в мире, верно, есть изъязн,
Когда священник погибает в храме.

Твой голос — он из сердца моего
Звучит сегодня: “Не суди жестоко!”

И с благовестом входит в торжество
Свет истины сквозь мутный вал потока.

Твой бурный дух, что столько перенёс,
Всегда пребудет в древнем храме Лыхны.
В пучине прежних бед, в пыланье слёз
Скорбит Апсны, и эта боль не стихнет.

* * *

Дырмит⁸, чьё слово мощно и напевно,
Ещё с ним трое, взявшихся за труд,
Писанье переводят каждодневно...
Не переводят — душу отдают.

У сельского священника недаром
Он обучился чтению и письму,
С тех пор оваян тем священным жаром,
С каким открылась Истина ему.

Вложил он много молодого пыла
В начертанное чётко, набело.
Пророков слово у него гостило,
И большего быть счастья не могло.

...Он помнит всех, принесших Божье слово
И погребённых некогда в Апсны.
Он переводит, приближаясь снова
К самим корням словесной глубины.

И наш древнейший колокол гудит,
И Питиунта возникает вид,
И, выплывая из народных сказов,
Звучит молитва первая абхазов.

Всё ясно:
Не убий
И не кради,
Гордыню не оскверни души,
Забудь о вождельнях
ближних ради,
Предательства страшись и не сверши!..

Он переводит... Вот он в Палестине,
По храму бродит... И свежа доныне
Благая весть, и о судьбе Христа
Печалится столетий пестрота.

О, поцелуй предательский Иуды!
Не может быть забвенья и остуды,
И вновь во гневе мечется, кипит
И всё клянет предательство Дырмит.

Вот — сребреники, за измену плата...
А этот суд, неправый суд Пилата!
Где справедливость?!
Непосильный груз —
Свой крест — несёт согбенный Иисус...

И вот окончен перевод абхазский,
Евангелие издано... Хвала!
Но незаметен подвиг... Нет огласки...
Не зазвонят о нём колокола.

Евангелие абхазское горит,
И груды пепла видишь ты, Дырмит!
Хотел бы слёзы скрыть, но в скорбном плаче
Они на пепел падают горячий.

Так топчут веру, на костре сжигая,
И тлеет в муках истина живая.
Собравшись, нечестивцы все подряд
Всё вновь тебя терзают и хулят.

Кто храмы защитит страны, так рано
Христа принявшей? Мир — сплошная рана!
Не сохнут слёзы жгучие — кипят,
Как будто сам ты на кресте распят!

Колокола пустили в переплавку,
Закреты церкви и темным-темны,
И на страну накинули удавку...
И распинали не саму ль Апсны?!

Земля и небо сокрушились разом,
Кресты ломают, и над всем Кавказом
Одной молитвы слышен нудный гуд —
То красный серп и молот гимн поют.

Не вырваться из этих грязных лапищ,
Сломали храмы, понастроив капищ.
Иконы уничтожила гроза,
Даны взамен иные “образа”.

Убитый горем, но живой и зоркий,
О родине ты молишься в каморке.
Всё за спасенье родины от бед!
Но пусть не слышит даже и сосед...

Монастыри громят и грабят храмы,
И всё крушит безумная толпа,
Нахлынули воинственные хамы,
Спасенья нет от красного серпа.

И вся страна громадная пожаром
Охвачена. Горят её леса,
И города, и сёла... В гневе яром
Загублены богатства и краса.

И устали не знает красный молот,
Став наковальной. — Господи, прости! —
Ударами весь мир былой расколот...
Как пережить всё это, как снести!

Ограблен и древнейший Моквский храм,
Зарос бурьяном... Всюду сор и хлам...
А что же с Питиунтским случилось храмом?
Обезображен сбродом тем же самым.

Понур наш переводчик и угрюм...
Весь труд ночей, что протекли бессонно,
Жгут на подворье Нового Афона,
Невыносимы эти гарь и глум!

И трудятся безбожники все вместе,
Для них паскудство — месть и дело чести.
И вместо благодарности, Дырмит,
Дождался ты горчайшей из обид.

И новый “Светоч” утверждён во власти,
В крови омытой, как уж ни раскрасьте...
И на Голгофу радостно несут
И на кресте твой распинают труд.

Ты видел грех, святынь позорный вынос...
Ты мучился, Дырмит... Прости, прости нас!
Но знай: вовек ни пламя, ни война
Твои не уничтожат письмена.

Ты путь земной свершил, и не обрящем
Следов тех лет, всё стёрлось, отцвело...
Тебя среди архангелов парящим
Я вижу, и в душе моей светло.

* * *

О, храмы наши, в вас — душа моя!
Уже столетья ваша слава длится!
Скрепили вы Истории края,
Вы сами — Слова Божьего частица.
Вы — часть пути, который был велик,
Вы — образы страны, чья вереница
Отчизны цельный созидает лик.

В Абхазии, куда ты ни пойдёшь,
Увидишь храмы древние, что всё ж
Здесь устояли под смертельным валом...
И каждый так по-своему хорош
Дом Господа,
Будь он большим иль малым.

По воле Божьей строились они...
Тут было Богородицы желанье,
Андрея Первозванного призванье
И Симона возвышенное тщанье,
И Матфия моленье в оны дни.

Их именем звонят колокола,
Молящиеся плачут в умиленье,
Дым ладана и веянье тепла
Восходят к Богу,
В горние селенья.

И стар, и млад с большой душевной силой
Здесь произносит: “Господи, спаси!” —
И раздаётся: “Господи, помилуй!” —
И возлетает к сущим в небеси.
И, как в глубокой древности, сегодня
Нам свет даруют все Дома Господни.

И в память павших за Отчизну жгут
Бесчисленные свечи там и тут.

Абхазия, на бой твои сыны
Шли с Богом, гордой участи достойны.
Они твердили: “Бог есть у Апсны!
Он осеняет праведные войны...”

И души их витают здесь незримо
В сиянии средь ладанного дыма.

— Под сонмом этих душ, душа моя,
И ты витай! Пусть льётся лития⁹!..
Родители, коль живы, ставят свечи,
Молясь, мечтая о загробной встрече.
Блажен идущий по дороге в храм!
Бессилен дьявол, если сам ты прям.

Дорога в храм — путь любящих сердец,
Конечно, там любовь и ждёт венец,
Влюблённым радость светлую даруя,
И благодарно грянет: “Аллилуйя!”

Любовь — есть то, что в жизни держит нас,
Мир без неё поблёк бы и угас.
Она казнит и требует усилья,
И мучает, и нам дарует крылья.
Постигни нрав и выучи язык
Любви, чей дар бесценен и велик!

Ведь золото, богатство — всё тщета!
В любви — восторг немеркнущего света,
И без неё была бы жизнь пуста...
Душа моя, давно ты знаешь это!

Любовь и в отдалении сильна,
Не знает расстояния она,
Преград не терпит, смерти не боится,
Как дерево, растёт и ввысь стремится...
Его лишь крепче корни, что ни год,
Оно, и умирая, зацветёт.

Он и Она, вы здесь всего важней,
И жизнь, и этот день принадлежат вам.
Вы — в мире гости, но в потоке дней
Святую верность сохраните клятвам!

...Ты ей на палец перстень золотой
Надень любовно, рядом с ней постой!
Семью создайте и детей родите,
И Божью милость этим заслужите!

Родные храмы, вас я в сердце нёс,
Под вашей кровлей столько пролил слёз!
Те слёзы — по Елене светлоликой,
Что мне была отрадою великой.
По ней всё плачет, вечно горяча,
Не гаснет мной зажжённая свеча.

И свечи за родителей я ставлю,
Их имена твержу, их подвиг славлю,

О счастья молюсь детей своих,
О здравии всех близких и родных,
О том, чтобы мечтания сбылись....
Здесь от стены, подобна звукоряду,
Молитва эхом возлетает ввысь.

— О, храмы, мне дающие отраду,
Надежду возвращающие мне,
Молюсь за вас в могучей тишине!

* * *

Мой Питиус, ты — веры колыбель,
Огонь в тебе не гаснет и досель!
С начальных дней хранимый высшей силой,
Фундаментом ты христианства был,
И тут служил епископ Стратофил¹⁰,
Что стал как светоч для отчизны милой.

Ты — Амзара! Здесь, как небес опора,
Высоко поднялись верхушки бора.
Святой земли святые сторожа,
Застыли сосны, небосвод держа.

И древние нам повествуют были:
Того, кто срубит хоть одну, казнили...
Вот сосны драгоценные стоят,
Они всё те же, что века назад.

История текла здесь неуклонно,
Воздвиглась церковь, и во время оно
Епископ Питиунтский Стратофил
Её благословил и освятил.

В дни Первого Вселенского собора
Средь равных равным питиунтец был...
Великолепный, сладостный для взора,
Наш храм столь древен и потомку мил.

Здесь в ладанных струенях дымно-сизых
Епископ шёл к святыне солеёй,
Нёс с образками на блестящих ризах
Звезды рассветной отсвет золотой.

Звук в этом храме реял всё высотней,
И, если пели десять человек,
Казалось, что поёт не меньше сотни...
Такой нам гул оставил давний век.

И зелень вечной юности, и память
В тебе живут, Пицунда! Ты смогла
И времени напор переупрямить,
Навек чиста осталась и светла.
Я, в колыбели святости твоей
Качаясь, вижу блеск звезды над ней.

У нас повсюду крепостей обломки;
Безмолвны и красноречиво-громки.
Кресты так часто изображены
На камне груботёсаном стены.

Бывают вмятины эти отпечатки,
Иные полустёрты, смутно-гладки.
Всё ж, уцелев среди дождей и вьюг,
Ещё стоят родных твердынь остатки
И превратились в памятники вдруг.

И нимба Иисусова лучи
На них упали, вечно горячи.
С апостольских времён, моя Апсны,
Со Словом Божьим шли твои сыны!

Прошли века, но и сейчас, как древле,
Крест осеняет нашу жизнь и землю,
И не оспорить, что моя страна
Апостолами вся освящена.
Здесь шёл Андрей,
Почили Симон, Матфий,
Им кланяются люди до земли.
Крепка их верность стародавней клятве.
Есть Бог у нас, и мы Ему верны,
И ведь недаром Он избрал Апсны!..

* * *

Далёко ты теперь, пицундский мастер,
Что всем умельцам солнце в небе застил.
Но в целости до наших дней дошёл
Настеленный тобой церковный пол.

Ты рыбой и косулей, и оленем
Украсил глину, и в эпоху ту
Смог передать души своей томленьем
Своей отчизны жизнь и красоту.

С родной землёй незримой связан цепью,
Ты к голосам природы не был глух,
Дивился ты земли великолепью...
Твой дух — её необоримый дух.

Ты обращался мысленно к истокам
И, в точных красках жизнь запечатлев,
Весь путь познания в поиске высоком
Пересказал нам их немой напев.

Кровь за родную землю проливая,
Ты был её могучим силам рад,
За будущность отеческого края
Стоял горою, о, мой древний брат!

Я словно бы стою с тобою рядом
И преклоняюсь перед зорким взглядом
И этим даром, выжившим в борьбе...
Пришлось так много вынести тебе!

Благоговею перед этой глиной —
Её ты оживлял, в руках держа, —
Пред вереницей образов столь длинной,
Пред росписями — в них твоя душа.

* * *

Родная Гагра, храмы твои святы,
В них память об Ипатии¹¹ Святом.
Звучат в них песнопений перекаты,
И длится служба в блеске золотом...
И древние кресты продолговаты...

Безмолвной стражей сосны тут сошлись,
Стройны, как свечи, что стремятся ввысь.
Всё помнит Гагра — протекли века в ней,
И чудятся слова молитвы давней.
История так внятна и жива...
О многом скажешь, коль найдёшь слова.

Приблизьтесь же, минувшие столетья,
Поведайте, что пережито здесь!
Столь многое не в силах разглядеть я,
Но вы почти что рядом и поднесь.

Но время не удержишь... Вышли сроки...
Вы столь близки и всё-таки далёки!

* * *

Скажи, Цандрыпш, что ты в себе хранишь!
Звучна твоя таинственная тишь.
Что прячется и кличет?.. Я робею
И проникаюсь древностью твоею.

Строители молились, строя храм,
Завещанный грядущим временам.
Пред стариною делаюсь моложе,
Я сердцем слышу песнопенье то же.

* * *

О, Лыхны, царский град и центр молений,
Твой древний храм — святыня поколений!
Когда-то Приснодеве посвящён,
Тысячелетье продержался он.

Я с юности запомнил, с дней блаженных
И росписи, и надписи на стенах,
И Слово Божье, прозвучав, как зов,
Меня влекло под сводчатый твой кров.

Цари Апсны любили это чудо,
Крестились тут и правили отсюда,
Рождались здесь... И хоронили их
Там, где придел теперь пустынно-тих...

Надгробье тут владыки Сафарбея¹²,
Священников могилы — во дворе.
И небо блещет, вечно голубея,
И наши горы в чистом серебре.

Апсны при Сафарбее, добровольно
Войдя в состав России, обрела

Защиту веры, с верой ожила
И в небеса взглянула богомольно.

А ведь ещё с пятнадцатого века
Здесь корни в почву запуская ислам.
Но Русь пришла, и отделилась Мекка,
И озарился православный храм.

Здесь благовест был слышен на заре,
И, густо собираясь во дворе,
Народ шёл в храм... Крестились, отпевали...
Звезда рассвета озаряла дали.

Судьбу страны на Лыхненской поляне¹³
Решали наши предки-поселяне.
Неправду сокрушал народный глас,
Господь всё видел, охраняя нас...

* * *

Главнейшее святилище Дыдрыпш,
Как высоко на взгорье ты стоишь!

И под тобой, на дне большого яра —
Красивое селенье Ачандара.

Твоё название означает “гром”.
К тебе рвались за правдой напролом,
Взыскав грома, молниевое света,
И клятвой очищались от навета.

Ещё и до рождения Христа
Была священна эта высота.
И, жертвенных животных сердце, печень
Держа в руках, молились здесь о том,
Чтоб кто-нибудь из близких был излечен
И стал благополучен отчий дом.

Так за веками протекли века,
А странники всё шли издалека.
Решали споры, душу изливали,
Клялись, а иногда и проклинали.

Но вот и здесь, над высью перевала,
Христово солнце ярко воссияло.
И, мощь святого места испытав,
Воздвигли здесь же церкви архитрав¹⁴.

Во имя Богородицы Марии
Здесь зажигали свечи в дни былые.
И поднимали молодым вином
Тост за неё на празднике честном.

Но время шло... Сюда пришёл мулла,
Листал страницы грозного Корана,
И тень ислама на страну легла,
И вера предков сделалась туманна...

Столкнулись христианство и ислам,
Сошлись в боренье крест и полумесяц.

Огромный мир рассéчен пополам,
Свирепый вихрь народы гнёт и месит.

Сцепились две враждебные волны,
И в чём повинна бедная Апсны?

Но чтили в ней святилище Дыдрыпша,
Храм, и в жестоких бурях не погибший.
Страшились гнева силы, скрытой здесь,
Что умножалась прошлым и грядущим...

К высотам этим, к заповедным кушам
Не поднимались попусту поднесь.
Неуязвимость храм дарил абазгам,
Хранил народ в его единстве братском.

(А также чтили древние апсилы
Святилища в Илоре свет и силы...
Страшились вызвать у Дыдрыпша гнев,
Пред этой тайной мощью ослабев.

Из храмов лишь Дыдрыпш и с ним Илору
Главнейшими зовём и в эту пору...)

В обломках церковь, но кресты на камне
Напомнили минувшие века мне.
От колокола — только медный лом,
Но ведь и он вещает о былом,
Пречистую Марию восславляя!
Осталась здесь Её душа живая.
И даже состоящий из руин,
Остался храмом древний исполин.

* * *

Абхазия, о, Симон Кананит,
Доныне память о тебе хранит.
Любим пришедший к нам с Христовым словом,
И храм твой нерушим в Афоне Новом.

И там твоя священная могила,
Где власть тебя мучительно казнила.
И не один жестокий век истёк,
А богомольцев не иссяк поток.

Ты был убит рукой легионера,
Врагам твоя была несносна вера,
И на твоей земле вершили суд
Те, от которых милости не ждут.
Твоё ученье разъяряло римлян...
Всё это далеко, твой век задымлен...
Но ведай, пребывающий в раю,
Что Псырцха не забудет казнь твою!

Разгромлена здесь рать Мурвана Кру¹⁵,
Развеяна, как пепел на ветру.
По миру, воспаряя величаво
Прошла Анакопийской битвы слава.

Тогда-то и воздвигли этот храм...
Здесь правды торжество, злодея срам!
Абазги восклицали: “Славен Симон!” —
И верили: принёс победу им он...

И встала башня над тобой надгробьем
И памятником тем мечам и копьям.
Всем ведомо, что похоронен ты
Под сводом, свет струящим с высоты.

Здесь камни кровь окрасила густая,
Тем самым нашу землю освящая.
Ты здесь молился, здесь ты был убит...
Но смерть осилил Симон Кананит!
И монастырь средь Нового Афона
Твоё лелеет имя неуклонно.

В другом монастыре многокелейном
Восславлен и целитель Пантелеймон.
Приходят к этим росписям на стенах
Паломники не из одной страны,
И отблеск исцелений незабвенных
Соединился с обликом Апсны.

О, родины древнейшая столица!
Я верую: с твоих печальных дней
Тебя хранит Небесная Царица,
Склоняясь к Анакопии моей.

Да, шли враги, и было их немало,
Но и в чадающем пламени, в дыму
Сражался город, и его держала
Мария близко к сердцу своему.

* * *

...И возникает в памяти всё снова
Приезд сюда столь давний Глазунова¹⁶.
Мечтал своими он узреть глазами,
Как почитаем Симон Кананит,
И побывал в Новоафонском храме,
Который больше сотни лет стоит.

(Был здесь впервые...
С ним едва знаком,
Я стал тогда его проводником).

Вот мы в храм Пантелеймона вошли...
Я помню этот миг, хоть он вдали...
Лицо пришельца сразу засияло,
Когда увидел он весь блеск портала.

Он, из придела проходя в придел,
Всё, как родное нечто, оглядел.
На стены, на иконы зорко глядя,
Не пропустил он росписей ни пяди.

Любуясь видом, что великолепен,
Сам о деталях он поведал мне,
Сказал о том, что Нестеров и Репин
Созда́ли школу, явную вполне...

И я, тогда внимая Глазунову,
Всё заново увидел, по-иному.
Тут истина сошла, как благодать,
И смог я сокровенное понять.

И для меня в моих исканьях Бога
Его молитвы значили так много.

Он говорил:

— Прекрасен этот храм,
Поистине, он свят и дорог нам!
Никем не тронут и, по счастью, стоек,
Он — из последних памятных построек
России царской пред её концом
И стал как будто зодчества венцом.

Воздвигнут, словно из последних сил,
Империей перед её кончиной!
А после рушил, а не возносил
Соборы век жестокий и бесчинный.

Судьба церквей российских удручает...
Лишь праведник спасенья в муках чаёт.
Но есть и Божий суд, он ждёт нас всех,
Воздастся и за святость, и за грех.

Так говорил художник, гневен, колок,
А взгляд был полон боли и тоски...
Писал он церкви, лица богомолков,
России уцелевшей уголки...

Он за Апсны молился, чьи святыни
Приехал повидать... Дивясь судьбине,
Нам заповедал: “Берегите их!”
Слова, что душу тронули глубоко,
Для нас звучали, как завет пророка...

А на полотнах он писал своих
Распятую Россию, чья дорога
Шла долго с Богом, а потом без Бога,
Был отнят Он... И стало всё убого.

...Не изменил он истине своей,
И откровенья я узнал всё те же,
Когда пришёл на выставку в Манеже, —
Дух Православья реял и над ней.

Вся русская история правдиво
Свободной кистью запечатлена!
Шли зрители увидеть это диво,
И в зал вступали — за волной волна...

Всё это было в тех далековатых,
Столь славных для него шестидесятых.

Пришлась на них и молодость моя.
Узнав его, тогда не думал я,
Что с живописцем познакомлюсь ближе
И у себя на родине увижу.

Увы, расстался с жизнью в эти дни,
Кода пишу поэмы этой строки,
Талант российский смелый и высокий,
В искусстве — царь, гигант, как ни взгляни!
Как молния, как проблеск озаренья.
Но... более, чем на одно мгновенье,
Возник твой яркий образ предо мной,
Когда ты посетил мой край родной.

Прошли года — сиянья смесь и тьмы,
Но словно бы не расставались мы!
Как будто вновь глядишь на эти стены
И тайны открываешь,

и хочу

Услышать снова голос вдохновенный,
И зажигаю за тебя свечу.

*Перевод с абхазского
М. Синельникова*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имя Чёрного Иоанна и связанные с ним предания встречаются в древних архивных материалах Крестового монастыря в Иерусалиме и устной традиции.
- ² Марр Н. Я. (1864–1934) — академик, русский и советский ученый–востоковед, кавказовед, историк, этнограф, археолог, один из основоположников абхазоведения.
- ³ Цвель — влажная плесень.
- ⁴ Гегия Иоанн (убит в 1877 году в Лыхны) — абхазский священник, переводчик, учитель приходской школы.
- ⁵ Русско–турецкая война 1877–1878 годов.
- ⁶ Речь идёт о махаджирах, вынужденных покинуть родину.
- ⁷ Солея — в раннехристианской и византийской церкви проход, соединяющий алтарь и амвон.
- ⁸ Дырмит — Дмитрий Гулиа (1874–1960) — основоположник абхазской литературы, народный поэт Абхазии.
- ⁹ Лития — здесь: усердное моление.
- ¹⁰ Стратофил Питуунтский (IV век н. э.) — глава Пицундской христианской церкви, епископ, принимал участие в работе первого Никейского Вселенского собора (325) наряду с представителями 318 ведущих христианских поместных Церквей.
- ¹¹ Святой Ипатий Гагрский.
- ¹² Шервашидзе (Чачба) Сафарбей (Георгий) — владетельный князь Абхазии (1810–1821), при котором Абхазия была присоединена к России. Похоронен в Лыхненском храме.
- ¹³ Знаменитая Лыхненская поляна была местом, где издревле проходили (и по сей день проходят) народные сходы, на которых обсуждались самые важные вопросы. Здесь же отмечались праздники урожая, происходили скачки.
- ¹⁴ Архитрав — архитектурный термин; здесь: мощный поперечный брус, связывающий колонны или оконные и дверные проёмы.
- ¹⁵ Мурван Кру — арабский завоеватель (VIII век н. э.). Его прозвали Глухим — Кру — за жестокость и безучастие к людским страданиям.
- ¹⁶ Глазунов И. С. (1930–2017) — живописец, педагог, народный художник СССР.

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

ТУДА И ОБРАТНО

РАССКАЗ

...Мужичок из породы бывалых, с лицом довольно мелким и бесцветным, словно ежедневная газета, похоже, бухгалтер, молча лезет на верхнюю полку и уже оттуда вниз спускает большой баул с едой, которой можно накормить весь вагон. Далее по ходу действия он так же молча встанет, поест, будет ходить, словно на работу, в туалет и двинет из вагона, но не из сюжета.

Все персонажи рассказываются по местам, почёсываются, дирижёр берёт в руки дирижёрскую палочку, глядь, а там и тронулись.

И вроде бы уже запрыгали на одиноких полустанках жидкие фонари, словно очки на переносице, небо накренилось над окном и плавают звёзды, как рыба в аквариуме.

Поезд тоже поначалу как-то нехотя, словно задумавшись над чем-то, начинает размеренно считать шпалы от Москвы, а потом, словно увлечшись, пронзает ватное пространство марта. Он бежит, не оглядываясь, как ошалевший заяц, будто кто-то гонится за ним, сосредоточенно и угрюмо. Так хитрая мышь прячется в норку, или шорник (по происхождению вылитый шорец) шершавыми пальцами продевает суровую нитку сквозь игольное ушко. Рессоры весело подбрасывают вагон на стыках, время стежками намётывает на скорую руку маршрут.

Километры, станции, люди, годы, жизнь. Вагонный ёксель-моксель! На верхней полке, омонимичной моей, стонет сосед с перепоя. Стонет безнадежно и глухо, уткнувшись носом в подушку. Надрался он, видимо, ещё в Москве. Конец зимы, света, жизни край, кругом не видать ни зги, вот и сподобился.

МИХАЙЛОВ Игорь Михайлович родился в 1963 году в Ленинграде. Окончил филфак МГПИ. Автор двух книг. Заместитель главного редактора журнала "Юность". Лауреат премии и.м. Валентина Катаева. Живёт в Подмосковье.

Крепко, обстоятельно. Он доведёт этот обстоятельный храп до Ростова. А после сползёт вниз, словно мглистая полутьма с тёмных верхушек сосен, вытягиваясь в полный рост и упершись, словно атлант, в небо. Смотрит окрест печальным и мутным взглядом падшего ангела, пытаясь совместить фокус, явь и сон. Куда он едет? Он, наверное, и сам ещё не знает. Дорога долгая, жизнь короткая. Поэтому он заказывает для прояснения ситуации чаю. Пьёт обстоятельно, долго, кряхтя и отфыркиваясь, вычёрпывая пространство, словно сом на дне реки, до Ярославля, серая его шея побагровеет и покрывается испариной. Но взгляд всё такой же мутный, как вечеряющая даль. Потом он лезет, слово паук в тёмный угол, обратно.

Дети, перевернувшие вверх дном вагон с полками и проводника с чаем, оба разом спрашивают его, когда он, фокусируя взгляд, всматривается в игрушечный ствол пистолета, наставленный на него, кто он таков и куда путь держит. Мужик тяжело вздохнёт и прошепчет горячими губами, вернее, прошепестит губами, как рыба:

— До Перьми, а потом — до Кудымкара.

— Куда? — переспросит его ребёнок испуганно.

И потом я долго верчу на языке это загадочное слово “Кудымкар” и даже невольно проникаю к нему уважением, поскольку не знаю, где это.

“Кудымкар, Кудымкар!” — повторяют вагоны, и от стены в Мытищах отделяется бесплотное эхо и улетучивается, и становится будто бы небесным Кудымкаром.

— На Кудыкины горы, — печально провиснув между полок, ответит сам-сом и бултыхнется, словно в аквариум, на полку. Впрочем, долго ещё огромная чёрная тень его будет ворочаться под потолком, как куль.

Но это будет позже, а пока он спит. Ему снится март и снег, и что всё это перемешалось, и что поездка — это судьба и никогда не кончится, что тепла никогда не будет...

А что будет-то? А будет — Кудымкар! Вечный озяблый, как будто вечерний перрон. Кудымкар, куда ни глянь, куда ни плюнь... Он спит и стонет.

А по вагону толкуются, долго и безнадежно, словно танцуют свой танец в замедленной съёмке, буряты, таджики, тринадцать и прочая тмутаракань в майках, шортах и тапочках. Эти люди будто исходят из зимы, из стужи туда, где тепло, туда, где не Кудымкар. Кажется, что они в этом вагоне жили всегда, родились и умрут тоже, видимо, здесь. Во всяком случае, они так задумчиво смотрят в окно и зевают, как будто это главное занятие их жизни.

А может, вся эта тринадцать двинула в Абакан? Куда ей ещё и ехать, как не в Абакан? И всё, что ни есть, тоже едет в Абакан: стаканы с подстаканниками, бухгалтер с мохнатыми подмышками, вертлявые девицы с упругими попами, ширококостные, словно Волга, бабы с пуховыми платками, и я, хотя мне туда не надо.

А вот — однако ж.

Мне вроде бы выходить в Ярославле, но если поезд, поперхнувшись ветром, минует вокзал, то и я поеду дальше, до Абакана, и туда дальше. До Кудымкара, до конца и краю, дотуда, где никого, — ни бурят, ни шиша!

А за окном свалтузилась, словно пододеяльник, снег и тьма, и коридор раздвинулся, занавес приподняли, и актёры с удивлением обнаружили, что в зале они не одни. И за кулисами тоже — всё те же: буряты, таджики, бабы, зевающие, как кашалот. И там они тоже смачно зевают и смотрят со сцены в зал, словно собираясь воссоединиться с теми, кто в вагоне, в огнях и мельгающих интервалах слов. И вообще весь мир — это поезд “Москва — Абакан”, это буряты в майках, и вообще. И люди тут все широкоскулые и с хитроватым прищуром, они косопалые, шоркают таночками, спят, жизнерадостно хохочут, храпят, едят какую-то пахучую колбасу, от которой ползёт по вагону могучий дух. И даже кажется, зверь должен перевернуться в берлоге, учув запах этой колбасы, которую едят все. И вообще мир лежит на трёх китах или на трёх палках колбасы. И так есть, было и будет всегда.

“Кудымкар, Кудымкар!” — повторяют шпалы.

Я выхожу в тамбур... В окне проплывают в тревожном, сереньком сумраке избушки, подбегают к вагону холмы; тусклый ельник, обсыпанный,

словно сахарной пудрой, в тревоге припадает, будто усатый контролёр, к стеклу, оставляя на его поверхности туманную дымку; снуют туда-сюда буряты, размноженные светлым прямоугольником окна на несколько совершенно похожих друг на друга копий. Столбы встают глухим забором, рельсы вздыхают на стыках, шпалы стучат лбом о стеклянный пол, злые и бодрые ветры гудят в проводах.

Поезд мчится в чистом поле...

Прошёл вдалеке, словно бесхозный сон мужичка из Кудымкара, Ростов. Из-за груды кургузых пятиэтажек показались луковки куполов, по платформе бегают букашками с баулами новая армия пилигримов до Кудымкара.

Я возвращаюсь в вагон, словно на родину после долгой разлуки. На полке с краю — важный, словно верблюд, армянин, он цедит из фляжки коньяк и читает газету. Ну да, как же это я забыл, в поезде испокон веков читают газеты, и я зачем-то вспоминаю редактора одной из газеток по фамилии Сизый.

Сизый редактировал газету, которую, впрочем, никто не читал, а сразу выкидывали в помойное ведро, но не в этом одном была загвоздка. Все, кто видел Сизого, не понимали, как же это он вот так выпускает газету, когда он пьяный сутки напролёт. Сутки напролёт Сизый парил над землёй, над разверзнутыми там и сям провалами и безднами; его тщедушное тельце обдували холодные космические ветры, метеориты прошивали простор яркими вспышками, чёрные дыры чмокали его в небритые щёки. А он летал туда-сюда и не понимал, что делает тут, на этой грешной земле, вся эта прорва народа, для которой он выпускал газету, которую никто не читал. Почему они все время орут, и чем они недовольны? Что им всем, места, что ли, мало? Так пускай летают в космосе, здесь всем места хватит.

— Люди, ау!

Сизый изредка, когда совсем стемнеет и не видно ни зги, заходил на посадку; пуская последний пучок искр, он приземлялся на грешную землю, и ему становилось скучно и плохо.

Плохо русскому человеку, когда он проспится. Когда он хмур, как Кудымкар.

И Сизый устало пинал резиновую шину колеса своего большого серебряного звездолёта, снимал скафандр, а под ним было лицо человека, уставшего от жизни. Серое, совершенно сизое лицо человека, уставшего от глупости, от необходимости выпускать газету, которую никто не читает.

Бессмысленность человеческого существования ужасала Сизого. И наутро, едва забрезжит над космодромом рассвет, он опять надевал скафандр, откручивая привычным жестом плотную пробку шлема по часовой стрелке, садился в звездолёт и устремлялся к звёздам! Туда, где тихо и светло, свободно и никто не пихает нервно в бок. А газета выходила сама собой, по инерции, по заранее заведённому графику, как ходят часы, как отправляются с космодрома звездолёты в бескрайнее космическое пространство.

Однажды, помню, мы очутились с Сизым в одной из поездов. Кажется, в Армении. Из комнаты в комнату Сизого носили на руках соратники по борьбе. Его ноги не попевали вслед за телом, они болтались бесхозно и сиротливо, словно чужие, ноги не Сизого, а тряпичной куклы. Борьба Сизого с демонами была нешуточная. Поэтому его кантовали, словно посудный набор, очень бережно. Следовало даже и надписать на боковой стенке: “Осторожно — идёт напряжённая духовная жизнь!”

Чем больше и чаще усугублял Сизый, тем румяней становился плотный упырь с диатезным румянцем во всю щеку по фамилии Кровопусков. Однажды, когда всех пригласили на встречу с самим президентом, Сизый вдруг внезапно протрезвел и испуганно озирался по сторонам:

— Кто эти люди, что они здесь все делают? И почему они — не птицы и не летают?

Когда фотограф делал фотографию на память, Сизого поместили в самый центр, и его круглая голова и по сей день с испугом и удивлением смотрит по сторонам, а вот её хозяин умчался на звездолёте ввысь и обратно вернётся не скоро.

И вот теперь этот армянин, читающий газету, — словно привет от Сизого!

Под утро, когда рассвело, вагон стал как-то просторнее, словно тесный башмак, наконец, разносили. Вещи, всё это дорожное барахло: безразмерные сумки и баулы, подагрические коляски, — которого было так поначалу много, что казалось, всему и не влезть в это паровозное чрево, и поезд просто чихнёт и подавится. Смешно сморщившись, чихнёт, и все эти пакеты, тапочки, огромные, похожие на кепки и авоськи бюстгальтеры, шаровары и пластиковые бутылки, шмотье разлетятся по белу свету.

Но — нет, всё утрамбовалось, поезд, словно дюжий носильщик с бородой, подпрыгнул, крикнув, его швырнуло из стороны в сторону, но он устоял и пошёл себе дальше, чёрт его знает куда...

Всё так же пахнет колбасой, и всё так же снуют туда-сюда неутомимые буряты. И Кудымкар после чаю уже спит, придавив к полке собственную тень, тяжело ворочаясь в аквариуме.

Кудымкар. Преддверие его, предчувствие, чаяние его выплывает из огней, горящих далёкими звёздами. После того, как “Москва — Абакан” притормаживает, весь пейзаж за окном вдруг обрастает большим количеством деталей: маслянистые рельсы, прочная бетонная стенка, выгнувший спину, как кот, мост, льдистая речка, перрон с фасадом вокзала и часами, как театральные декорации, наспех вынесенные на сцену.

Городу уже некуда деваться. Он вырастает квадратной спиной вокзала, как старый знакомый, и улыбается в усы. Серенький закат полощет над головою сизое знамя вечера... Меня встречают так же машинально, как и всё, что происходит в конце марта. Все действующие лица перемещаются в чёрную “Волгу”, и моя спутница, бледной, испуганной тенью вжавшаяся в сумерки, о чём-то давно говорит, словно жалуясь. Словно она говорила ещё до того, как я приехал. И говорит, скорее всего, не мне, а себе, а я тут просто подвернулся, как суфлёр в будке, по-собачьи ставшей на четыре лапы.

Вот и разговорились... Разговор нас гонит волною в ворота пансионата с сонной консержкой, полногрудой луной и призраком дворника, устало подметающего тени под фонарями. Ночь очертила вокруг фонаря серебристую корону. Буфет закрыт, мыла в туалете нет, вода пахнет ржавыми трубами, но зато — тишина и свежий воздух. Главное, что никто не спит. Уже это хорошо. Всё остальное не так уж и важно.

Не так уже и важно, зачем я приехал, хотя точно знаю, что завтра вставать рано, а ложиться поздно.

Тишина такая плотная и основательная, словно дубовая дверь. Занавеска полощется в потоке свежего воздуха, как птица, попавшая в сети. Душа начинает томиться. Хочется выпить. Но выпить не с кем. Буфета нет, как и не было. Консержка предупредительно вежлива, как все замужние и не красивые барышни. С нею даже как-то флиртовать не хочется на голодный желудок. К тому же завтра рано вставать.

Командировочный флирт скороспел и краток, как доклад о перспективах амфибрахия. Какие уж тут перспективы?!

...А наутро снег на солнышке искрился, словно кошачья шерсть в темноте. Длинные голубые тени деревьев и веток, сотканных из паутины, прострочили тишину. Лес сквозит голубизной и холодом.

В залах старинной усадьбы тихо, и кажется, что и пыль, как и посетители, которые ходят бесплотно в войлочных тапочках, тоже из войлока, чтобы только не было слышно шума. Шум может разрушить это мартовский сон. Эту старинного хрусталя сказку.

В барском предбаннике, где отряхивают валенки, возле батареи спит мохнатый шерстяной носок по имени Кузя. У Кузи на ушах по звёздочке (“лейтенантские”, — шутили охранники). Серый в полосочку лейтенант внутренней службы, вальяжный и толстый.

С фотографий на меня удивлённо, словно тоже, как и я, недоумевающая, смотрит бывший хозяин этой усадьбы с длинной бородкой и бурятским прищуром. Его жёны, братья, длинная вереница родственников и любовниц населяют пустынные комнаты со скрипящими половицами и музейной тишиной.

Квадратный ломберный столик с потёртым газоном, старинный комод и шкаф с напольным зеркалом замирают в почтительном старомодном реверансе.

Солнце раскрашивает потускневший от старости интерьер. В будуаре со стены над туалетным столиком улыбается француженка, к которой барин очень благоволил, и она отвечала ему взаимностью.

За балконом, возле берёзовой аллеи, замер домик его полоумного брата. Окна спален выходят в парк с голубыми сугробами, замерзшей купальней, забором, развалинами винокурни, деревней, прилипнувшей к усадьбе, как жена к мужу. Сугробы, словно туннели метро или мышинные проходы в снегу. Выше неба. Человечишко пошёл и пропал тут с головой. Лишь шапка торчит.

Я пью чай, моя знакомая, словно вспомнив вчерашнее, опять возобновляет начатый и незаконченный разговор, который она вела ещё до моего приезда: её бывший муж, адвокат Фогхт, занимается должниками, обкладывая их со всех сторон, скрупулёзно накидывая петельки, и душит, душит, он и её чуть было не задушил...

Фогхт с аккуратной серебряной бородкой и длинными, цепкими, как у гинеколога, пальцами, — немец, а немцы безжалостны. Фогхт методично вынимает из неё душу. Железными щипцами, холодными щупальцами, длинными пальцами. Штандартенфюрер Фогхт!

Мне жалко эту маленькую женщину с голубыми глазами, ставшими от печали прозрачными. Она словно закуталась в свою печаль. И она идёт ей, как и худоба. Она субтильна, призрачна, как и всё, что связано с поэзией. Всё печально на этой земле, а ещё больше — усадьба и фамильная усыпальница, в которой провалился пол.

Всё это: и стихи, и старинные портреты в рамках, и борода — всё кажется сказочным и невзаправдошним. А борода уже отделилась от хозяина, она уже театральный реквизит. Реквизит поэта XIX века.

Правда в том, что был, есть и будет адвокат или гинеколог по фамилии Фогхт, немец Фогхт, который душит всё, что подвернётся под руку.

Фогхт не пускает тепло и весну задушил. И солнце, верно, он слопал! Немец, перец, колбаса, кислая капуста!

Огромная и призрачная фигура Фогхта вырастает над простором на горизонте в сумраке. Она выползает дымом из трубы нефтеперерабатывающего завода. Фогхт живёт в трубе, а по вечерам его выпускают наружу, как джинна из бутылки, и он душит всё живое. Душит за долги и просто так...

На ветках, процарапавших голубую высь, — тёмные, слегка размытые от подтаявшего снега пятна гнёзд и грачи.

Важные грачи.

Весна.

Большие горячие звёзды. Запах талого снега и земли...

Я стою на вокзале у кассы и покупаю билет до Кудымкара!

ВЯЧЕСЛАВ ВЬЮНОВ

ЭТОТ ВЕК
ИЗ СТЕКЛА И БЕТОНА

* * *

Этот век из стекла и бетона,
Этот век из бетоностекла.
Там, где прежде висела икона, —
Нынче всё зеркала, зеркала...

Этот век и кривой, и убогий,
Посмеялась над нами судьба:
Там, где прежде мы видели Бога,
Нынче видим себя да себя...

* * *

Летай в заоблачные дали,
Мечтай о повороте рек —
Счастливым будешь ты едва ли.
Но коль ты русский человек, —
Со всею жизненной поклажей,
Неважно, беден иль богат,
Ты всё равно придёшь однажды
В полночный Гефсиманский сад.

ВЬЮНОВ Вячеслав Александрович — коренной житель Забайкалья, работал геологом, охотником, лесником. Автор нескольких книг. Член Союза писателей России.

* * *

Городим жизнь как можем, как умеем.
И, стоя возле этой городьбы,
В итоге жизни ясно разумею:
Россия не для счастья — для судьбы.

* * *

Как задует в марте и апреле —
Снег, песок и всякий разный хлам.
Всё живое как-то еле-еле
Существует с горем пополам.

По ночам в тепле своей трущобы
Я лежу и вслушиваюсь, как
Ураган от сумасшедшей злобы
Сам себя мотает на кулак.

Тот же вихрь и смута, и тревога
В голове, в душе и на миру.
Всё летит куда-то — к чёрту, к Богу,
Всё погибнет раньше, чем умру.

И от этой общей безнадёги,
Объяснить я это не берусь,
Рушатся надёжные дороги,
И летит куда-то тройка-Русь.

Что там Русь!
Весь мир летит в пучину,
Убыстряя скорость на бегу.
Эту мысль как главную причину
Всё никак додумать не могу.

Словно я живу в соседской даче,
Но никак не выйти — всюду мрак,
Словно жизнь задумана иначе,
Но переиначена не так.

* * *

Жгут ботву.
Земля уже остыла.
Осень тень наводит на плетень.
И кузнечик тонко и уныло
Пилит что-то лобзиком весь день.

Привкус дыма горьковато-пряный
Долго остаётся на губах.
По утрам тяжёлые туманы
Медленно шевелятся в логах.

Совпадение ритмов, пауз, взглядов.
Словно бы для вечности храня,
Осень, вся из солнечного яда,
Слепок точный делает с меня.

* * *

*Памяти поэта
Михаила Вишнякова*

Я долго держал его томик,
Потом отложил, не раскрыв.
Под небом, как будто бы в доме,
Всё чаще я слышу мотив.

Заметил, когда рассветает,
В осоках и камышах
Едва уловимо витает
Как будто бы чья-то душа.

Читаю ли умные книги,
Слежу за полётом синиц —
Всё слаще мне краткие миги,
Всё больше открытых страниц.

И сквозь облетевший ольшаник
В движении сквозняка
Привет его слышу прощальный —
Теперь уже издалека.

ЛЕОНИД ИВАНОВ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СВЕТ

РАССКАЗ

К празднику старушки подготовились добросовестно. Матвеевна напекла пирогов: один — с брусникой, другой — с малиной, заправила доверху лампу, несколько раз помыла стекло, насухо вытерла его газетой. Нюра сделала запеканку с грибами, принесла домашней малиновой наливки.

Матвеевна села на своё привычное место под иконами, Нюра — напротив, поющий тоненьким голоском от не до конца прогоревших углей самовар поставили с краю стола, но так, чтобы до крана могли дотянуться обе.

— Ну, с Рождеством Христовым тебя, Нюра! — подняла рюмку с наливкой Матвеевна.

— И тебя с праздником!

Выпили, взяли по куску тёплой ещё запеканки.

— Первый раз мы вот так вдвоём-то Рождество отмечаем. Да ещё впо-
тьмах.

— Да хватит тебе, Нюрка, плакаться-то! Всё ты чем-то недовольна. То пенсия у её маленькая, то вот, вишь ли, свет на зиму отключили.

— Дак, а чему радоваться-то? Вон летом, пока электричество было, по телевизору кажинный день только и говорили, что жить стало лучше, что больше половины людей считают, что живут счастливо. Матвеевна, скажи, а где оно, счастье-то? Вот остались мы с тобой в деревне вдвоём, ни свету, ни радива, ни дороги путной. Хорошо, Колька на своём тракторке-“Беларуси”

ИВАНОВ Леонид Кириллович родился в Вологодской области. Окончил филфак Череповецкого пединститута и отделение журналистики Высшей партийной школы ЦК КПСС. Автор книг “Первый парень на деревне”, “Леший”, “Будем жить!” и др. Лауреат премии Губернатора Тюменской области. Главный редактор альманаха “Врата Сибири”. Возглавляет Тюменское региональное отделение Союза писателей России.

попроведать наежжат да ковшом дорогу разгребат, а то ведь случись что, никто к нам и не попадёт.

— А случись что, дак никто и не узнает, — поддакнула Матвеевна. — Телефон-то вон как зарядишь? Дак ведь сказал Степан осенью, что начальство распорядилось свет отключить, когда дачники разъедутся. Мол, нерентабельно линию обслуживать, когда у вас на двоих сто рублей в месяц нагорает.

— Вот-вот! — обрадовалась Нюра, что подруга её поддержала. — На всём экономят. Раньше пенсию домой приносили, а теперь самой в посёлок идти надо.

— Да, а зачем нам тут деньги-то? Всё одно автолавка только летом приезжат. Целее будут. Муки да сахару мы с тобой по мешку купили, кипрея на два года насушили, грибов да ягод до нового урожая хватит, наливка вон тоже своя, чо ещё надо?

— Да так-то оно так, просто обидно, что брошены мы с тобой тут всеми. Пока телефон работал, хоть дети да внуки с праздником поздравляли, а тут вон сидим, как две клуши. Ни звонков, ни писем, ни открыток поздравительных.

— Ну, и кто бы попёрся пешком за десять километров тебе эти открытки сюда нести? — резонно спросила Матвеевна.

— Да, дак вот я и говорю.

— Не вспоминай лучше. Меня вон старшая ишшо осенью, когда свет-то был, просила справку из сельского поселения взять, что я у её на иждивении. Она как на пенсию-то вышла, дак там каки-то льготы есть, если ишшо иждивенцы имеются. А куда я с клюкой-то? Да мне четыре километра до дороги не доковылять, да и там околоть можно, пока попутку ждёшь.

— Это как посмотреть, кто у кого на иждивении, — возразила Нюра. — Ты им пенсию-то, поди, целиком и отдаёшь.

— Да, а как иначе-то? Внуки вон ипотеку каку-то взяли, квартиру купили. Да и то, мыслимо ли дело, вшестером в двухкомнатной жили. А сама-то ты, разве мало своим помогаешь? И сено на продажу косишь, и из леса всего полными корзинами таскаешь. Нам-то на двоих много ли надо?

— А чо бы и не таскать, коли лес вон за огородами начинается, — буд-то оправдываясь, вставила Нюра.

— Хорошо тебе, Нюрка, ты вон ишшо молодая...

— Всего-то семьдесят пять, — со смехом перебила Нюра.

— Вот я и говорю, молодая ишшо. Я же на десять годков тебя старше. Вот доживёшь до моих лет, поглядим... Ну, я-то точно не погляжу, но ты потом мои слова вспомни.

— Да хорошо бы в твои-то годы да этакое здоровье иметь. Ты вон одной картошки сколько растишь. А огород! Осенью внуки возами возят.

— А сама?

— Да, дак вот я и говорю, самим-то нам много ли надо. Всё им, всё им... Детушки бы сыты-обуты были. Тут летось-то по телевизору слышала, будто налоги на огороды вводить будут. Ну, на картошку там, на капусту и на всё, что растим. Денег в бюджете на пенсию не хватает, вот новый налог и придумали. Как потом-то жить будем?

— А я, знаешь, о чём всё больше и больше думаю? Прибрал бы Господь, чтобы без канители, чтобы не болеть. Не дай Бог, если слягу! Подумаешь — и то страшно! Кому я немощная-то нужна буду?

Матвеевна дотянулась до то и дело потрескивающей лампы, видать, Колька добавил в солярку бензина больше, чем надо бы, покрутила фитиль. И вдруг ахнула:

— Нюрка, ты погляди, что на улице-то творится! Озарило-то как всё! Да, дак это же Боженька всё небо-то озарил! — И трижды перекрестилась, повернувшись к иконам. Потом вдруг встрепенулась. — Нюрка, а не пожар ли случаем? Сбегай-ко на улицу, посмотри там. Да ходчее, что ты копаешься-то!

Нюра набросила привезённую дочерью изрядно потёртую по краям и на обшлагах норковую шубу, сунула ноги в валенки и вышла на крыльцо. На столбе посреди улицы ярко горел электрический фонарь. Не веря своим глазам, вернулась в дом и стала включать свет во всех комнатах. Казавшийся

до этого ярким свет настольной керосиновой лампы сразу стыдливо потускнел.
— Матвеевна, свет дали! — радостно, чуть не во весь голос закричала Нюра.

— Да сама вижу, не слепая, — скрывая вдруг выступившие слёзы радости, заворчала Матвеевна. — Сподобил Господь на Рождество Христово.

* * *

После работы Колька с мужиками хорошо отметили Рождество и пошли по домам, к жёнам и детям — продолжать праздновать. Колька завернул в магазин, взял бутылку и отправился в противоположную от дома сторону, где жил электрик Степан. На кухне выпили по стопке.

— Колька, ты же не просто так ко мне с бутылкой пришёл, — заеда солёным огурцом, прямо спросил Степан. — Говори прямо, что надо.

— Степан Иванович, дай бабкам свет. Пусть на Рождество порадуются.

— Ты, часом, не перебрал? — посуловел Степан. — Линия с осени отключена, мало ли там дерево где упало, провода оборвало, или что ещё.

— Да какое дерево, Степан Иванович?! Ветров-то совсем не было. Ну, сделай бабкам праздник.

— Да, поди, спят давно твои бабки, что им там в темноте-то делать?

— Ну, Матвеевна-то точно не спит. Наверняка сидит под иконами и свои церковные книги читает. Ну, включи рубильник! Я же тебе не отказываю, когда ты меня просишь то одно привезти, то другое. Ну, пойдём, а!

— Ну, ты, банный лист! Ладно, пойдём. Но учти, если что случится, меня премии лишат, ты её из своего кармана компенсируешь.

— Договорились, Степан Иванович! — обрадовался Колька и наполнил рюмки. — Давай за стариков наших!

Быстрым шагом дошли до подстанции.

— Лишь бы не коротнуло, — с тревогой в голосе сказал Степан и включил рубильник с надписью “Радужное”.

— Ну, не коротнуло? — с опаской спросил Колька.

— Коротнуло. Вот здесь, — и Степан большим пальцем правой руки постучал себя по груди в области сердца.

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ЯРОСЛАВ КАУРОВ

* * *

Над землёй тревожно кружат галки.
На одной из избранных планет
Город плавно переходит в свалку,
И границы между ними нет.

И по этому раздолью воли
Символом технических побед
Катится, как перекасти-поле,
Полиэтиленовый пакет...

* * *

Да, золота волшебен свет,
И серебро хвалить устали,
Но ничего на свете нет
Сильней и благородней стали!

Её объятия прочны.
Она притягивает взоры,
И хирургически точны
Стальные вечные узоры!

Непрочное золото. Как жаль!
Темнеет серебро. О, жалость!
Исчезнет всё, и только сталь
Всё сохранит, не искажаясь...

Спартанцы выбрали её,
Чеканя чёткую монету,
И слава их в веках встаёт
И гордо шествует по свету!

Вы сталью рубите плеча,
Она залог больших успехов!
Что славный рыцарь без меча?!
Что славный рыцарь без доспехов?!

Лишь сталь теперь всему ценой
И верно служит человеку!
Мы с вами входим в век стальной,
Так соответствуйте же веку!

г. Нижний Новгород

АНАТОЛИЙ КУРАСОВ

ОТ АФГАНСКОЙ ГРАНИЦЫ

От афганской границы — гробы до Ростова.
Сколько их перевёз я на “Илах” и “Ту”!
Сколько жён, матерей будут снова и снова
Груз “двухсотый” встречать на свою же беду.

Кто залечит ту скорбь, что не скроешь годами,
Что таится теперь в обелиске, в венке?
Там казённые залпы гремят над гробами —
Это эхо войны на её языке.

Будет время спешить сгладить боль и разлуку.
Будет солнце светить, не считая года.
Будут бабы рожать сыновей в тяжких муках,
Чтобы род человеческий не исчез навсегда.

*г. Одинцово
Московской обл.*

ЕВГЕНИЙ ЧЕРНИКОВ

* * *

Холодную вишню снимаю,
снимаю сухое былё,
и ветка маячит немая:
кончается лето твоё.

Такое в саду запустенье,
что можно сказать: забытьё,
и клонятся долу растенья:
отмерено время твоё.

Победою мнил поражение,
а правдой — слепое враньё,
но в блюдце сияет варенье.
Не вечно и горе твоё.

* * *

Сентября печальное тепло
через край небесный потекло,
и живу, согретый только им —
неземным дыханием Твоим.
Однодневкой-бабочкой кружусь —
ни на что я больше не гожусь.
Принимаю как последний дар
слова настоявшийся нектар,
и гудит хмельная голова...

А наутро — снег и минус два.

*г. Каменск-Уральский
Свердловской обл.*

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНКОВ

ЁЖИКИ

У пьяного не спрашивай дорогу
И у солдата спичек не проси.
Старинные приметы понемногу
Забылись на Владимирской Руси.
И ни к чему пустые разговоры.
И всё уже свершилось вдалеке.
И вдруг такие выпишет просторы
Суровая архаика в строке.

И тесен мир! Мы счастливы, как дети,
За временной компьютерной игрой.
Когда-нибудь порвутся эти сети,
И явится, ни гений, ни герой,
Бессмертный, словно монстр на экране,
Диктатор в зачарованной Москве.
И мы пойдём, как ёжики в тумане,
На бледный свет по скошенной траве.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Николаю Рубцову

Как медленно и тихо над полями
Кружится снег, скрывая пеленой
И горизонт с далёкими огнями,
И небосвод с глубокой синевой,
В открытые зеркальные озёра
Летит — и продолжается в воде,
Примеривает полотно простора,
Чтоб выстлать путь Рождественской звезде.

Невольно вдруг подумаешь о Боге.
Волхует ночь! И тихо снег летит.
Как будто кто-то близкий на дороге
О чём-то сокровенном говорит.
И светел путь, подчёркнутый, как мелом.
И белый снег растёт среди полей,
Как самый первый снег на свете белом,
На самой тихой Родине моей.

КОСТЁР

Что было, то было. Костёр на поляне
В глубоком распадке с просветом в простор,
С прострелом для эха и речкой в тумане,
И невыразимая линия гор!
Вдруг вспыхнут, как в юности, жаркие споры
Подданных геологов и работяг
Про эти же самые реки и горы!
И песня звучит про таких же бродяг.
И крепким словечком крутого расклада
Прокатится эхо из дальних полей
О том, как пропала вторая бригада.

Опомнись, романтик! Вернись, дуралей!
Но вместо ответа, как вызов по “скорой”,
Поход за мадерой в большое село.
И словно с распутинскою Матёрой
Прощанье с эпохой, и вновь на крыло!
Чтоб с неба взглянуть на великие реки,
На синий, подёрнутый дымкой простор
И вдруг осознать, что остался навеки
Костёр на поляне. Запомни! Костёр!

г. Томск

ЮРИЙ ПОПОВ

На русской речи я взлечу,
Промчусь под облаками,
Я с русским словом помолчу,
Закрыв лицо руками,

Я русской речью говорю
С друзьями и с врагами,
Любые двери отворю,
Свободу слова отстою
Родимыми словами.

* * *

Наша задача, чтоб старость и дети
Счастливо жили на белом свете,
И чтоб срединная часть человечества
Держала щит, охраняя отечество.

* * *

Преграды ставь чужим словам,
Иначе твой язык исчезнет,
А с языком исчезнешь сам
И древний русский род померкнет,

Умолкнет курский соловей,
Смолчит рязанская сорока...
Есенин жив в душе твоей?
А коли так — то можно ей
Дышать свободно и глубоко.

г. Санкт-Петербург

ОЛЕГ АЛЁШИН

АНТОНОВКА

Здесь закончилась битва теней.
Здесь сходились неравные силы.
Здесь антоновка диких кровей
Прорастает из братской могилы.

Корень зла, как на ошупь слепец,
В преисподней двадцатого века
Отыскал среди русских сердец
Волчье сердце в груди человека.
Корень зла в кулаке раздавил
Одинокое сердце, что камень.
Чёрной кровью себя напоил —
Сердцевину обжѐг смертный пламень.
То не ветер, то наша судьба
Сотрясает плоды с древа жизни.
То не яблоки,
То черепа
Почивают в подоле отчизны.
Здесь закончилась битва теней.
Здесь сходились неравные силы.
Здесь антоновка диких кровей
Прорастает из братской могилы.

г. Тамбов

ВИКТОР КАРПУШИН

* * *

От костров осенних загорчило
Поздним бабьим летом в листопад.
Всѐ спешу куда-то, дурачина;
Впрочем, опоздать я был бы рад.

В октябре душе открылись дали.
Ранний иней. Впереди — снега.
Вот и утки тоже опоздали,
Кряканьем тревожат берега.

Как порой отрадно припоздниться,
Оглядеться на житьѐ вокруг...
И склюѐт слезу с ладони птица,
И любовь не вызовет испуг.

*г. Балашиха
Московской обл.*

НИКОЛАЙ ОБОЛОНСКИЙ

ТИШИНА АЛТАЯ

На родине приметной Шукшина
Уснула, зренье птицы не мозоля,
Соломенного цвета тишина
У краешка нескошенного поля.

Познавший мир сполна, не облысев,
Настороживший песенкой неспетой,
Оставив сапоги, босым присел
Мужик, сюда пришедший с того света.

Вскипал, как звон речного серебра,
Мне праздника душевного охота!
И замолкал, как в рот воды набрал,
Позволив нам встать рядышком для фото.

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

Ни о чём не помышляя всеу,
Шебутной, как дедовский рубанок,
На моём окне мороз рисует
Белые цветы тебе в подарок.

И, покуда дятел-барабанщик
Не поднял ещё воронью стаю,
Приходи ко мне как можно раньше,
А не то они в обед растают.

Белоснежной голубей над храмом.
На ночь не захлопнув крылья ставен,
Если хочешь, выставлю я раму,
В погреб на хранение поставлю.

*г. Одинцово
Московской обл.*

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВА

ВИНИКЛЯЙ

Растёт непобедимый иван-чай
Сквозь крыши и оконные проёмы.
От брошенной деревни Виникляй
Осталось только фото из альбома.

Чернеют полусгнившие дома
В садах, заполонённых бузиною.
Не от зерна распухли закрома
В амбарах за разрушенной стеною.

Почти незнаваемы черты
Иной деревни, тучной и счастливой.
Не стрижены малинника кусты,
И руки жалит горькая крапива.

Где слышны были детский смех и гам,
Безмолвие кладбищенской гробницы,
Приют никем не позванным гостям —
Приблудным лисам и голодным птицам.

На улице заросшей каждый дом —
Печальное свидетельство о смерти
Эпохи целой на пути людском,
Но звука лишь в космическом концерте.

г. Тамбов

АНТОН МЕТЕЛЬКОВ

* * *

кем я стану, когда вырасту? стариком
это будет, если вдуматься, нелегко
но зато уж если стану я стариком
то уеду отсюда далеко

* * *

маленький мальчик, бегущий песчаной косою
папа и мама остались в другом полушарии
это, казалось бы, всё, но и это не всё
папа и мама на ужин картошки нажарили

где же ты, мальчик? какие считаешь круги?
был бы ты девочкой таней — и мог бы не плакать
папа и мама рисуют тебя от руки
и покрывают, чтоб не царапался, лаком

мальчикам так нелегко, лучше дянькой стать
вброд перейти там, где раньше скрывало по уши
книгу следов твоих будут улитки листать
всхлипы шагов твоих станут амфибии слушать

мальчик — да нет же, не мальчик, а некто иной
скажет — а впрочем, не скажет, но даст нам услышать
папа и мама, ну кто там у вас за спиной?
слышите? тише. не слышите? тише же, тише

г. Новосибирск

ВИКТОР СУХАРЕВ

ВРАГ НАРОДА

В тайге мороз... К исходу дня
После работы, как на тризну,
Он собирает у огня
Отверженных детей отчизны.

Молчат и зэки, и конвой,
Молчит суровая природа,
Да дым костра над головой...
Стихи читает враг народа.

И, кажется, в словах чтеца
Нисходит тёплой искрой Света
В окоченевшие сердца
Душа убитого поэта.

Когда не жди и не зови,
И надо бы молчать, от боли
В ней твёрдо молвят о любви
Её кровавые мозоли!

Слова... Горят на том огне.
Совсем дотлел костёр... Из тени:
“Кто автор?” — спросят. В тишине
Ответит ээк: “Сергей Есенин”.

ЛЕБЕДИ

Ночью приморозило... И вёты
Вмёрзли там, где днём была вода.
Лебеди, устав от перелёта,
Жмутся к ним, ломая кромку льда.

У весны такая есть привычка —
В марте притворится вдруг зимой...
Но когда ей щебет снится птичий,
Тянет перелётных птиц домой.

Так и мы, как после перелёта...
Жизнь прожить — не поле перейти.
Сколько в жизни было поворотов,
Чтобы в ней нам стало по пути.

На пруду... Две белокрылых птицы.
Ангелы любви среди людей.
Надо мною вётелка слезится...
Я люблюсь парой лебедей.

Подмосковье

ГЕОРГИЙ НОВИК

* * *

Осень в золото одета и не греет больше лето,
Вечность брызгами рассвета прогоняет сон.
Тени прошлого у входа не дают опять прохода...
Что за грустная погода постучала в дом?

Тротуары стали уже, небо выплакало лужи,
День соскучился по суше, а я по тебе.
Скверы, площади и парки, поцелуи были жарки
И разбросаны подарки на твоём столе.

Город в вихре закружился, позолотой прослезился,
Я в него опять влюбился, как давным-давно...
Тени прошлого у входа не дают опять прохода,
А я всё гляжу украдкой на твоё окно.

* * *

Что сказать тебе, что сказать?
Подружилось лето с осенью,
Не найти мне, а потерять
Взгляд любимый и чёлку с проседью.

Упаду золотым листом
На холодную землю сонную,
Не хочу я знать, что потом,
Когда выпьем мы чашу полную.

Пусть сойдёт с ума листопад!
Я последнюю блажь приветствую!..
Всё теперь не так, невпопад,
Стала осень мне вдруг невестою.

Полыхает листвы пожар,
Ты же видишь, не жду я холода.
Это самый чудесный дар,
Когда небо роняет золото!

Манит осень нас под венец,
В свои дивные чары кутает.
Где начало, а где конец?
Всё теперь она перепутает...

* * *

Одному тяжело даже в райской тиши,
Ведь людское тепло суший хлеб для души.
И когда ты один, всё тебе ни к чему.
Как корабль среди льдин, солнце ждёшь и весну,

И так мало порой нужно нам доброты,
Так гитару настрой, чтоб звенели лады.
И пускай в окнах свет застилает пурга,
Ночь торопит рассвет, серебрит облака,

Одиночества стук всё слышней и слышней...
И поэтому друг — всё нужней и нужней.
Не погасла ещё в тёмном небе звезда,
Приходи, старый друг, иногда, иногда!..

г. Москва

АРКАДИЙ КОНСТАНТИНОВ

* * *

Я не о “той стране”,
Которая в огне,
Я — о другой, лишь снящейся,
За всех, как мать, молящейся...
И будто песня, длящейся...
Одна она во мне!

* * *

Путь мой — короток ли, долог —
Вспомнится, верю, светло:
Вешней черёмухи холод,
“Бабьего лета” тепло,
Дождик в компании радуг,
Звёздная ночь за окном...
Слово “Люблю” своей мамы,
Пусть и с горчинкой оно.

г. Новосибирск

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ...”

Глава третья

“ВАШИ РУКИ В КРОВИ...”

Разделение на “свой” – “чужой” в литературной среде шестидесятых было демонстративным и жёстким. Помнится, как из фильма “Застава Ильича”, снятого Марленом Хуциевым с явным идеологическим заданием на восстановление “ленинских норм жизни”, были выброшены кадры, в которых читал свои стихи на знаменитом вечере в Политехническом поэт Сергей Поликарпов – единственный из всех выступающих сын русского простонародья. Ему пришлось выступать в компании широко известных выходцев из интеллектуально-либеральной элиты тех лет – с Михаилом Светловым, Борисом Слуцким, Булатом Окуджавой, Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной, Риммой Казаковой... Весь цвет шестидесятничества... Но Сергей Поликарпов, как пишет в своих воспоминаниях русскоязычный писатель из Узбекистана Мир-Хайдаров, присутствовавший на этом вечере поэзии, не оробел, не стушевался и даже бровью, как говорится, не повёл:

“Настал черёд и нашего героя. Он был молод, заканчивал Литинститут, несмотря на крепко сбитую фигуру, выглядел стройным, как гимнаст, в армии он успешно занимался этим видом спорта. Русоволосый, волевое лицо с глубоким шрамом на губе, и мощным, почти оперным баритоном. Прочитав первое стихотворение, он сделал паузу, решил проверить зал, как он воспримет столь дерзкие стихи незнакомца поэта. Сергей Поликарпов уже имел опыт выступлений в аудиториях, знал цену себе и своим стихам, потому он читал свободно, страстно: он читал стихи не о себе любимом, а о жизни народа:

*Деревня пьёт напропалую —
Плетьень последний пропила,
Как будто бы тоску былую
Россия снова обрела.
Первач течёт по трубам потным,
Стоят над банями дымки...
— Сгорайте в зелье приворотном,*

*Скупые старые деньки!
Зови, надсаживаясь, в поле,
Тоскуй по закромам, зерно!..
Мы все сгораем поневоле,
Мы все осуждены давно
Своей бедою неизбытной —
Крестьянской жилой дармовой,
Пьём горестно и ненасытно
За рослой стражною стеной...
Под Первомай, под аллилуйю
И просто, в святцы не смотря,
Россия пьёт напропалую,
Аж навзничь падает заря!..”*

На этом Сергей Поликарпов не остановился. Его второе стихотворение воспринималось Политехническим, как говорится, в “мёртвой тишине”:

*Едва над входом гробовым
Вчерашнего вся владыки
Рассеется кадильниц дым
И плакальщиц замолкнут клики,
Как воспринимающие власть,
Как будто бы кутьёй медовой,
Обносят милостями всласть
Круг приживальщицкий дворцовый,
А прочим — вторят старый сказ,
Что бедам прошлым не вернуться...
Меняется иконостас,
Но гимны прежние поются...*

Из воспоминаний Мир-Хайдарова:

“Зал застыл в гробовом молчании, переваривая немислимые откровения поэта, и вдруг взорвался аплодисментами: — Молодец! Еще, еще! Bravo! Bravo! И он, шагнув к краю сцены, читал и читал, а его все не хотели отпустить. Помощники режиссера шипели сзади: “Хватит! Хватит!”. Но Сергей понимал, что это его звёздный час, он далеко обставил всех поэтов, уже упивавшихся своим успехом, оттого и не обращал внимания на окрики киношников, снимавших фильм об этом вечере поэзии.

Читал он одним из последних в тот вечер, видел и понимал разницу, как принимали его и других. Да, аплодировали многим, но взрыв аплодисментов, шквал одобряющих выкриков не достался тем, всем вместе взятым, в таком объеме и мощи. В этот день он раздал сотни автографов, толпа поклонников провожала его до метро, как оперного тенора, такой успех бывал только у Козловского и Лемешева. Если сравнить успех вступления Поликарпова по-одесски с обозначенным мною списком, они там все и рядом с Сергеем не стояли. Столь ошеломительный триумф, казалось, не забыть никогда. Надеюсь, вы понимаете, как Сергей ждал выхода фильма, с ним студент связывал большие надежды, был уверен, что перед ним откроются двери издательства, заметят в СП, газетах, журналах, на радио. Литинститут гудел, признавая его победу. Выступления поэтов в Политехническом кто-то назвал турниром, где определяют короля поэтов. И вспоминали Игоря Северянина, избранного в узком кругу таким королём. Но шутивное определение у Северянина осталось не только на всю жизнь, оно вошло и в историю. Доброжелатели в Литинституте, бывшие на тех вечерах, так и трактовали успех своего коллеги.

... Фильм вышел. Но принес жестокое разочарование Сергею: в фильме не было ни одного кадра с ним, ни одного! Более того, снятый крупным планом зал во время его долгого выступления, тот взрыв аплодисментов, рев приветствий, обращений к нему примонтировали к совсем другим, куда более известным поэтам. Разве можно забыть такую подлость? Как пережить, когда твою победу украли и по кускам раздали другим? Он-то хорошо видел зал, видел лица знакомых и друзей, их восторг и благодарность, их восхищение, которое

адресовалось только ему, студенту Поликарпову, мальчишке, уцелевшему в оккупации.

Турнир, если так назвать выступления поэтов, Поликарпов выиграл у всех в честном соревновании, и весь восхищенный зал аплодировал ему стоя, когда он покидал сцену. Об этом историческом выступлении поэтов многие помнят до сих пор, но мало кто знает правду. Уже 50 лет удачливые поэты, чья карьера, успех состоялись отчасти благодаря тому выступлению в Политехническом, написали сотни статей, воспоминаний, многократно выступали на телевидении и в публичных местах, объездили полмира, но никто из них не признал, что результаты того открытого соревнования поэтов перевернуты в кино с ног на голову, победитель остался вне истории, и они ни разу нигде не упомянули Сергея Поликарпова. А ведь он жил рядом с ними.

Многих из небожителей, о которых я вспоминаю, часто называли совестью, честью эпохи, страны, но ни один из них не признался, что они присвоили себе победу Сергея, вплоть до предназначенных только ему аплодисментов. Не вмешались в монтаж фильма Марлена Хуциева, не закрыли фильм до выхода на широкий экран, хотя видели его в закрытом показе в Доме кино, опять же, для избранных, куда Сергей не смог попасть. В блатной лексике есть удивительное по емкости слово, четко определяющее неблагоприятный поступок, тут оно явно к месту: все наши упоминавшиеся поэты шестидесятники и Марлен Хуциев поступили по отношению к Сергею Поликарпову – “западло”.

Когда Лариса Васильева, трогательно опекавшая Сергея Поликарпова, однажды спросила Хуциева: “Почему ты, Марлен, выбросил из фильма кадры с Сергеем Поликарповым?”, то Хуциев ответил ей без объяснений: “Его выступление не укладывалось в формат фильма”.

Но на самом деле суть была не в формате, а в том, что Сергей Поликарпов для шестидесятнической элиты был в социальном и мировоззренческом смысле чужаком, не вписывавшимся в компашку “детей XX съезда”. Все выступавшие вместе с ним были отпрыски из семей “комиссаров в пыльных шлемах”, из сословия местечковых торговцев-нэпманов, из семей партийных работников, чекистов, энкавэдешников и крупных государственных чиновников. Сам Марлен Хуциев не случайно носил имя, составленное из слов “Маркс” и “Ленин”, поскольку его отец Хуцишвили, чья карьера закончилась в эпоху большого террора в 30-е годы, дослужился до должности заместителя наркома внешней торговли Советского Союза... И вполне естественно то, что им, отпрыскам советской элиты, совершенно не нужен был какой-то поэт из простонародья, да ещё добившийся такого успеха в “ихнем” Политехническом. “Политехнический – моя Россия”, как сказал об этом гнезде либерального шестидесятничества Андрей Вознесенский. А у Сергея Поликарпова – бывшего колхозника и солдата, Россия, естественно, была другой.

* * *

И, конечно, нас, детей России, навсегда развела с детьми XX съезда по разным сторонам баррикад кровь, пролитая Ельциным и его опричниками 4 октября 1993 года.

На это кровопролитие их воодушевило коллективное “письмо 42-х” шестидесятников, с которыми Ельцин не раз встречался в Бетховенском зале и где они яростно увещевали коммунистического расстригу: “Действуйте, Борис Николаевич!” Об этой провокационной роли деятелей культуры циничнее и откровеннее всех высказалась вскоре после октябрьской трагедии стопроцентная “шестидесятница” Валерия Новодворская в восторженной статье, названной строчкой из “шестидесятника” – “ленинца” Окуджавы **“На той единственной гражданской”**, опубликованной в журнале “Огонёк”, где главным редактором был “шестидесятник” В. Коротич:

“Я желала тем, кто собрался в “Белом доме”, одного – смерти. Я жалею и жалею только о том, что кто-то из “Белого дома” ушёл живым.

Мы вырвали у них страну. Ну, а пока мы получаем всё, о чём условились то ли с Воландом, то ли с Мефистофелем, то ли с Ельциным” (“Огонёк”, № 2–3, 1994 г., стр. 26).

А в своей книге “По ту сторону отчаяния” Новодворская добавила: **“Я благодарна Ельцину... Пойдём против народа. Мы ему ничем не обязаны...”**

Мы здесь не на цивилизованном Западе. Мы блуждаем в хищной мгле, и очень важно научиться стрелять первыми, убивать...

Её статья явилась естественным продолжением "расстрельного" письма 42-х, опубликованного в "Известиях" 5 октября 1993 года.

Для статистики и для суда потомков будет полезно знать, что из 42-х подписантов "известинского письма" две трети — это классические "шестидесятники", "дети XX съезда партии": Алесь Адамович, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Зорий Балаян, Александр Борщаговский, Александр Гельман, Андрей Дементьев, Александр Иванов, Римма Казакова, Юрий Карякин, Яков Костюковский, Александр Кушнер, Татьяна Бек, Юрий Левитанский, Андрей Нуйкин, Булат Окуджава, Владимир Савельев, Юрий Черниченко, Андрей Чернов, Мариэтта Чудакова и др. И, конечно же, все они были единомышленниками и всё, что у Новодворской "было на языке", у них "было на уме". Недаром такими же, как у Новодворской, чувствами была переполнена душа её кумира Булата Окуджавы: **"Мы ловили каждый звук с наслаждением"** (Новодворская о взрывах танковых кумулятивных снарядов в "Белом доме"); **"Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим <...> никакой жалости у меня к ним не было"** (слова Окуджавы из интервью газете "Подмосковные известия", 11 декабря 1993 года).

"Такие, как я, — не унималась Новодворская в своих кощунственных заклипаниях, — вынудили Президента на это решиться и сказали, как народ иудейский Пилату: Кровь Его на нас и на детях наших", "Один парламент под названием Синедрион уже когда-то вынес вердикт, что лучше одному человеку погибнуть, чем погибнет весь народ"...

Пусть неожиданное сравнение Новодворской сорока двух подписантов письма с иудейской чернью, потребовавшей распятия Божьего Сына, останется на её совести. Особенно важно, что, рассматривая эту драму, мы убеждаемся в том, что Ельцина и его лакеев (Гайдар, Лужков, Грачёв и др.) осудили все православные служители, начиная от Патриарха и кончая рядовыми священниками:

"Тот, кто поднимает руку на беззащитного и проливает невинную кровь, будет отлучён от церкви и предан анафеме" (из заявления Священного Синода РПЦ от 30 сентября 1993 г.)

"Люди попрали нравственные принципы и пролили невинную кровь. Эта кровь вопиет к небу и, как предупреждала святая церковь, останется несмываемой каиновой печатью на совести тех, кто вдохновил и осуществил богопротивное убийство невинных близких своих, Бог воздаст им и в этой жизни и на страшном суде Своём" (из обращения Патриарха Алексия II в Троице-Сергиевой лавре от 8 октября 1993 г.)

"Мы знаем, что те, кто пришли к "Белому дому" в октябре 1993-го <...> это мученики во имя богочеловечества, дарованного нам Богом Иисусом Христом ценой его страданий и искупительной жертвы" (Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн)...

С подобными же обращениями к народу выступили священники А. Шаргунов, С. Красовицкий, Дм. Дудко и многие другие. Поразительно то, что ельцинский режим был осуждён людьми церкви, которые претерпели немалые притеснения от советской власти.

"Они, — пишет Новодворская в "Огоньке", — погибли от нашей руки, от руки интеллигентов <...> не следует винить в том, что произошло, мальчек-танкистов и наших командос-омоновцев. Они исполнили приказ, но этот приказ был сформулирован не Грачёвым, а нами... Мы предпочли убить и даже нашли в этом моральное удовлетворение".

Единственный, кто из 42-х подписантов сатанинского письма прилюдно ужаснулся октябрьской бойне, был писатель Юрий Давыдов. Остальные, промолчав, согласились с Новодворской, что они — "убийцы", члены фарисейского Синедриона, и такие же местечковые демоны "той единственной гражданской", какими были Розалия Землячка-Залкинд, Лариса Рейснер, Софья Гертнер из питерского ЧК, Евгения Бош, Ревекка Майзель и прочие "комиссарши", правдиво изображённые в стихотворении Ярослава Смелякова "Жидовка". Но наши нынешние по сравнению с ведами той эпохи куда более прагматичны. Как пишет Новодворская, они **"выскочили на Красную площадь"**, чтобы защищать не только **"свободу"** и **"Президента"**, но и **"нашу будущую собственность, и нашу будущую же законность"**.

Через какое-то время после 4 октября российское телевидение показало словесную схватку между подписантом “письма 42-х” Андреем Нуйкиным и Вадимом Кожинным. Секундантом дуэли был, кажется, тележурналист из “Взгляда” Александр Любимов. Когда схватка, которую Нуйкин проиграл вчистую, закончилась, Любимов предложил противникам пожать друг другу руки. Нуйкин протянул руку Кожину, но тот отказался от рукопожатия со словами: “Ваша рука в крови”...

Эта несмываемая кровь окончательно и навсегда разделила нас – детей русского простонародья и “детей Арбата”, в крови которых всегда жила “к предательству таинственная страсть”...

Вот что требовала от ельцинской власти кучка бывших советских литераторов, мгновенно переродившихся в те дни в ренегатов:

“Фашисты взяли за оружие, пытаются захватить власть”, “Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми”... Добрыми к кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму? <...> “Мы все сообща должны не допустить, чтобы суд над организаторами и участниками кровавой драмы в Москве не стал похожим на тот позорный фарс, который именуют судом над ГКЧП”, “Органы печати <...> должны быть закрыты”, “Все виды коммунистических и националистических партий <...> должны быть запрещены”, “Съезд народных депутатов, Верховный совет, образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд <...> признать нелегитимными”... (из письма 42-х)

Нет сейчас надобности пересказывать весь текст этого коллективного документа, о котором выдающийся драматург и честный человек Виктор Розов в те дни отозвался так:

“Написано оно, на мой взгляд, – отчеканил фронтовик Розов, – людьми злыми, мстительными. От этого обращения веет беспощадным большевизмом и ранним фашизмом. Не буду перечислять порочность каждого положения этого воззвания. Скажу только об особо отвратительных его проявлениях. Призыв к тому, чтобы Вы не поддавались псевдохристианским призывам “не мстить и не допускать жестокость”. Это, г-н президент, призывы истинно христианские, а призывы авторов обращения – антихристианские, бесчеловечные, сатанинские”.

(“Независимая газета” 19 октября 1993 г.)

С подобными же чувствами и словами, не боясь никаких последствий, гласно осудили в печати ельцинско-гайдаровскую свору “псов и палачей” наши бесстрашные русские люди – Василий Белов, Валентин Распутин, Юрий Власов, Александр Зиновьев, Владимир Крупин, и даже узники советских лагерей Андрей Синявский, Владимир Максимов, Леонид Бородин и отец Дмитрий Дудко. А народный артист России Владимир Гостюхин выступил 19 марта 1994 года в газете “Советская Россия” с такими словами:

“В одном из интервью Булат Окуджава заявил, что наслаждался зрелищем штурма “Белого дома” и смотрел его, как потрясающий детектив”. Это признание меня потрясло! Неужели это Булат Окуджава? Кумир мой, да и вообще молодых людей шестидесятых годов. Мы выросли на его песнях, я знал их наизусть и очень любил. И вот этот поэт-гуманист наслаждается телерепортажем о массовой бойне. Уму непостижимо!

Когда я узнал, что в филармонии Минска состоится пикетирование концерта Окуджавы, то естественным движением души было выразить свой протест. Я пришёл с пластинкой былого своего кумира и на глазах собравшихся сломал её. Один из зрителей вышел на сцену с цветком. Окуджава потянулся за ним, но молодой человек сломал цветок и вышел из зала. Так он простился со своим кумиром”.

Письмо “42-х” давно известно всем серьёзным историкам минувшей эпохи, но мало кто знает, что за три дня до расстрела российского парламента – 2 октября 1993 года русскими писателями патриотами было выработано и подписано ещё одно коллективное письмо под заголовком “Слово художников”. Вот его текст:

“Над Россией совершено насилие, второе в этом столетии. После первого, отменившего высший закон государства, на котором зиждилось экономическая, общественная и моральная жизнь страны, насилие проникло в каждый дом, в каждую пору общества.

Россия, охваченная террором и гражданской войной, потеряла несметные богатства, лучших людей, погрузилась в духовную тьму.

Второе, случившееся на днях насилье, растоптавшее основной закон государства, в котором содержались гарантии личной и общественной безопасности, связи, сочетающие человека с человеком, гражданина с обществом, — уничтожение этого закона рассыпает в прах всю юридическую и моральную пирамиду общественного смирения, открывает путь силам хаоса и деградации.

Социальный страх, с которым жила Россия почти целый век, и который, как нам казалось, живительно преодолевался на начальном этапе преобразований, — социальный ужас в эти дни опрокинулся на Россию, парализовал психическую и духовную жизнь людей.

Нация страшится гражданской войны, распада страны, репрессий, политического садизма.

Мы, русские интеллигенты, не имеем в руках рычагов властного влияния, не воздействуем на банки, министерства и гарнизоны, но, может быть, острее других чувствуем исторические дороги нашей Родины.

Уповая на самое святое в человеке — на чувство Бога и Родины, на любовь к живым сыновьям и умершим отцам, на светоносное в русской культуре и народной душе, мы обращаемся к Ельцину и Хасбулатову: переверните назад страницу в книге русской беды, сумеете любой ценой сделать так, чтобы высший закон страны немедленно вернулся к исполнению.

Сограждане, братья, пусть в эти дни вас не окутает страх, неверие и ненависть. Не посмейте поднять оружие на брата. Слишком много нас было убито в этом веке на войнах гражданских и мировых, в застенках, на этапах, в голодных могах. Не дадим опять пролиться русской крови.

В эти мрачные дни каждый в себе самом, в семьях, на рабочих местах соберём в своём сердце мужество, честь, любовь к отчизне. Не позволим себя запугать и обмануть. Сосредоточимся на единой мысли: конституционный и нравственный закон российского государства должен быть сохранён. Идея свободы, выраженная в букве закона, должна торжествовать. Пусть минует нас проклятие истории. Пусть наша любимая многострадальная родина избегнет страшной беды". Письмо подписали: Юрий Бондарев, Василий Белов, Валентин Распутин, Леонид Бородин, Владимир Крупин, Владимир Личутин, Станислав Золотцев, Николай Тряпкин, Станислав Куняев, Владимир Бондаренко, Александр Проханов, Александр Невзоров, Юрий Власов, Пётр Проскурин, Юрий Кузнецов, Геннадий Ступин, Наталья Варлей, Вадим Кожин, Вячеслав Клыков, Александр Шилов, Николай Бурляев, Татьяна Доронина, Николай Пеньков, Всеволод Овчинников, Станислав Говорухин, Сергей Михалков, Георгий Свиридов, Игорь Шафаревич, Михаил Ножкин, Игорь Горбачёв, Людмила Зайцева, Пётр Паламарчук, Сергей Бондарчук, Эдуард Лимонов, Виктор Розов, отец Дмитрий Дудко, Виктор Лихонос, Александр Зиновьев, Тимур Пулатов, Пётр Краснов, Глеб Горбовский, Александр Казинцев.

Что и говорить! По своей значительности, по вкладу в русскую культуру, по честности творческих судеб список наших имён был куда более убедительным, нежели список сорока двух ренегатов-«шестидесятников», открыто призывавших ельцинско-гайдаровскую власть к государственному перевороту.

Но как отличается наше письмо по мыслям, по стилю, по отчаянным попыткам найти выход из кровавого тупика от «письма 42-х»!

Мы пишем с горечью: «Мы русские интеллигенты, не имеем в руках рычагов властного влияния, не воздействуем на банки, министерства и гарнизоны, но, может быть, острее других чувствуем исторические дороги нашей родины».

Они пишут с ненавистью: «Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли её продемонстрировать».

Мы пишем, давая добрый совет лидерам враждующих ветвей власти: «Уповая на самое святое в человеке — на чувство Бога и Родины, на любовь к живым сыновьям и умершим отцам, на светоносное в русской культуре и народной душе, мы обращаемся к Ельцину и Хасбулатову: переверните назад страницу в книге русской беды, сумеете любой ценой сделать так, чтобы высший закон страны немедленно вернулся к исполнению».

Они диктуют власти и обществу ультиматум: «Мы должны на этот раз жёстко потребовать от правительства и президента то, что должны были (вместе с нами) сделать давно».

И далее идёт список требований со стороны этих либералов-“шестидесятников”: “запретить указом президента или признать нелегитимными все “партии”, “фронты”, “объединения”, и “съезд народных депутатов”, и “Верховный Совет”, и “Конституционный суд”, “закрыть” (а не просто ввести цензуру) газеты “День”, “Правду”, “Советскую Россию” и т. д.

Мы обращались к народу со словами: “Сограждане, братья, пусть в эти дни вас не окутает страх, неверие и ненависть. Не посмейте поднять оружие на брата. Слишком много нас было убито в этом веке <...> не дадим опять пролиться русской крови”.

Они, лицемерно разыгрывая трагикомедию, лили крокодиловы слёзы по трём юношам, погибшим в тоннеле во время исхода танков от Парламента в августе 1941 года: “Скорбь о новых невинных жертвах и гнев к хладнокровным их палачам переполняет наши (как, наверное, и ваши) сердца”.

В этом же письме защитники российского Парламента были названы “красно-коричневыми оборотнями”, “ведьмами”, “убийцами и хладнокровными палачами”, как будто не их тела (в количестве полутора тысяч, как полагают нынешние историки) были октябрьской ночью погружены на борты и увезены в неизвестном направлении, а трупы Ельцина, Лужкова, Гайдара, Новодворской, Чудаковой, Окуджавы и прочих “гуманистов-шестидесятников”.

Наше Письмо, зовущее не к расправе с мировоззренческими врагами, а к примирению двух враждующих станов, было написано 2 октября 1993 года, словно предчувствие надвигающейся драмы, за два дня до ельцинской кровавой расправы с парламентом, по сравнению с которой ленинское взятие Зимнего дворца 6 ноября 1917 года, когда погибло то ли три, то ли четыре человека, было детским лепетом истории. Если вспомнить, сколько профессионалов из спецназа КГБ и ОМОНа, сколько провокаторов, стрелявших с соседних зданий (как на киевском майдане) по обеим враждебным сторонам, сколько всяческих отечественных и зарубежных СМИ было задействовано, чтобы раздуть пламя братоубийственной схватки!

С нашим письмом нечего было соваться на ельцинское или лужковское ТВ, вся патриотическая пресса по требованию “42-х” была закрыта, а “Наш современник” опечатан лужковскими прокурорами. Поэтому мы сумели обнародовать своё письмо лишь в подпольном номере прохановской газеты “День” 7 октября 1993 года. Оно, конечно, не смогло повлиять на ход событий, но мы, ещё не зная о провокаторском листке “42-х”, опубликованном 5 октября 1993 года, угадали его содержание и успели изложить для истории своё понимание происшедшей трагедии. Мистический момент в этом совпадении тоже присутствовал: наше письмо было подписано тоже сорока двумя писателями. В отличие от “известного письма”, подписанного в основном русскоязычными русофобами – наше было написано, одобрено и подписано действительно цветом коренной русской интеллигенции. В сущности – оно было прямым продолжением “Слова к народу”, написанного Юрием Бондаревым, Валентином Распутиным и Александром Прохановым и опубликованного в трагические дни августа 1991-го, когда мы, к несчастью, не победили. В этой борьбе победили они, но какой ценой?

О такого рода победах честный “шестидесятник” Наум Коржавин сказал, что их творцы “не отличают славы от позора”.

* * *

Расстрел российского парламента был подготовлен в 1991–1993-м годах бешеной компанией средств массовой информации, которые были отданы ещё при Горбачёве в руки нашей пятой колонны. Помню, с какой сатанинской радостью на круглом столе у Познера вещал об этой всенародной трагедии сын крупного советского чиновника-дипломата Виктор Ерофеев:

“Освобождение от империи – это радость. Распад Союза – это радость, а не трагедия. Все соседи радуются этому освобождению”.

Абхазия, во всех школах и музеях которой висят фотографии молодых людей в чёрных рамках, павших в борьбе с грузинскими колонизаторами, “радуется”. Южная Осетия, пережившая два кровопролитных нападения, – тоже радуется. Особенно искренне и благодарно радуются изгнанные из Карабаха армянскими боевиками азербайджанцы и растерзанные в отместку за это

изгнание сумгаитские армяне. Радуются в Грузии гальские грузины, изгнанные за погромы, которые творили грузинские бандформирования в Абхазии в 1991–1992 годах, радуются похороненные в братских могилах жители Приднестровья, погибшие во время бесчинств молдавских националистов в Бендерах, радуются киргизские, таджикские, узбекские рабы, стоящие толпами у выезда из Москвы на Ярославском шоссе, готовые за копеечную плату на любую чёрную работу. Радуются распаду Советского Союза сотни тысяч русских людей, изгнанных из Чечни, радуются десятки тысяч чеченцев, погибших в братоубийственной войне, организованной Ельциным и Гайдаром, Березовским и Черномырдиным. Радуются Ерофеев и Сванидзе, Швидкой и Познер, получившие в своё распоряжение телеканалы, телестудии, телепрограммы – словом, всю четвертую власть над “радующимся” народом.

Что же касается хищного удовлетворения и даже радостей, высказанных Виктором Ерофеевым, Евгением Евтушенко, Василием Аксёновым, подписантами Римского обращения и прочими “шестидесятниками” по поводу убийства Советского Союза, то я могу лишь вспомнить, как в 1992 году ко мне обратился корреспондент популярной парижской газеты “Монд” с предложением написать статью о том, как я отношусь к судьбе нашей великой державы.

После беловежского предательства прошло всего лишь несколько недель, когда мои страницы были напечатаны в новогоднем номере “Монда” под заголовком “Плач по Советскому Союзу”. Вот в какой-то степени наивный, но искренний текст этого моего плача:

“Я не просто жалею – я плачу о развале великой страны. Не потому, что отломилась Прибалтика, отгораживаются неприязнью, а то и ненавистью Грузия и Молдавия, нагнетает антимосковскую истерию Украина... Бог с ними. Насильно мил не будешь. Но оборотничество многих, кого раньше я считал добрыми и искренними друзьями – вот что ранит больше всего. Сегодня с холодной и брезгливой усмешкой я думаю о своих недавних друзьях по советской литературе – о живых классиках из Грузии, Литвы, Украины. Как страстно воспевали они дружбу народов, какими высокими словами клялись они в любви к России, как добивались того, чтобы их книги выходили на русском языке... На языке, который, как они говорят сегодня, служил орудием угнетения их народов. Как они все разом, как по команде, замолчали, словно воды набрали в рот, несколько лет тому назад. А потом, словно опомнившись от обморока, загалдели о необходимости уничтожения империи, о великорусском шовинизме. Ибо уничтожение Союза могло произойти при одном непременном условии: во что бы то ни стало унизить Россию, изобразить её врагом не только Грузии или Украины, но врагом чуть ли не всей мировой цивилизации.

Беспоздно было напоминать о том, как персы вырезали жителей Тифлиса, как турки опустошали армянские города и сёла, как крымские татары во времена Богдана Хмельницкого покупали украинских девушек прямо под окнами “независимых” гетманов Украины, напоминать о временах, когда дедам и прадедам нынешних национал-русофобов нужны были русские штыки и русские солдаты. Но нынешним политикам не нужна история, оправдывающая Россию.

“Россия – раба”, “рабская нация”, “рабский менталитет” – и это о народе, разгромившем Гитлера и Наполеона! Великий Александр Пушкин в своё время без промаха определил неизменные истоки этой ненависти, когда писал о “рабах Бонапарта”:

*И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы!*

“Рабская нация” – и это о русском народе, сыны которого всегда сражались за родину в борьбе с Западом!

А что хорошего мы видели от него? Одни интернациональные нашествия. То – 1612 год, то объединённая армада Наполеона, “двунадесять языков”, то Севастопольская война 1855 года – Тройственный союз, предтеча Антанты,

то фашистский интернационал, объединивший не столько против социализма, сколько против России все тёмные силы Европы.

Да, с точки зрения Запада мы народ нецивилизованный. Но я не стыжусь этой особенности, а горжусь ею. В августе 1991 года я был на перенесении мощей Святого Серафима Саровского в Дивеевский монастырь. Слёзы подступили к горлу, когда увидел море народа, пришедшего со всей России к своему заступнику и чудотворцу. Это были в основном бедные русские люди, с землистыми лицами от усталости, от дальнего пути, от недосыпа и недоедания, плохо одетые, измученные всей многотрудной нашей жизнью. Но, если бы вы видели, как начинали светиться внутренним светом любви и веры их глаза и лица, когда они встречали Патриарха Всея Руси, когда приближались к раке с мощами Святого, когда падали на колени и целовали крышку раки. И тогда я подумал: “Культура — это Бог в душе, а не пиво в банках”.

Культура России, ныне оклеветанная, не сравнима ни с европейской, ни с американской, ни с индусской. Мы — православно-мусульманская Евразия, и потому попытка построить на нашей почве европейский дом — утопия, может быть, даже бо́льшая, чем ленинская авантюра мировой революции, нежели хрущёвская фантазия о том, что мы можем “догнать и перегнать” Америку.

Мне жаль Союза, потому что он умер насильственной смертью. Он был принесён в жертву мондиалистской, так называемой “мировой” цивилизации и националистической воле наших окраин. Наши вожди не использовали и малой доли возможностей для его спасения.

Когда Армения, жизнь которой зависит на девяносто процентов от российского сырья, гордо заявила о своей независимости, её тут же должно было оставить вне Союза, перенести границы и перейти на торговлю с ней по мировым ценам. Армения сразу же почувствовала бы дружеское покровительство Турции, и через неделю армянские лидеры приехали бы в Москву заявить, что они погорячились. А Грузия, уничтожающая Южную Осетию? Почему прорабы перестройки не организовали в ответ на этот геноцид такие же санкции против Грузии, какие мировое сообщество в своё время установило против ЮАР?

Вся беда в том, что мы на сегодня имеем в высших эшелонах власти людей, сознательно разрушающих вслед за Союзом Россию. Двадцать миллионов русских людей в Прибалтике, Закавказье, Казахстане, Молдове подвергаются гонениям. А Кремль не видит и не слышит их горя. Русские коммунисты отторгнуты от работы по возрождению России, к которой они были готовы. Ельцин своим указом о запрещении компартии поставил себя в ряд диктаторов вроде Муссолини, Пиночета или Суккарно и пополнил ряды недовольных ещё пятнадцатью миллионами оскорблённых людей. Неужели этот бывший партийный босс не знает истории своей партии, не знает, что преступная антирусская элита закончила свой кровавый путь в 1937 году, когда над ней был совершён Божий суд? И лишь приходится изумляться, что исполнителем приговора Провидение назначило Сталина.

А после тридцать седьмого года в стране возникла уже другая партия, сокрушившая фашизм, прошедшая сквозь пламя Отечественной войны и горнило патриотизма. Делать вид, что между этими двумя партиями нет разницы — преступление перед историей России.

Даже Франция всё-таки не пала до такой степени, чтобы поставить на пьедестал вместо героев Сопrotивления коллаборациониста Петэна. А наше нынешнее идеологическое отребье пытается изо всех сил на место маршала Жукова посадить генерала Власова.

Бедная Россия! Из последних сил с какой-то фатальной покорностью судьбе она до сих пор почти машинально демонстрирует миру то ли свою всечеловечность, то ли интернационализм, то ли полное отсутствие инстинкта национального самосохранения! Ну посудите сами: в высших эшелонах российской власти до сих пор кого только нет — и чеченцы, и грузины, и армяне, и евреи... Но разве сегодня возможно, чтобы в Грузии, Армении, Чечне рядом с Джохаром Дудаевым или президентом Гамсахурдия сидел бы русский человек, облечённый властью и доверием чеченского или грузинского народа? Разве возможно, чтобы в Израиле, где половина населения арабы, рядом с Шимоном Пересом сидел облечённый властью араб? Вы можете представить себе, чтобы рядом с президентом Франции или королевой Англии во времена

их колониального величия сидели бы в качестве министров и советников вожди и лидеры арабских, африканских, индусских племён той эпохи? А в эпоху Михаила Романова рядом с тронном были татары, при Петре Первом и Екатерине Великой – немцы, при Александре Благословенном армяне, грузины и даже французские аристократы, изгнанные революцией и Бонапартом со своей родины. И, разрушив Союз, мы засыпали под его обломками столь нужный для современного мира опыт.

Гибель Советской империи – это не просто гибель коммунизма, это гибель русской идеи. Россия по инерции ещё продолжает метать интернациональный бисер перед националистическими окраинами, но горько, что мир не оценит уже эту уникальную, реликтовую, чудом дожившую до нашего времени черту русской государственности, на которой, в сущности, и держалась империя Рюриковичей и Романовых.

Я горюю по бывшей стране, потому что радующийся при виде её обломков мир не замечает под ними великого аскетического опыта моей Родины, опыта, необходимого всему человечеству.

Опыт аскетически-уравнительной жизни бесценен бесценен для грядущей истории. Фаустовская воля Запада почти разрушила воды и земли, леса и воздух. Хочешь не хочешь, человечеству, чтобы выжить в эпоху глобального экологического кризиса, не сегодня, так завтра придётся отвергнуть идеологию безграничного потребления и вернуться к опыту самоограничения поневоле или по Божьему разумению, выработанному Россией и за всю её историю, и, особенно, за последние семьдесят лет. Ещё придётся миру поблагодарить мою Родину за опыт страданий и испытаний, предстоящих Западу. Только великий народ смог и сумел выдержать все перегрузки, связанные с приобретением этого жестокого опыта. Выдержал и надорвался. Возродимся ли мы? Евреи ждали своего возрождения две тысячи лет. Дождались. Даже мёртвый язык иврит оживили, что само по себе чудо. Болен сегодня русский человек. Мечет, ищет, напрягает силы. А значит, всё-таки живёт.

... Учёные взяли от бабочек самое плохое и ущербное потомство. Получили от него приплод. Снова взяли самых худших особей, получили от них детей и довели в конце концов популяцию до полного вырождения. Бабочки уже почти не размножались, не летали, а едва-едва ползали. Тогда естествоиспытатели выбрали из полумёртвого поколения более или менее приличные экземпляры, получили от них потомство и прошли весь обратный путь до той поры, пока не восстановили полноценную и роскошную породу в её истинном виде... Так почему бы не возродиться и нам?"

* * *

Ни один из “детей Арбата” не встал в ряд с Сергеем Залыгиным, Валентином Распутиным, Василием Беловым, Владимиром Крупинным, Валентиной Сидоренко и Верой Брюсовой, восставшими против безумного проекта поворота северных рек на юг, разработанного академиком Израэлем и его конторой.

Никто из “легендарных” “шестидесятников” не принял участия в изнурительной борьбе за спасение Байкала, которую возглавил тот же Валентин Распутин со своими друзьями.

Когда Андрей Вознесенский воспевал секвойю Ленина, обнаруженную им в каком-то из американских штатов, наш “шестидесятник” Владимир Чивилихин спасал уникальные кедровые рощи, раскинувшиеся в предгорьях Саян.

Никто из евтушенковских “шестидесятников-десантников” не приложил ни малейших усилий к возрождению православия в то время, когда Василий Белов отстраивал свои средства церковь в Тимонихе, когда Распутин возводил храм в родной деревне Аталанке, а Крупин возрождал на вятской земле Великоорецкий крестный ход. Московские “шестидесятники” в это время кричали со всех столичных трибун: – “Политехнический – моя Россия!”.

Все мировые “прорабы духа” – Аксёнов, Окуджава, Гладиллин, Евтушенко и др., как черти ладана, избегали участия во всенародных торжествах – днях Славянской письменности, в крестных ходах, посвящённых тысячелетию Крещения Руси, в перенесении мощей Серафима Саровского из Санкт-Петербургского Казанского музея атеизма в Дивеевский монастырь. Помню, как во

время одного из таких крестных ходов в Великом Новгороде в праздник 1000-летия Крещения Руси вместе с патриархом Алексием шли Валентин Распутин, Владимир Крупин, Дмитрий Балашов и никаких битовых, вознесенских и прочих плейбоев рядом не было... Но этого мало. Подлинным священным событием для России православной стало отпевание в храме Христа Спасителя Владимира Солоухина и Валентина Распутина. Отпевание, которое совершал сам патриарх...

Представить себе невозможно, чтобы в главном храме России отпевали кого-то из лицедеев шестидесятичестия, один из которых был якобы, по его собственному признанию, из рода священников и написал поэму о том, как его пращур, настоятель одного из древних владимирских храмов, то ли сам соблазнил не где-нибудь, но в алтаре юную прихожанку, то ли был соблазнён ею:

*Я разделась в церкви — на пари последнее
Окрести язычницу совершеннолетнюю.
Я была раскольницей, пьянью, балериной.
Узнаешь ли школьницу, что тебя любила?
Голым благовещеньем с глазами янтарными
первая из женщин я вошла в алтарную.*

(из поэмы “Андрей Палисадов”)

Этот “соблазн” (“человека создал соблазн”), о котором писал поэт в одноимённой книге, был куда хлеще и кощунственней, нежели глумливые пляски девиц из компании “Пусси Райт”. Вроде бы эти “пьяные балерины” в своём кураже что-то кричали непотребное о Путине, но, скорее всего, они просто начитались Вознесенского. Слава Богу, что им не удалось, подобно героине нашего знаменитого поэта-плейбоя, ворваться “в алтарную”.

Глава четвёртая

“ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕПЕЛИЦУ...”

Село Никола стоит над извилистой речушкой Толшмой, вдоль правого берега которой, заросшего ивняком, ютятся тёмные бревенчатые баньки...

“Село стоит на правом берегу, а кладбище на левом берегу”. Я вспомнил эту строчку Николая Рубцова в Луксоре, где на правом берегу Нила жили некогда древние египтяне, а теперь стоят современные отели с бассейнами, где “на левом берегу”, словно врезанные в слепящее голубое небо, высятся пирамиды, гробницы, сфинксы, великанские статуи фараонов... Город мёртвых. Некрополь...

Все великие земные цивилизации и все деревенские, племенные очаги жизни рождались и строились одновременно с культом загробного мира с его потусторонней таинственной тишиной, с его божествами, с его родословным древом, живущим в памяти народов и каждого отдельного человека. Присутствие города мёртвых в Луксоре или в рубцовской Николе, священная связь с ушедшими поколениями помогала семьям, племенам, народам и государствам черпать силы в извечной борьбе за место под солнцем, выживать во времена гражданских смут и революций, в эпохи справедливых и несправедливых войн. Эта память давала силы новым приходящим в мир поколениям, усмиряла их страсти, обволакивала их души легендами, верованиями, обычаями. Память о нибелунгах, о рыцарях короля Артура, о Святогоре, об Илье Муромце, о Пимене Летописце...

Русские поэты всех времён всегда чувствовали эту мистику родства. В 1925 году, незадолго до смерти Сергей Есенин приехал в родное Константиново попрощаться с ним и сразу же пошёл на сельское кладбище: “Вспомнил я дедушку, вспомнил бабу, вспомнил кладбищенский рыхлый снег”... “Здесь кладбище, подгнившие кресты, как будто в рукопашной мертвецы застыли с распротёртыми руками”... А через несколько десятилетий Николай Рубцов с теми же чувствами выдохнул слова прощания:

*Тихая моя родина,
Ивы, река, соловьи.*

*Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.*

*— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители —
Это на том берегу...*

Там, где “каждому памятник — крест”.

В прохладных подземельях наших древних монастырей — в Киево-Печерской и Псково-Печерской лавре хранятся мощи наших святых — Ильи Муромца, летописца Нестора и множества безымянных монахов, молившихся за Святую Русь и за всех православных христиан. И не стоило бы нашему президенту иронизировать над “пещерным патриотизмом”, поскольку историческая память отчизны рождалась и накапливалась из века в век в Киевских и Псково-Новгородских “пещерах” — “печорах”, как произносили это древнее слово наши предки. А выброшенный в 1921 году во Францию пассажир “философского парохода” русский человек Сергей Булгаков в своих воспоминаниях оставил нам излившуюся на бумагу молитву:

“Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землёю и со всем Божиим творением... Моя родина, носящая для меня имя Ливны, небольшой городок Орловской губернии, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его... Там я не только родился, но и зародился в зерне, в самом своём существе, так что дальнейшая моя, такая ломаная и сложная жизнь, есть только ряд побегов на этом корне. Всё моё оттуда...”

Это писал высланный из родной страны, изгнанный с родины и лишь потому избегший Соловков незаурядный богослов, историк, мыслитель. А в это же время не менее значительный сын России Алексей Лосев, блистательный знаток античной истории, но не заслуживший изгнания в Европу и поэтому отправленный всего-то на три года каторжно-исправительных работ в русло будущего Беломорканала, необходимого стране, как воздух, размышлял о том, что такое Родина, познав её тайну с изнанки, с другой, обратной стороны, нежели Сергей Булгаков:

“Каким именем назовём эту великую и страшную, эту всемогущую и родную для человека стихию, когда он чувствует себя не просто в физическом родстве с нею, а именно главным образом в духовном и социальном родстве с нею, когда он знает для себя такое общее, которое, несмотря на свою общность, содержит в себе бесконечное богатство индивидуального, когда это общее и есть он сам, в своей последней и интимной сущности? Это есть Родина”... “Сколько связано с этим именем всякого недоброжелательства, даже злобы, хуления, ненависти... Водворились презрительные клички: “квасной патриотизм”, “ура-патриотизм”, “казённый оптимизм” и пр., и пр. Это культурно-социальное вырождение шло рука об руку с философским слабоумием... По адресу России стояла в воздухе та же самая матерщина, что и по адресу всякой матери в устах разложившейся озлобленной шпаны...”

А поскольку Бог Троицу любит, вспомним, что писал о родине ещё один третий и по-своему не менее знаменитый сын России, не переживший ни эмиграции, ни гулаговских работ, а просто умерший смертью истощённого и уставшего человека в страшном 1919 году в Сергиевом Посаде, недалеко от которого находится его прах в Черниговском скиту:

“Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы должны её любить, именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от неё... Но и это ещё не последнее: когда она наконец умрёт, и обглоданная евреями будет являть одни кости — тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного, и всеми плюнутого. Так да будет...”

Наши обычные деревеньки, когда-то неизвестные миру — Кулики, Бородино, Прохоровка, после героических судьбоносных сражений становились

всемирно знаменитыми, когда рядом с ними возникали поля, укрывшие своей землёй и травой прах десятков тысяч сыновей России: Куликово поле, с колонной, увенчанной православным крестом, Бородинское поле с монументами над прахом героев Отечественной войны 1812 года, Прохоровское поле со звонницей, вознесённой к небесам гением скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова... Великая страна не может существовать в истории без легендарных погостов.

А сколько на русской земле не знаменитых, но не менее священных кладбищ!

*Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,*

*Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

Мы победили на Прохоровском поле не только потому, что двинули навстречу “немецко-чешским” “тиграм” и “пантерам” свои уральские Т-34, но и потому что в “тридцатьчетвёрках” сидели наши молодые отцы и деды, за которых молились души всех русских людей, полёгших в сырую землю во всех отечественных войнах, во всех великих и малых сражениях. Мы, порой сами не сознавая того, разговариваем с ними, когда вспоминаем заветы, ставшие чуть ли не пословицами: “Мёртвые сраму не имут”, “Лучше быть убитому, нежели покорённому”, “Для Бога мёртвых нет”, “На миру и смерть красна”.

Не потому ли движимые каким-то общенародным инстинктом отряды наших молодых ребят ищут на полях былых сражений Отечественной войны останки павших красноармейцев, выкапывают из заросших окопов простреленные каски, клочки документов и писем, обломки старого, но некогда грозного оружия, а потом следуют ритуальные торжества, похороны останков в свежерытые могилы, установка над могилами монументов, молитвенные слова священнослужителей, оружейные залпы в честь захоронения героев, ставших теперь для нашей родины своеобразными “мощами”, отныне оберегающими нас. Эту истину никогда не понимали “шестидесятники”, которые на моей памяти разбрелись по всему белому свету, как “вечные странники”, о которых великий русский поэт сказал: “Нет у вас родины, нет вам изгнания”. И ничего удивительного нет в том, что наши жизненные пути на стыке 80-х и 90-х годов прошлого века окончательно разошлись с путями и судьбами “детей Арбата”. Ну как можно было жить одной жизнью с этой, по словам Алексея Фёдоровича Лосева, “озлобленной шпаной” нам, мыслящим и жившим по заветам Александра Сергеевича Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основаны от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

Каждый из нас рано или поздно, но приходил к этим “пушкинским” откровениям, которые, скорее всего, овладевали поэтом, когда он встречал в дворянской среде тридцатых годов XIX века то масонов-англоманов, то полонофилов, то “французииков из Бордо”, то русских светских дам, обожавших западные романы с “ловласами” и “грандисонами”. Раньше всех из нас, может быть, ощущавший, что век его будет недолог, вживался в пушкинский мир Николай Рубцов:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

“Отеческие гроба” и “родные пепелища” моего родословного древа разбросаны по всей русской земле. Отцовская мелкочиновничья, учительская и служивая родня (одному из моих предков инспектору народных училищ Никанору Осиповичу Куняеву было пожаловано дворянское звание в 1818 г., когда Пушкин учился в лицее) лежит на петрозаводских погостах бывшей Олонецкой губернии. По материнской линии мои предки из калужских деревень Лихуны и Петрово упокоились на кладбище вокруг храма с красивым названием церковь Георгия на поляне. Последним на нём был похоронен мой дед по матери Никита Железняков, умерший от тифа в 1919 году. Вся остальная родня, переселившаяся в Калугу после революции и гражданской войны, нашла своё последнее пристанище на старом Пятницком погосте. Там похоронена моя бабушка Дарья Захарьевна, три её дочери – Пелагея, Евдокия и Александра – моя матушка, мой двоюродный брат, участник войны Юрий, и сестра Наталья, родившаяся в 1941-м, в костромском селе Пыщуг, куда нас, эвакуированных из Ленинграда, занесла судьба. Я закончил там три класса начальной школы и помню, что местные жители вместо слова “эвакуированные” называли нас более понятным для них словом “выковыренные”. Отец мой остался защищать Ленинград. Будучи невоеннообязанным по зрению, он, преподаватель института физкультуры имени Лесгафта, обучал бойцов народного ополчения уличным боям с немцами, если они прорвутся в город, а в феврале 1942 года умер голодной смертью и похоронен на знаменитом Писаревском кладбище. Осенью 1944 года отец был посмертно награждён медалью “За оборону Ленинграда”, которую питерские власти вручили мне в 2003 году. В Питере, в главном здании института на улице Декабристов над парадной лестницей висит мраморная доска с фамилиями преподавателей, погибших в блокаду. Список этот открывается словами: “Куняев Юрий Аркадьевич”.

Гордость нашей семьи, брат моей матери дядя Серёжа Железняков, сталинский сокол, прошедший две войны – финскую и Великую Отечественную, кавалер двух орденов боевого Красного Знамени и Отечественной войны первой степени, был штурманом эскадрильи авиации дальнего действия. В октябре 1941 года, когда немцы стояли в двадцати километрах от Москвы, его эскадрилья по приказу Сталина бомбила Берлин, за что он и получил один из орденов Красного Знамени. В нашей семье до сих пор хранится полуистлевший номер “Известий” со списком награждённых лётчиков, среди которых есть и дядя Серёжа со всем своим экипажем. В результате несчастного случая их самолёт разбился в апреле 1943 года, и лежат они все трое под одним памятником на военном кладбище неподалёку от города Подольска. Помню, как впервые мы всей ещё большой нашей калужской семьёй приехали к дяде Серёже осенью 1950 года. А после этого я не раз наведал его по праздникам Победы, а матушка моя переписывалась со старшеклассниками местной школы, ухаживавшими за могилами героев-лётчиков той войны. . .

Ещё об одном погосте не могу не вспомнить. Мой дед с бабушкой по отцу, уроженцы Петрозаводска Аркадий Николаевич и Наталья Александровна выучились в конце XIX века на врачей и работали сначала в мордовских краях недалеко от Дивеевой пустыни в больнице села Рогожка, а потом их перевели в Нижний Новгород, в лучшую больницу города, выстроенную на деньги купца Рукавишникова в 1913 году. А через год она стала госпиталем, куда начали поступать раненные с фронтов Первой мировой. . . Вскоре дед стал главным врачом больницы. . . А умерли они с бабушкой, заразившись тифом, во время гражданской войны и были похоронены с почестями на кладбище Печерского монастыря возле слияния Оки и Волги. В начале 30-х годов, когда советская власть закрыла монастырь, монастырское кладбище было разорено, сровнено с землёй, и я, много раз приезжавший в Горький – Нижний Новгород, смог лишь приблизительно установить, где похоронены дед с бабушкой. Но как бы то ни было – мемориальные доски с именем деда висят и на стенах больницы в Рогожке и в Нижнем Новгороде. А имя штурмана бомбардировочной эскадрильи Сергея Никитича Железнякова навечно вписано в Книгу славы Калужской области.

Как бы ни был славен и знаменит Святогорский монастырь, но вот уже почти двести лет его невозможно представить без могилы Александра Сергеевича. Тарханы обрели особую таинственную святость лишь после того, как бабушка Лермонтова привезла с Кавказа тело любимого внука и похоронила его в часовне. А разве Вёшенская или Ясная Поляна не обрели своей мировой славы в том числе и потому, что именно в их земле покоятся два великих сына России?

Глубочайший сакральный смысл повести Распутина “Прощание с Матёрой” заключается не только в том, что плодородные земли и лесные угодья исчезают под нашествием Братского моря на обжитые человеком пространства, не в том, что жителей затопленных деревень приходится переселять в другие селенья, а в том, что под рукотворными водами навеки исчезают погосты, хранящие память о людях, о семьях, о племенах, о народе, веками укоренявшемся в ту же землю... Не зря один из последних рассказов Распутина так и называется – “В ту же землю”... Поэтому уничтожение кладбищ в осетинском Цхинвале грузинскими оккупантами в 2008 году есть не просто военное преступление или факт геноцида, но преступление против божественного порядка Бытия, установленного в незапамятные времена. Не потому ли в сознании народов Средней Азии вторжение научной братии в гробницу Тамерлана в 1941 году сдвинуло пласты мировой истории в пропасть Второй мировой войны? Не потому ли Иосиф Сталин произнёс свою великую речь о сущности Великой отечественной войны с могилы Ленина, обрамлённой тёмно-красным мемориалом мавзолея? Не потому ли наше сознание никак не может примириться с тем, что кичливые ляхи разоряют надгробья над братскими могилами наших солдат, освобождавших Речь Посполиту... .

А разве можно себе представить сегодняшнюю мировую историю XX века без Мамаева кургана, без Пискарёвского кладбища, без надгробной фигуры советского солдата в Трептов-парке, без крымской Сапун-горы, без Брестской крепости?..

Помню, как меня поразила в “Тихом Доне” одна сцена, в которой Григорий Мелехов, потерявший Аксинью, набрёл в донской степи на безымянную могилу, спешился и прочитал на простой доске, прибитой к кресту, слова: “В годину смуты и разврата не осудите братья брата”. Слава Богу, что почти все мои любимые писатели, завершив жизненный путь, вернулись в отчужденную землю. Михаил Шолохов лежит в Вёшенской, Василий Белов в родительской Тимонихе, Виктор Астафьев в родной Овсянке, Валентин Распутин на кладбище Знаменского монастыря Иркутска, Фёдор Абрамов на погосте архангельской деревни Веркола, а Николай Рубцов на вологодском кладбище. Одним словом, мы продолжаем жить по обычаям и заветам, о величественной естественности которых догадывался Александр Пушкин:

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.*

А мой покойный друг поэт Анатолий Передреев, когда побывал на могиле Николая Рубцова, был удручен тем, что на кладбище полно искусственных железных венков, но почти нет деревьев, и написал одно из лучших своих стихотворений:

*И лишь надгробье с обликом поэта
И рвущейся из мрамора строкой
Еще живым дыханием согрето
И бережную прибрано рукой.*

*Лишь здесь порой,
Как на последней тризне,
По стопке выпьют... Выпьют по другой...
Быть может, потому,*

*Что он при жизни
О мертвых помнил, как никто другой!*

*И разойдутся тихо,
Сожалея,
Что не пожать уже его руки...
И загремят им вслед своим железом,
Зашевелятся мёртвые венки...*

*Какая-то цистерна или бочка
Ржавеет здесь, забвению сродни...
Осенний ветер... Опадает строчка:
“Россия, Русь, храни себя, храни...”*

Я всегда вспоминаю эти стихи, когда, бывая в Вологде, прихожу на вологодское кладбище к Рубцову, к Виктору Коротаеву, к Владимиру Ширикову... Кладбище уже совсем другое, заросшее берёзами, и ухоженных могил с живыми цветами много больше, нежели в рубцовские времена... И вещи слова Николая Рубцова, выложенные на мраморе, по-прежнему обращены ко всем русским людям, приходящим к могиле поэта, который из потустороннего мира взывает к нам живым, чтобы мы хранили “Россию, Русь”...

Поэтому ни Рубцов, ни Передреев, ни Распутин никогда не понимали тех “шестидесятников”, которые жаждали покинуть нелюбимую родину, ненавистное государство, разорённую “рашку”, забывая о родных могилах, к которым после их бегства никто уже не придёт ни в пасхальные дни с крашеным яичком, с куличом и четвертинкой, ни в Родительскую субботу, и холмики могильные лет через десять-пятнадцать покроются перегноем, осядут, зарастут дикой травой, будут стёрты с лица земли дождями, снегами, ветрами, бегом времени.

* * *

В 1946 году в свои четырнадцать лет я, услышав песню на слова Исаковского “Летят перелётные птицы”, запомнил её на всю жизнь и однажды, когда шёл от загородного сада через всю старую Калугу в мою 9-ю железнодорожную школу, мне так захотелось спеть эту песню для себя одного вслух, что я свернул в наш парк культуры имени Горького на высокий берег Оки, оглянулся – никого нет, и запел: “Летят перелётные птицы в осенней дали голубой, / летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой, / а я остаюсь с тобою, родная моя сторона, / не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна”.

А много позже, когда я вырос и возмужал, когда погрузился в мир гражданских страстей, выплеснувшихся на поверхность истории после “оттепели”, когда я не только умом, но и душой отделился от всех “перелётных птиц”, от всех “людей воздуха”, которые так пророчески изображены на знаменитых картинах Марка Шагала, то не раз вспоминал, что моё возмужание началось в светлый, холодный день 1946 года, когда я выдохнул в осеннее небо над Окою слова бессмертной песни:

*Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой,
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.*

Но имя Михаила Исаковского так же, как имена Василия Розанова, Михаила Шолохова или Николая Рубцова, видимо ничего не значили для именитых “шестидесятников”, “улетевших” в “дальние страны”, чтобы сложить свои бранные останки на погостах Франции, Германии, Венеции, Америки, Эстонии, Британии. Подумаешь, какой-то Исаковский, прославивший колхозы и тирана Сталина! Я могу понять их чувства, но, на мой взгляд, судьбы подобных людей были ещё в XIX веке разгаданы великим поэтом, написавшим стихотворение, как будто бы обращённое к ним вчерашним и сегодняшним

с пророческой строкой, достойной того, чтобы стать пословицей: “нет у вас родины, нет вам изгнания”.

Да и Александру Сергеевичу Пушкину, на мой взгляд, Михаил Исаковский был бы ближе и роднее, нежели Галич-Гинзбург или Дезик Самойлов-Кауфман. Потому что пушкинская молитва о патриотизме, которую он словно “Отче наш” выдохнул в письме к Чаадаеву, гласит до сих пор:

“Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”.

С горькими мыслями о том, что ни Александр Пушкин, ни Михаил Лермонтов, ни даже ни Михаил Исаковский не сумели убедить и образумить наших “перелётных птиц”, оперившихся во время XX съезда, в том, что слова “мать сыра земля”, “Родина-мать” не случайно возникли и живут в нашем языке с незапамятных времён, что древнеримская поговорка, ставшая европейской, – “где хорошо, там и родина” – не для нас, а для блудных сыновей человечества, как и притча о блудном сыне. Я, прочитав молитву “Отче наш”, лёг спать, и приснился мне в ту ночь вещий сон. Приснилось, что иду я по какому-то бескрайнему полю, а над полем медленно летит облако, снижается, из облака выходит Александр Сергеевич, в цилиндре, с тросточкой, во фраке, словом, такой, каким он всегда рисовал себя на полях рукописей, – и когда я подошёл к нему, он властным движением руки остановил меня и произнёс:

– Твои бывшие друзья не верят в силу слова, а ведь Слово возникло в начале Бытия и Слово было Богом. Они не верят в бессмертие Слова и не помнят моих стихотворений “Пророк” и “Памятник”:

*Нет, весь я не умру, душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит.
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

...Пушкин умолк, и облако опять стало поглощать его, а я в отчаянье закричал: – Александр Сергеевич! А как нам быть, если европейский мир кричит о правах человека на содомитскую жизнь! Ведь Вы сами пали жертвой заговора содомитов! – Пушкин раздвинул руками облако и пожал плечами: – На каждый роток не накинешь платок. Но их жалко. Они не понимают, что “Самостоянье человека” – происходит по Высшей воле, а права на грех им выдаёт князь тьмы. Он ждёт. Но пусть они вспомнят моё стихотвореньё, которое я написал незадолго до смерти:

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Дьявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.*

Особенно страшно читать в этом стихотвореньё словосочетание “труп живой”, которое Лев Николаевич, как я предполагаю, взял у Александра Сергеевича, чтобы назвать им свою трагическую пьесу.

Тема эта неисчерпаема, и мне вспоминается, как я в середине 70-х годов, возвратившись осенью в Иркутск с Нижней Тунгуски из Ербогачена, где охотился и работал до тех пор, пока первые морозы не сковали и озёра и реку, встретился в Иркутске с Валентином Распутиным, с Ростиславом Филипповым, с Вячеславом Шугаевым, наговорился с ними о литературных делах, узнал о том, кто ещё из наших московских “шестидесятников” подписал какие письма, кто собирается валить из России в Израиль, а кто в Вену или в Америку,

сел в скорый поезд и покатил с охотничьим рюкзаком, со своими пушными трофеями, со своей ижевской двустволкой на Запад... А по дороге, проезжая через свой уже родной Тайшет, через Красноярск и Новосибирск, с которыми я тоже породнился во время сибирской жизни, подвёл черту под чувствами и переживаниями той осени в стихотворении, которое впоследствии определило если не всё, то многое в моей жизни. Эпиграф к этому стихотворению, названному мной "Родная земля", я взял у Анны Ахматовой: **"И ложимся в неё, и становимся ею, от того и зовём так свободно своею"**. Слава Богу, что Анна Андреевна, забыв о своих любовных победах и поражениях, вспомнила однажды о величественном обряде окончательного воссоединения каждого русского человека со своей родиной и подарила мне этот эпиграф...

*Когда-то племя бросило отчизну,
Её пустыни, реки и холмы,
Чтобы о ней, желанной, править тризну,
О ней глядеть несбыточные сны.*

*Но что же делать, если не хватило
У предков силы родину спасти
Иль мужества со славой лечь в могилы,
Иную жизнь в легендах обрести?*

*Кто виноват, что не ушли в подполье
В печальном приснопамятном году,
Что, зубы стиснув, не перемололи,
Как наша Русь монгольскую орду?*

*Кто виноват, что в мелких униженьях
Как тяжкий сон тянулись времена,
Что на изобретеньях и прозреньях
Тень первобытной слабости видна?*

*И нас без вас, и вас без нас убудет,
Но, отвергая всех сомнений рать,
Я так скажу: что быть должно — да будет,
Вам есть где жить, а нам — где умирать...*

Последняя строка этого стихотворения вольно или невольно, но перекликается с пушкинской любовью "к отеческим гробам".

Я написал его на одном выдохе и лишь с годами, постепенно осмыслил его значение... Действительно, где жили и где упокоились большинство "детей Арбата"? Анатолий Кузнецов в Лондоне на Хайгетском кладбище недалеко от Бориса Березовского, Сергей Довлатов на еврейском кладбище где-то возле Нью-Джерси, Давид Самойлов в эстонской земле, Александр Галич-Гинзбург в Париже на Сент-Женевьев-де-Буа там же, где лежит Виктор Некрасов, Фридрих Горенштейн на старом берлинском еврейском погосте, Михаил Дёмин-Трифонов на одном из парижских кладбищ, Иосиф Бродский после долгих мытарств, которых удостоился его прах, нашёл приют неподалёку от Венеции на острове Сен Микеле... Пётр Вегин, как и Наум Коржавин, захоронены где-то в Америке и поскольку так и не стали знаменитыми, то вскоре место их упокоения навсегда забудется. Будут помнить разве что самые близкие. Повезло Евгению Евтушенко и Александру Межирову. Им выпала доля лечь в родную переделкинскую землю.

Да, не всем моим друзьям посчастливилось вернуться в города и веси, где они родились, но то что они упокоились в ставшей родной для них Москве — это уже счастье. "На московских изогнутых улицах умереть, знать, судил мне Бог", — предчувствовал свою судьбу Сергей Есенин. И не только он один. На наших московских погостах лежат Ярослав Смеляков и Георгий Свиридов, Анатолий Передреев и Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов и Владимир Цыбин, Юрий Селезнёв и Михаил Алексеев. За кольцевой дорогой в подмосковной земле покоятся Василий Розанов и Константин Леонтьев, Леонид Бородин

и Николай Тряпкин, Борис Пастернак и Виктор Боков. По крайней мере их, незабвенных, в отличие от граждан мира можно навестить и в годовщину их рождения или смерти, в Родительскую субботу и в пасхальные дни, обтереть фотографии, выпить на помин души стопку-другую, прочитать молитву и вспомнить о том, что для Бога мёртвых нет...

* * *

На фоне визга и проклятий по адресу родины и русского народа, до сих пор несущихся, по словам Лосева, из уст “озлобленной шпаны”, как благородно, честно и бескорыстно звучат слова Леонида Бородина, отсидевшего подобно Лосеву в советском ГУЛАГе почти семь лет и незадолго до смерти в книге воспоминаний “Без выбора” великодушно и беззлобно попросившегося с жизнью и родиной:

“О себе же с честной уверенностью могу сказать, что мне повезло, выпало счастье в годы бед и испытаний, личных и народных, ни в словах, не в мыслях не оскверниться проклятием Родины. И да простится мне, если я этим счастьем немного погоржусь...”

Я тоже невольно погоржусь одной страничкой из мемуаров того же Леонида Ивановича Бородина, которого в 60–80-х годах я лично не знал, и с которым познакомился лишь в 90-м. Но мне выпало счастье странным образом поддержать его во время заключения в мордовском лагере, о чём он сам написал с печальной искренностью в книге воспоминаний “Без выбора”:

“Замечал я за хорошими поэтами одно свойство: то ли не ценить, то ли не понимать глубинного смысла иной, будто бы походя вставленной в стих строки. Больше десяти лет назад прочитал я у С. Куняева такую вот строку: “Чем ближе ночь, тем Родина дороже”.

Думаю, нынче он её сам не помнит. А я чем старше становлюсь, тем чаще по поводу и без такового строка эта всплывает в памяти... Она даже будто вообще не в памяти, а во мне самом. Будто мной придумана и переживается как нечто глубоко личное и собственное. <...>

Кто-то из немногих моих литературных критиков, кажется Лев Аннинский, не то в похвалу, не то в порицание уличал меня в романтизме. В действительности переход от романтизма к сентиментальности столь малозаметен, что порой, мне кажется, их даже можно перепутать. Ведь что есть в сути литературный романтизм? Попытка через некое, видимое как возвышенное, уйти от реальности. Но не бывает ухода без возврата, только возврат этот свершается как бы спиной к реальности, а тоскующими глазами всё туда же – в несвершённое, несостоявшееся, а иногда и разоблачённое и обличённое в пустомыслии “романтическом”, за которым, как оказывается со временем, с самого начала не числилось никакого содержания вообще, кроме, как бы сказал экзистенциалист, пустой интенции души...

Но как же, оказывается, порой дорога нам эта самая душевная интенция! Столь дорога, что, глядишь, и капают литературные слезинки на сухой лист бумаги, и бумага оттого нежнее, а бумажная нежность – это уже и есть мизантропия литературного сентиментализма.

Знаю, литературовед-профессионал назовёт сии рассуждения дилетантскими... Ну а кто я, собственно?..

Только пусть он, профессионал, разъяснит мне при этом, отчего куняевская строчка, та самая – “Чем ближе ночь (моя ночь), тем Родина дороже”, – почему она мучает меня в бессоннице, почему сотни, тысячи прекрасных литературных строк, сопровождавших меня по жизни, каковой, если откровенно, никому не пожелаю, почему эти строки, из памяти не исчезнув, большей частью как бы пребывают в “запасниках”, а эта вот, и не пушкинская, не тютчевская, не гумилёвская, – почему она...”

* * *

До сих пор “шестидесятники” не могут успокоиться по поводу того, что в эпоху девяностых они не смогли осуществить свои планы по окончательному разрушению русско-советского мира. 1 ноября 2017 года по телеканалу

“Культура” шла передача, посвящённая якобы “великому событию” — публикации в 1987 году романа Анатолия Наумовича Рыбакова-Аронова “Дети Арбата”. Передачу вели Фёкла Толстая и Наталья Иванова, вместе с режиссёром кинофильма, снятого по роману А. Эшпаем и актёром М. Сухановым. Вот несколько “идеологем”, высказанных этими “шестидесятниками” о минувшей советской эпохе:

“Сознание пещерное, патриархально-тираническое”, “Мы имеем нечто животное, которое всё разрушает на своём пути”, “У нас не было ничего подобного Нюрнбергу”, “К сожалению, тема “Детей Арбата” у нас не уходит”, “У нас сегодня изготавливают, как сувениры, бюсты Сталина, Бери, Дзержинского с надеждой, что это время вернётся”, “Какая страна погибает, какая культура погибает”, “Если бы у Шостаковича было больше свободы, он бы лучше сочинял”...

И всё это сказано в связи с романом “Дети Арбата”, с кинофильмом “Дети Арбата” и в связи с судьбой Анатолия Аронова-Рыбакова, лауреата Сталинской премии, умершего в Америке, куда вместе с ним прыгнули в “прорубленное окно” на Запад Евтушенко с Аксёновым, Межиров с Довлатовым, Юз Алешковский с Сергеем Хрущёвым, Вячеслав Иванов с Петром Вегиним, Наум Коржавин с Семёном Резником и т. д. Некий политобозреватель из той же тусовки Семён Новопрудский, сравнивая эту эмиграцию с эпохой “философского парохода”, употребил термин “философские самолёты” и с горечью писал, что на них улетают в Америку **“большинство приличных людей этой страны”**. Большинство этих “приличных людей” и упокоились недалеко от Нью-Йорка на еврейском кладбище с поэтическим названием “Холмы вечности”. Другая часть вернулась на родину-мачеху, в основном, в урнах. Почему вернулась — об этом со знанием дела пишет шестидесятник Владимир Соловьёв, ставший американцем и позавидовавший в своей книге “Не только об Евтушенко” Сергею Давлатову. “Почему” — Давлатов лежит на “Холмах вечности”? — спрашивает Соловьёв и с горечью отвечает, что не лежать ему рядом с классиком не потому, что он пишет хуже Давлатова, а потому, что надо дать “Семь тысяч в лапу — чтобы получить здесь место”. Одним словом, ничего личного, “просто бизнес”.

К тому же нельзя забывать, что лет через тридцать, ежели родня перестанет платить за твоё пребывание на “холмах вечности”, твои бранные останки могут быть выкопаны и зарыты в общей могиле для бедняков. Как тут не вспомнить, что в Переделкино литературных классиков до сих пор хоронят даром и гарантируют им согласно русским православным обычаям вечный покой. Вот и плывут по воздуху “философские самолёты” обратно в Россию, подальше от Америки с её “холмами вечности”.

* * *

Мне всегда были понятнее и симпатичнее русскоязычные “шестидесятники”, не менявшие своих фамилий на псевдонимы и честно, без стеснения, излагающие свои заветные, но неуместные для советского общества суждения.

Таким, к примеру, был поэт Давид Маркиш, сын известного еврейского поэта Переца Маркиша, прославившего в своё время террор 1937 года и сложившего свою курчавую голову в последний год сталинской эпохи. Его сын, переселившийся в 80-е годы прошлого века в Израиль, сочинил на “исторической Родине” своеобразный манифест, “надгробное слово” над Россией с её погостами:

*Я говорю о нас — сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведёт тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.*

*Мы ели хлеб их, но платили кровью,
Счета сохранны, но не сведены.
Мы отомстим — цветами в изголовье
Их северной страны.*

*Когда сотрётся лыковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у берёзового гроба
В почётный Караул.*

P.S. Это уже не “любовь к отеческим гробам”. Это удовлетворение человека, присутствующего на похоронах своих врагов. Но это ещё не всё:

*Щербат и сер луны ущербный серп.
Ещё что? Скажем: мреть и мор на море.
Мы дали Вам Христа — себе в ущерб.
Мы дали Маркса вам — себе на горе.*

Откровенные по чувствам и мыслям стихи. Но, когда я прочитал это стихотворение, то не понял: они за наш хлеб “платили” чьей “кровью”?.. Может быть, Маркиш имел в виду “красный террор” 1918 года, когда за наш хлеб было заплачено “нашей же кровью”? Или он вспоминает кровь, пролитую на жертвенник продразверстки и коллективизации? Давайте вспомним сцены из поэмы Багрицкого-Дзюбина “Дума про Опанаса”:

*В хате ужинает Коган
Житняком и мёдом.*

Иосиф Коган — местечковый комиссар, Опанас — гой, украинский крестьянин, которого облагает данью Коган. А если Опанас не подчинится, то:

*Усом в мусорную кучу —
Расстрелять и крышка!*

Вот какую картину, видимо, держал в уме Маркиш, когда писал: “мы ели хлеб их, но платили кровью”. Коган ест житный хлеб Опанаса, и если что не так — готов заплатить хлеборобу его же кровью. Но это ведь та же “славянская” кровь, до которой ему, Маркишу, “нет дела”. “Мы дали вам Христа”... Ну это уже беспредельная наглость, поскольку такие, как вы, отправили его на Голгофу.

С такой же вызывающей удивление откровенностью, как и стихи Маркиша, написаны воспоминания известного советского актёра Михаила Козакова, отец которого был драматургом, написавшим пьесу “Чекисты”, членом делегации советских писателей, посетивших в 1933 году строительство Беломорканала, и принявшим участие в создании книги об этой лагерно-ОГПушной стройке.

В своих воспоминаниях Михаил Козаков перечисляет всех друзей-“шестидесятников”, но не из литературной, а из актёрской среды, демонстративно подчёркивая их “шестидесятничество” не только “по духу”, но и по крови: “Я принадлежал к довольно распространённой в художественных кругах России группе населения, — пишет Михаил Козаков. — Как её определить — право, не знаю. Галина Волчек, Игорь Кваша, Ефим Копелян, Зиновий Гердт, Александр Ширвиндт, Марк Розовский, Михаил Ромм, Анатолий Эфрос... Фамилии и примеры позволительно множить вне зависимости от процента еврейской крови, вероисповедания или атеистического направления ума... Я не скрывал, что во мне есть еврейская кровь, как и другие, ненавидел и презирал антисемитизм и антисемитов.

Как и другие из нашего круга, спотыкался на юдофобии любимейших Чехова и Булгакова, гордился успехами Майи Плисецкой, Альфреда Шнитке или Иосифа Бродского...”

Вот ведь как бывает: “антисемитизм ненавидел и презирал”, а на “юдофобии любимейших Чехова и Булгакова” всего лишь спотыкался! А ведь на “юдофобии” Пушкина, Гоголя и особенно Достоевского можно было так “споткнуться”, что и не поднялся бы...

Как талантливые вроде бы люди запутывались в этой опасной болтовне, красноречиво рассказывает в книге своих воспоминаний “О друзьях и не только о них” известный в прошлом критик Станислав Рассадин:

“Меня пригласили в “Юность” и: — Стасик! Вы не еврей? — слегка огоршила меня Мэри Озерова. — Нет, русский, — робко отвечал я. — Ой, как хорошо! А то нас и без того здесь много... —

Смех смехом, но вопрос Мэри Лазаревны надолго породил во мне вполне нешуточный комплекс неполноценности. Вплоть до того, что: “Хочу быть евреем!” — шумел я под хмелем, понимал: хочу пройти испытание недоступным мне “пятым пунктом”, ибо подозревал, что если бы не моё, как говорится, кругом русское происхождение, сама судьба моя сложилась бы иначе...”.

Вот так “шестидесятники” Давид Маркиш, еврей по отцу и по матери, Михаил Козаков, полукровка, и Станислав Рассадин, стопроцентный русский, “поделились” со мной своими мыслями по “русско-еврейскому вопросу”. А вскоре к ним примкнул ещё один известный в те годы, а ныне подзабытый литератор Геннадий Красухин, с наивным простодушием вспомнивший о том, что такое либеральная шестидесятническая тусовка:

“Компания, образовавшаяся вокруг тебя и неизменно приезжавшая в Дубулты аккурат перед Новым годом, воодушевляла. Булат пел свои песни. Олег Чухонцев читал стихи, которые смог напечатать только в перестроечное время. Михаил Козаков декламировал запретного Бродского, не отредактированных цензурой Самойлова и Рейна <...> Завораживал своими смешными и трагическими байками бесконечно влюблённый в русскую историю Натан (для друзей — Таник) Эйдельман, Стасик Рассадин делился своими парадоксальными мыслями о драматурге Пушкине. Алик Борин живо воспроизводил эпизоды из зала суда, а писатель врач Юлий Крелин вспоминал много любопытного из богатой медицинской практики, но лучшим рассказчиком безусловно признавали Булата Окуджаву” (Г. Красухин “Портрет счастливого человека”. М. 2012 г.)

Именно о такого рода посиделках “либерально-масонской ложи” пел Окуджава: “Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке”. А о том, как Натан Эйдельман был “бесконечно влюблён в русскую историю”, рассказал в переписке с ним Виктор Петрович Астафьев, к сожалению, не знавший, что отец Натана Эйдельмана, журналист 30-х годов, подписывавшийся под псевдонимом Э. Дельман, так излагал в мае 1935 года на страницах “Литературной газеты” судьбоносный процесс над выдающимся русским поэтом Павлом Васильевым: “Лжёт, Павел Васильев! Нагло клеветает на советскую литературную общественность, которая вышвырнула вас из своих рядов из-за ваших “волчьих” повадок, несовместимых с высоким званием советского писателя. Вам не удастся прикрыть свою уголовную сущность громкими фразами. Вам не удастся скамью подсудимых превратить в пьедестал для монумента самому себе. Вы разоблачены до конца”...

Не об этом ли возмездии писал потомок “комиссаров в пыльных шлемах”: “Поднявший меч на наш союз достоин будет худшей кары”?

Под впечатлением от такого рода посиделок, я, не раз бывавший в Дубултах и видевший, как смягчились в 60-е годы литературные и общественные нравы по сравнению с 30-ми годами, отзывался на эти посиделки вполне лояльными, но отнюдь не либеральными стихами:

*Пятнадцать лет тому назад
три друга жили здесь беспечно...
Ну что ж — никто не виноват,
что это не продлилось вечно.*

*Ужель предопределена
навек вся наша доля свыше?
Как развела друзей она —
один в земле, другой в Париже...*

*А третий вешний воздух ртом
хватает горестно и жадно
и снова думает о том,
что жизнь, как совесть, беспощадна,
что тяга родины-земли,
её укор, её тревога —*

*затем,
чтоб в мировой пыли
не сгинула твоя дорога!*

То, что такого рода “посиделки” добром не кончатся, что рано или поздно проклятый “русско-еврейский вопрос” потребует своего разрешения, было понятно многим моим современникам. Вот что писала об этом идеологическом расколе весьма осторожная в своих мыслях и поступках генеральская дочь и русская поэтесса Лариса Васильева:

“В нашем литературном мире разделённых на правых – славянофилов, и левых – западников лакмусовой бумажкой для определения принадлежности писателя к тому или иному лагерю был еврейский вопрос. Если ты еврей, значит, западник, прогрессивный человек. Если наполовину – тоже. Если ни того, ни другого, то муж или жена евреи дают тебе право на вход в левый фланг. Если ни того, ни другого, ни третьего, должен проявить лояльность в еврейском вопросе. Точно так же по еврейскому признаку не слишком принимали в свои группы правого, славянофильского фланга” (Л. Васильева “Дети Кремля”, М. 1997 г.)

* * *

Одной из душевных болезней “западных шестидесятников” (“штатников”, как называл их и себя Василий Аксёнов) было равнодушие, а скорее даже враждебность по отношению не только к государству, но и к отечеству. Какими бы “пушкинианцами” или поклонниками Александра Сергеевича они ни называли себя, как бы ни клялись в стихах и прозе в любви к поэту, на деле его “любовь к родному пепелищу” была им чужда. Потому-то в последние советские времена, а тем более, в рыночно-демократические они словно по команде свыше разбежались по разным странам Западного мира.

Бегство их, несмотря на “победу демократии” в СССР, на отмену цензуры и “крах тоталитаризма”, на ликвидацию “кровавой гэбни” и прочих “уродств” советского мира, было массовым. Гражданами, подданными или временными жителями американского мира стали Е. Евтушенко, В. Аксёнов, Б. Парамонов, Д. Петров-Шраер, А. Межиров, А. Янов, А. Грушко, С. Довлатов, А. Рыбаков, П. Вегин, Целков, В. Соловьёв, Е. Клепикова, Э. Неизвестный, Н. Коржавин, Ю. Алешковский, М. Юпп, Д. Бобышев, С. Резник, П. Грушко, С. Эткинд, А. Шрагин, Л. Халиф и многие-многие другие любимцы муз. Поневоле вспоминаются опять же стихи Пушкина: “Сколько их? Куда их гонит? Что так жалобно поют?” А на каком языке поют? – на русском. . .

С житейской точки зрения “не литературных” перебежчиков ещё можно понять: плясуны, балеруны, киношники, живописцы – всяческие шемайкины, нуриевы, шуфутинские, барышниковы, крамаровы, сичкины и т. д. всегда могли найти себе дело в Голливуде, в американском балете, на художественных выставках, в ресторанах на Брайтон-Бич. . . Но что делать в Америке “кудесникам русского слова” и радетелям “русской речи”? Кому, каким французам или “офранцузенным русским” были нужны осевшие на Западе приблизительно в те же времена В. Максимов, А. Гладилин, А. Синявский, М. Розанова, В. Некрасов, Н. Горбаневская, М. Дёмин, коего, жившего подобно Владиславу Ходасевичу на “парижском чердаке”, я навестил в 1983 году, и который взмолился, чтобы я каким-то образом помог ему вернуться на родину?

А сколько их, плохо читавших Пушкина и не читавших Рубцова, осело в тогда ещё свободной от нашествия африкано-азиатских племён Германии? Г. Владимов, А. Галич, В. Делоне, Ф. Горенштейн, Т. Жирмунская, Л. Копелев, Р. Орлова. . . С Владимовым, Жирмунской и Максимовым я успел попрощаться и даже говорил им, что жду их возвращения.

Конечно, о “гражданах мира”, о “мировых знаменитостях” память держится дольше, нежели о нас грешных, цепляющихся за свои, по словам Пушкина, “предрассудки”, за свои родные пенаты и погосты. Рано или поздно – всё забывается: и даты, и имена, и дорожки мимо ржавых ограждений быльём зарастают.

“Sic transit Gloria mundi!” – “так проходит земная слава”, но особенно быстро она проходит, если прах знаменитого человека находит себе последний

приют где-нибудь на чужбине. “Чужбина” — какое страшное слово! От него можно защититься только тёплой русской половицей: “Где родился, там и содился”, наверно поэтому будут помнить тебя твои реки, твои леса, твои кладбища. “Складбища”, как сказала мне одна поморская старушка — то есть место, куда “складывают”. Будут тебя помнить какое-то время твои читатели, но их дети уже едва ли. . .

Перечисляя страны, куда ринулись за свободой и популярностью (несколько интервью, пара книжек мизерным тиражом, кое-какие гонорары, а если повезёт, как Аксёнову или Максимову, то работа на “Голосе Америки” или “Свободе”) десятки, если не сотни известных в СССР “прорабов духа”, нельзя не вспомнить о земле обетованной. . . Да, в Израиле чуть ли не все, кого встречаешь на улице, говорят по-русски, у многих двойное гражданство, но причины того, почему в эту опасную, “горячую” ближневосточную земную точку рванулись и детская писательница Елена Аксельрод, и романистка-матершинница Дина Рубина, и Давид Маркиш, и знаменитый артист Михаил Козаков, лежат гораздо глубже. О том, какие сакральные чувства продиктовали всем вышеупомянутым советским писателям поменять одну родину на другую, Михаил Козаков с редкой откровенностью изложил в книге своих мемуаров “Третий звонок”:

— “Один замечательный актер старшего поколения, той самой пресловутой национальности, фронтовик, прошедший Отечественную, часто говорил: “Запомни, Миша! Мы в России — в гостях. Запомни: в гостях! И перестань чему-либо удивляться”. Я возражал: “И это говоришь ты, фронтовик? Актер, которого любят миллионы?” — “Да, всё это так, Миша, и всё-таки мы в гостях”.

Признаться, я так не думал, по крайней мере тогда, лет пятнадцать назад, когда впервые услышал от него эту фразу. А вот сравнительно недавно задумался. . .”

Об этой тайне еврейской души я догадывался и задолго до роковых девяностых попытался разгадать её в одном из своих стихотворений, которое, по моему, и печатаю впервые:

*Кто куда — к Арарату армяне.
Иудеи к священным холмам
с долгожданною визой в кармане,
“дым отечества”, жизнь пополам.*

*Патриоты и космополиты,
разногласья забыв навсегда,
пишут письма, читают молитвы,
ждут ответа, считают года...*

*Под защиту родимого крова,
завершая всемирный процесс,
возвращается прах Огарёва
на Ленгоры, и в этом — прогресс.*

Стихотворение написано в 70-х годах, когда русское тёплое поветрие смягчило идеологические нравы, когда общество, словно бы услышав завет Пушкина о “любви к отеческим гробам”, с торжеством отпраздновало возвращение праха Огарёва из Европы на Воробьёвы горы, где они с Герценом давали клятву до конца жизни бороться с самодержавием. На этой волне “оттепели” вернулись в Россию на родные погосты прах Фёдора Шаляпина и Антона Деникина.

Влияние этой исторической стихии затронуло и души отпрысков двенадцати колен израилевых, почувствовавших запахи “родного пепелища”, о котором, как оказалось, они никогда не забывали, если вспомнить “Переписку из двух углов”, которую затеяли в 1920 году Василий Розанов и Михаил Гершензон. Последний однажды написал своему оппоненту:

“Я живу подобно чужеземцу, освоившемуся в чужой стране; любим туземцами и сам их люблю и радуюсь их радостью, но и знаю себя чужим, тайно грущу о полях моей родины, о её иной весне, о запахе её цветов и говоре её женщин. Где моя родина? Я не увижу её, умру на чужбине”. И это писал

абсолютно ассимилированный “чужеземец”, исследователь творчества Пушкина и Чаадаева, Огарёва и Ивана Киреевского, автор книг “История молодой России”, “Грибоедовская Москва”, “Мудрость Пушкина”.

В 70-е годы прошлого века эта “переписка” ожила, зашевелилась, и оказалось, что и Гершензона можно понять, и Михаила Козакова с его старшим другом, ветераном Отечественной войны, и даже Давида Маркиша... Одно удручало: чувствуя в душе такие “гершензоновские” позывы, зачем им было клясться, словно бы на Библии: “Родина моя Россия, няня, Дуня, Евдокия” (А. Межиров). Или “Я патриот, я воздух русский, я землю русскую люблю” (П. Коган). Или “Я, как из веры переходят в ересь, отчаянно в Россию перешёл” (Б. Слуцкий).

Но не так-то просто перейти из одной веры в другую. Это легко получалось у Евтушенко или Вознесенского. Сегодня “Сталин”, завтра “Бухарин”. Сегодня Маяковский, завтра Ален Гинсберг. Но попытки поменять “веру” у поэтов более серьёзных вроде Межирова или Слуцкого стали трагедиями их жизни.

(Продолжение следует)

ЕВГЕНИЙ САВЧЕНКО

губернатор Белгородской области

член-корреспондент РАН

НАДО УСПЕТЬ!

Выступление на Всемирном русском народном собрании

Ваше Святейшество!

Уважаемые участники Собора!

Позвольте мне проинформировать Собор о результатах работы комитета пространственного развития и территориального управления Всемирного русского народного Собора, который я имею честь возглавлять.

Проанализировав в контексте народосбережения ситуацию в стране, члены комитета единодушно пришли к следующим выводам.

1. Перед РФ и русским народом стоят три серьёзные проблемы.

Первая – это демографическая проблема и депопуляция русского народа.

Вторая – это стагнация экономики и отсутствие роста доходов населения.

И третья, вытекающая из двух первых, – это снижение градуса общественной консолидации.

2. Второй важнейший вывод, к которому мы пришли, заключается в следующем: если на все три проблемы посмотреть через призму государственного оптимизма и считать их не проблемами, а вызовами, то представляется возможность превратить их в мощный ресурс развития страны.

Каким образом, что для этого нужно сделать, спросите вы? Отвечаю и предлагаю.

Сегодня в стране в соответствии с Майским указом Президента реализуются 12 замечательных национальных проектов, а с 1 января к ним добавится и программа комплексного развития сельских территорий. На это выделяются огромные ресурсы. И если к этим ресурсам добавить объединяющую и вдохновляющую идею, то можно преодолеть не только существующие вызовы, но и в ближайшей перспективе выстроить новый, процветающий облик России.

И такой объединяющей идеей должна стать новая градостроительная политика.

В чём её новизна, спросите вы? Ответ на этот вопрос дали граждане страны. На вопрос, в каком жилье вы предпочитаете жить, 70% россиян ответили, что хотят жить в собственном доме усадебного типа. При этом мы ничего не имеем против развития агломераций, как это принято в концепции пространственного развития, кроме одного принципиального условия: агломерации должны иметь не центростремительный, как сейчас, а центробежный вектор развития.

В национальном проекте “Жильё”, как известно, планируется обеспечить ввод к 2024 году 120 млн квадратных метров жилья, из них 80 млн квадратных метров – многоэтажного и 40 млн квадратных метров – индивидуального.

В пересчёте на площадь квартир и домов в итоге в структуре вводимого жилья мы получим следующее: 80% будет приходиться на квартиры и лишь 20% – на индивидуальные дома. Но люди желают как раз обратной пропорции. И надо идти им навстречу. И все ресурсы направить именно на поддержку усадебного жилья. А это и размер кредита от 3 до 5 млн рублей, и сроки кредитования от 10 до 25 лет, и размер процентной ставки от 1 до 5%.

Обеспечив дифференцированный подход в предоставлении льгот кредитования на жильё по регионам, можно таким образом влиять и на желаемую расселенческую политику в стране. Например, максимальные льготы предоставлять для регионов Сибири и Дальнего Востока, а минимальные – в регионах с благополучной демографической обстановкой. Что касается обеспечения усадебной застройки земельными участками, инженерными сетями и дорогами, то это бремя могли бы взять на себя регионы совместно с ресурсоснабжающими организациями.

И самое, пожалуй, главное: представляется возможность одновременно с массовым индивидуальным строительством жилья стимулировать и рождаемость. Например, при рождении второго ребёнка семья погасит 1/3 кредита, третьего – ещё 1/3, четвёртого – погасит кредит полностью.

Что это даст? Расчёты показывают, что при масштабе строительства усадебного жилья 500 тысяч домов в год в десятилетнем цикле возможно увеличить рождаемость на 1 млн детей в год и довести коэффициент рождаемости на 1 женщину до 2,5, вместо 1,7, предусмотренного национальным проектом “Демография”.

Я умышленно избегаю финансовых расчётов для поддержки строительства усадебного жилья и стимулирования рождаемости, которые кому-то могут показаться чрезмерными.

Скажу только одно, как это ни цинично звучит (прошу меня простить за это): государству экономически выгодно в стратегическом плане вкладывать деньги в стимулирование рождаемости. И расчёт здесь банально прост: среднестатистический россиянин производит за свою трудовую жизнь ВВП в среднем 60 млн рублей. И профинансировать всего 1 млн рублей для того, чтобы житель нашей страны просто появился на свет, – это очень оправданно с экономической точки зрения, не говоря уже о геополитической выгоде.

На нашем комитете была высказана идея “русского миллиарда”. И это вовсе не утопия. Если в каждой из 25 млн семей, находящиеся сегодня в детородном возрасте, будет по 4 ребёнка и в последующих поколениях столько же, то через 120 лет в России будет жить 1 миллиард человек.

Чем не национальная идея на ближайшие 100 лет?

Уважаемые друзья, реализация данных предложений в формате 13-го всеобъемлющего зонтичного национального проекта приведёт не только к росту численности населения России и, прежде всего, государствообразующего и государствоудерживающего русского народа, но и станет мощными факторами экономического подъёма, социального оптимизма и политической консолидации общества.

Время у нас ещё есть. Надо успеть!

Благодарю за внимание.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

научный руководитель

Института проблем глобализации

КИТАЙ В ОТКРЫТОМ СТОЛКНОВЕНИИ С США

Бурный рост Китая привёл к тому, что он, несмотря на внешнюю монолитность, раздираем противоречиями, которые (как и не менее значимые, хотя намного лучше известные американские противоречия) важны при оценке его перспектив.

Некоторые ключевые внутренние проблемы Китая

С начала нулевых руководство Китая бьётся над снижением **зависимости от экспорта**, стремясь нарастить внутренний спрос так, чтобы развиваться в основном за его счёт.

Экспортная ориентация была локомотивом Китая вплоть до начала нулевых. Доля экспорта в ВВП выросла с 3% в 1970 году до 5,7% в 1975-м, с 7% в 1980-м до 9,3% в 1985-м, с 13,9% в 1990-м до 19,1% в 1995-м и до 23% в 2000 году. Несмотря на все усилия, стремительный рост экспортной зависимости продолжался; в 2005 году доля экспорта в ВВП составила головокружительные 33,5%, а в 2006-м достигла максимума в 35,7%. Затем усилия по развитию внутреннего рынка начали приносить плоды, и экспортная зависимость стала снижаться – до 26,4% в 2010-м, 21,7% в 2015-м, 19,6% в 2016-м, 18,8% в 2017-м и 18,6% в 2018 году. Замедление снижения – признак исчерпания возможностей роста ёмкости внутреннего рынка и требует либо его интенсификации (не ясным пока способом), либо активизации внешнеэкономических связей (что выражается в стратегии “один пояс и один путь”, подрываемой экономической агрессией США).

Переориентация на внутренний спрос для Китая – жгучая необходимость. Нарастание глобального кризиса ограничивает спрос развитых стран, вынуждает их усиливать протекционизм, ограничивая возможности китайского экспорта. Срыв же мира в Глобальную депрессию и распад глобальных рынков на макрорегионы и вовсе сократит и дезорганизует международную торговлю.

Однако переориентация с экспорта на внутренний рынок болезненна и экономически, и политически, так как снижает рентабельность бизнеса.

В сочетании с торможением роста экономики (как ограниченностью внешнего спроса, так и растущей нехваткой воды, почвы и энергии) это **подрывает ожидания** китайцев, на протяжении жизни более чем поколения привыкших почти каждый день жить ощутимо лучше, чем вчера.

Острее всего переживают это самые активные социальные группы, выигрыш которых от прогресса Китая был и остаётся максимальным. Они жаждут продолжения улучшения своей жизни прежними колоссальными темпами, в том числе даже за счёт деградации основной, более пассивной части населения.

Это естественный либеральный подход, и именно для блокирования его (а не только для снижения коррупции, становящейся непосильной по мере замедления экономического роста) китайское руководство всерьёз занялось демократизацией. Лишь интересы “широких народных масс” способны сдерживать алчность бизнеса и обслуживающей его интеллигенции*.

В свете изложенного, поражение либерального клана на XVIII съезде КПК в 2012 году закономерно. Лидер либералов Ху Цзиньтао не сохранил, вопреки казавшемуся непоколебимым обычаю, власть над военными структурами после ухода с высшего поста в государстве. А из всех либералов в Постоянном комитете ЦК КПК остался лишь один – премьер Ли Кэцян (для чего даже сократили численность этого высшего органа управления). И дело не только в его действительно выдающихся способностях: его должность автоматически сделала бы его “крайним” в случае представлявшихся тогда вероятными (по вполне объективным причинам) проблем в развитии Китая.

Уменьшение ресурсов общества и питаемых им надежд объективно требует большего внутреннего равенства, – и, соответственно, демократии, действительно ограничивающей естественное желание либералов передать ограниченные ресурсы “наиболее эффективным” собственникам и менеджерам.

Но для сдерживания порождаемых успехами общества либеральных устремлений частичной демократизации мало: надо усиливать контроль за обществом. Китай, в отличие от США и ЕС, не наладил всеобъемлющую систему косвенного контроля за общественным сознанием. Поэтому ужесточается прямой контроль, который, в отличие от косвенного, ощущается людьми, особенно творческими и образованными, и воспринимается ими болезненно как ограничение неотъемлемых свобод личности (пусть и сознающей оправданность этого ограничения).

Помимо естественных социально-политических напряжений, это затруднит организацию массового свободного творчества, которой китайское руководство занимается с начала нулевых. Разумеется, не по сентиментальным, а сугубо по прагматическим причинам: такое творчество – необходимая предпосылка борьбы за лидерство в постиндустриальной экономике. Между тем, коллективистская культура Китая (как и ряда других стран Азии) по своей природе отторгает творцов, хоть и благоприятствует изощрённому копированию и улучшению уже достигнутых и общественно признанных результатов.

Задача организации в Китае массового созидательного творчества (прежде всего, конечно, научно-технологического), возможно, не имеет решения, так как общество не может переломить свою культуру, даже осознавая необходимость этого. Но потребность в ужесточении контроля для более равномерного распределения ресурсов (а социальное неравенство в Китае давно достигло американского уровня) ещё более усложняет её.

Необходимость решать крайне трудную задачу, одновременно лишая себя требуемых для этого социальных ресурсов, порождает колоссальное **внутреннее напряжение**, которое усиливается психолого-демографическим фактором, вызванным сочетанием культуры с реформами недавнего прошлого.

Ограничение рождаемости (по принципу “одна семья – один ребёнок”) в крестьянской культуре, воспринимающей рождение девочки как несчастье, создало **демографический перекос**. Уже сейчас, как минимум, несколько десятков миллионов молодых китайцев физически лишены возможности найти себе жену, что повышает внутреннюю агрессию в обществе.

---

* Характерно, что наиболее выдающееся достижение в деле демократизации и обеспечения прав человека – отмена Си Цзиньпином сразу после его прихода к власти практики внесудебной отправки в “трудовые лагеря” (по сути, по представлению общест-венности и местной милиции) – осталось полностью незамеченным большинством российских и западных специалистов.

По данным ООН, в 2018 году в Китае на 100 женщин в возрасте 15–29 лет приходилось 280 мужчин того же возраста. По оценкам, к 2026 году на 1 женщину 15–19 лет будет приходиться более трёх мужчин. Выправление этого перекоса даже в лучшем случае займёт десятилетия.

При этом в жизнь входит поколение “маленьких императоров” — избалованных единственных детей, над которыми всю их жизнь, как над единственным продолжением рода, тряслись многочисленные родственники и которые считают себя пупом Вселенной (до такой степени, что порой позволяют себе кричать на мать при не просто посторонних, но и не-китайцах).

И венчается эта сложная, многомерная демографическая ситуация **сменой поколений в руководстве** Китая: критически значимая часть средних и высших позиций в нём занята выпускниками западных по типу воспитания вузов. Это не патриоты, а “эффективные менеджеры”, стремящиеся к личным достижениям, а не общему благу. Поколения их предшественников служили Китаю потому, что это Китай; новые же поколения руководителей служат Китаю лишь потому, что это выгодно, и, вероятно, только пока это остаётся таковым.

Си Цзиньпин осознал, что уже его преемник будет принадлежать к их кругу, и сломал тенденцию, прекратив обучение руководителей по западным стандартам. Но подготовленный по ним слой элиты, несмотря на системную борьбу с коррупцией (масштабы и тем более длительность которой давно оставили позади Большой террор 1937–1938 годов*), продолжает занимать ключевые позиции и успешно делать карьеру.

А ведь замена лидеров, сражающихся за будущее своего народа, пусть даже и добросовестными, но всего лишь отличниками, жаждущими не результата для всех, а хороших отметок для себя (как показывает пример многих стран Европы и, в особенности, Израиля), делает управление контрпродуктивным и, скорее всего, служащим не своей стране, а глобальному бизнесу или обслуживающей его международной бюрократии.

И, несмотря на все усилия политического руководства Китая, эта угроза остаётся реальной.

* * *

Объективные трудности Китая и вероятный провал его глобального проекта важны для России из-за нашей чудовищной слабости. В конце 1940-х Маньчжурия была заселена так же редко, как и нынешнее Забайкалье. Дальнейшее игнорирование потребностей азиатской части России приведёт к её утрате даже без сознательного вмешательства китайского государства.

Между тем стихийный патриотизм, порожаемый успехами Китая, крепнет на глазах. Китайское общество всё более массово и энергично возмущается разворовыванием и разрушением богатейших ресурсов России отечественной бюрократией. Когда этот патриотизм станет нельзя более “кормить” ростом уровня и качества жизни, проблема нарастания внутреннего напряжения может быть решена “сбрасыванием” излишней агрессии вовне, в том числе и на нас. Такое решение проблемы (хоть и временное) может быть реализовано без формальной причастности к нему китайского государства.

Избежать этой опасности вождельным для Запада охлаждением отношений с Китаем (к требованию которого сводилась, например, уже забытая из-за своей нелепости пресловутая “перезагрузка” американо-российских отношений) нельзя. Напротив, надо всеми силами крепить стратегическое партнёрство с Китаем, улучшать взаимопонимание и наращивать интеллектуальные контакты, чтобы взаимопомощь в вопросах стратегического прогнозирования и управления превратила бы партнёрство в прочные союзнические отношения.

Тесная координация с Китаем нужна и потому, что успешная модернизация России ограничит китайский импорт: мы многое вновь станем производить сами, лишив китайский бизнес привычной и ставшей уже необходимой

---

* В начале развёртывания борьбы с коррупцией крупные российские корпорации зачастую испытывали трудности в переговорах с китайскими госкомпаниями, так как до трети их высших и средних менеджеров находились под следствием и, продолжая работать, боялись принимать любые решения.

для него прибыли. Это не ухудшит наши отношения, лишь если к тому времени они будут по-настоящему близкими.

Пока же успехи Китая – оглушительная пощёчина России. Рыночное развитие Китая началось в качественно худших, чем наши, условиях и опиралось именно на нашу, советскую модель как экономики, так и управления.

Китай как сейчас, так и во всем обозримом будущем нуждается в мощной России как в надёжном партнёре и “стратегическом тыле” в противостоянии с Западом. Но если отказ российской бюрократии от прогресса не даст нам выполнить эту функцию, мы станем для Китая куском еды на его тарелке.

Как китайская культура блокирует китайское лидерство

На протяжении своей 4700-летней письменной истории Китай регулярно переживал периоды возвышения и падения.

Принципиальное отличие от других цивилизаций заключается не в самой цикличности развития, а в способности Китая (роднящей его с Россией) неуклонно выживать в своих падениях, которая и позволяет проявиться этой цикличности.

Расцвет цивилизации сопровождался быстрым накоплением богатств и усложнением социума.

Первое усиливало социальную напряжённость, так как бесправные и удерживаемые на грани выживания низы начинали требовать своей доли общественного пирога (а разнообразные тайные общества, опирающиеся на беднейших крестьян, но имеющие заметное политическое влияние, исторически являются такой же естественной и неотъемлемой формой самоорганизации китайского общества, что и семья).

Второе способствовало усложнению и разбуханию бюрократии, которая становилась слишком масштабной и потребляла чрезмерную часть общественного продукта, запутываясь в себе самой и утрачивая эффективность.

В результате естественный рост протестов накладывался на столь же естественную деградацию управления, что создавало кризис, иногда разрешаемый внешним завоеванием.

Качество китайской культуры (включая, разумеется, управление и производство) было так высоко, что завоеватели, будь они маньчжурами (как в случае последней династии), или соседями, или крестьянами, не заменяли её своей, но старались использовать её, вливая своё вино в имперские мехи и быстро перерабатываясь в соответствии с их стандартами.

Китайская культура, включая механизм управления, таким образом, переваривала внутренние и внешние разрушающие влияния, сохраняя себя в целостности и медленно совершенствуясь, несмотря на чудовищные социальные катаклизмы и жертвы.

Накопление значительного количества внешних вызовов и внутренних диспропорций (как и достигнутое процветание) позволяет опасаться приближения Китая к качественному перелому: традиционной смене тенденции от возвышения к новому провалу и погружению во внутреннюю смуту.

Самые разнообразные показатели – от динамики экономики до смены общественной психологии, а также экспертные заключения указывают на 2021–2022 годы как на период возможного драматического внутрикитайского катаклизма.

Разумеется, он далеко не предопределён, но по ряду направлений своего развития Китай вплотную приблизился к пределу своих возможностей, кажущемуся объективным.

Прежде всего, уверенное и, что не менее важно, независимое развитие Китая поневоле превратило его во второе по значимости и влиянию государство мира после США.

Естественное стремление обезопасить себя от возможных американских ударов диктует ему превращение во вторую сверхдержаву. Начав формирование ряда авианосных соединений (флотов, по американской терминологии), а также создание надёжного транспортного трансъевразийского пути на европейский рынок, Китай начал быстрое движение по этому пути.

Уже произошедший возврат от “однополярного мира” тотального американского доминирования к новой биполярной системе (при которой история человечества заключается в противостоянии сколь угодно тесно связанных

экономически США и Китая, сдерживаемом “актерами второго уровня” в виде ЕС, Японии, Индии и, если удастся, России) превращает Китай и Пекинский консенсус в альтернативу американскому пути развития и Западу в целом, в новую надежду для всего мира.

Самому Китаю это категорически не нужно: играть роль примера для всего человечества он не хочет и не может, в первую очередь, потому, что оно ему глубоко безразлично.

Китайская скромность (до начала 10-х годов XXI века его руководители провозглашали его бедной страной и получали помощь ООН) и нежелание играть какую бы то ни было глобальную роль вызваны далеко не только завещанным Дэн Сяопином стремлением беречь силы для развития и избегать конфликта с США, пока в нём Китаю не будет гарантирована победа.

Намного важнее то, что Китаю действительно безразличен остальной мир: китайская культура предельно китаецентрична, и лидерство в мире, населённом варварами, является для её носителя несчастьем и трагедией и поэтому не может быть целью.

Поэтому китайские специалисты искренни, когда отрицают претензии Китая на глобальное лидерство и отказываются даже обсуждать конфликты, не затрагивающие его интересы прямо (правда, по мере роста его влияния таковых всё меньше).

Глобальное лидерство действительно не может быть целью носителя китайской культуры по той же причине, по которой большинство нормальных взрослых не может прельститься лидерство в группе дошкольников.

Стремление Мао Цзэдуна к популяризации своих идей вне Китая и к его превращению в лидера “третьего мира” было лишь проявлением постколониального синдрома, жажды доказать (в первую очередь, самому себе) своё равноправие с “великими державами”. По достижении цели (причём мирным – социально-экономическим прогрессом) о ней благополучно забыли.

Китай по своей природе смотрит не вовне, а внутрь себя. Стремительное расширение его влияния, вызванное погоней за истощающимся спросом, а затем и ресурсами, поставило его в глубоко противоясственное, противоречашее всем диктуемым его культурой склонностям положение, чреватое постоянным и болезненным внутренним напряжением.

Хотите смутить китайца – выразите ему свой восторг уверенным продвижением Китая к глобальному лидерству. *Когда это сделал президент В. В. Путин, китайские комментаторы буквально разрывались между желанием не обидеть его и необходимостью исправить допущенную им содержательную ошибку: Китай думает о себе, а не об отношении к себе окружающего мира.*

Но Китай не может и игнорировать окружающий мир. Один из парадоксов его стремительного возвышения – качественное усиление внешних влияний на него и осознание китайским руководством (с середины нулевых годов XXI века) своей неспособности не то что контролировать, но и просто прогнозировать реакцию остального мира на свои успехи.

Развиваясь в соответствии со своими потребностями, Китай осуществляет мощную и разнообразную экспансию, изменяя окружающий мир. Но в силу культурно обусловленной замкнутости на себя он глух к нему и не может в полной мере оценивать последствия своих действий для мира и, соответственно, его ответную (в том числе и стихийную) реакцию на них.

Сначала это полагали “болезнью роста” из-за временного опережения масштабами деятельности Китая его аналитических возможностей. Но сохранение ситуации вот уже скоро 15 лет порождает подозрения в том, что не универсалистская, а этнически ориентированная культура Китая сдерживает его возможности понимать представителей иных культур.

Это затрудняет развитие, но, главное, кладёт вряд ли преодолимую преграду его превращению в мирового лидера.

Помимо того, что Китай не хочет им быть, он и не может им быть, ибо мировой лидер невозможен без универсальной ценности, предлагаемой им остальному миру.

Этноцентричность китайской культуры, её ориентированный на саму себя, категорически не мессианский характер исключает возможность её превращения в глобальную альтернативу универсалистским и экспансионистским идеологиям вроде западного либерализма, политического ислама или всё более (пусть пока и потенциально) актуального коммунизма.

Китай существует для китайцев, а китайцем нельзя стать, им можно только родиться. Поэтому Китай, подавая миру пример успешного развития на основе собственных сил, не может объединить мир вокруг себя в альтернативном проекте.

Си Цзиньпин, придя к власти на XVIII съезде КПК в 2012 году, провозгласил всё человечество (в том числе и то, которое затем стала объединять стратегия “один пояс и один путь”) “сообществом единой судьбы”*. Это было выражение как нового, глобального масштаба китайского проекта, так и формулой китайской, а не американской глобализации, и предложением отказаться от применения в глобальной конкуренции единственного ресурса, по которому Китай в обозримом будущем оставался слабее США, – военной силы. Однако одновременно с этим Си Цзиньпин продвижением этой концепции пытается** и преобразовать китайский проект (или хотя бы изменить его имидж), сделав его открытым для некитайцев и придав ему новое, интернациональное измерение.

Но переломить концепцией культурную матрицу нельзя, и в основном ритуальное внимание, уделяемое “Сообществу единой судьбы” даже в самом Китае, служит тому подтверждением. Китайцы знают, что у них своя судьба, а судьба шриланкийцев, зимбабвийцев и даже американцев их мало интересует.

Другое ограничение, рассмотренное выше, – сдерживание свободы творчества рамками культурно обусловленного коллективизма. Китайское руководство вот уже почти 20 лет прилагает титанические усилия для преодоления этого барьера, но нет уверенности, что народ сможет преодолеть ограничения своей собственной культуры.

Между тем, не начав массово открывать новые технологические принципы и создавать на их основе свои технологии, Китай не сможет стать независимым от Запада.

Не создав собственных технологий и вынужденно пользуясь технологиями своих конкурентов, он не освободится от их влияния и не победит их в глобальной конкуренции. Совершенствование технологий порождает технологический монополизм: их обладатель получает основную часть доходов от их использования, а главное – удерживает всех пользователей (даже контрабандных, не платящих за их применение) в рамках своей технологической парадигмы и связанных с нею стандартов (в том числе управления), не давая им разрабатывать оригинальные подходы и самим получать связанную с этим сверхприбыль.

Ограничение доходов и доступных технологических решений надёжно удержит Китай в зависимости, символом которой стала так называемая “ловушка высоких технологий”.

Таким образом, беспрецедентно долго и успешно развиваясь, Китай идёт к положению глобального лидера, не желая этого и не имея возможности стать им в полной мере, – ни в культурно-политическом, ни в технологическом плане.

Это поразительное противоречие реальности не только с желаниями, но и с возможностями опасно для него.

Стремясь к достижению независимости от Запада и к возвращению естественного для себя положения наиболее мощной цивилизации мира, Китай не может предложить человечеству войти в свою цивилизацию в силу её этнической ограниченности и даже замкнутости.

Кроме того, его возможности и в целом прогресс жёстко ограничиваются фундаментальным для него и отнюдь не движущим противоречием между китаецентричной и подавляющей свободу творчества культурой Китая и объективными потребностями его приближения к глобальному лидерству.

Его движение к могуществу будет успешно лишь при достижении технологического суверенитета, что требует (для обеспечения массового свободного творчества) преодоления своей культуры, – скорее всего, невозможного.

---

* Интересно, что это название повторяет “Союз общей судьбы (SOS)” – политическое движение, которое в романе В. Аксёнова “Остров Крым” возвращает Крым в состав брежневского СССР с катастрофическими последствиями.

** Ещё раз подтверждая признак эффективного стратега – одним шагом преследовать несколько разных целей на разных уровнях и в разных сферах.

Таким образом, **возвышение Китая наталкивается** не только на недостаточность его экологического потенциала или спроса, который может предъявить человечество на его товары, но на ограниченность его цивилизационной природы – **на барьеры, воздвигаемые его собственной культурой**.

Столкновение с этими барьерами, вынуждая Китай пытаться преобразовать собственную социально-психологическую природу, грозит ему огромным и пока не осознаваемым перенапряжением, способным вновь привести эту великую цивилизацию к, разумеется, временному, но от этого отнюдь не менее разрушительному (в том числе и для остального мира) краху.

Таким образом, существует значительный риск того, что в 2021–2022 годах Китай обрушится в системный кризис, что и сорвёт человечество в глобальную депрессию.

Такое развитие событий наиболее вероятно, хотя нельзя исключить других вариантов, – например, срыва в глобальную депрессию по причинам, не связанным с Китаем, или удержания глобальной финансовой стабильности экстраординарными мерами в течение некоторого времени и после снижения роста его ВВП ниже представляющихся пороговыми 4–5% в год.

“Один пояс и один путь” – попытка прорыва из исторической цикличности

Эти проблемы, ограничения и противоречия были подробно проработаны китайским руководством (в том числе во взаимодействии с иностранными специалистами) уже к началу 10-х годов XXI века. Результатом стали глубокие, комплексные и последовательно развёртывающиеся реформы Си Цзиньпина – от концепции “Сообщества единой судьбы” к провозглашению “китайской мечты” и далее – через стратегию “один пояс и один путь” к созданию нового, глобального Китая. Китайские и российские аналитики уже в 2014 году отмечали, что последовательность, оригинальность, разнообразие и внутренняя связность реформ Си Цзиньпина свидетельствуют о наличии не разглашаемой им и его окружением долгосрочной стратегии, требующей для реализации нарушения правила ограничения пребывания на высшем уровне власти двумя сроками*.

К приходу к власти Си Цзиньпина (в конце 2012 года, а преемником он был назначен по традиции КНР за 5 лет до этого) Китай создал полноценную современную инфраструктуру и попал в “ловушку развитых стран” – отсутствие крупных объектов для инвестирования. Соответственно, были исчерпаны возможности развития, связанные с расширением спроса и, соответственно, углублением разделения труда; возможности для полноценно производительного применения национального капитала были в целом исчерпаны.

Перед Китаем был распахнут путь, которым до него, на рубеже 70-х и 80-х годов XX века пошёл Запад: расширение рынков и сфер приложения капитала переориентацией с производительной на спекулятивную деятельность. Однако это коренным, принципиальным образом изменило бы характер национального капитала, эмансипировав его от общества и не только освободив его от ответственности перед народом, но и объективно противопоставив его народу Китая. Из инструмента саморазвития народа национальный капитал стал бы инструментом его беспощадной эксплуатации в интересах развития и поддержания глобальных спекулятивных рынков, а китайское руководство из выразителей воли и интересов народа превратилось бы (как это случилось на Западе и в 1990-е – полностью, а позже – лишь отчасти и в России) в региональных менеджеров глобальных спекулянтов, пусть и китайского происхождения, подавляющих народ и разрушающих общество ради своих сверхприбылей.

---

* Того же требовало и прозападное перерождение значительной части даже высшей китайской элиты: чтобы преемник Си Цзиньпина был патриотом Китая, а не прозападным по мировоззрению менеджером, его предстояло выковать заново в горниле новых реформ. Интересно, что самое позднее с 2017 года китайские источники, ранее указывавшие в качестве стратегического ориентира исключительно 2049 год – год 100-летия КНР, – стали выделять в качестве такого ориентира, носящего промежуточный характер, и 2035 год. Это вызвано не только темпами развития Китая, в целом превышающими плановые, но и наличием неофициальной стратегии, проработанной именно на этот срок.

Это было неприемлемо политически, в том числе и потому, что компрадорская буржуазия уже шла (при Чан Кайши) по этому пути и делом доказала его порочность и недееспособность. И само выдвижение и победа Си Цзиньпина (выдвиженца тех, кто непосредственно побеждал эту буржуазию на полях сражений и сына одного из них) стало символом категорического отказа от этого пути не только китайского руководства, но всего китайского общества.

Выход из “ловушки развитых стран”, из тупика переинвестирования собственной территории был найден совершенно другой — освоение мира: выплёскивание накопленных Китаем капиталов вовне для создания глобальной инфраструктуры, соответствующей его нуждам, и, в конечном счёте, для преобразования в его интересах всего человечества.

Косвенным подтверждением выношенности этого решения и понимания его последствий стал категорический отказ ещё в 2009 году от прямого предложения Обамы объединить стратегические и в значительной степени тактические усилия двух стран на основе продвигавшейся в США с 2005 года концепции G2 (*Chimerica* — “американо-китайский кондоминиум”), разработанной, как минимум, с участием китайских лоббистов при лидерстве Киссинджера, с прямым указанием на нежелание быть младшим партнёром.

Безусловно, эта откровенность, вызванная осознанием своей новой силы и нового влияния (в том числе благодаря потрясающей стабильности Китая в кризисе 2008–2009 годов), была грубой ошибкой. Именно из-за неё США начали окружать Китай кольцом современного оружия, системно модернизируя и укрепляя свои базы вокруг него и против него. Двусмысленность, притворство и изображение покорного сотрудничества, столь эффективные в прошедшие десятилетия, кардинально замедлили бы осознание американцами проблемы, которой стремительно стал для них Китай в XXI веке.

Однако тот попал в ловушку самовлюблённости, а его представители стали вести себя откровенно чванливо. Проглядев жёсткую реакцию США на отказ от G2, они не осознали свои ошибки и, не исправив придворную обурократившуюся аналитику, усугубляли их. Так, китайское руководство всерьёз и до последнего момента верило в победу Клинтон, а потом в то, что Трамп — просто торгош, которому нужны деньги и который развязывает торговые войны исключительно в коммерческих целях. Между тем, Трампу как не просто, а именно американскому “торгашу” нужны не деньги, а уничтожение конкурента — Китая. Ему нужно остановить Китай раз и навсегда — так же, как соглашения “Плаза” 1985 года остановили Японию (последствия удара по Германии были нейтрализованы поглощением ГДР и прорывом на рынки и к активам Восточной Европы).

Вместе с тем, эти ошибки лишь оттенили и ярче обрисовали новую роль и новое значение Китая, потому что не дали китайскому руководству скрыть их традиционной маскировкой.

Стратегия инвестиционной экспансии Китая (оформленная концепцией “один пояс и один путь”) представляла собой диалектическое, на основе принципа отрицания отрицания развитие стратегии Дэн Сяопина *go global*. Эта стратегия предусматривала вписывание в мировое разделение труда и использование его возможностей, исходила из необходимости укрепления и развития Китая при систематическом затушевывании его растущей мощи, чтобы не привлекать внимания и не вызывать враждебного конкурентного давления, пока это возможно.

Она была позицией слабого, но к приходу Си Цзиньпина Китай благодаря ей стал сильным, и трезвый учёт созданной им мощи позволил оседлать глобализацию и от использования западного разделения труда в своих целях перейти к созданию своей собственной, наиболее полно отвечающей потребностям Китая системы глобального разделения труда, перейти к прямому и открытому реформированию *Pax Americana* в большой китайский мир.

Попутно эта стратегия была призвана, перековав американскую систему глобализации в свою собственную, китайскую, остановить уже осознанное к концу 10-х годов XXI века не только российскими, но и китайскими стратегическими аналитиками разрушение глобальных рынков и собрать их заново — на сей раз, разумеется, в интересах уже не США, а Китая.

Однако, помимо решения проблемы перенакопления капитала, стратегия Си Цзиньпина направлена на решение колоссальной социокультурной, цивилизационной задачи — вырвать Китай из дурной цикличности его истории.

На протяжении всей непрерывной письменной истории Китая (насчитывающей не менее 4700 лет) его консолидация, достижение стабильного благосостояния и общего процветания неминуемо запускали мощнейшие центробежные силы, которые разрывали Китай на части и обрушивали его в раздробленность и упадок.

В свете этой закономерности внутренним инструментом превентивной нейтрализации цивилизационной угрозы (путём опережающего купирования очагов недовольства) является система социального кредита.

Внешний же инструмент нейтрализации цивилизационной угрозы – концепция “один пояс и один путь”, которая представляет собой попытку оседлать энергию потенциального распада и перенаправить её вовне, превратив в движущую силу экспансии. Такое выворачивание китайской цивилизации наизнанку призвано снять её внутренние напряжения и противоречия превращением их в глобальные, внешние для неё и потому своим давлением не разрушающие, а, напротив, сплачивающие китайское общество и китайский народ.

Этот грандиозный замысел, возможно, и не был осмыслен в своей целостности его непосредственными участниками, занятыми решением локальных проблем, но предстаёт стороннему наблюдателю во всей своей смелости и элегантности, заслуживающей не только искреннего восхищения, но и разумной поддержки.

Вместе с тем выплёскивание внутренних противоречий и напряжений вовне, безусловно, усиливает внешние конфликты, – и беспрецедентная консолидация власти в 2017 году прозорливо, хотя и неосознанно предвосхитила торговую и гонконгскую агрессию США в следующем году (так как они оказались полной неожиданностью для китайских руководителей).

Консолидация власти

XIX съезд КПК в 2017 году оказался уникальным, ознаменовав собой отказ от ряда казавшихся незыблемыми норм, введённых ещё Дэн Сяопином. Главная из них – механизм сменяемости лидера, по сути, по американскому образцу: через каждые два срока.

Си Цзиньпин надломил его ещё при своём избрании в 2012 году, сразу же сконцентрировав в своих руках власть над армией. По “канону Дэна” в первый срок нового руководителя контроль над армией, пусть номинально, оставался в руках прежнего руководителя, что обеспечивало “преемственность власти”, а проще говоря – контроль уходящего лидера над преемником для обеспечения интересов теряющей власть группы. Сломал этот канон, Си Цзиньпин продемонстрировал волю к власти и политическую мощь.

На съезде после первого срока руководства страной, когда руководитель Китая, возглавляя армейские структуры, наконец обретал всю полноту власти, в высший орган партии – Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК – по традиции вводился (причём по рекомендации предшествующего, а не обретающего полную власть лидера) относительно молодой, но уже авторитетный политик, который должен был сменить лидера ещё через пять лет. Таким образом, созданная Дэн Сяопином система обеспечивала лидеру всю полноту власти не раньше, чем демонстрировала ему его преемника – представляющего, как правило, иную группу в руководстве Китая и выбираемого его предшественником.

На XIX съезде такого потенциального преемника в Постоянный комитет введено не было, и это не менее важный фактор укрепления власти Си Цзиньпина, чем юридическое оформление его в качестве “ядра” партии и внесение в Устав его “мыслей” как одной из основ партийной идеологии. Это формально беспрецедентно (он поставлен тем самым в один ряд с создателем новой китайской государственности Мао Цзэдуном и архитектором его экономического прогресса Дэн Сяопином, причём даже выше последнего, так как Дэн был удостоен такой чести лишь посмертно), а содержательно делает Си Цзиньпина не только неуязвимым, но и непререкаемым лидером, хотя, разумеется, преемник может появиться и внезапно, в последний момент (среди 25 членов Политбюро трое молодых, включённых в него явно “на вырост”).

Столь серьёзная концентрация власти (да ещё и беспрецедентная) в таких больших системах, как Китай, не может быть результатом только воли к власти какой-то политической группировки. Это обязательно результат глубоких

изменений всего общественного организма, на фоне которого появление даже новых групп элиты является незначительной флуктуацией.

Безусловно, в стране, охваченной жесточайшей борьбой с коррупцией, не до демократизации. *О масштабах этой борьбы свидетельствуют жалобы российских переговорщиков, которым порой оказывается просто не с кем разговаривать: в некоторых крупнейших госкомпаниях Китая (что означает крупнейшие корпорации мира) под следствием находилось одномоментно более трети высших и средних менеджеров. Они исправно ходили на работу и даже вели переговоры, но вот принимать какие бы то ни было решения категорически не хотели, боясь, что и они будут поставлены им в вину. Ведь каждое решение кому-то выгодно, а кому-то – нет, и чувствующая себя обиженной сторона может обвинить принявшего решение в коррупции.*

Но борьба с коррупцией в Китае имеет не только юридический, внутривнутриполитический и экономический (замедление роста экономики при росте социальных ожиданий требует перераспределения ресурсов в пользу бедных и “среднего класса”), но и глобальный аспект: это инструмент кардинального ослабления влияния Запада и укрепления суверенитета Китая при помощи оздоровления и “перекодирования” прозападного в целом китайского управленческого корпуса. *Возможно, именно из-за реальной угрозы его перерождения после прихода к власти Си Цзиньпина почти обязательное до того западное обучение руководителей было прекращено (что, кстати, открывает прекрасные перспективы для части российской системы подготовки управленцев, ещё не поражённой либеральными метастазами).*

Помимо оздоровления управляющего класса, концентрация власти представляется подготовкой к грядущим бурям – как экономическим (ибо глобальная депрессия несёт особенно тяжёлые последствия только что овладевшему глобализацией Китаю), так и военно-политическим.

В 2021 году в Китае намечен спуск на воду авианосца нового поколения, а вскоре – ещё одного. С учётом имеющихся двух авианосцев (купленного у Украины якобы для парка аттракционов советского авианесущего крейсера “Варяг” и его увеличенной копии) это изменит баланс сил в Мировом океане, чего США, по мнению китайских аналитиков, допустить не смогут. Способность Китая защитить свои морские коммуникации качественно подорвёт военную гегемонию США и потому может вызвать их опережающую агрессию*. Наиболее вероятное время – 2020–2021 годы, наиболее вероятное место – Южно-Китайское море (превращаемое Китаем в своё внутреннее море насыпанием островов с размещением на них военных баз), наиболее вероятный формат – локальный конфликт.

Этот конфликт (даже если он и не расширится) может поставить крест на мечте о неуклонном росте благосостояния (не говоря об обещании Си Цзиньпина побороть смог – “вернуть голубое небо” крупнейшим мегаполисам) и вновь отбросить китайское общество от намеченного как раз на эти годы достижения уровня “средней зажиточности”, что будет воспринято им крайне болезненно.

Ведь даже одно локальное столкновение изменит всю карту мировой торговли: доступ Китая на жизненно важный для него рынок США будет кардинально ограничен, что резко повысит значение остального мира, включая Европу. Осознание этого вдыхает новую жизнь в инициативу “один пояс и один путь” – модель глобализации по-китайски, а не по-американски. *Болезненно переживая (самое позднее с 2003 года) свою неспособность осознавать глобальные последствия собственных действий, уже давно воссоздавших биполярную систему мировых отношений, Китай прилагает огромные усилия для глобального стратегического планирования, и у него начинает получаться.*

Бинарная атака США

Консолидация власти на XIX съезде ЦК КПК в 2017 году произошла в преддверии начавшейся уже в следующем году атаки США на Китай. Агрессия носила бинарный, двойственный характер: лобовой, привлекающий наибольшее внимание удар в виде развязывания торговых войн и систематического

---

* Данный конфликт удастся предотвратить, если США сами, добровольно и сознательно уступят Китаю лидерство в последней из всех сфер человеческой деятельности, в которой они ещё опережают его, – наиболее значимой для себя военной сфере, что крайне маловероятно.

нарушения со стороны США достигнутых договорённостей сопровождался разжиганием конфликта в Гонконге, призванным создать в руководстве Китая полномасштабный политический кризис.

В торговой агрессии наибольшее значение имеют требования США отменить привилегированное положение госсектора китайской экономики*. По сути, это требование изменить государственный строй Китая для снижения его конкурентоспособности. Логика предельно проста: поскольку социализм с китайской спецификой оказался намного эффективней американского финансового империализма, для победы над Китаем США должны заставить его отказаться от социализма как от своего главного конкурентного преимущества. Такой отказ снизит конкурентоспособность Китая и позволит США раздавить его, не нарушая собственных, уже привычных для китайцев и принятых ими правил.

Это прямое и явное требование очевидным образом невыполнимо, но оно создаёт в Китае серьёзный внутриполитический кризис, ибо прозападная часть китайской элиты уже с 2018 года ставит Си Цзиньпина в вину конфронтацию с США, не сознавая или, вполне вероятно, не желая сознавать её объективный характер.

Дополнительный инструмент обострения этого кризиса – Гонконг. Подписание его властями соглашения об автоматическом международном обмене финансовой информацией обрекло его на утрату функций глобального финансового центра, и беспорядки просто маскируют реальную причину этой крайне болезненной трансформации, которая даст о себе знать уже в ближайшем будущем.

Но главная задача этих беспорядков в другом: поставить Си Цзиньпина между “молотом” и “наковальней”.

С одной стороны, решительное наведение порядка на китайской территории (которой Гонконг является с 1997 года) вызовет жёсткую реакцию Запада, наносящую Китаю серьёзный социально-экономический ущерб. Кроме того, в Китае уже вызрел обширный слой финансового “офисного планктона” и ориентированного на него студенчества, в среде которого тоже наблюдается брожение. Даже несмотря на отсутствие западных соцсетей, не говоря уже о социальных платформах, это обеспечит недолгие, но крайне болезненные беспорядки как минимум в Пекине, Шанхае и некоторых иных мегаполисах, в первую очередь, на побережье. Прозападная часть китайской элиты не простит этого Си Цзиньпину, что может привести к лишению его власти, а значит – утрате Китаем стратегического управления в тот период глобального кризиса, когда оно особенно необходимо.

С другой стороны, терпеть продолжение хаоса – значит терять лицо (что особенно опасно в не терпящей этого китайской культуре), вызывая растущее негодование основной части китайского общества.

А беспорядки в Гонконге сами собой не рассосутся, и местные власти с ними, скорее всего, не справятся, ибо стратегический смысл этих беспорядков заключается в подрыве политической системы Китая и лишении его эффективного стратегического управления, созданного именно Си Цзиньпином и неразделимого с ним как с реальным вождём китайского народа.

Как отмечают специалисты, единственным выходом Китая из сложившегося стратегического пата является резкое “повышение ставок” путём воссоединения с Тайванем (в силу неизбежных эксцессов это позволит резко снизить политическое влияние военных, подобно войне 1979 года; кроме того, противостояние с США по поводу воссоединения с Тайванем предпочтительней прямого столкновения с ними в Южно-Китайском море, ожидаемого в 2020–2021 годах).

Воссоединение с Тайванем поставит Си Цзиньпина в один ряд с Дэн Сяопином, вернувшем Китаю Аомынь и Сянган (Гонконг), и завершит начатое Мао Цзэдуном дело возвращения китайских земель.

Масштаб этого деяния сделает невозможным внутрикитайскую критику Си Цзиньпина и даже внутриэлитную оппозицию ему: если конфронтация с Западом из-за наведения порядка в Гонконге представляется прозападной части

---

* Прежде всего, в части госпредприятий, непосредственно реализующих стратегию модернизации Китая, и в особенности участвующих в принятой в 2015 году программе “Сделано в Китае – 2025”. По оценкам американских экспертов, эта программа просто уничтожает американскую конкурентоспособность.

китайской элиты неприемлемой, то за воссоединение с Тайванем Си Цзиньпину простят в тысячу раз большие трудности, чем те, которые не простили бы в связи с Гонконгом.

Как отмечает ряд российских и китайских специалистов, без воссоединения с Тайванем и связанной с ним консолидацией общества и оздоровлением политической элиты Китая (глубокие структурные проблемы которого в их полноте мало осознаются не только в России), скорее всего, не выдержит постоянно и неравномерно нарастающего напряжения глобального противостояния с агрессивной и разнообразно атакующими его США (даже если кризис в Гонконге удастся купировать).

Однако решимости воспользоваться единственной стратегической возможностью у сегодняшней китайской элиты нет, и продолжающийся рост внутреннего напряжения может привести к лишению Китая жизненно необходимого ему в условиях глобального кризиса выдающегося руководителя и стратега.

Без воссоединения с Тайванем Китай не овладеет стратегической перспективой и глобальной инициативой, а Си Цзиньпин, скорее всего, не сохранит власть. Это вернёт Китай в дурную цикличность его истории, на преодоление которой направлена комплексная, тщательно выстроенная и многообразная стратегия Си Цзиньпина, и России придётся жить в условиях новой дестабилизации великого партнёра, на неуклонный прогресс которого мы уже привыкли полагаться.

Преобразование природы человека и “ловушка добропорядочности”

Плановый характер развития распространяется не только на экономическую, но и на социальную сферу, понимаемую в широком смысле этого слова. Так, в Китае принята программа улучшения качества питания людей (и в особенности детей) не просто для улучшения их здоровья, но для увеличения их роста, – и она уже приносит плоды: средний рост китайцев увеличился на несколько сантиметров. Стоит напомнить, что в Северной Корее и России 1990-х из-за плохого питания произошло, напротив, уменьшение среднего роста людей.

Китайское руководство сознаёт не только позитивные, но и негативные стороны китайской культуры. Великолепно используя способности нации к копированию и улучшению, оно прилагает колоссальные усилия для высвобождения творческого потенциала, подавляемого жёстким коллективизмом, естественным для исторически ирригационной культуры.

Для этого с начала нулевых годов XXI века и до самого последнего времени в Китай активно привлекались носители творческого начала с Запада во всех его проявлениях, которые энергично использовались как для обучения китайской молодёжи, так и для неявного изучения. Под неформальным лозунгом: “Воспитаем поколение гениев!” – преобразовывались программы школьного и внешкольного обучения, проводились разнообразные и разнонаправленные эксперименты.

Прорывной результат пока не достигнут, и нет уверенности, что он может быть достигнут в принципе, однако усилия прилагаются и, несмотря на искоренение нелегальной занятости иностранцев, энергично осуществляется с 2019 года, будут всё более разнообразно прилагаться и впредь.

Наиболее значимая программа преобразования человека, вызвавшая подлинную истерику на Западе, основана на глубокой цифровизации общества, отнюдь не сводящейся к искусственному интеллекту, уже несколько лет управляющему транспортным движением мегаполиса Ханчжоу.

Классики марксизма-ленинизма давно зафиксировали, что построение коммунизма требует коренного преобразования самой природы человека, и экономические успехи – лишь предпосылка к началу решения главной задачи человеческой цивилизации: созиданию нового общества на основе новой личности.

Понимание этого, несмотря на успешное развитие рыночных отношений и всячески выпячиваемую национальную специфику, хорошо просматривается уже в современной стратегии китайского руководства, всесторонне и тщательно изучившего советский опыт и на его основе убедившегося, что, достигнув

бытового комфорта, достаточного с точки зрения его субъективных представлений, человек коренным образом меняет свои общественные потребности, и, чтобы он не разрушил общество социальной справедливости, его самого надо преобразовать.

Информационные технологии наконец-то дали для этого практические возможности как раз тогда, когда Китай занял первое место в мире по числу представителей среднего класса, в 2015 году обогнав США (109 против 92 млн человек), и преодолел нищету (за 2010–2017 годы доля населения с доходами ниже прожиточного минимума снизилась с более чем 10% до 3% и продолжила снижение), а в 2020 году, по прогнозу Министерства финансов Китая, его средний класс должен достичь 700 млн человек – половины официально зарегистрированного населения страны.

И, чтобы обретший благосостояние человек не превратился в мещанина и не разрушил своё общество, под скучным наименованием “система социального кредита” энергично тестируется система автоматической и комплексной оценки поведения личности на основе всеобъемлющего и непрерывного мониторинга огромных массивов прямых и косвенных признаков, собираемых и обобщаемых в рамках технологий *BIG DATA*. Они позволяют организовать тотальное наблюдение за поведением людей, в рамках которого добросовестное и солидарное поведение эффективно поощряется многочисленными материальными и социальными льготами, а нарушение принятых норм и даже просто раздражение окружающих оборачивается весьма существенным поражением в социальных правах.

Вскоре после прихода к власти Си Цзиньпина, Госсовет КНР в 2014 году опубликовал “Программу создания системы социального кредита (2014–2020)”. Она предусматривала, что к концу 2020 года не только каждая компания, но и каждый житель материкового Китая будет отслеживаться и оцениваться этой системой в режиме реального времени. Рейтинг доверия физлиц будет привязан к внутреннему паспорту. Рейтинги будут публиковаться в централизованной базе данных в интернете в свободном доступе. Главной задачей прямо называлось создание в обществе атмосферы всеобщего доверия, чтобы “оправдавшие доверие пользовались всеми благами, а утратившие доверие не могли сделать ни шагу”.

В сентябре 2016 года правительство опубликовало перечень санкций для обладателей низкого социального рейтинга: запрет на работу в госучреждениях и занятие руководящих постов в пищевой и фармацевтической промышленности, отказ в социальном обеспечении, авиабилетах, спальнях мест в ночных поездах, местах в люксовых гостиницах и ресторанах, особо тщательный досмотр на таможне и запрет на обучение детей в дорогих частных школах.

В начале 2017 года система заработала в пилотном режиме более чем в 30 городах Китая и постепенно расширяется по всей стране (в Пекине применение начнётся в полном объёме, как ожидается, с 1 января 2021 года). Экспериментальное применение, как обычно происходит в Китае с внедрением разнообразных новшеств, позволило “малой кровью” выявить ряд ошибок (вызванных обычно чрезмерным рвением местных властей) и предостеречь от них всех, а также выработать компромиссы по неоднозначным вопросам или, что применялось значительно чаще, вывести их за рамки оцениваемого поведения*.

В октябре 2017 года на XIX съезде КПК Си Цзиньпин поставил задачу превратить Китай в “научную и технологическую сверхдержаву”. Первой задачей на этом пути для созданного Китаем искусственного интеллекта было названо обеспечение работы системы социального кредита. Для решения этой задачи до 2030 года на развитие искусственного интеллекта Китай направит минимум

---

* Так, невозможно однозначно оценить наличие домашних животных. С одной стороны, это проявление гуманизма, которое нужно приветствовать, с другой – проявление бессердечия к голодающим людям (которые могли бы получить питательные вещества, уходящие на содержание животных), и за него надо карать. Вторая позиция отнюдь не является преувеличением: так, известный актёр Ярмольник заявил, баллотировавшись в Мосгордуму в 2014 году, что озаботится проблемами бездомных людей только после того, как будут решены проблемы бездомных животных (правда, за это его с треском провалили даже избиратели одного из самых обеспеченных округов Москвы).

150 млрд долларов; ещё 1,5 трлн долларов пойдёт на компьютеризацию государства и превращение Китая не позднее 2025 года в первое в мире государство, комплексно управляемое на основе *BIG DATA*.

С 1 мая 2018 года санкции (как и ограничения для компаний с низким социальным рейтингом) вступили в силу в регионах, где применяется система социального кредита.

Государственный центр информации о социальном кредите к концу 2018 года собрал данные о 14 млн нарушений, совершённых гражданами Китая (без учёта руководящих сотрудников государства и партии, а также владельцев и топ-менеджеров бизнесов). Помимо просроченных кредитов, незаконной уличной торговли, жестокого обращения с родственниками, нарушениями считается вводящая в заблуждение реклама и бытовая грубость.

В результате к началу 2019 года почти 4 млн предприятий лишились права участвовать в госзакупках, аукционах на землю, работать на фондовом рынке и заниматься внешней торговлей. 17,5 млн человек не могут купить авиабилеты, 5,5 млн – билеты на скоростной поезд, 2 млн – отправлять детей в лучшие школы (в том числе частные), 0,8 млн – поступить в вузы.

Помимо этого, в 2019 году людям с низким социальным кредитом стали запрещать переводить деньги со смартфонов, приобретать страховые полисы за наличные, ограничивать их возможность на новое строительство, расширение или дорогостоящий ремонт жилья.

При этом их фамилии систематически публикуют на рекламных экранах на улицах, в кинотеатрах перед началом популярных кинофильмов, в других общественных местах, а также на рекламных экранах на улицах, где они попадают в поле зрения систем распознавания лиц: их показывают крупным и средним планом, чтобы окружающие видели этого человека и остерегались его или выражали своё возмущение его недобросовестностью.

Нет сомнения, что тотальные и при этом крайне эффективные “кнут и пряник” трансформируют национальный характер в течение менее чем одного поколения, однако последствия этого эксперимента ещё предстоит осмыслить, в том числе и самому китайскому руководству.

Пока очевидной внутренней ловушкой этой системы представляется неизбежное подавление прорывного творчества, которое по самой своей природе является нарушением существующих норм и правил, то есть недобропорядочным поведением, обманывающим чьё-то доверие и подрывающим общую атмосферу доверия, созидаемую в обществе. Таким образом, система социального кредита вступает в очевидное противоречие со стремлением руководства Китая привить китайскому обществу способность к продуцированию принципиально нового, необходимую в современных условиях.

Возможным выходом может стать традиционное для (исторического, а не только реформистского) Китая территориальное разделение, при котором из общей территории, контролируемой системами социального кредита, будут выделены районы экспериментального развития, в которых будет поощряться творчество и будет отменён контроль за повседневной добропорядочностью.

ВЛАДИМИР КУЗНЕЧЕВСКИЙ

“ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО” 1949–1953

Исторические уроки

Краткая справка. Во второй половине 1946 года первый (по официальной иерархии) заместитель Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Андрей Жданов (14.02.1896–31.08.1948) по собственной инициативе разработал не выходящую за рамки сталинской системы власти модель демократического устройства общественной жизни для послевоенного Советского Союза. Заручившись в личных беседах поддержкой своего непосредственного шефа, привлекая к разработке этого концепта председателя Госплана СССР, члена Политбюро ЦК, академика Николая Вознесенского (18.11.1903–01.10.1950), председателя Совета Министров РСФСР Михаила Родионова (1907–01.10.1950) и политическое руководство Ленинграда, в августе 1947 года Андрей Александрович официально представил И. Сталину текст, который он назвал проектом новой Программы ВКП(б). Подробно разработанный концепт предусматривал экономическое, социальное и политическое развитие советского общества вплоть до конца 1980-х годов и сопровождался проектом соответствующих изменений в Конституции СССР. Фактически в представленном документе речь шла о развитии советского общества в направлении строительства социального гражданского государства.

И. Сталин все эти предложения Жданова и Вознесенского внимательно прочитал, снабдил подробными письменными замечаниями и **отправил** их в свой личный секретный архив, категорически запретив знакомиться с этим документом кому бы то ни было.

КУЗНЕЧЕВСКИЙ Владимир Дмитриевич родился в 1939 году в г. Бодайбо. С отличием окончил философский и (факультативно) экономический факультеты МГУ им. М. В. Ломоносова. Профессор, доктор исторических наук. В 1970-е годы — научный сотрудник ИЭМСС АН СССР, первый секретарь 5-го Европейского отдела МИД СССР, первый секретарь посольства СССР в Югославии. В 1980–2006 годы — учёный секретарь Президиума АН СССР, заместитель главного редактора правительственной “Российской газеты”. Автор более 200 научных публикаций о политической истории России, Югославии, стран Восточной Европы. Опубликовано более двух десятков монографий об истории СССР и России в XX веке, Югославии, а также политических биографий Л. И. Брежнева, И. В. Сталина, В. В. Путина. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

После этого все авторы высказанных идей, кроме Жданова (умер от инфаркта в августе 1948 года), в октябре 1950 года специальным решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР были приговорены к “высшей мере социальной защиты (расстрелу)”, а их сторонники по всей стране в течение февраля 1949 – марта 1953 годов подвергнуты тотальным политическим репрессиям. Волевой категорический запрет И. Сталина осуществить на деле концепт Жданова-Вознесенского **сыграл судьбоносную роль в нашей истории.**

И только сейчас, спустя семь десятков лет, поступательное развитие Истории доказало, что разработки Жданова-Вознесенского гениально предвосхитили идею построения того нового социального государства, модель которого в ряде стран Старого Света и Канады выдвинула общественность этих стран во втором десятилетии XXI столетия.

Этот творческий подвиг до сих пор не оценён по достоинству ни историками, ни теоретиками общественности.

Судьбоносные эти события в истории нашей страны закрепились под условным шифром “Ленинградское дело”.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то, что в СССР, начиная с 1962 года, историкам начали открываться некоторые государственные архивы, а с 1991 года в эту сферу попали совершенно секретные партийные архивы КПСС, события, в той или иной степени связанные с “Ленинградским делом”, до сегодняшнего дня фактически пребывают в зоне умолчания. И это при том, что судебные и политические репрессии, связанные с ними, носили настолько масштабный характер, что их вполне можно охарактеризовать как **национальную трагедию**, поскольку речь идёт о массовых репрессиях в отношении управленческих слоев **русской нации**, тех её слоев, которые любим народом зарабатываются и выдвигаются вверх не одним-единственным поколением, а потом, в случае исчезновения, восстанавливаются (если вообще восстанавливаются) в течение очень длительного исторического времени.

При исследовании “Ленинградского дела” историк сталкивается с массой фактов, которые понуждают прийти к выводу, что этот феномен правильнее было бы обозначить не по имени города Октябрьской революции, а как “Русское дело”. Приведу один, но типичный в этом плане пример.

В самом начале двухтысячных годов, когда мои архивные “раскопки”, связанные с исследованиями материалов по “Ленинградскому делу”, уже подходили к концу, известный в России и за рубежом историк Константин Александрович Залесский поведал мне эпизод из истории своей семьи. Дед Залесского А. Ф. Щёголев долгие годы входил в номенклатуру ЦК ВКП(б) и работал в Совете Министров РСФСР. В самом начале 1950 года карьерный рост привёл его на должность министра лёгкой промышленности РСФСР. Ни о каком “Ленинградском деле” он и слыхом не слышал, и вдруг в середине года его вызывают в Управление кадров Совмина РСФСР и молча, без объяснений, вручают его трудовую книжку, где уже была сделана запись, которая сообщала о том, что он уволен по собственному желанию и, не сказав даже “до свидания”, отбирают пропуск в здание министерства. Сказать, что министр был потрясен происшедшим с ним, – ничего не сказать. В СССР в то время не было безработных, а тут – номенклатура ЦК ВКП(б) вдруг в буквальном смысле выпровожена на улицу без выходного пособия и предложения нового места работы.

Оказавшись в таком положении, Алексей Фёдорович принялся обходить своих друзей и знакомых в поисках работы, но всюду встречал отказ без каких-либо объяснений. А спустя какое-то время узнал, что он такой не один: увольнениям без объяснения причин были подвергнуты все его русские знакомые из числа начальствующего состава.

На работу экс-министру удалось устроиться только через год в глухом уголке Московской области инженером на мебельную фабрику. И лишь после смерти Сталина Алексей Фёдорович смог стать инспектором на ВДНХ. Только тогда он узнал, что пострадал по “Ленинградскому делу”, так как в 1950 году для кадровиков существовал строжайший негласный приказ – увольнять руководящих работников русской национальности.

Случай со Щёголевым не был исключением из правил. Историк Рой Александрович Медведев, автор многочисленных трудов по истории СССР, писал в 2006 году: “Почти все репрессии по “Ленинградскому делу” проводились по общему сценарию. Вначале выдвигались обвинения в разного рода хозяйственных нарушениях, мелких злоупотреблениях или даже личной нескромности. Обвинённого снимали с работы и исключали из партии. Вокруг него возникала зона отчуждения. Только через два-три месяца следовал арест с предъявлением политических обвинений”¹. Так что можно сказать, что министр лёгкой промышленности А. Ф. Щёголев ещё легко отделался.

Точного количества жертв, пострадавших в этих событиях, и сегодня назвать невозможно, оценочные же мнения сильно расходятся. Так, в Постановлении Президиума Верховного суда РФ от 17 декабря 1997 года зафиксировано, что только бывший министр госбезопасности СССР В. Абакумов и его подчинённые физически “расправились со 150 осуждёнными по “Ленинградскому делу”. Директор Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда Сергей Курносов подходит с более общих позиций и включает в счёт не только тех, кто был расстрелян и замучен на допросах, но и тех, кто был исключён из членов ВКП(б), лишён работы, выселен из жилья, отправлен в заключение. “В целом по стране, – говорит он, – было репрессировано более 10 000 человек”. Современные историки сообщают, что в одном Ленинграде было репрессировано более 2 000 человек из партийных, государственных, хозяйственных и военных структур и преподавателей вузов, а в целом по стране – более 32 000 человек”.

Практическая неисследованность этих событий вплоть до сегодняшнего дня объясняется несколькими причинами.

Во-первых, вследствие жёсткого, даже категоричного запрета Сталина на обнародование информации об этих событиях, к которому он прибег ещё в 1949 году и строго придерживался вплоть до своей смерти. Но не только.

Многолетняя работа по этой теме с литературой и источниками в российских государственных архивах и архивах стран Восточной Европы и Югославии (когда ещё существовала эта удивительная страна) со временем подвигла меня к выводу, что основной причиной этого табу в советской, российской и западной историографии послужило (повторюсь) то обстоятельство, что в ходе массовых политических репрессий, имевших место по этому поводу, масштабные жертвы понёс именно русский этнический элемент, а “русский вопрос” в истории Советской России всегда был, начиная с 25 октября 1917 года, мягко выражаясь, проблемной темой. Российские историки на протяжении всего XX века именно по этой причине избегали (и продолжают это делать по сей день) касаться этой темы: все понимали (и понимают), что это чревато опасностью для научной карьеры.

Русский “флёр” этого “Дела” отпугивает от него и западных, прежде всего, американских, историков: эти никогда не станут будить интерес к опасным для них (с геополитической точки зрения) событиям русской истории (по большому счёту ведь у англо-саксонского политического класса по обе стороны Атлантики, начиная с XVIII века, не было в мире более мощного конкурента и соперника, чем Россия. Похоже, так обещает быть и в XXI веке). Причину этого опасения очень точно, на мой взгляд, определил кандидат исторических наук Л. Решетников: “Запад, – написал он в 2013 году, – никогда не боялся большевистской идеологии, которую он сам и вскормил. Он не боялся диктатуры И. Сталина, пока речь шла о диктатуре руководителя ВКП(б). Но Запад и советская номенклатура всегда смертельно боялись возрождения исторической России”².

Бесхитростно и откровенно выразился на этот счёт выдающийся американский исследователь-аналитик, социальный философ Самюэль Хантингтон (1927–2008): “Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом, – написал он в 1993 году, – был конфликтом между идеологиями, которые, несмотря на все свои отличия, имели сходство: обе были современными, светскими и якобы ставили своей конечной целью достижение свободы, равенства и материального благополучия. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальные споры с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию

и начнут вести себя, как русские, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдалёнными и враждебными”³.

Одновременно с Хантингтоном к такому же выводу пришёл и учёный прямо противоположных мировоззренческих позиций, знаменитый американский историк и экономист британского происхождения Энтони Саттон (1925–2002). В целой серии своих написанных в США книг Саттон на основе анализа массивной документальной базы убедительно показал, что с начала XX века американским политическим классом надёжно управляют банкиры с Уолл-стрит. Именно они, считал он, взрастили большевистский режим в России, начиная с 1920 годов, и фашистский режим в Германии в 1930-е годы. В том, что касается России, Саттон считал, что американские финансовые воротилы “могли согласиться и на централизованную царскую Россию, и на централизованную марксистскую Россию, но никак не на децентрализованную свободную Россию”⁴.

Иное дело отечественная среда. Здесь речь идёт не только о замалчивании этих событий в историческом плане, но и об искажении их. Более того, складывается впечатление, что даже в наши дни и то, и другое носит явно направленный характер. Так, например, составители Большой Российской энциклопедии (БРЭ) из года в год в течение всех последних 30 лет названному выше явлению посвящают всего 13 строк без всяких при этом изменений (само собой разумеется, что в советский период, даже после 1953 года, не было и этого). Вот эти 13 строчек:

“Ленинградское дело” – это серия дел, сфабрикованных в конце 40-х – начале 50-х гг., по обвинению ряда видных партийных, советских и хозяйственных работников в измене Родине, намерении превратить Ленинградскую парторганизацию в опору для борьбы с ЦК и т. п. Н. А. Вознесенский, М. И. Родионов, А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин приговорены к расстрелу, остальные – к длительным срокам тюремного заключения. Одновременно был осуществлён массированный разгром Ленинградского партийно-административного руководства. В последующем все реабилитированы, большинство посмертно.” Всё.

Для главной российской энциклопедии сообщение крайне скупое. Но главное здесь даже не в краткости, а в неверной информации, которая предлагается пользователю.

Во-первых, как читатель сможет ниже убедиться сам, знакомясь с предлагаемыми ему в основном тексте архивными документами, расстреляно было в рамках “Ленинградского дела” совсем не шесть человек, как сообщает Большая российская энциклопедия, а в разы и разы больше. Только в одном хранящемся в президентском архиве официальном письме министра госбезопасности СССР Сталину от 23 марта 1950 года В. Абакумов просит разрешить применить к арестованным по этому “Делу” “изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам” в числе 85 человек ВМН (высшую меру наказания). Список открывается фамилией Н. А. Вознесенского. Абакумов докладывает Генсеку, что его просьбу полностью поддерживают “министр юстиции СССР тов. Горшенин, председатель Верховного суда СССР тов. Волин и генеральный прокурор СССР тов. Сафонов”. На письме наложена резолюция: “Согласен. И. Сталин”.

Личные архивы Генсека хранят не одно такое письмо Абакумова, в которых он просит разрешения применить ВМН и ко многим другим фигурантам по “Ленинградскому делу”.

Сознательно или нет, но главная российская энциклопедия вводит в заблуждение своих читателей и по поводу того, что “ленинградцы” были обвинены в судебном решении в “измене Родине”. Такую формулировку действительно предлагали использовать в проектах судебного решения Г. Маленков, Л. Берия и В. Абакумов. Но, как показывают архивные документы и мемуары современников тех лет, Генсек, получив эти предложения, грубо, в матерных выражениях, оборвал всех троих и приказал убрать из текста судебного решения эту клаузулу.

В конечном итоге, в Обвинительное заключение судебная коллегия во главе с генералом Матулевичем включила межеумочные, не говорящие ничего конкретного слова о том, что “по делу привлекаются к уголовной ответственности участники вражеской группы подрывников в партийном и советском аппарате”. Нет в тексте этого документа ничего и о том, в чём конкретно заключалась эта так называемая “подрывная работа”.

Причина, по которой энциклопедия вводит в заблуждение своих читателей, остаётся (пока) неизвестной, но объективно это “работает” на тезис некоторых современных историков, которые и сегодня продолжают стоять на позициях властей 1949–1953 годов: мол, “правильно расстреляли” “ленинградцев”.

Практически ничего не объясняет и предельно скупая фраза “все реабилитированы”. В государственных и партийных архивах мне удалось обнаружить только текст постановления Президиума ЦК КПСС от 29 марта 1954 года с поручением Прокуратуре СССР подготовить постановление о реабилитации лиц, проходивших по “Ленинградскому делу”, и коротенькое сообщение о том, что Военная коллегия Верховного Суда СССР 30 апреля 1954 года “приговор в отношении основных фигурантов “Ленинградского дела” отменила”, а сами эти лица “реабилитированы”. Это сообщение вызывает по меньшей мере недоумение. Во-первых, все решения партийных и государственных органов по “Ленинградскому делу” в послесталинский период и вся литература об этом событии, официальная, историческая и публицистическая, под “основными фигурантами” этого “дела” имеет в виду только тех шесть человек, которые 1 октября 1950 года были приговорены к расстрелу. А как быть в отношении сотен и тысяч тех фигурантов, которые остались за пределами этого приговора?

Остаётся неизвестным, почему до сегодняшнего дня в отношении реабилитации фигурантов “Ленинградского дела” советская власть и нынешняя российская отделяются лишь общими политическими заявлениями о том, что реабилитации жертв вполне достаточно, чтобы не возвращаться более к этому историческому белому пятну. Но при этом ни до 1991 года, ни позже власти по какой-то причине избегают отдать распоряжение о профессиональном исследовании этого “Дела”. Почему? В 2011 году к. и. н. Амосова А. А. на страницах журнала “Новейшая история России” пришла к выводу, что формальному исследованию в отношении жертв этого события препятствовал Н. Хрущёв, чтобы “скрыть своё участие в этом процессе”. Мои собственные “раскопки” в архивах подтверждают этот вывод: у Хрущёва были основания для такого поведения.

Единственным человеком, которому после смерти Сталина удалось не только поработать с архивными документами “Ленинградского дела” в читальном зале КГБ СССР в советское время, но и побеседовать с ответственными сотрудниками Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, которым при Хрущёве была поручена работа по пересмотру ряда сталинских политических процессов, в том числе и “Ленинградского дела”, до сегодняшнего дня остаётся Л. А. Вознесенский – сын расстрелянного в 1950 году Александра Алексеевича Вознесенского, выдающегося государственного деятеля России, министра образования РСФСР, ректора Ленинградского государственного университета, родного брата Николая Вознесенского. В неоднократных личных беседах Лев Александрович рассказывал автору настоящей работы о содержании хранящихся в архивах документов и подробностях “Ленинградского дела”.

Из упомянутых бесед и в результате моей собственной работы в архивах удалось выяснить, что часть архивных документов, относящихся к “Ленинградскому делу”, была изъята из фондов Г. Маленковым, а часть уничтожена направленной в архивы командой, сформированной Н. Хрущёвым, который целенаправленно заметал свои следы в репрессиях 30-х годов и в “Ленинградском деле”. Особенную в этом плане активность Н. Хрущёв проявил весной 1953 года, когда перед Никитой Сергеевичем замаячила перспектива стать первым лицом не только в партии, но и в государстве. Последнее означало, что надо скрыть даже намёк на его участие в расстрельных делах не только в 30-е годы, но, прежде всего, в “Ленинградском деле”, потому что это произошло совсем недавно и оставшиеся в живых русские члены ЦК могли ему лично предъявить претензии за репрессии руководящих кадров РСФСР. Поэтому Н. Хрущёв даёт задание своему клевету, генералу И. А. Серову, подготовить справку по “Ленинградскому делу”. Тот, будучи обязан Н. Хрущёву своим назначением (после смерти Сталина) на должность председателя КГБ СССР, в ходе подготовки этого отчёта вычистил все следы участия Никиты Сергеевича в “Ленинградском деле”, но сделал это очень аккуратно. В справке, которую он 10 декабря 1953 года вместе с министром МВД С. Кругловым представил Н. Хрущёву, упор был сделан на то, что Г. Маленков после смерти Сталина изъял из этого архива 36 листов и не вернул их

(см.: “Политбюро и дело Берия: Сб. док. / под общ. ред. О. Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2012. С. 10, 23), а сама справка говорила не об основных фигурантах дела, а об их дальних и близких родственниках. “Разобравшись с лицами, осуждёнными по “Ленинградскому делу”, – докладывали первому секретарю ЦК КПСС министр МВД и его заместитель, – Министерство внутренних дел СССР считает целесообразным пересмотреть архивно-следственные дела на родственников осуждённых для вынесения заключений об отмене решений Военной Коллегии и быв. Особого Совещания МГБ, так как на абсолютное большинство из них не имеется серьёзных оснований для привлечения к уголовной ответственности или высылке в дальние районы страны (очень аккуратно пишет Серов: дескать, серьёзных оснований для высылки не было, а вообще-то основания были. – **Вл. К.**). Так, например, – продолжает И. А. Серов, – осуждены Особым Совещанием МГБ на 5 лет ссылки мать бывшего секретаря Ленинградского обкома партии Бадаева в возрасте 67 лет и две его сестры, проживавшие самостоятельно. Осуждены в ссылку: отец бывшего секретаря Ленинградского горисполкома Бубнова в возрасте 72 лет, мать 66 лет, два брата и две сестры. У бывшей заведующей Отделом комсомольских и профсоюзных органов Ленинградского обкома Закржевской осуждены Особым Совещанием в ссылку три сестры и дочь одной из сестёр – Балашова Таисия в возрасте 20 лет. У бывшего секретаря Ленинградского горкома Лёвина осуждены на разные сроки лагерей и ссылки мать, жена и три брата. Причём все братья значительно старше Лёвина, а одному из них 60 лет. У бывшего заместителя председателя Ленгорисполкома Галкина, кроме его жены, осуждены брат с женой и сестра на 5 лет ссылки каждый и дочь брата на 3 года ссылки.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что Особое Совещание МГБ без законных оснований, только по родственным признакам, в том числе и дальним, осудило на различные сроки содержания в тюрьмах и лагерях, а также в ссылку, большую группу лиц. В связи с изложенным Министерством внутренних дел СССР будут все следственные дела на эту группу осуждённых пересмотрены и с заключениями направлены Генеральному прокурору СССР с просьбой опротестовать в установленном законом порядке перед Верховным судом СССР и отменить решения военной коллегии и Особого Совещания МГБ по лицам, незаконно осуждённым. Вся эта работа будет выполнена в месячный срок. О результатах будет Вам доложено дополнительно” (ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 63-64).

Проведённая И. Серовым операция позволила Н. Хрущёву в 1957 году на Пленуме ЦК, который отстранил Г. Маленкова от всех должностей в верховной власти СССР, обвинить последнего в том, что именно он организовал “Ленинградское дело”. Г. Маленков на этом Пленуме ЦК попытался было пристегнуть Хрущёва к участию в репрессиях в отношении руководства РСФСР, но у него это не получилось: как следует из неправленной стенограммы Пленума, Никита Сергеевич прервал Маленкова и уверенно заявил, что его, Хрущёва, следов в “Ленинградском деле” нет. На что Г. Маленков, зная о проведённой И. Серовым работе в архивах в 1953 году, с сарказмом бросил фразу: “Ну, конечно, ты у нас, Никита Сергеевич, как всегда чист” (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 63-64). В советское время в последний раз “Ленинградское дело” было рассмотрено 5 марта 1988 года. В заключении Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС отмечено: “Вопрос о преступной роли Г. М. Маленкова в организации так называемого “Ленинградского дела” был поставлен после июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. Однако Г. М. Маленков, заметая следы преступлений, почти полностью уничтожил документы, относящиеся к “Ленинградскому делу”. Подвергнутый в ходе этого рассмотрения допросу бывший заведующий Секретариатом Маленкова А. М. Петроковский рассказал, что в 1957 г. он произвёл опись документов, изъятых из сейфа помощника Маленкова Д. Суханова. Как оказалось, Г. Маленков хранил в сейфе специальную папку с надписью “Ленинградское дело”. В ней находились объяснения первого секретаря (с 1949 г.) Ленинградского обкома В. М. Андрианова, подготовительные материалы выступления Маленкова в Ленинграде на партактиве по “Ленинградскому делу”, проекты постановлений Политбюро ЦК об исключении из членов ЦК ВКП(б) Н. Вознесенского и других. В 1957 г., перед осуждением “антипартийной группы Маленкова, Молотова и др.”, Г. Маленков

многие материалы из этой папки брал домой (в папке сохранились записи о номерах изъятых листов), но когда в КПК при ЦК КПСС ему было предъявлено требование вернуть взятое, Г. Маленков заявил, что он эти листы уничтожил как личные документы” (Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 133-134).

Как писал в 2013 году С. Ю. Рыбас, “в историческом плане “Ленинградское дело” продолжается до сей поры в силу ряда обстоятельств”. Обстоятельства эти заключаются, в том числе, и в том, что немалое количество современных отечественных экспертов склонны усматривать причины нынешних экономических неудач правительства в недостаточном уровне профессионализма управленческого звена на всех уровнях, а это последнее часто связывают с вымыванием кадров из сферы управления в ходе либеральной революции 1990-х годов. Не стану оспаривать этот тезис, но не могу не высказать своего убеждения в том, что вымывание таких кадров в массовом порядке произошло не только в ходе либеральной революции, но гораздо раньше, в последние годы жизни Сталина.

Цитированный выше Святослав Рыбас имел, как представляется мне, основания заметить: “А что было бы в случае прихода к власти “ленинградцев”? Тогда судьба СССР была бы иной. Думается, он избежал бы краха” (Рыбас С. Ю. Московские против питерских: “Ленинградское дело” Сталина. М.: Алгоритм. 2013. С. 209-210).

Фактически солидарен с Рыбасом в этом и автор фундаментального труда о положении евреев в СССР, доктор исторических наук Г. Костырченко: “Это тем более печально, что “ленинградская” политическая ветвь, питаемая соками робко возрождавшегося после войны российского самосознания и так безжалостно обрубленная с древа национальной государственности, могла бы в перспективе стать для страны весьма плодотворной. Правда, реализация ждановской идеи возрождения государственности России чревата была распадом империи, чего, впрочем, так и не удалось избежать. Спровоцировав, таким образом, в грозные предвоенные и военные годы рост русского самосознания и прагматично использовав его, в том числе и в интересах сохранения собственной власти, И. Сталин из страха перед возможной перспективой выхода этого самосознания за рамки дозволенного безжалостно его растоптал” (Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. – Изд. 2-е, доп. М.: Международные отношения, 2003. С. 289).

Представленный в настоящей публикации материал (архивные документы, их анализ и мои собственные размышления на этот счёт) показывает, как официальный заместитель Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов с 1932-го по август 1948 года проделал огромную позитивную работу, настойчиво и целеустремлённо, в буквальном смысле в ручном режиме, поштучно, отбирал и выдвигал в верхние этажи власти талантливых русских управленцев, которые свою главную задачу видели в существенном улучшении материального положения населения РСФСР, то есть собственно России. Но после смерти Жданова в августе 1948 года почти все эти выдвиженцы были уничтожены, и это обстоятельство существенно задержало историческое развитие России.

И последнее. По очередности, но отнюдь не по значимости.

После многолетней работы над анализом всех доступных на сегодняшний день материалов, имеющих отношение к “Ленинградскому делу”, невозможно не прийти к выводу, что вся сознательная политическая деятельность Генсека после 30 декабря 1922 года закономерно привела его к совершению предпринятых им в 1949-м – 1953 годах репрессиям по отношению к управленческим кадрам русского происхождения. Речь при этом идёт совсем не о русофобии Иосифа Джугашвили.

Как сегодня стало доподлинно известно историкам, Иосиф Джугашвили-Сталин был избран Генеральным секретарём ЦК РКП(б) (а фактически – волевым порядком назначен Лениным), то есть поставлен во главе большевистской политической партии 3 апреля 1922 года на Пленуме ЦК РКП(б), для вполне определённой цели. Ленин путём личных секретных переговоров с Каменевым, который этот Пленум готовил, настоял на назначении И. Сталина Генеральным секретарём ЦК во имя только одной-единственной, но главной цели своей жизни – ради создания Советского Союза, образование которого должно было, по мысли вождя большевизма, на веки вечные покончить с существованием Российской империи.

В протоколе Пленума ЦК хранится записка, написанная рукой Ленина, вдребезги разбивающая позднейшие домыслы о том, что вождь-де, выдвигая Сталина на должность Генсека ЦК, придавал этой должности сугубо техническое значение. Нет, Ленин с присущей ему гениальной прозорливостью отдавал себе самому отчёт в том, что из всего его окружения сохранить Советский Союз после его смерти может только Сталин и никто другой. В тексте личной записки Ленина, написанной карандашом его собственной рукой, о которой было известно только Каменеву, было написано: “Принять следующее предложение Ленина: ... Тов. Сталина поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях.

ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкринина с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобождён от работы в РКК...”⁵.

Иосиф Джугашвили-Сталин до самого конца своей жизни твёрдо и неуклонно выполнял данное ему Лениным поручение и жёстко карал тех, кто покушался (или мог покушаться) на разрушение СССР.

Это ведь Сталин 7 ноября 1937 года в очень узком кругу единомышленников грозно заявил:

*“Каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только бы нанесла ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто попытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он – враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью... беспощадно будем уничтожать”*⁶.

Сильно забегая в нашем повествовании вперёд, можно сказать, что, расправляясь в 1949–1953 годах с, условно говоря, “ленинградцами”, Сталин в буквальном смысле именно так и поступил с ними и их семьями.

Весь нижеприведённый текст представляет собой материал, подтверждающий этот вывод.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Исторические предпосылки “Ленинградского дела”

За весь период существования советской власти на территории бывшей Российской империи у безраздельно правящей в стране большевистской политической партии было всего три секретаря ЦК по вопросам идеологии: Николай Бухарин, Андрей Жданов и Михаил Суслев. Не считая, разумеется, Ленина, который до самого конца никому не доверял руководства идеологической работой, а потом и Сталина, который действовал в точном соответствии с поведением своего Учителя.

Михаил Андреевич Суслев (1902–1982) – фигура в этом ряду хоть и уникальная (только он соединил в своём лице идеологический стержень политической системы от Сталина до Горбачёва в фактически неизменном виде), но в рассматриваемом нами событии он сколько-нибудь значимой роли не играл и потому рассматривать его деятельность в настоящей публикации смысла нет.

Примерно то же самое можно сказать и о Н. И. Бухарине (1888–1938), но поскольку он формально начинал этот ряд и сыграл заметную роль в корректировке идеологической линии РКП(б) в 1920-х – начале 1930-х годов, обойти его невозможно.

Николая Ивановича на идеологическую стезю сподобил сам основатель большевистской партии. И сделал это ещё в декабре 1912 года, когда направил из Кракова в Вену никому не известного “чудесного грузина” Иосифа Джугашвили с целью написания статьи на тему “Марксизм и национальный вопрос”, а в помощь ему определил Бухарина, которого на закате своей земной жизни, в январе 1923 года, назовёт “превосходно образованным марксистом-экономистом”, “крупнейшим и ценнейшим теоретиком партии”. В 1915 году этот идеолог большевизма опубликовал книгу “Мировое хозяйство и империализм”, предисловие к которой напишет сам вождь, и вплотную включится в разработку идеологии большевизма.

До середины тридцатых годов Бухарин создаст целую серию работ, разъясняющих и оправдывающих целесообразность существования однопартийности в политической системе Советской России, и станет активно разрабатывать завещанную Лениным линию интернационализма в идеологии правящей партии, согласно которой главной опасностью в построении социалистического общества в СССР является великорусский шовинизм.

С этой целью Николай Иванович, будучи с 1924-го по 1929 год членом Политбюро ЦК ВКП(б) и личным ближайшим другом Сталина, а в 1934–1937 годах – главным редактором газет “Правда” и “Известия” и членом Президиума Коминтерна, сделал огромное количество докладов на партконференциях и съездах, опубликовал сотни передовиц и статей, написал полдесятка соответствующих книг.

Но с конца двадцатых годов Сталин пришёл к выводу, что курс Ленина на неизбежную победу мировой революции обстановка не подтверждает, и начал разрабатывать тезис о победе социалистической революции в одной отдельно взятой стране, а именно – в России. На деле это потребовало целого ряда изменений во внутреннем политическом курсе – нового подхода к истории, ужесточения внутренней политической системы и форм политической борьбы со своими противниками, совершенно иного подхода к деятельности Коминтерна (акцентирование работы зарубежных компартий не на разжигании революций в капстранах, а на поддержке за рубежом социалистических завоеваний в СССР) и т. д.

Бухарин этих новаций то ли не понял, то ли не захотел принять и перешёл в оппозицию к Генеральному секретарю ЦК РКП(б), и с этого момента потерял все руководящие политические должности в партии и в ИККИ.

С момента утери Бухариным доверия со стороны Сталина должность секретаря ЦК РКП(б) по идеологии в правящей партии фактически становится вакантной. И это в условиях, когда политическая и национальная гомогенность в стране, созданной 30 декабря 1922 года, находилась ещё только в стадии формирования.

Наиболее рельефно эта ситуация проявилась в ситуации с созданием новой исторической науки. Среди различных идеологических течений в этом аспекте господствующей, в силу личной поддержки Лениным, была историческая школа академика М. Н. Покровского (1868–1932), которая исходила из того, что надо отбросить прочь всю существовавшую до 1917 года русскую историческую науку, базирующуюся на трудах Соловьёва, Чичерина, Платонова, Ключевского и т. д., которые в основу своих учений помещали историю русской нации и русского национального государства. Весь этот контент Михаил Николаевич объявил “контрреволюционным, буржуазным и мелкобуржуазным” и предложил начать создавать “научную историю народов СССР, основанную на классовых принципах”. Ленин энергично поддержал его в этом деле тёплым личным письмом⁷.

До самого своего ухода из жизни в 1932 году Покровский боролся за то, чтобы новый теоретический контент исключал даже всякое упоминание слов “Россия, русский, великоросс”. Так, в августе 1928 года, когда он задумал созвать Всесоюзную конференцию историков-марксистов, то поначалу, надо полагать, по инерции включил в план работы секцию “История России”. Но через три месяца спохватился и переименовал секцию “История народов СССР”, объяснив свой поступок так: “От одной из устаревших рубрик нас избавил коммунистический стыд. Мы поняли – чуть-чуть поздно, – что термин “русская история” есть контрреволюционный термин, одного издания с трёхцветным флагом и “единой неделимой”⁸. Чуть позже объяснил эту свою позицию подробнее. Когда председатель ЦИК Грузинской ССР Филипп Махарадзе (1868–1941), известный по конфликту со Сталиным в 1922 году в вопросе становления федеративного устройства СССР, имел неосторожность высказаться о положительных исторических взаимоотношениях Грузии и России, это так возбудило Покровского, что он на Всесоюзной конференции историков-марксистов тут же взял слово и произнёс: “Великорусский шовинизм есть опасность много большая, чем это могут себе представить некоторые представители нацменьшинств. Ещё раз повторяю: я считаю, что т. Махарадзе относится к нам, русским, слишком снисходительно. В прошлом мы, русские, – а я великоросс самый чистокровный, какой только может быть, – в прошлом мы, русские, величайшие грабители, каких только можно себе

представить”⁹. До самого своего земного предела академик Покровский не устал настаивать, что “великодержавный русский шовинизм на данном этапе является главной опасностью”, что “историческое государство Россия... — это тюрьма народов”, призывал постоянно помнить о том, что “Ленин говорил: есть вещь, которая выше национального самоопределения, эта вещь — социализм”¹⁰.

Правда, одновременно с этим М. Н. Покровский последовательно боролся и против сепаратистских инициатив украинских историков¹¹.

Н. Бухарин в качестве секретаря ЦК по вопросам идеологии решительно поддерживал историческую школу Покровского до самой смерти академика. У Сталина положение было много сложнее. В 1920-е годы он был вынужден принять все продиктованные ему Лениным условия в вопросах национальной политики (по сути русофобские) и при этом постоянно талдычить вплоть до 1930 года, что “решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первоочередной задачей нашей партии”, так как “великорусский шовинизм отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии” (Политический отчёт ЦК XVI съезду ВКП(б))¹².

Между тем осуществление на практике академиком Покровским ленинского принципа размыывания государствообразующей роли русского народа, сопровождаемое оголтелой политической кампанией в прессе союзных республик с призывами покончить с великорусским великодержавным шовинизмом, с требованиями “калёным железом выжечь колонизаторское наследие русского царизма”, якобы всё ещё живучее и присутствующее в поведении русских коммунистов, вело к тому, что к 1932 году стала расплываться по национальным швам вся политическая организация советского общества. Пристально контролируемый из Москвы коммунистический партийный аппарат своей политической и идеологической деятельностью, конечно, жёстко скреплял обручи советского политического организма по всей стране, но достаточной социальной прочности он всё же не обеспечивал, то тут, то там постоянно возникали очаги политического недовольства политикой Москвы в национальном вопросе. Генсека это сильно беспокоило, так как под вопрос вставало существование самого ленинского творения — Советского Союза. Спасать надо было государство, да и свою собственную политическую власть в нём.

Следует учесть и то, что Сталин в эти годы жил под гнётом полной уверенности, что империалистический Запад вынашивает мысль о скором падении на “первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян”. Дать отпор такому нападению можно было только при условии сохранения крепкого социального единства советского общества. А какая социальная и национальная сила могла такое единство обеспечить? Уж, конечно, не грузины или ориентированные на Австрию галицийские украинцы, которым Ленин “подарил” целую союзную республику. Это мог обеспечить только русский национальный элемент, доля которого в общем составе населения СССР составляла около 70%. Но для того, чтобы русские такую роль на себя приняли осознанно, им нужно было сообщить, что именно они-то и являются ведущей социальной силой советского общества.

И Генсек к концу 1920-х годов принимает решение начать разворачивать идеологическую лодку в эту сторону. Начал он этот процесс с фактического устранения Бухарина от политики, а потом дело дошло и до исторической школы Покровского.

27 декабря 1929 года Сталин выступает на конференции аграрников-марксистов и ставит вопрос о “разрыве между практическими успехами и развитием теоретической мысли”. Этот упрёк в адрес исторической школы Покровского, заключающийся в том, что предлагаемая ею теория перестаёт отвечать нуждам практического строительства социалистического государства, никто не заметил, включая и самого Покровского. Но Сталин не успокаивается на этом и в октябре 1931 года пишет письмо “О некоторых вопросах истории большевизма”, которое публикуют все московские партийные идеологические журналы (“Большевик”, “Пролетарская революция”, “Коммунистическое просвещение”, “Борьба классов”).

Сталин начинает понимать, что в этих очень сложных внутренних и внешних обстоятельствах профессиональной идеологической работой должен заниматься специально выделенный секретарь ЦК. Но это был вопрос крайне

деликатный. Опыт Бухарина показывал, что эту должность мог занимать только такой человек, которому Сталин мог бы полностью доверять в личном плане. Таким человеком в этот период был только руководитель Ленинградской партийной организации С. М. Киров. Ему Генсек и предложил должность секретаря ЦК по вопросам идеологии.

Протоколнуть в Политбюро решение о введении в номенклатуру должности ещё одного секретаря ЦК труда не составило, но Киров категорически отказался переезжать из Ленинграда в Москву и уж тем более заниматься вопросами идеологии: “Ну, какой же из меня историк?!” – заявил он Сталину.

Как пишет биограф Жданова Алексей Волынец, формально Киров отказался от заманчивого предложения потому, что ему якобы очень уж хотелось “вместе с ленинградскими товарищами успешно завершить вторую пятилетку”. На мой взгляд, причины были более обстоятельными. Обладая огромным опытом партийной и государственной деятельности, в том числе и на подпольной стезе, Киров давно уже понял, что интерес к идеологической работе у него просто-напросто отсутствует. Будучи человеком умным, он это осознавал и предвидел своё грядущее фиаско на этом поприще. Ну и, кроме того, Мироныч, как его называли в партийных кругах, был большим любителем жизненных удовольствий, в частности, женщин. В Питере он этими удовольствиями пользовался бесконтрольно (за что и поплатился, в конце концов, когда прозвучал выстрел Николаева), а переехав в Москву, был бы вынужден сильно сократить свои похождения. Так это было или как-то иначе, но в ночь с 10 на 11 февраля 1934 года в результате очень долгого разговора Кирова со Сталиным на квартире последнего ими был найден компромисс: Мироныч согласился стать новым секретарём ЦК, но только как формально отвечающий за идеологию. Вся же черновая работа на этом поприще должна быть возложена на ещё одного секретаря ЦК, который будет находиться в Москве, на личной связи с Кировым и Сталиным. Сам же Мироныч остаётся “на хозяйстве” в Ленинграде.

В осуществление этого соглашения в январе 1934 года Киров стал секретарём ЦК и членом Политбюро. Одновременно с этим Сталин начал поиск заместителя Кирова с дислокацией в Кремле. Выбор пал на секретаря губкома РКП(б) Нижегородчины.

2. Жданов сдает политический экзамен

Сталин обратил внимание именно на нижегородского партийного секретаря совсем не случайно и уж тем более не спонтанно, как пишет биограф Жданова Алексей Волынец. Помог совет “всероссийского старосты” – председателя ЦИК М. И. Калинина.

А. Н. Волынец, автор первой за многие годы фундаментальной биографии А. А. Жданова, отмечает, что ещё в 1920-е годы, работая в Тверской партийной организации, 25-летний перспективный партийный активист Андрей Жданов привлёк внимание председателя ВЦИК, тверского уроженца М. И. Калинина. Именно с подачи “всероссийского старосты” в 1922 году управление кадров ЦК РКП(б) направило председателя губисполкома Твери, члена губкома РКП(б) и члена ВЦИК Жданова Андрея Александровича для работы в пролетарский район Сормово в Нижний Новгород заведующим Агитпропотделом и членом бюро Нижегородского губкома. Таким образом внук сельского священника по отцовской линии и профессора богословия по материнской, сын дворянина, надворного советника, инспектора народных училищ с самого начала своей политической жизни был по воле кадровиков ЦК партии “повенчан” с пропагандистской профессией, на какой он и пребывал до смертного своего часа. Политические семинары, партийные дискуссии, лекции по внешней политике, непосредственные рабочие контакты с огромным количеством активистов социалистического строительства в период коллективизации и индустриализации стали его повседневной жизнью.

Внимательно отслеживая борьбу за власть в верхах партии, молодой партийный работник сразу же начал “правильно” ориентироваться на группировку Сталина в борьбе того с Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным. И потому уже через два года после приезда на Нижегородчину, летом 1924 года он становится руководителем Нижегородского губкома, а в декабре 1925-го избирается кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Нижегородский край в эти годы оказался на самом острие индустриализации и, как следствие, на пике рабочих забастовок, масштаб которых стал угрожать индустриализации страны. Стремясь глубоко разобраться в этой опасности, ЦК в 1926 году посылает в Нижний Новгород партийную комиссию, во главу которой был поставлен инструктор Организационно-распределительного отдела ЦК Георгий Маленков.

Молодой (24 года от роду) партаппаратчик из Кремля воспринял своё задание как шанс привлечь к самому себе внимание Генсека, а для этого надо было максимально дискредитировать работу первого секретаря губкома, показать его неумелость и непрофессионализм. Маленков, что называется, «рыл землю», чтобы доказать это.

Как пишет А. Н. Волынец, в документе, исполненном Маленковым и представленном в ЦК, ситуация с настроениями пролетариата в Нижнем Новгороде выглядела удручающе. По мнению руководителя парткомиссии ЦК, крайком не принимал никаких мер по привлечению низового актива к пропаганде политики партии, основная масса членов партии не посещала даже партийных собраний, не участвовала в общественной жизни и не платила членских взносов. Маленков отметил также большое количество растрат, краж и особенно пьянство¹³.

Молодой инструктор Орграспреда ЦК, по-видимому, рассчитывал, что после его доклада в ЦК 30-летний секретарь Нижегородского губкома будет снят с должности. 12 сентября 1926 года Жданова действительно вызвали с объяснениями на заседание Оргбюро ЦК. Заседание вёл Сталин, и выяснилось, что его заботило совсем не то, на что делал упор Маленков: не игнорирование членами партии собраний и не плохая уплата членских взносов. Стенограмма заседания Оргбюро показывает, что Генсека волновал ход индустриализации, и потому вопросы, которые он задавал, касались, прежде всего, действительных причин забастовок, конфликтов по вопросам зарплаты, столкновений между квалифицированными и неквалифицированными рабочими.

К удивлению Сталина, Жданов держался спокойно, на вопросы отвечал вдумчиво и, что самое главное, по делу. Вопрос повышения зарплаты и той, и другой группе рабочих **ставить**, конечно, необходимо, отвечал секретарь Нижегородского губкома, но только **ставить**, чтобы снять напряжение, а вот **обещать ничего не надо**: средств-то всё равно нет. «Товарищ Сталин, — сказал Жданов, обращаясь лично к Генсеку, — бузят-то больше квалифицированные рабочие. Они являются наиболее требовательным элементом. Они поднимают вопрос, чтобы ещё больше сделать разницу, а неквалифицированные боятся, как бы этого не произошло. . . Мы считаем, что эту разницу между квалифицированными и неквалифицированными нужно оставить. Во всяком случае, не давать квалифицированным уйти вперёд»¹⁴.

Сталину очень понравились не только компетентность руководителя края, но и сама манера держаться на высоком партийном суде. А несколько косвенных вопросов Жданову и ответы на них показали Генсеку, что секретарь Нижегородского губкома надёжно контролирует обстановку в большом и сложном регионе центральной России.

В итоге Маленков потерпел аппаратное поражение, и в нём навсегда задела неприязнь к Жданову, а Сталин в 1926 году «положил глаз» на секретаря Нижегородского губкома и уже больше не сводил с него взора. С этого момента Жданов стал набирать политический и общественный вес, а Нижегородский край стал лидером индустриализации в СССР.

В начале 1934 года, через месяц после XVII съезда партии Жданова назначают секретарём ЦК и на него тут же «навешивают» едва ли не все вакансии в ЦК: он стал курировать сельскохозяйственный отдел, планово-финансово-торговый, политико-административный, руководящих парторганов, управления делами, а потом ещё и агитации и пропаганды. Фактически же по всем этим обязанностям Жданов становится неофициальным помощником Сталина. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1934 году Жданов провёл в кабинете Генсека 278 часов. Больше него со Сталиным в том году работали только Молотов и Каганович.

Но при этом Сталину был нужен в Кремле не просто партийный функционер с выдающимися организационными способностями, который был бы психологически совместим с Кировым и самим Генсеком, но ещё и, по вполне понятным причинам, этнически русский секретарь ЦК. Жданов таким человеком

и стал. Генсек почти безоговорочно стал доверять Жданову (ни до, ни после он уже ни к кому, кроме Кирова, не относился с таким доверием).

С приходом Жданова в Кремль Сталин начал, наконец, прямую борьбу с идеологическим наследием Ленина в сфере исторической науки. Сын Андрея Александровича в своих мемуарах вспоминает, что в августе 1934 года на даче Сталина в Мацесте вождь, Киров и Жданов “много говорили о Покровском и покровщине”, естественно, в сугубо критическом ключе. Именно в этой связи 8 августа 1934 года родились здесь два документа, которые “стали ключевыми директивами, во многом определившими официальную идеологию той эпохи”, – подписанные Сталиным, Ждановым и Кировым “Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР” и “Замечания о конспекте учебника новой истории”. Биограф Жданова справедливо замечает: “Эти тезисы во многом, даже в отдельных деталях хронологии и формулировках, предопределили советскую историческую науку и после завершения сталинской эпохи”. Проводить эти тезисы в жизнь Сталин поручает Жданову.

В первый же год работы Жданова в Кремле Сталин сразу и резко приближает нового секретаря ЦК к себе, приглашает его на застолья в своей кремлёвской квартире, а летом 1934 года – на свою дачу в Сочи. И потом в качестве политического теста на выживаемость поручает ему и совсем уж крайне деликатное дело: руководство Первым Всесоюзным съездом советских писателей, проводимым по личной просьбе Сталина М. Горьким. Это был экзамен на соответствие нового секретаря ЦК на идеологическую пригодность. Жданов этот экзамен выдержал. Его каждодневные вечерние доклады Сталину о том, как идут дела на съезде, как ведёт себя в процессе прений М. Горький, как выглядят в своих выступлениях и в кулуарах съезда Бухарин, Радек и другие, вождя полностью удовлетворяли. По окончании этого двухнедельного действия Жданов становится идейно и по-человечески (а две эти ипостаси Сталин никогда не разделял) окончательно близок к вождю. Судя по всему, Жданов понял: можно было спокойно приступать к созданию вокруг себя собственного кадрового окружения, что он и сделал.

Но в этом же 1934 году положение Жданова круто изменяется. 1 декабря в коридоре Смольного в Ленинграде выстрелом в затылок некто Николаев убивает Кирова, а Сталин ставит на Ленинградскую партийную организацию помощника Кирова в Москве Жданова. Андрей Александрович сохраняет за собой пост секретаря ЦК, но в Москве теперь, вплоть до 1945 года, бывает только наездами.

3. Кадровая революция нижегородского секретаря

Сегодня, к сожалению, можно только гадать о том, сознательно Жданов с приходом в Кремль начал выдвигать в руководящее звено партии и государства этнически русские кадры или это были интуитивные, основанные на проявлении национального самосознания действия, к которым его подтолкнул сам Сталин своим “коренным поворотом” в национальном вопросе прочь от ленинских интенций и исторической школы Покровского. Документов тех лет, которые подтверждали бы эту догадку, в архивах не осталось. Да их, наверное, и не было в природе. Надо хорошо представлять себе психологическую атмосферу тех лет, в которой “варились” руководители партии и правительства, чтобы с большой долей уверенности сказать, что таких документов и не могло быть. Остались только позднейшие мемуарные воспоминания сына Жданова Юрия, да ещё Н. Хрущева о том, что с момента переезда в Кремль Жданов в кратких разговорах с ним в 30–40-е годы постоянно возвращался к теме о том, что русский народ в Советском Союзе незаслуженно обойдён в своём социальном и материальном положении.

Остаётся, однако, фактом, что с 1934 года Жданов начинает настойчиво выдвигать вверх русские кадры. И тенденция эта была настолько явственной, что биограф Жданова Алексей Волынец в своих позднейших публикациях прямо называет эту тенденцию “аппаратной революцией Жданова”.

Невозможно отрицать, что с приходом на верхи власти Жданов действительно сразу же начал подбирать “свою” команду, хотя в строгом смысле слова его окружение командой никогда не являлось, да даже и не выглядело таковой. К выходцу из центральной русской области люди тянулись, скорее всего,

в силу его личного обаяния, брызжущего из него во всех обстоятельствах большого творческого заряда, организационного импульса. Но невозможно, конечно, сбрасывать со счетов и фактор национального, русского инстинкта.

Наверное, первым в этом ряду следует назвать А. С. Щербакова (1901–1945). Эта связка была самая давняя, так как Жданов был женат на родной сестре Щербакова. Во всех случаях между Щербаковым и Ждановым всегда сохранялись очень тёплые отношения, начало которым было положено ещё в 1920-е годы, когда Щербаков работал в партаппарате Нижегородской области (крае) под началом Жданова. В 1936 году Жданов “вытаскивает” Щербакова с Нижегородчины, назначая его вторым секретарём Ленинградского обкома и горкома партии. В 1937–1938 годах по рекомендации Жданова Сталин направляет Щербакова возглавить последовательно ряд областных комитетов партии в Сибири и на Украине. Александр Сергеевич всюду проводит массовые чистки партийного, государственного и хозяйственного аппаратов, а на место уничтоженных руководителей ставит новых, которых Москва тут же утверждает. Жданов как член высшего руководства партии принимает в этих утверждениях активное участие.

Случай со Щербаковым не был единичным. Переехав в Ленинград, Жданов начинает формирование новой руководящей команды в городе и области. В 1935 году он “вытаскивает” из Сталино (ныне Донецк, Украина) руководителя группы планирования и учёта Комиссии советского контроля при СНК СССР 30-летнего Н. А. Вознесенского и ставит его во главу Ленинградской городской плановой комиссии, а потом выдвигает его на должность председателя горисполкома Ленинграда. В 1937 году освобождается должность председателя Государственной плановой комиссии при СНК СССР¹⁵, и Жданов, по воспоминаниям А. Микояна, рекомендует Сталину поставить на эту должность Н. Вознесенского, что и происходит.

В 1937 году Жданов ставит директором ткацкой фабрики “Октябрьская” 32-летнего выпускника текстильного института А. Н. Косыгина, а потом назначает его заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома. Через год Косыгин становится председателем горисполкома, а ещё через год Жданов рекомендует его Сталину, и вождь выдвигает Косыгина на должность наркома текстильной промышленности и в члены ЦК ВКП(б).

В том же году Жданов “разглядел” на заводе “Большевик” (бывший Обуховский) 30-летнего заместителя руководителя конструкторского бюро Д. Ф. Устинова, а в 1938-м убеждает Сталина назначить Устинова директором завода. В 1941 году Дмитрий Фёдорович становится наркомом вооружений.

В самом Ленинграде Жданов формирует свою собственную команду. Уроженец старого русского городка Боровичи, Алексей Александрович Кузнецов, пройдя до этого школу работы в партаппарате Новгородчины, был замечен ещё Кировым и поставлен на руководство Дзержинским райкомом города, а в августе 1937 году, в 32 года, он становится ближайшим помощником Жданова и вторым секретарём горкома.

В 1939 году председателем Ленинградского горсовета становится П. С. Попков, за которым Жданов внимательно наблюдает с 1937 года, когда тот закончил Ленинградский институт инженеров коммунального строительства и был избран председателем Ленинского райсовета депутатов.

В 1939 году в команду Жданова включается человек с очень непростой биографией – инженер Я. Ф. Капустин. В 1935 году он проходил производственную стажировку в Англии. В 1937-м исключался из партии за производственные ошибки, а потом был восстановлен. Тем не менее Жданов вводит его в горком на должность секретаря по промышленности.

Каждый из ждановских выдвиженцев начинает, в свою очередь, и сам окрывать себя верными ему управленческими кадрами.

Естественно, при всём при этом растёт политический вес и самого Жданова. 4 мая 1941 года Политбюро принимает постановление “Об усилении работы советских и местных органов”, согласно которому бывший нижегородский секретарь официально становится “заместителем тов. Сталина по Секретариату ЦК”, то есть, по сути, вторым человеком в партии и в стране. Почти одновременно с этим Сталин назначает своим первым заместителем по Совнаркому Николая Вознесенского, а начальником Управления пропаганды

и агитации ЦК становится выдвиженец Жданова Щербаков, он же – и первый секретарь Московского комитета партии.

Возрастание ждановского политического влияния продолжится и после войны. На выборах Верховного Совета в 1946 года Жданов становится председателем палаты Совета Союза Верховсовета СССР и 19 марта председательствует на совместном заседании обеих палат. Это на его адрес (“Председателя совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР тов. Жданова А. А.”) Сталин направляет заявление с просьбой утвердить правительство СССР во главе с И. В. Сталиным. Жданов утверждает.

Параллельно с этим событием в Кремле проходит первый после 1939 года Пленум ЦК, на котором с докладами выступают три человека: Сталин, Жданов и Маленков. Только эти трое избираются на Пленуме во все высшие органы партии – Политбюро, Оргбюро и Секретариат.

Застарелый, ещё с 1920-х годов антагонист Жданова Г. М. Маленков хоть и входит в тройку самых влиятельных аппаратных партийных политиков, вынужден смириться с тем, что влияние Жданова продолжает расти в аппаратном аспекте. Сталин соглашается со Ждановым в том, чтобы первый секретарь Ленинградского обкома и горкома А. А. Кузнецов стал секретарём ЦК по вопросам кадровой политики партии (в Питере его сменяет П. С. Попков). Сталин даже идёт дальше и уже сам, без подачи со стороны Жданова, предлагает вменить Кузнецову и контроль над органами безопасности в стране, за который (контроль) с военного времени шла постоянная тяжба и “перетягивание каната” между министром госбезопасности (с 1946 года) В. Абакумовым и Берией¹⁶.

Одновременно с Кузнецовым секретарём ЦК и членом Оргбюро, оставаясь первым секретарём МГК и МК ВКП(б) и председателем Моссовета, стал другой выдвиженец Жданова – Г. М. Попов. А через месяц новым секретарём ЦК и заведующим Организационно-инструкторским отделом ЦК стал ещё один выдвиженец Андрея Александровича, известный ему ещё со времени работы в Нижнем, – 38-летний Н. С. Патоличев.

Выходцы из ленинградской команды Жданова в этот период возглавят и целый ряд регионов страны. “Ленинградцы” займут ключевые посты во вновь созданных в 1944–1945 годах Псковской и Новгородской областях. Второй секретарь Ленинградского обкома Иосиф Турко возглавит Ярославскую область. Председатель Исполкома Леноблсовета Николай Соловьёв возглавит Крымскую область. Секретари Ленинградского горкома Георгий Кедров и Александр Вербицкий станут партийными руководителями соответственно Эстонской ССР и Мурманской области.

Кроме того, заместителем министра Вооружённых Сил СССР становится близкий Жданову человек, бывший командующий Ленфронтом маршал Л. Говоров, а начальником Главного политического управления Советской армии – генерал И. Уткин, бывший руководитель Горьковского автозавода. Были и другие назначения подобного рода. Судя по всему, Сталин, видя, что Жданов всех своих выдвиженцев оценивает, прежде всего, по деловым качествам, ничего не имел против этих кадровых движений. Форум “За Правду и право” отмечает, что все выдвиженцы второго человека в партии отличались не только тем, что были лично знакомы Жданову, но и тем, что все они доказали делом способность решать “сложнейшие хозяйственные задачи”.

Все эти выдвиженцы были этнически русскими. Сталин не мог, конечно, не видеть, что ждановские выдвиженцы расширяют свой ареал влияния, окружая самих себя своими собственными кадрами. Но внешне он не придавал этому значения. Никто пока, даже Абакумов, не обратил внимания и на то, как Пётр Попков, выступая на объединённой областной и городской партийной конференции Ленинграда, с гордостью сказал, что за два минувших года Ленинградская парторганизация выдвинула на руководящую работу по всей территории СССР 12 тысяч человек. Забегая вперёд, следует сказать, что в 1949–1953 годах все они переживут крушение своих судеб.

В декабре 1945-го Сталин возвращает Жданова из Ленинграда в Москву. Но за полтора года до этого имело место одно весьма важное политическое событие, которому, на мой взгляд, до сих пор ещё не дана должная оценка, на которое имеет прямое отношение к теме нашей публикации.

4. “Квасной патриотизм” Андрея Александровича

В мае 1944 года Сталин неожиданно для всех собирает в Кремле ведущих учёных-историков и ставит перед ними задачу разработки нового учебника истории СССР. Он держит всю эту братию в Москве до сентября. Казалось бы – с чего бы это вдруг? Идёт война, страна задыхается в тисках голода и перенапряжения от необходимости наращивать все виды вооружений, идут тяжелейшие переговоры с англо-американскими союзниками об открытии второго фронта в Европе, а вождя вдруг заинтересовали проблемы преподавания истории!

Это закрытое (а правильнее было бы сказать – секретное) многомесячное совещание историков в Кремле, в котором приняли участие все главные идеологи ВКП(б), до сих пор овеяно ореолом загадочности и тайны. Так, ещё в 2013 году ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Т. С. Бушуева отмечала:

“Причины созыва этого совещания в Кремле в формате нескольких заседаний, да ещё в секретном режиме, с участием более 50 ведущих исследователей истории СССР, а также секретарей ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, А. А. Андреева, Г. М. Маленкова и ответственных работников аппарата ЦК, до сих пор остаются дискуссионными... Исследователи единодушны также в оценке того, что необходимость созыва такого совещания была обусловлена личным директивным вмешательством Сталина в трактовку ряда спорных проблем истории России от древности до 1917 года, выработкой так называемых “принципиальных установок для всех историков”... Полной информации об этом мероприятии историки не имеют до сих пор в силу сохраняющейся секретности архивных материалов. К примеру, не найден или засекречен текст ключевого выступления на совещании секретаря ЦК Георгия Маленкова. Известно лишь общее указание Маленкова, что дискуссия в ходе совещания должна “идти в рамках дозволенного” и сводиться к тому, чтобы лишний раз доказать правоту материалистического понимания истории”¹⁷.

Сожаления Т. С. Бушуевой, в общем-то, лишены оснований, так как в РГАСПИ ещё в 2011 году был обнаружен полный текст выступления Г. М. Маленкова на этом совещании под названием “Вопросы, поставленные ЦК ВКП(б) перед историками”¹⁸.

Нас это совещание интересует только с одной стороны: здесь вновь, уже в который раз, скрестились пути Жданова и Маленкова.

Не желая привлекать к работе совещания находящегося в Ленинграде Жданова (в это время шла напряжённая работа по деблокации Ленинграда), вождь поначалу поручил разобраться с историками Маленкову: провести это совещание и завершить его в достаточно краткий срок. Тот с энтузиазмом принялся за дело, но выполнить задание Генсека не сумел: не хватало интеллекта. Поэтому 17 июля Сталин вызывает из Ленинграда Жданова и вручает бразды правления историками ему.

Забегая вперёд, следует отметить, что с поставленной задачей за три месяца не справился и Жданов. Вождь несколько раз беседовал с ним по несколько часов в своём кабинете, Андрей Александрович несколько раз по личным указаниям вождя переписывал проект финальной резолюции совещания, но в сентябре 1944 года историки так и разъехались из Москвы, не получив проекта итогового документа. А. Л. Юрганов считает, что причина такой ситуации заключается в том, что Сталин и сам не знал, чего он хотел от этого совещания¹⁹.

Думаю, что причина всё-таки была. До 1944 года Сталин полагал, что во имя победы над Германией в идеологии следует изо всех сил поднимать роль русского народа, а в 1944-м, когда пришёл к выводу, что победа над Германией уже неизбежна, решил в национальном вопросе сделать очередную политический кульбит: убедить всех в том, что в битве с фашизмом солдаты защищали не “матушку Россию”, как он летом 1942 года сказал Черчиллю, а **советский** политический режим. С этой целью собранные им в Москве историки должны были в кратчайший срок создать новую историческую науку и срочно переписать все учебники истории.

Но говорить об этом прямо Жданову Генсек не стал: тот сам должен был догадаться. Жданов не догадался. А если и начал догадываться, то переломить себя не смог. И потому во всех проектах резолюции совещания неизменно

подчёркивал “ведущую роль русского народа в борьбе за социализм”, выпивал “ту помощь, которую оказывал и оказывает русский народ другим народам в деле развития их государственности и культуры”. “Это, — упрямо писал Жданов в каждом варианте проекта, — не может не наполнять каждого русского чувством гордости”.

Из варианта в вариант предлагаемых Генсеку проектов резолюции Жданов настаивает на том, что “советский патриотизм вырос и укрепился на основе борьбы лучших представителей русского народа с царским самодержавием, буржуазией и их захватническими империалистическими вождениями”. Сталина это категорически не устраивает и на полях последнего варианта проекта резолюции прямо против этого абзаца Генсек пишет карандашом: “Не только”. И потом поясняет: “Сов. патриотизм окреп в годы Отечественной войны. Единство народов” и далее: “Попытки подменить квасным патриотизмом. Истинные и квасные патриоты в прошлом: Чернышевский — Пушкин. Аракчеев — царизм”.

Жданов пишет: “Советский патриот любит свою страну и любит свою нацию”. Сталин на полях: “Какую?”

Как показывают архивы, с 18 июля по 13 августа Жданов лично Сталину вручил в его кабинете несколько вариантов проекта резолюции совещания историков, и во всех подчеркнул решающую роль русского народа в построении социализма в СССР и в битве с немецким фашизмом. Генсек отверг один за другим все представленные ему тексты резолюций, причём разгневан был так, что последнюю свою правку не стал даже показывать Жданову, отослал всё, что ему предложил его заместитель, в свой личный архив, а Андрея Александровича молча отправил обратно в Ленинград.

Фактически именно здесь и начало зарождаться то, что через несколько лет приобрело название “Ленинградского дела”.

Стойкую неприязнь к себе со стороны Маленкова Жданов ощущал всегда, начиная с 1920-х годов. Отвечал Георгию Максимилиановичу тем же и использовал любую возможность убрать того со своего пути. Так, в хранящихся в РГАСПИ записных книжках Жданова в 1947 году можно прочесть: “Посмотреть список членов и кандидатов в члены ЦК... вывести Маленкова, Жукова...”. Что касается маршала Жукова, здесь всё понятно: это сделать приказал Сталин. А про Маленкова вождь ничего не говорил. Это Андрей Александрович решил сделать сам, что называется, под сурдинку. И в таком виде подал проект постановления Пленума вождю. Но вышла осечка, по поводу Жукова Сталин поручил Жданову сделать специальное выступление (что Андрей Александрович и выполнил на Пленуме), а фамилию Маленкова в список членов ЦК молча, ничего не объясняя, самолично вписал. Жданов всё понял.

Понял всё и Маленков. И запомнил, и, как показала дальнейшая практика, не простил²⁰.

Но всё это будет потом. А пока шёл 1946 год, и звезда Жданова всё ещё находилась на траектории подъёма, чем он и воспользовался в полной мере.

Инструментом укрепления политического веса “ленинградцев” стали инициированные Ждановым так называемые “суды чести”. По замыслу Жданова, эта мера должны была стать инструментом его влияния на центральный государственный и партийный аппарат. Оценил последствия этой идеи и Генсек, который к этому времени уже начал поиски мер для снижения в глазах общественности и народа непомерно раздутого, как он считал, авторитета Г. К. Жукова, которого в СМИ даже начали величать “маршалом Победы”. Поэтому Сталин энергично поддержал идею своего первого заместителя (А. Жданова) о введении так называемых “судов чести” и вместе с ним подписал Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) об организации таких “судов”.

Главную роль в организации этих судов Сталин отвёл Алексею Кузнецову, который взялся за это дело с огромным энтузиазмом, тут же подключив к организации подчинённый ему аппарат МГБ, объяснив своё рвение следующим образом: “Органы государственной безопасности, — заявил он, — должны усилить чекистскую работу среди нашей советской интеллигенции... мы будем воспитывать интеллигенцию в духе искоренения низкопоклонства перед иностранцами, будем судить судом чести... А по отношению кое-кого из представителей интеллигенции, уж особо преклоняющихся перед Западом, мы должны будем принять другие меры — чекистские меры”.

Надо отметить, что к этому времени о генерал-лейтенанте Кузнецове давно уже шла нехорошая молва. Алексей Александрович, ещё в 30-е годы, в период так называемого “большого террора”, будучи первым заместителем А. Жданова в Ленинграде, проявил себя с очень нехорошей стороны, постоянно заменяя по собственной инициативе А. Жданова в процессе формирования так называемых “троек НКВД”²¹. В силу своего высочайшего политического положения Андрей Александрович Жданов не мог, естественно, не принимать участие в формировании этих свирепых внесудебных “чекистских троек”, тысячами отправлявших людей под расстрелы, в тюрьмы и концлагеря, но сам себя в эти тройки никогда не включал, уступая эту “почётную должность” своему первому заместителю А. Кузнецову. А тот в буквальном смысле “землю рыл”, чтобы попасть в состав этих троек и постоянно стремился инициативно включать в число жертв всё новых и новых людей. Известны случаи, когда Жданов увещевал своего заместителя умерить пыл в этом отношении. В организации же “судов чести” в сороковые годы Алексей Кузнецов напрямую контактировал не со Ждановым, а со Сталиным, с большим энтузиазмом воспользовался такой большой свободой рук и, как показала дальнейшая практика, совершил немало политических ошибок на этом пути.

В заседаниях этих “судов” принимал участие весь партийный и государственный ареопаг власти, включая и самого Генсека (Сталин, не экономя времени, часами просиживал на заседаниях).

Начали эти “суды” свою работу, что называется, с “пустяков”, с обсуждения промахов в работе руководителей Сельскохозяйственной академии, Министерства геологии, Министерства электропромышленности. Прошёл суд чести в Министерстве высшего образования СССР над профессором Сельскохозяйственной академии Жебраком за то, что тот критиковал своего оппонента Лысенко не в советских изданиях, а на страницах американского журнала *Science* и т. д. Но очень быстро руководивший этой работой Алексей Кузнецов уловил личную заинтересованность в работе этих судов вождя и перешёл к более серьёзным вопросам. Через “суды чести” прошёл разгром Министерства авиационной промышленности во главе с министром А. И. Шахуриным и главнокомандования военно-воздушных сил во главе с дважды Героем СССР, Главным маршалом авиации А. А. Новиковым (“дело авиаторов”); в январе 1948 года суд чести был проведён в Министерстве вооружённых сил. Под суд попали недавние высшие руководители ВМФ – адмиралы Н. Г. Кузнецов, Л. М. Галлер, В. А. Алафузов, Г. А. Степанов. Выправляя работу этого органа в нужном ему направлении, Сталин постепенно выводил дело к тому, чтобы убрать из высшего руководства страны маршала Г. К. Жукова. И как только добился этого, работа “судов чести” стала постепенно затухать.

Надо отметить, что А. Кузнецов настолько увлёкся этой работой, что не заметил, как перегнул палку. В конце 1947 года под удар “суда чести” попал побочный сын Сталина, Константин Сергеевич Кузаков. Он родился от связи Сталина во время вологодской ссылки с молодой вдовой Матрёной Кузаковой и был записан на имя мужа, умершего за два года до рождения младенца. После революции Сталин помогал им. По воле судьбы их пути пересеклись. Константин Кузаков стал заместителем начальника Управления пропаганды и агитации Александрова, чиновника, очень близкого к Г. Маленкову. Обвинял Кузакова почему-то секретарь ЦК А. Кузнецов. **29 сентября на собрании работников аппарата на Старой площади в присутствии Сталина Кузнецов выступил с разгромным докладом в отношении вообще чуть не всего маленковского Управления пропаганды и агитации, а акцент сосредоточил на сыне Сталина. Говоря о борьбе с антипатриотизмом, он вспомнил закрытые письма ЦК от 1935 года – “Уроки событий, связанных с злодейским убийством товарища Кирова” и “О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского революционного блока”, а также другие документы, посвящённые “революционной бдительности”. Кузнецов подчеркнул, что “главной задачей в подрывной деятельности против нашей страны иностранная разведка ставит, прежде всего, обработку отдельных наших неустойчивых работников”. Он привёл много соответствующих примеров, и основной удар был нанесён по Александрову и другим руководителям УПиА. Ключевой фигурой в докладе стал бывший заместитель заведующего отделом УПиА, директор государственного издательства иностранной литературы Б. Л. Сучков, которого обвинили**

в передаче американцам атомных секретов, а также сведений о голоде в Молдавии. Кроме того, попытавшись помочь бывшему однокурснику Льву Копелеву, осуждённому на 10 лет заключения за “контрреволюционную деятельность”, Сучков написал в его защиту письмо в прокуратуру. Из прокуратуры письмо переслали в ЦК Маленкову, где в аппарате дело было замято. Испуганный Сучков советовался с Кузаковым, не следует ли ему написать покаянное объяснение. Тот советовал подождать, не раскрываться, то есть стал соучастником.

Сталин доклад Кузнецова выслушал молча и не стал вмешиваться в дальнейшие события. 23-24 октября 1947 года “суд чести” рассмотрел дело об антипартийных поступках бывшего заведующего отделом кадров УПиА М. И. Щербакова и бывшего замначальника УПиА Кузакова, обвинённых в потере политической бдительности и чувства ответственности за порученную работу в связи с разоблачением Б. Л. Сучкова, которого они рекомендовали в аппарат ЦК. Им объявили общественный выговор. Решением Секретариата ЦК они были исключены из партии. Сучкова приговорили к заключению и освободили только в 1955 году. Возможно, Кузакова тоже арестовали бы, но Сталин не позволил. В дальнейшем сын вождя работал на киностудии “Мосфильм” и на Центральном телевидении СССР главным редактором Главной редакции литературно-драматических программ. Но отец и сын так никогда и не поговорили друг с другом. Попутно стоит заметить, что если о Константине Кузакове Сталин знал и признал его своим сыном, то второго внебрачного сына (родился в 1914 году от Лидии Перепрыгиной в Курейке Туруханского края) он никогда не вспоминал. Только в 1956 году председатель КГБ СССР Иван Серов сообщил Хрущёву, что внебрачный сын Сталина Александр Давыдов (фамилия отчима) служит в армии в звании майора”.

Вообще-то политическая наивность А. Кузнецова в этом эпизоде поражает. Судя по его поведению, он даже не подозревал, что наносит смертельно обидный удар сразу по двум людям, делая их своими смертельными врагами, – Маленкову и Сталину.

Возможно, эти и другие обстоятельства повлияли на то, что кампания по развёртыванию “судов чести” шла с большим скрипом, а потом и вовсе сошла на нет. А Кузнецову “суд чести” над Кузаковым потом аукнулся в 1950 году, когда Сталин редакторски правил проект обвинительного приговора центральной группе “ленинградцев”.

Между тем, Жданов продолжал наращивать свою, выражаясь словами Алексея Волынца, “кадровую революцию”.

В результате плотных проговоров со Сталиным и обсуждения этой темы с секретарём ЦК по кадрам А. Кузнецовым 2 августа 1946 года Андрей Александрович проводит решение ЦК ВКП(б) “О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников”. В епархии А. Кузнецова – в Управлении кадров ЦК – вместо существовавшей Школы парторганизаторов была создана Высшая партийная школа, где должны были готовить руководителей не только для региональных партийных организаций – ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов, – но и для аппарата советских организаций. Здесь же должны были готовить партийных пропагандистов и редакторов местных газет и радио. С этой целью в ВПШ были созданы два факультета с трёхлетним сроком обучения – советский и партийный.

Отбор кандидатур в ВПШ был довольно жёсткий: в неё принимались только лица, имеющие за плечами законченное среднее образование и опыт работы секретарями или руководителями отделов обкомов партии, исполкомов областных Советов депутатов, ответственных сотрудников министерств, ведомств, руководящих сотрудников республиканских и областных газет. На каждом курсе обоих факультетов должно было обучаться по 300 человек. То есть по мере раскрутки в ВПШ должно было одновременно обучаться около 1800 человек, а ежегодный выпуск руководящих работников составлял 600 человек плюс выпуск всевозможных девятимесячных курсов переподготовки кадров. Под эгидой ВПШ на местах создавались местные двухгодичные партшколы, при которых формировались шестимесячные курсы переподготовки местных руководящих кадров. Окончившим эту новую ВПШ выдавался диплом государственного образца о высшем образовании с соответствующим нагрудным знаком (так называемый “поплавок”), а само образование

официально приравнялось к окончанию исторического факультета педагогических вузов.

Не был Ждановым забыт и вопрос о подготовке теоретических кадров партии. Этим же постановлением ЦК при Управлении пропаганды и агитации ЦК, которое курировал Жданов, для подготовки высших теоретических кадров партии была создана Академия общественных наук, а в Вооружённых Силах – Военно-политическая академия, её возглавил ещё один “ленинградец”, генерал-майор Алексей Ковалевский, который в 1941 году работал вместе со Ждановым в Военном Совете Северо-Западного фронта.

Как пишет А. Волынец, Жданов планировал в ближайшие годы провести через эти вновь создаваемые структуры “весь руководящий аппарат партии”. Так, в постановлении ЦК подчёркивалось, что в течение ближайших трёх-четырёх лет в стране должен был быть полностью сменён весь управленческий слой общества.

Если бы всё в этом плане пошло, как было задумано, то начиная с 1949 года (первого выпуска новой ВПШ) в СССР началась бы полная смена руководящего партийного и советского аппарата страны под контролем Жданова и Кузнецова.

Но всё пошло не так: 31 августа 1948 на Валдае А. Жданов от инфаркта завершает свой жизненный путь, а через 25 месяцев, 1 октября 1950 года, по так называемому “Ленинградскому делу” были расстреляны А. А. Кузнецов, Н. Вознесенский, М. Родионов и другие.

5. Социальное государство Жданова и Вознесенского

Между тем, к концу 1947 года ситуация в верхних эшелонах власти в СССР стала радикально меняться. Выражаясь современным языком, сталинский политический режим пришёл в точку бифуркации, когда система власти уже не может пребывать в прежнем состоянии и находится либо под угрозой распада на отдельные фрагменты, либо вынуждена меняться, чтобы сохранить свою целостность. Ни того, ни другого выхода из создавшегося состояния не просматривалось.

Колоссальное напряжение военных лет исчерпало, в основном, интеллектуальные и психологические возможности вождя. Осенью 1945 года он пережил вначале микроинсульт, а следом и микроинфаркт и был вынужден взять на несколько месяцев отпуск, уехав на юг, оставив в Москве вместо себя вначале “четвёрку”, потом “пятёрку”, а потом присоединил к ним Николая Вознесенского. Но атмосфера диктатуры “Хозяина”, созданная им в предыдущие годы, приводила к тому, что с проблемами управления страной не справлялись ни “пятёрка”, ни “шестёрка”. Победивший гитлеровскую Германию народ ожидал от власти ослабления давления на материальные условия своего существования, а власть не умела (и не хотела) адекватно отвечать на эти чаяния. И сам Сталин, и его ближайшие сподвижники в своих действиях продолжали руководствоваться нормами военного времени: народ обязан терпеть любые лишения во имя победы над внешним врагом, место которого к 1947 году вместо гитлеровской Германии заняли США. В таких вот условиях Генсек приходит к выводу, что пришло время задуматься о том, кто может сохранить созданное им государство после его смерти.

В хранящихся в РГАНИ (бывший совершенно секретный архив ЦК КПСС) направленных мемуарах Хрущёва, а потом и в мемуарах А. Микояна содержатся глухие упоминания (других источников на этот счёт, к сожалению, нет) о сомнениях со стороны вождя: “Вот придёт время, и я уйду, как вы будете управлять страной без меня?! Вас же передуют, как котят!”

Анастас Микоян вспоминает, что именно в этот период во время одного неформального ужина на Ближней даче Сталина, сопровождавшегося небольшим возлиянием спиртного, вождь вслед за восклицанием о том, что власть нужно оставить более молодым, прямо сказал, что партийные дела он считает возможным оставить после себя Алексею Кузнецову, а с правительством может справиться Николай Вознесенский. И Хрущёв, и Микоян вспоминают, что присутствовавшие при этом Молотов, Берия, Хрущёв, Микоян, Жданов сопроводили эту реплику Генсека гробовым молчанием. Анастас Иванович единственный пишет, что они все и так были уверены, что Сталину и должен наследовать русский член Политбюро, однако никто не ожидал от Сталина

столь неожиданной, ошеломляющей эскапады. Но, как следует из мемуаров, всё близкое окружение Сталина в этот момент поняло, что политическая ситуация в верхах власти в стране враз поменялась в этот момент самым кардинальным образом: СССР вступил в послесталинскую эпоху.

Многие нынешние историки считают эту фразу Сталина о своих наследниках (сознательно оставляю это слово без кавычек) тонко рассчитанной политической провокацией. Дескать, Генсек сознательно вбросил эту информацию в среду своего ближайшего политического окружения с тем, чтобы стравить всех и вся друг с другом и тем обезопасить себя от возможного заговора против себя самого. Я не исключаю правомерности такого толкования. Однако мне эта картина представляется по-другому.

Я склоняюсь к выводу, что Сталин в приведённой выше озабоченности о том, кому именно он может оставить после себя созданную им страну, был искренен.

Так это было или иначе, но вопрос о своём наследнике Генсек поставил в повестку дня сам. А ответа на этот вопрос у него не оказалось.

В этих условиях Жданов поднял вопрос о созыве партийного съезда. Его сын Юрий Андреевич (1919–2006) в своих мемуарах рассказал, со слов отца, как это случилось.

В самом конце 1946 года на квартире Сталина собрался узкий круг Политбюро, на котором был поднят вопрос о партийном съезде. “Анализируя итоги прошедшей войны, – пишет Юрий Жданов, – в узком кругу членов Политбюро Сталин неожиданно сказал: “Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был бы нас за это прогнать. Коленом под зад. Надо покаяться”. Наступившую тишину нарушил отец:

– Мы, вопреки уставу, давно не собирали съезда партии. Надо это сделать и обсудить проблемы нашего развития, нашей истории.

Отца поддержал Н. А. Вознесенский, остальные промолчали. Сталин махнул рукой:

– Партия... Что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков... Необходим предварительный глубокий анализ...

Вернувшись домой и рассказав о случившемся матери, отец вздохнул: “Не дадут”...

Нет оснований в целом подвергать сомнению этот мемуарный пассаж. Но нужно, конечно, учитывать, что в данном случае речь идёт исключительно о внешней канве этого дела. Что же касается сути дела, то у меня после многолетней работы в архивах с документами тех лет сложилось твёрдое мнение, что очень тесно в этот период работавший с Генсеком Жданов мог озвучить мысль о необходимости скорейшего созыва партийного съезда только в одном случае – если эта мысль принадлежала лично Генсеку. В одной из своих книг о Сталине я однажды написал: “Сам Генсек был человеком очень скрытным и осторожным. Он всю жизнь предпочитал, чтобы его настоящие мысли угадывали и преподносили ему другие. А он бы выступал в роли редактора этих мыслей. Никого этой манерой обманывать, конечно, не удавалось. А те, кто обманывался на этот счёт, долго не жили”. Думаю, что примерно так было и в этот раз.

Короче, высказанную Ждановым идею о съезде Сталин энергично поддержал. Более того, не успело ещё ближайшее окружение Сталина осмыслить новую политическую конъюнктуру, как 7 января 1947 года Сталин собирает Политбюро ЦК в полном составе, что в последние годы не происходило никогда, и принимается решение: созвать Пленум ЦК ВКП(б) 21 февраля 1947 года. Определили и темы для обсуждения на Пленуме.

1. О программной Комиссии
2. Обсуждение Устава ВКП(б)
3. О созыве XIX съезда ВКП(б)

В последний момент Сталин по одному ему известным соображениям предложил в повестку дня работы Пленума включить ещё и четвёртый пункт: “Вопросы подъёма сельского хозяйства (докладчик т. Андреев)”²².

Пленум в назначенное время был созван и работал всю рабочую неделю, а 26 февраля постановил создать в составе 25 человек Комиссию по подготовке Программы и Устава ВКП(б). Председателем Комиссии был назначен Жданов А. А., заместителем – Кузнецов А. А.

Но что-то уже стало изменяться во взаимоотношениях Генсека и его первого заместителя, в состав Комиссии по предложению Сталина дополнительно ввели Маленкова (впервые после “дела авиаторов” фамилия Маленкова появилась в официальном партийном документе), Хрущёва, а также Александрова, Федосеева, Иовчука, Куусинена. В состав Комиссии Жданов включил и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попкова.

В этой связи следует отметить два момента. “Ленинградцы” в Комиссии играли первую скрипку (Жданов, Кузнецов, Попков), но в её составе отсутствовал кандидат в члены Политбюро, заместитель председателя Совмина СССР, председатель Госплана СССР, академик АН СССР Н. А. Вознесенский.

Нелишне отметить, что вопрос об изменении Программы партии не был таким уж неожиданным. В марте 1939 года Пленум ЦК ВКП(б) уже ставил вопрос об изменении Программы партии. Тогда тоже была создана соответствующая Комиссия, в которую вошли Жданов, Вознесенский и другие. Но ту Комиссию возглавлял лично Сталин. В 1947 году Генсек доверил эту работу Жданову.

Судя по всему, в феврале 1947 года Сталин ещё не был готов к предметному разговору по Программе партии, но вопрос этот не упускал из виду и вскоре же вернулся к нему.

Заседание Политбюро, посвящённое подготовке текста новой партийной Программы, состоялось 15 июля 1947 года. Вёл заседание Сталин. Если на январском заседании по Программе он практически хранил молчание, предоставив говорить Жданову, то в июле вождь выступил с большой речью. Комиссии, сказал он, в своей работе по подготовке текста Программы следует исходить из следующих соображений: Программа должна состоять из двух частей:

а) из общей части, где должны быть даны, во-первых, оценка победы Великой Октябрьской социалистической революции с точки зрения исторического развития человечества и, во-вторых, должен быть дан анализ нынешней международной обстановки. В-третьих, должны быть даны итоги достижений Советского общества к настоящему времени по всем линиям;

б) вторая часть должна была носить практически-политический характер, где должны быть сформулированы основные задачи партии с точки зрения развития Советского общества к коммунизму в разрезе 20–30 лет.

*Комиссия, добавил Сталин, имеет право выдвинуть другую схему Программы, если она считает изложенную схему недостаточной или неправильной*²³.

Таким образом, Жданову Сталиным был дан карт-бланш. Более того, Сталин торопил его: на вышеупомянутом заседании Политбюро было записано, что первый доклад Комиссии по разработке Программы ВКП(б) должен быть представлен уже через две недели.

Проект Программы партии, написанный под непосредственным руководством Жданова, Н. Вознесенского и А. Кузнецова (в редактировании окончательной редакции приняли участие П. Н. Федосеев, М. Б. Митин, Л. А. Леонтьев, Д. Т. Шепилов), в августе 1947-го был представлен Сталину и был им с порога отвергнут²⁴.

Этот проект, как теперь ясно видно, представляет большой интерес не только с исторической точки зрения, но и с позиций сегодняшнего дня: в этом тексте был трассирован путь развития советского общества до конца 1980-х годов.

Крайне интересно, что одновременно с этим Жданов (уже по собственной инициативе) представил вождю не только текст проекта партийной Программы, но и ещё один документ, над которым в течение нескольких месяцев работали ведущие работники Госплана СССР во главе с Н. Вознесенским. Если проект Программы охватывал период развития СССР до 1976 года, то “Генеральный план хозяйственного развития СССР” – до 1985 года.

Начать, по-видимому, надо всё же с проекта партийной Программы, поскольку, похоже, именно заложенные в ней идеи, в конечном итоге, так напугали Сталина, что спустя полтора года после смерти Жданова вождь в ходе “Ленинградского дела” пришёл к выводу, что на перевоспитание оставшихся после Жданова членов его команды у него времени может не хватить, и решение было принято кардинальное: сторонников этих идей уничтожить физически.

На заседании Политбюро 15 июля 1947 года, которое вёл сам Сталин и где он произнёс довольно большую речь, он всю эту речь посвятил **технологии** написания Программы и ни словом не обмолвился **о её содержании**. Более того, в протоколе Постановления приказал записать фразу, которую никак иначе невозможно было истолковать, как только так: пишите, что хотите, а я потом посмотрю.

В конце концов, ведь не случайно Сталин после прочтения этих документов не только не утвердил их, но упрятал в архивы так глубоко, что конечного варианта этих документов больше не увидел никто, включая и тех, кто участвовал в редактировании всех черновых вариантов. Во всяком случае, упомянутые выше академики Федосеев и Митин спустя 37 лет в беседах со мной говорили, что окончательного варианта Программы (после правки его Ждановым и Вознесенским) они не видели. А сам Сталин, выступив в 1952 году со своей брошюрой “Экономические проблемы социализма”, камня на камне не оставил от идей, сформулированных Ждановым и Вознесенским.

Можно высказать предположение, что произнесённая Сталиным 15 июля на заседании Политбюро фраза, которую Генсек счёл необходимым даже зафиксировать в пункте 48 протокола заседания Политбюро 15 июля 1947 года (“Комиссия имеет право выдвинуть другую схему Программы, если она считает изложенную схему недостаточной или неправильной”, а ведь схему-то эту изложил не кто иной, как сам Генсек!), носила знаковый характер. Может быть, именно по этой причине Генсек в 1947 году и не согласился возглавить Комиссию по подготовке Программы партии, а доверил это председательство Жданову, что не захотел связывать себе руки именно по “русскому вопросу”?

Похоже на то, что всё именно так и было. Под руководством Жданова, Кузнецова и Н. Вознесенского был подготовлен такой проект Программы ВКП(б), в котором если не центральное место, то близко к этому занимала, как пишет А. Волынец, “новация в определении места и роли русской нации в СССР” в трактовке её государствообразующей роли²⁵.

Что же такого написали Жданов и Вознесенский в своём проекте партийной Программы?

Первое – и главное! – проект ждановской Программы возвещал: “Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР **коммунистическое общество**”, то есть построить такое общество к 1980 году.

Обозначалось и направление этого движения. “Развитие социалистической демократии на основе завершения построения бесклассового социалистического общества, – говорилось в проекте Программы, – будет всё больше превращать пролетарскую диктатуру в диктатуру советского народа. По мере вовлечения в повседневное управление делами государства поголовно всего населения, роста его коммунистической сознательности и культурности, развитие социалистической демократии будет вести к всё большему отмиранию принудительных форм диктатуры советского народа, все большей замене мер принуждения воздействием общественного мнения, к всё большему сужению политических функций государства, к превращению его по преимуществу в орган управления хозяйственной жизнью общества”.

В проекте Программы “красной тряпкой для быка” было не только приращение характера политического фактора “общественному мнению”, что вождь и на дух не принимал, но и была сформулирована мысль о всенародных голосованиях “по большинству важнейших вопросов государственной жизни как общеполитического, хозяйственного порядка, так и по вопросам быта и культурного строительства”. Причём предполагалось, что граждане и общественные организации должны получить право законодательной инициативы не только по вопросам внутренней, но и по вопросам внешней политики.

Сформулированы положения о принципе выборности руководителей всех рангов, ограничении сроков их пребывания во власти и альтернативности кандидатов при выборах.

В связи с созданием текста проекта партийной Программы Жданов и Вознесенский “замахнулись” и на то, что одновременно с Программой партии и в соответствии с заложенными в ней идеями необходимо будет разработать и новую Конституцию СССР с упором на развитие идеи **самоуправления в хозяйственной и общественной жизни**, предоставления **больших** прав местным

советам и *гарантий развития мелкого частного хозяйства на селе и кустарного (частного!) сектора в городах.*

Ну и, наконец, одно из самых главных положений проекта Программы: роль русского народа в продвижении советского общества к коммунизму. Жданов с Вознесенским словно бы забыли о прецеденте 1944 года и записали в тексте положение о “ведущей роли русского народа в борьбе за социализм”. Генсек оставил свои карандашные заметы на многих абзацах текста, а этот комментировать на стал, отправив его в архив.

Между тем, Сталин получил от Жданова не только проект партийной Программы, но и текст “Генерального хозяйственного плана развития СССР на 1946–1965 годы”, подготовленный специалистами Госплана СССР во главе с Н. А. Вознесенским. Этот проект был ещё более потрясающим воображение. Настолько, что Сталин, вопреки своей привычке писать на полях свои замечания, не оставил на этом тексте ни одной пометы.

А возражать, с точки зрения Сталина, было чему.

Первое, и главное, на что был нацелен Генеральный план, заключалось в том, что русский народ (именно русский, живущий в РСФСР) после тягот военной поры заслужил человеческие условия своего существования, а для этого Вознесенский, в полном согласии с позицией Жданова, заложил в Генеральный план хозяйственного развития *опережающие темпы* роста отраслей промышленности группы “Б” (средства производства для лёгкой промышленности) по сравнению с отраслями промышленности группы “А” (средства производства для тяжёлой индустрии). (Обращаю внимание: только темпы. В целом пропорции на опережение роста второй по сравнению с первой оставались в Плате незыблемыми.)

В принципе Жданов и Вознесенский с активной поддержкой ещё одного “ленинградца” — заместителя председателя Совмина СССР, председателя Бюро по торговле и лёгкой промышленности при Совмине СССР, Косыгина А. Н. — здесь не входили в противоречие с вождём. Сталин 9 февраля 1946 года в своём первом после войны публичном выступлении перед избирателями хоть и сквозь зубы, но всё же обозначил эту тему (4,5 строчки из 588), сказав, что материальный уровень жизни народа необходимо повышать и для этой цели следует развёртывать производство товаров народного потребления.

Нынешние исследователи отмечают негативный тренд сталинской политики как раз в этой сфере. “После войны заработная плата рабочих заводов снизилась в связи с сокращением трудовой недели и прекращением сверхурочных работ. Среднемесячная зарплата рабочих на заводах и предприятиях Москвы, составляющая в мае 1945 г. 680 руб., снизилась до 480 руб. (то есть на 40 с лишним процентов. — **Вл. К.**). На отдельных предприятиях сокращение оплаты труда было ещё больше, примерно в 1,5–2 раза. Зарботки уборщиц, вахтёров, исполнителей и других не менялись с 1937 г. и были на уровне 200 руб. в месяц. Минимальная заработная плата, не облагавшаяся налогами, составляла 150 руб. Значительную часть зарплат отнимали налоги и государственные займы. Так, из заработка в 200 рублей изымалось 67 руб. А на некоторых крупных заводах тяжёлой промышленности средний размер зарплаты составлял за отдельные месяцы 65% от начисленного заработка, а 35% удерживалось по Госзайму. Крупных размеров достигали удержания из заработной платы за сделанный брак. Иногда рабочие в течение нескольких месяцев оставались должниками заводов”²⁶.

В ещё более тяжёлом положении сталинская система удерживала труженников деревни. Специальными государственными постановлениями (например, постановление правительства от 31 мая 1947 года) “практика военных лет, установившая повышенный минимум трудодней и судебную ответственность за его невыполнение, была сохранена и в последующие годы”²⁷. Одновременно выросли налоги на приусадебные участки. В 1946 году Совет Министров СССР принял два постановления, восстанавливающие закон от 7 августа 1932 года, карающий за хищение колхозного и кооперативного имущества 10 годами тюрьмы или расстрелом. Крестьяне стонали, в Москву потоком шли жалобы. В 1947–1950 годах в Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР поступило 92 795 жалоб от колхозников и было принято 3 305 так называемых “ходоков”, которые добивались личного приёма у чиновников. Но в ответ, как пишут названные выше авторы, Москва “приняла решение о повышении налогов на личные крестьянские хозяйства”.

Народ протестовал, как мог. Даже на первичных партийных собраниях в центральных российских областях доведённые до отчаяния члены ВКП(б) говорили: “Мы видим собственными глазами, что в нашей стране построено много заводов и фабрик. Всё это верно, но мы, старики, что от этого получили? Что нам дала Конституция? 250 грамм хлеба и больше ничего”. В Ленинградской области на выборах в Верховный Совет РСФСР в 1946 году на некоторых бюллетенях были обнаружены надписи: “Долой принудительный труд!”, “Да здравствует свобода слова и печати!”, “Долой крепостное право коммунистов!” А в Молдавской ССР агитаторов во время избирательной кампании 1946 года напрямую и вслух спрашивали: “Когда народ будут кормить досыта?” и т. д.²⁸.

Но главное в Генеральном плане развития до 1980 года заключалось не только в новом подходе к пропорции между развитием промышленности по группам “А” и “Б” (хотя Сталину не понравилось и это, и в октябре 1952 года он в своей работе “Экономические проблемы социализма в СССР” не оставил камня на камне от этого тезиса Вознесенского и Жданова). Главное было в том, что Вознесенский в своём Генеральном плане развития сделал особый **акцент на широком развитии в СССР товарно-денежных отношений**, сформулировал **необходимость расширения товарооборота между городом и деревней, между районами и областями, между различными отраслями народного хозяйства и между хозяйствующими субъектами, необходимость конкурентных отношений в торговой системе, зафиксировал необходимость перестройки планирования и укрепления экономических рычагов организации производства и распределения – денег, цены, кредита, прибыли, премии, поставив в прямую зависимость от всех этих инструментов экономического развития подьём благосостояния советских людей.**

Вот уж этого Сталин стерпеть не мог никак.

Летом 2013 года в беседах со мной Лев Александрович Вознесенский, сын расстрелянного в октябре 1950 года министра образования РСФСР Александра Алексеевича Вознесенского, рассказывал, что в 1949 году Сталин, прочитав “Генеральный план развития СССР до 1965 года”, много времени провёл в беседах с Николаем Алексеевичем Вознесенским (вызывая его в кремлёвский кабинет и в длительных пеших прогулках на Ближней даче). Николай Алексеевич в это время (за несколько месяцев перед арестом) много и упорно работал над своим главным, как он говорил, трудом – 850-страничной “Политической экономией коммунизма” и охотно делился со Сталиным своими мыслями по поводу этой работы.

При аресте Вознесенского в 1949 году рукопись главного труда Вознесенского была арестована и, как говорят, уничтожена.

Сейчас можно высказать предположение, что, похоже, именно в ходе этих бесед у Сталина родился замысел его брошюры “Экономические проблемы социализма в СССР”. Как и то, что весь текст этого сталинского труда был полемикой с проектом Программы ВКП(б), созданной Ждановым и Вознесенским, и с идеями, заложенными в Генеральном плане развития.

Так, категорически не согласившись с мыслями “ленинградцев” о постепенном отмирании директивных функций государства, Генсек выдвинул прямо противоположное положение об усилении значения государственной власти в ходе построения коммунизма.

Со временем, писал в этой работе Генсек, мы должны прийти к такому положению, когда всю экономику будет охватывать “государственный сектор” как “единый общенародный (выделено Сталиным. – **Вл. К.**) хозяйственный орган” “с правом сначала учёта всей потребительской продукции страны, а с течением времени – также распределения продукции в порядке, скажем, продуктообмена”²⁹. В социализме, писал Генсек, разумеется, всё ещё действует закон стоимости, в сфере “обмена товаров через куплю-продажу”, но только “в известных пределах, сохраняя за собой, конечно, роль регулятора, но только в сфере “товаров личного потребления”. Но со временем, “с исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с её формами, и закон стоимости”, а количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путём, не через посредство стоимости и её форм, как это бывает при товарном производстве, а прямо и непосредственно – количеством времени, количеством часов, израсходованных на производство продуктов”³⁰.

У тех, кому довелось прочитать в архивах уничтоженные после “Ленинградского дела” материалы по подготовке в 1947 году XIX съезда ВКП(б), не вызывает сомнения, что вождь в своих “Экономических проблемах” полемизировал именно с Николаем Вознесенским.

Но всё это будет много позже, уже после того, как Жданов умрёт на Валдае от инфаркта, а Н. Вознесенский со товарищи в 2 часа ночи 1 октября 1950 года будет расстрелян, и тела их будут закопаны в безымянной яме на Левашовской пустыни под Ленинградом.

Завершался проект Генерального плана развития экономики СССР предположением его авторов, что к 1980 году станет возможным “одну треть потребляемого народного дохода распределить по потребностям”. В частности, бесплатными могут стать хлеб и картофель, а затем, по прошествии времени, и “почти все” продукты питания. Бесплатным должно было также стать обслуживание граждан “первоклассно поставленными по всем правилам техники и культуры столовыми, прачечными и другими культурно-бытовыми учреждениями”. Жилищное строительство должно было “обеспечить каждому трудящемуся отдельную благоустроенную комнату”, а каждой семье – отдельную квартиру. Коммунальные услуги должны были со временем стать полностью бесплатными. Кроме того, имелось в виду “предоставить каждому гражданину возможность пользоваться легковым автомобильным транспортом”.

На первый взгляд, всё это выглядит какой-то утопией, фантастическими мечтами, а ведь этот документ писали не журналисты и философы, а работники Госплана СССР!

Между тем, не такая уж это утопия. Как теперь, спустя почти 70 лет после расстрела “ленинградцев”, выясняется, Жданов и Вознесенский в 1947-1948 годах гениально уловили общемировую тенденцию формирования цивилизованного социального государства. Проявилась эта тенденция в том, что осенью 2015 года швейцарское правительство, а вслед за ним и парламентарии выступили с инициативой ежемесячно выплачивать своим гражданам (всем и каждому!) по 2 500 франков (2 250 евро), отменив при этом донельзя запутанную систему социальных льгот. 125 тысяч швейцарских граждан эту инициативу поддержали, и федеральное правительство приняло решение 5 июня 2016 года провести по этому поводу всенародный референдум.

Казалось бы, швейцарцы, как говорят у нас, что называется, “с жиру бессятся”. Ан нет! Эта идея набирает всё большую популярность и в других странах – в Финляндии, Нидерландах, Норвегии, Канаде, Швеции, Дании, Исландии. Мнения экспертов по оценке такого шага разнятся, но тенденция набирает всё большую популярность. Дело в том, что правительства развитых в экономическом отношении стран, идущих по пути построения социального государства, во всё большей степени запутываются в чрезвычайно расширенной, разветвлённой сетке социальных выплат и льгот и постепенно приходят к выводу, что экономичнее выплачивать определённые суммы в виде гарантированных ежемесячных выплат, проще в организационном отношении и с точки зрения сокращения государственного бюрократического чиновничьего аппарата³¹.

Разумеется, “просвещённая” Европа и знать не знала, что за 60 лет до её нынешних поисков наиболее эффективных форм в построении социального государства в концептуальном плане эти поиски уже шли в России. Об этом незнании тщательно позаботился Генеральный секретарь, расстреляв авторов этих идей и глубоко в архивы запрятав их наработки.

Вот только самого-то Сталина в истории с “ленинградцами” интересовало совершенно иное, а именно, выражаясь современным политическим слоганом, – какой политический дискурс будет в большей степени способствовать (если не сказать больше – гарантировать) укреплению созданного им, Сталиным, политического режима – **национальный – с опорой на русский народ – или советский**, при котором четверть населения СССР в составе союзных республик как жила 30 лет за счёт создаваемого на территории РСФСР прибавочного продукта и интеллектуального потенциала, так и будет продолжать это делать.

Поэтому Сталина пугали не только настроения у “ждановцев”, но и глубина и настойчивость в проявлении этих настроений.

Жданов ведь открыто записал в проекте новой партийной Программы: “Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий

русский народ... <который> по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций... Русский рабочий класс и русское крестьянство под руководством ВКП(б) дали всем народам мира образцы борьбы за освобождение человека от эксплуатации, за победу социалистического строя, за полное раскрепощение ранее угнетённых национальностей”.

В развитие и углубление этой мысли в проекте Программы подчёркивалась и особая роль русской культуры как самой передовой из культур составляющих СССР народов – в ждановской формулировке это звучало так: “ВКП(б) будет всячески поощрять изучение русской культуры и русского языка всеми народами СССР”.

По-видимому, в голове Сталина все эти моменты накапливались, а результатом стало то, что, в конечном итоге, вождь отклонил все наработанные “группой” Жданова подготовительные материалы к созыву XIX съезда ВКП(б) в 1947 году, отправил их в архив, а потом отказался и от самой идеи созыва партийного съезда, согласившись на его проведение уже после расправы с “ленинградцами” в 1952 году.

Собственно говоря, именно с категорического отклонения вождём материалов по подготовке к XIX съезду партии у Сталина и обозначилось угасание интереса к русской теме.

Интересы вождя и его заместителя по Секретариату ЦК стали всё больше расходиться по разные стороны выстраиваемой Сталиным идеологической баррикады. Вождь, авторитет которого в этот промежуток времени становился абсолютным, всё больше склонялся к тому, что в строительстве социалистического общества в СССР на первое место следует выдвигать не русский национальный фактор, а советский.

Совершенно неожиданно на стороне “ленинградцев”, объективно и совершенно автономно и самостоятельно, выступил крупнейший учёный-международник, пользующийся большим авторитетом не только в СССР, но и за рубежом.

В глазах вождя в это время большим авторитетом пользовался, и заслуженно, академик Евгений Варга (1879–1964). Будучи директором созданного им Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, Варга занимал должность академика-секретаря Отделения экономики и права АН СССР, был главным редактором целого ряда ведущих научных журналов (“Мировое хозяйство и мировая политика” и др.), экспертом советской делегации на Ялтинской и Потсдамской конференциях в 1945 году.

В 1928 году он предсказал начало “Великой депрессии” в США, а в 1932-м, когда все советские аналитики убеждали Генсека в том, что капитализм вследствие этой депрессии заканчивает своё историческое существование, Варга предсказал, что президент Рузвельт, применив экономическую теорию Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946), выведет экономику США из кризиса. В 1946 году, когда СССР уже втягивался в процесс “холодной войны”, и Сталин вернулся к предсказаниям Ленина о том, что противоречия капиталистической системы должны только обостряться, а потому нужно готовиться к тому, что это обострение неизбежно приведёт к войне за новый передел мира, Варга вдруг выступил против этого сталинского тезиса. Учёный публикует книгу “Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны”, где высказал мнение о временном смягчении противоречий в развитии капиталистической системы вследствие использования государства в управлении экономикой теории Кейнса правящими кругами США и других западных стран.

Более того, Варга направляет вождю целую серию специальных записок, где рекомендует Сталину отказаться от идеи насаждения родственных СССР политических режимов в странах Восточной Европы, не вбухивать в их экономики деньги и средства, а сконцентрировать все усилия советского государства на внутреннем экономическом развитии.

По сути, Варга, как и Н. Вознесенский, выступил против линии Маленкова, Берии и других, толкавших Сталина на ужесточение экономического давления на жизненный уровень советских людей, только что вышедших из невероятно тяжких условий войны и справедливо ожидавших от руководства СССР ослабления экономического давления на них.

Но Сталин не захотел принять во внимание основанные на солидном научном анализе прогностические выводы Варги. Более того, очень жёстко

отреагировал на выступление Евгения Самуиловича. Был ликвидирован возглавляемый им с 1925 года Институт мирового хозяйства и мировой политики, а на его месте создан новый Институт экономики Академии наук СССР.

Не прислушался “Великий кормчий” к советам Варги по поводу того, что не стоит взваливать на плечи СССР экономику стран Восточной Европы, как и тратить средства на дармовую поставку вооружений как нашим “социалистическим”, с позволения сказать, соседям, так и “прогрессивным” политическим режимам Азии. А жаль. Пройдут годы и десятилетия, которые с непреклонностью покажут, что Евгений Самуилович Варга был гениально прозорлив, предостерегая Сталина от стратегической ошибки. Не надо было навязывать странам Восточной Европы ту модель существования, которая с грехом пополам доковыляла до 1990-х годов и с грохотом обрушилась, безвозвратно погребая под своими обломками всю ту экономическую и прочую помощь, которую Советский Союз, вытягивая из себя последние жилы, оказывал “братьям по социалистическому лагерю”, лишая собственный народ многих материальных благ. Мало того, что сами мы надорвались, так ещё и в этих пресловутых “странах социалистической ориентации” воспитали враждебную к России интеллигенцию. Я уже не говорю о том, что вся эта экономическая, военная и прочая помощь оказывалась за счёт прибавочного продукта, создаваемого не во всём Советском Союзе, а в основном в самой большой союзной республике – РСФСР – и трудами самого многочисленного народа СССР – русского народа (об этой стороне дела будет сказано ниже).

Между тем, к 1947 году всю эту бешеную нагрузку перестало выдерживать большое сердце Жданова. Дело дошло до того, что в один из июльских дней 1948 года Жданов по дороге в Кремль по вызову Сталина потерял сознание прямо в машине и вместо кабинета вождя оказался в реанимационном отделении Кремлёвской больницы. 5 июля врачи вынесли категорический вердикт: Жданову немедленно нужно предоставить отпуск в доме отдыха средней полосы России минимум на два месяца.

Сталин всю серьёзность положения со здоровьем своего первого заместителя по партии осознал сразу и принял решение предоставить отпуск с 10 июля. Отпуск Жданову Политбюро немедленно предоставило, но перед Генсеком встала трудноразрешимая проблема: оказалось, что второго такого человека, которому бы Сталин доверял безоговорочно, в окружении вождя не было. 5 дней тяжёлых раздумий Сталина закончились тем, что на место Андрея Александровича, кроме Маленкова, выдвинуть оказалось некого. И хотя Маленков летом 1948 года уже стал наступать на пятки Жданову (1 июля 1948 года Сталин вернул ему должность секретаря ЦК и ввёл в состав Орготдела), но полностью заменить Жданова Маленков, в силу своих личных способностей, даже близко не мог. И потому Сталин 5 июля самолично набросал постановление Политбюро “О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)”, в котором многочисленные компетенции Жданова были распределены между пятью секретарями ЦК, и передал эти наброски для выработки окончательного текста постановления Маленкову как уже фактическому наследнику Жданова.

Маленков в точности выполнил волю Сталина и секретарей ЦК перечислил не по алфавиту, а по реальному весу: Жданов (отдел пропаганды и агитации), Маленков (отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов и сельхозотдел), Сулов (отдел внешних сношений), Кузнецов (отдел машиностроения и административный отдел) и Пономаренко (транспортный отдел и планово-финансово-торговый). Ранее почти все эти подразделения курировал Жданов.

Весьма любопытно, что уже 1 июля Маленков, что называется, “почуяв запах крови”, в первоначальном проекте постановления Политбюро от 10 июля предпринял попытку сильно ослабить ждановскую “команду” и ввёл в проект решения пункт, которого в черновиках Сталина не было: “передать отделам ЦК функции по подбору и распределению кадров, осуществляемые ныне Управлением кадров ЦК, а Управление кадров ликвидировать” (Управлением кадров с 1946 года, как известно, командовал А. Кузнецов). Сталин с этим пунктом не согласился и в окончательном тексте постановления Политбюро вычеркнул его³².

Тем не менее, с 10 июля 1948 года многие управленческие функции в партаппарате, которыми до этого момента обладал Жданов, перешли к Маленкову,

и вторым человеком в руководстве партийным аппаратом становится Маленков. А. А. Жданов 12 июля покидает Москву и убывает в двухмесячный отпуск на Валдай, где через 51 день его сердце остановится, а Георгий Максимилианович Маленков немедленно приступит к окончательному наступлению на оставшуюся без защиты своего шефа так называемую “ленинградскую команду”.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

6. Политическая технология Георгия Маленкова. Как начиналось и развивалось так называемое “Ленинградское дело”?

Если судить по текстам обвинительных приговоров, проекту секретного письма Политбюро членам ЦК ВКП(б) под названием “Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьёва и др.” от 12 октября 1949 года, представленному 18 января 1950 года Сталину министром госбезопасности СССР В. Абакумовым, проекту “Обвинительного заключения по делу привлекаемых к уголовной ответственности участников вражеской группы подрывников в партийном и советском аппарате”, “ленинградцам” были предъявлены следующие обвинения.

1. Проведение в Ленинграде без разрешения ЦК ВКП(б) так называемой Всесоюзной оптовой торговой ярмарки по реализации неликвидной потребительской продукции.

2. Фальсификация результатов выборов руководящих партийных органов в ленинградской партийной организации на партийной конференции в декабре 1948 года.

3. Пропажа в Госплане СССР с 1944 по 1948 годы 236 секретных документов, относящихся к планированию народнохозяйственного комплекса страны.

4. Занижение планов хозяйственного развития страны в первом квартале 1949 года.

5. Расхищение крупных государственных средств в целях личного обогащения.

Большинство пишущих о “Ленинградском деле” утверждают, что началось оно с проведения 10–20 января 1949 года в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки, которую руководители “второй столицы” провели якобы несанкционированно, превратили во всесоюзную и (тоже якобы) тем нанесли многомиллиардный (в рублях) ущерб народному хозяйству страны.

Произведённые мною архивные “раскопки” позволяют прийти к выводу, что это утверждение представляет собой либо добросовестное заблуждение, либо преднамеренную ложь и подтасовку фактов (сторонники этой версии обеими ногами стоят на тезисе “правильно расстреляли”)³³.

К этой пресловутой выставке мы ещё вернёмся, а сейчас следует отметить, что на самом деле всё началось гораздо раньше и совсем не с неё.

Осенью 1948 года в процессе доклада Н. Вознесенским плана экономического развития страны на 1949 год Сталину Генсеку показалось, что план роста промышленного производства первого квартала 1949 года выглядит слишком скромно, и он предложил повисить его на 5%.

В архивных документах не сохранилось следов мотивации этой сталинской интервенции. Думаю, однако, что причина была обыденно простой: Генсек сравнил поквартальные планы роста промышленности и не понял, почему темпы роста первого квартала ниже, чем последнего. Но как нередко бывает в политике, простота этой причины уподобилась тому малому камешку в горах, микроскопическое шевеление которого приводит в движение огромную лавину, которая потом в своём всё возрастающем охвате ломает леса и погребает под собой дома и селения.

Вознесенский, по идее, должен бы был объяснить вождю, что по стародавнему советскому обычаю в декабре люди из кожи лезут, чтобы закрыть год с хорошими показателями, получить свои премии и встретить Новый год с хорошим настроением, а первый квартал следующего года всегда начинается с раскачки и потом всё навёрстывается по ходу дела. Председатель Госплана едва не впервые в плане промышленного развития 1949 года отразил эти реалии, а не дутые цифры, но объяснять это Сталину у него смелости недоста-

ло. С поправкой вождя он согласился, а изменение натуральных показателей в плане оставил “на потом”, по-видимому, рассчитывая сделать это по ходу. Но до сведения подчинённых информацию о сталинской поправке довёл сразу же и приказал пересмотреть цифры первого квартала 1949 года в сторону увеличения.

Сотрудники Вознесенского при доработке плана это учли, и 15 декабря 1948 года три руководящих работника Госплана направили своему шефу записку, в которой сообщали, что в связи с перевыполнением плана 4-го квартала 1948 года имеется возможность изменить плановые натуральные показатели первого квартала следующего года в сторону увеличения на 1,7 млрд рублей. Вознесенский записку прочитал, с предложением согласился и прямо на тексте записки поручил внести соответствующие изменения в план первого квартала 1949 года.

Поручил, но исполнение не проверил. Распоряжение было сделано, но что-то в бюрократической машине Госплана не сработало сразу, и этим люфтом во времени (кстати сказать, очень недолгим) эффективно воспользовался Г. Маленков.

В аппарате Госплана нашлись люди, которые сообщили Маленкову, что председатель Госплана без должного уважения относится к замечаниям, высказываемым товарищем Сталиным, и не выполняет распоряжений вождя по формированию плана экономического развития страны на 1949 год.

Как сообщает главный специалист Государственного архива Российской Федерации О. В. Хлевнюк³⁴, опытный царедворец Маленков сам не стал информировать Сталина о том, что его распоряжение якобы проигнорировано начальником Госплана, а пошёл в атаку на Вознесенского обходным путём.

В начале февраля 1949 года человек Маленкова, первый заместитель председателя Госснаба СССР М. Т. Помазнев, вдруг, ни с того ни с сего направляет на имя Сталина записку о том, что председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский закладывает в годовые планы экономического развития страны заведомо заниженные показатели³⁵. Прямого выхода на Генсека у Помазнева, естественно, не могло быть, и потому записка ложится на стол Маленкову, который тут же отдаёт её Берии, а тот передаёт её Сталину.

Судя по дальнейшим событиям, Сталин сразу же, что называется, “навострил уши”. Генсек назначает комиссию Совмина СССР по проверке этого факта, а во главу комиссии, по совету Берии, ставит Маленкова.

Это был именно тот шаг, которого и добивался Маленков.

А между этими событиями Маленков сделал ещё один судьбоносный для “ленинградцев” шаг. Внешне он был направлен на компрометацию политического руководства Ленинграда и РСФСР, но цель-то была – политически подобраться к главной фигуре – Николаю Александровичу Вознесенскому, которым Сталин готовился заменить Маленкова на посту председателя Совмина СССР.

Речь шла о Всероссийской оптовой ярмарке в Ленинграде.

С этой ярмаркой с самого начала и до самого конца творились чудеса бюрократической эквилибристики.

Нынешние сторонники “правильности” действий Сталина в “Ленинградском деле” – питерская журналистка Е. Прудникова и итальянско-российский журналист (с двойным гражданством), выступающий под псевдонимом Сигизмунд Сигизмундович Миронин (настоящего своего имени он не раскрывает до сих пор, отделяваясь репликой, что не пришло ещё время) – утверждают, что ленинградское руководство, проводя в январе 1949 года в Ленинграде Всероссийскую торговую оптовую ярмарку товаров народного потребления и продовольственных товаров, совершило “антинародное преступление”, выразившееся в том, что в условиях, “когда страна только что начала отходить от голода 1947 года”, допустило порчу этих товаров, что якобы привело к “астрономическому ущербу в четыре миллиарда рублей”. “Уже за одно только это, – пишет из своего итальянского далека С. Миронин, – люди, совершившие подобный шаг, заслуживают самого серьёзного наказания”³⁶.

О чём в действительности идёт речь?

Никто сегодня уже не может ответить на вопрос, каким образом создавалась совершенно фантастическая ситуация, когда после войны, в условиях острой нужды, на складах Министерства торговли СССР скопилось неликвидных товаров народного потребления на сумму более 5 миллиардов рублей.

В том числе и продовольственных. Но терпеть такую ситуацию правительство не могло, и 14 октября 1948 года Бюро Совмина СССР под председательством Н. Вознесенского (председателем Бюро на тот момент был Сталин, а его заместителями, которые попеременно вели заседания, были Вознесенский, Маленков и Берия) приняло решение о разработке мероприятий по реализации этих неликвидов. Позднее в числе этих мероприятий были названы межобластные оптовые ярмарки, куда был разрешён вывоз этих неликвидов и их реализация. К слову сказать, инициатором организации таких мероприятий задолго до ленинградской ярмарки выступил именно Г. Маленков. 11 ноября 1948 года он подписал постановление Бюро Совмина СССР «О мероприятиях по улучшению торговли», где всем руководителям союзных республик и областей указывалось: «Организовать в ноябре-декабре 1948 года межобластные оптовые ярмарки, на которых произвести распродажу излишних товаров, разрешить свободный вывоз из одной области в другую купленных на ярмарке промышленных товаров»³⁷.

Наибольшее количество подобных товарных остатков собралось в РСФСР, и руководство республики (предсовмина РСФСР Н. И. Родионов) в точном соответствии с установившимся по таким поводам правилам вошло в Бюро Совета Министров СССР с предложением провести, в целях реализации этих неликвидов, 10–20 января 1949 года в Ленинграде выставку товаров скопившихся товаров, назвав эту выставку оптовой ярмаркой. В предложении выражалась просьба разрешить приглашение на участие в ярмарке торговых организаций союзных республик.

Бюро Совмина СССР предложение руководства РСФСР рассмотрело и приняло решение согласиться с ним. Председательствовал, в силу очередности, на этом заседании Бюро Н. Вознесенский.

В соответствии с этим распоряжением в Ленинград были свезены **образцы** товаров 450 наименований. Ярмарка прошла успешно. Как пишет профессор В. А. Кутузов, «по образцам заключались сделки и договоры на доставку товаров в различные районы. А до этого товары, в том числе и продовольственные, хранились на базах и складах производителей. Всего было предложено заключить договоры на поставку промышленных товаров на 6 млрд рублей и продовольственных – на 2 млрд рублей»³⁸. Об этих сделках 8, 11 и 21 января сообщала на своих страницах «Ленинградская правда». То есть всё происходило открыто и гласно.

Перевирая эти факты, Е. Прудникова, С. Миронин, А. Мартиросян пишут, что на эту оптовую ярмарку были якобы свезены **все** товары, они там якобы испортились и нанесли ущерб народному хозяйству на 4 млрд рублей³⁹, и потому, дескать, Сталин «правильно расстрелял» «ленинградцев»⁴⁰.

К сожалению, к этому искажению фактов присоединился и известный биограф Сталина С. Рыбас, который от своего имени написал следующее: «Однако на самом деле была проведена в Ленинграде с 10 по 20 января 1949 года Всероссийская оптовая ярмарка с участием торговых организаций союзных республик. Кузнецов, Родионов и Попков не только не получили разрешения на её проведение, но и не поставили ЦК и Политбюро в известность о предстоящей ярмарке. Налицо было превышение должностных полномочий целой группой высших партийных и государственных работников, их сговор. Ленинградские руководители и Родионов напрямую вышли на союзные республики, минуя Центр, создав до сих пор *небывалую управленческую коллизию и опасный прецедент.* Кроме того, устроители ярмарки не смогли толком реализовать продовольственные товары, свезённые в Ленинград со всей страны, что привело к их порче и ущербу в четыре миллиарда рублей. Нелишне напомнить, что именно в этот период колоссальные средства были направлены на восстановление народного хозяйства и создание атомного оружия. Ярмарка проводилась без рекламы»⁴¹.

К большому сожалению, Святослав Юрьевич в стремлении бросить тень на «ленинградцев» пошёл и на более сильное искажение истины. «Сталину было доложено, – пишет он в другой публикации, – что ленинградское руководство без согласования с Советом Министров СССР и Политбюро провело в Ленинграде общероссийскую ярмарку, которая по неизвестной причине получила статус Всесоюзной. Налицо были факты **самоуправства** (выделено мною. – **Вл. К.**), присвоения полномочий вышестоящего органа, бесхозяйственность. Нелишне напомнить, что именно в этот период колоссальные

средства были направлены на восстановление народного хозяйства и создание атомного оружия. Ярмарка проводилась без рекламы, на неё были вызваны **только партийные работники** (выделено мною. — **Вл. К.**), возглавляющие крупные области и города РСФСР, а это дало основания для подозрений, что под прикрытием ярмарки состоялся подпольный съезд крупных функционеров КПСС с тем, чтобы организовать новую Коммунистическую партию РСФСР⁴².

Здесь всё те же подтасовка и искажение фактов, всё та же логика (в огороде — бузина, а в Киеве — дядька).

Во-первых, повторюсь, решение о ярмарке принималось не «втихаря», а на Бюро Совмина СССР. Представители союзных республик, присутствовавшие на заседании, узнали и о ярмарке, и о товарах и немедленно (информация-то горячая!) уведомили об этом свои столицы. Поэтому никакой «небывалой управленческой коллизии», о которой с показушным ужасом пишет С. Рыбас, не было и в помине.

А во-вторых, позиция С. Рыбаса по этому вопросу в качестве профессионального историка вообще оставляет странное впечатление. Дело в том, что если на ярмарку съехались, как пишет С. Рыбас, **только (только!) партийные работники**, тогда кто же в ходе её проведения заключил договоры на сумму в 6 млрд рублей? Далее. Откуда Святослав Юрьевич взял утверждение, что ярмарка эта «получила статус Всесоюзной»?! Нигде ни в каких документах это название не встречается. За исключением только одного документа — написанного рукой Г. М. Маленкова Постановления Политбюро о снятии с должностей А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, П. С. Попкова от 15 февраля 1949 года⁴³. И слово «самовольно» появляется только именно в этом постановлении. Святослав Юрьевич так торопился предъявить претензии «ленинградцам», что даже партию назвал не ВКП(б), а КПСС, хотя современное её название появилось только в 1952 году, после XIX съезда. Я уже не говорю о том, что, мечась между стремлением оправдать Сталина, с одной стороны, и в то же время по возможности не обвинять «ленинградцев», с другой, Рыбас запутывается в своих собственных суждениях. Двумя годами ранее в 900-страничной монографии о Сталине, изданной в серии ЖЗЛ, этот исследователь высказал прямо противоположный взгляд по поводу этой пресловутой ярмарки. «Если учесть, — писал он ранее, — что в Ленинграде была проведена не Всесоюзная, а всероссийская оптовая ярмарка для распродажи товарных излишков, то все обвинения формально слабо мотивированы: обвинённые действовали в рамках своей компетенции»⁴⁴.

Впрочем, «оставим мёртвым погребать своих мертвецов» и вернёмся к тому, как события разворачивались дальше.

Не искушённые в кремлёвских интригах ленинградцы были абсолютно уверены в рутинности своих действий по поводу проведения этого мероприятия и никакого подвоха не опасались. Они не подозревали, что в Москве Маленков затеял большую политическую интригу против Н. Вознесенского с целью устранения его как соперника во власти. Столь же высокую наивность в таких делах проявил в этом случае и сам Николай Александрович Вознесенский.

И только председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов через три дня после начала работы ярмарки, 13 января 1949 года почувствовал, что что-то здесь идёт не так, и решил подстраховаться: направил Маленкову специальное письмо с докладом о ходе работы ярмарки и о проявлении большого интереса к ней со стороны торговых организаций союзных республик.

Но оказалось, что заместитель председателя Совета Министров СССР только и ждал повода для развития атаки на Н. Вознесенского. Сразу по получении этой депешки прямо на письме Родионова Маленков пишет: «Товарищам Берии Л. П., Вознесенскому Н. А., Микояну А. И. и Крутикову А. Д. Прошу Вас ознакомиться с запиской тов. Родионова. Считаю, что такого рода мероприятия должны проводиться **с разрешения** Совета Министров».

Крутиков А. Д. (1901–1962) — заместитель председателя Совмина СССР, председатель Бюро по торговле и лёгкой промышленности при СМ СССР. Позже по представительству Маленкова должности своей лишился.

Вот эта январская резолюция и стала по-настоящему спусковым крючком «Ленинградского дела».

Маленков и Берия немедленно расширяют поле наступления на, условно говоря, “ленинградцев”, и к двум главным направлениям (якобы непрофессиональное и политически неправильное руководство Н. Вознесенским Госпланом и опять же якобы превышение полномочий ленинградским руководством в деле проведения Всероссийской оптовой ярмарки, хотя бы и с разрешения заместителя председателя Бюро Совмина СССР Н. Вознесенского) Маленков добавил третье и тоже вывел его на Сталина.

Этим третьим эпизодом стали нарушения в подсчёте голосов во время выборов партийных руководителей в Ленинграде в конце 1948 года.

25 декабря 1948 года в Ленинграде состоялась X областная и VIII городская объединённая партийная конференция, в ходе которой были проведены выборы руководителей партийных органов. На должность 1-го секретаря горкома и обкома партии был избран Попков П. С., 2-го секретаря обкома партии — Бадаев С. Ф., 2-го секретаря горкома — Капустин Я. Ф., председателем Ленисполкома — Лазутин П. Г. Как было зафиксировано в протоколах избирательной комиссии, все руководители были избраны единогласно.

Но в первых числах января 1949 года в ЦК ВКП(б) на имя Сталина поступило из Ленинграда письмо анонимных авторов, в котором говорилось о том, что **“очень многие коммунисты”** голосовали против руководителей Ленинграда.

Письмо было анонимным, но не случайным. Судя по всему, оно было инспирировано из Москвы, и знающие люди подозревали тогда и так считают и сегодня, что этими анонимами были люди, связанные с Маленковым. Косвенно на это намекает бывший главный военный прокурор СССР, а потом заместитель генерального прокурора СССР А. Ф. Катусев (1939–2000) (после увольнения из органов подвизался консультантом в частных коммерческих фирмах, покончил жизнь самоубийством при невыясненных обстоятельствах в станице Голубинская Краснодарского края). Он был членом “Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и 1950-х годов”, работавшей в марте 1988 года. Незадолго до своей смерти рассказал под аудиозапись журналисту Столярову, что следы возникновения этого анонимного документа ведут к Маленкову: “...Маленков — один из главных вдохновителей “Ленинградского дела”. Он занимал в то время пост председателя Совмина СССР. Кузнецов, Попков, Родионов, Лазутин и Соловьёв были арестованы 13 августа 1949 года в кабинете Маленкова, а Вознесенский арестован на основании решения Пленума ЦК ВКП(б), проходившего 12–13 сентября 1949 г.”⁴⁵.

По существовавшим тогда правилам анонимные письма на имя Сталина (а это были сотни, а иногда даже и тысячи в день) на стол Сталина, как правило, не попадали. Их рассматривал аппарат Генсека, где конечной инстанцией, принимавшей решение класть их в папку для доклада или отправить гулять по аппарату ЦК партии, был генерал-лейтенант Поскрёбышев А. Н., заведующий канцелярией Генсека, личный секретарь Сталина. Кроме него, в Кремле было всего лишь два человека, кто мог лично положить на стол Сталина, то есть отдать ему в руки, анонимный документ — Берия и Маленков. Как попало к Генсеку это письмо из Ленинграда, теперь уже выяснить невозможно. Известно только, что Генсек держал его в руках, прочитал немедленно и вызвал Маленкова для прояснения ситуации.

Маленков, судя по всему, именно в этот момент и доложил Сталину не только о нарушениях партийной демократии при выборах руководящих органов на ленинградской партийной конференции, но и том, что в Ленинграде идёт какая-то “непонятная” “Всесоюзная” оптовая ярмарка, на которую съехались торговые делегации из всех союзных республик, и что ему, Маленкову, об этом мероприятии ничего не известно. О том, что ещё 11 ноября 1948 года именно Маленков как председатель заседания Бюро Совмина СССР рекомендовал проведение на территории СССР таких ярмарок, Георгий Максимилианович в разговоре со Сталиным, конечно, умолчал.

Сталин был обеспокоен и приказал Маленкову через Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) разобраться и с партконференцией, и с ярмаркой. Уже 12 января Комиссия доложила, что, действительно, против Попкова на партконференции было подано 4 голоса, против Бадаева — 2, против Лазутина — 2, против Капустина — 15⁴⁶.

Вот после двух дней работы этой Комиссии в Ленинграде, 13 января 1949 года, председатель Совмина РСФСР Родионов и направил письмо Маленкову о работе в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки, по-видимому, начиная подозревать о том, что в Кремле запущено колесо дискредитации российского руководства в глазах Сталина и что у штурвала этого колеса стоит именно Маленков.

Международный журналист Сигизмунд Миронин о работе комиссии КПК пишет так: “Попков, Капустин и Кузнецов подтасовали партийные протоколы по избранию на ответственные должности на объединённой партконференции города и области 25 декабря 1948 года, когда 23 бюллетеня с голосами “против” были заменены на положительные для руководства... В то время самым ужасным преступлением высокопоставленного партийного или государственного деятеля была измена. Но не меньшим преступлением была и фальсификация партийных выборов. *Дело партии было священным*, и в особенности внутрипартийные выборы тайным голосованием, которые считались наиболее эффективным инструментом внутрипартийной демократии”⁴⁷.

Оставим пока в стороне демагогические рассуждения Миронина (и Мартиросяна) о “священном” характере “внутрипартийной демократии” в ВКП(б). Не будем напоминать читателю и о том, сколько партийных функционеров, избранных в руководящие партийные органы до войны и после неё, расстались с жизнью по нормам этой самой “священной внутрипартийной демократии”, а таких были десятки тысяч.

Миронин не случайно не упоминает о том, что делегатов на упомянутой ленинградской конференции было около 1200, и четыре голоса, поданных против Попкова, ничего, конечно же, не решали.

Он просто-напросто вслед за Маленковым, Берией, Хрущёвым повторяет их ложь по поводу действий ленинградского руководства. Многие ведь даже тогда знали о казусе XVII съезда ВКП(б), прошедшего 26 января – 10 февраля 1934 года, так называемого “съезда победителей”. 1966 делегатов было избрано на этот съезд, из них 1227 с решающим голосом и 739 – с совещательным. Почти все они потом были расстреляны, но в данном случае речь идёт не об этом преступлении. После XX съезда КПСС стало известно, что несколько сот делегатов на том съезде при тайном голосовании руководящих парторганов проголосовало против членов Политбюро. Выживший после съезда член счётной комиссии этого съезда, делегат от московской парторганизации В. М. Верховых в записке в Комитет партийного контроля ЦК КПСС 23 ноября 1963 года вспоминал: “Сталин, кажется, имел 122 или 123 голоса “против”, а Молотов и Каганович – каждый более 100 голосов. Но все бюллетени “против” были уничтожены”.

Об этом инциденте в партии уже тогда знали многие. За что и поплатились. А современные западные “специалисты” по России хоть и говорят о том, что против Сталина на том съезде было действительно подано более сотни голосов, но признают, что этот факт никак не мог повлиять на выборы руководящих органов.

К тому же, как удалось выяснить Комиссии КПК, ни Попков, ни Лазутин, ни Капустин, ни другие руководители Ленинграда ничего не знали об этом инциденте. Председатель счётной комиссии партконференции А. Я. Тихонов не стал ставить в известность руководство Ленинграда и области о нескольких поданных голосах “против” и на конференции объявил, что все эти лица прошли единогласно.

Нет слов, это было нарушение партийных норм. Не вызывает удивления и то, что Маленков, а вслед за ним и Сталин, объявили это “фальсификацией” выборов. Им это было нужно для того, чтобы представить ленинградское руководство перед партийной общественностью города преступниками. Удивление вызывает другое, а именно то, что некоторые нынешние авторы, пишущие о “Ленинградском деле”, повторяют слова о фальсификации выборов. Так, С. Рыбас уже от себя, а не от имени Маленкова и Сталина, повторяет: “Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б)... выявила **факт** фальсификации”⁴⁸. Между тем, С. Рыбас мог бы заглянуть в толковый словарь русского языка, где прочитал бы, что под фальсификацией понимается сознательное изменение **качественного состояния** подделяемого предмета⁴⁹. А в уголовном праве РФ именно в этом плане (решающее изменение качества) установлена ответственность за фальсификацию избирательных документов,

документов референдума или неправильный подсчёт голосов (ст. 142 УК РФ).

Таким образом, выражение “фальсификация”, употреблённое Прудниковой, Мирониным, Рыбасом и другими, к выборам на ленинградской конференции отношения не имеет. Фальсификации выборов парторганов там не было. Нарушения были, а фальсификация – нет.

Не стану больше утомлять читателя подробным “разбором полётов” по поводу пропажи документов в Госплане с грифом “секретно” и обвинениях “ленинградцев” по части так называемого личного обогащения. При ближайшем рассмотрении ситуация, взятая в целом, показывает, что и здесь в основном идут подтасовки и домыслы. Материал этот в моём распоряжении имеется, но, скажу откровенно, возиться с ним и скучно, и омерзительно.

Объективный исследователь должен с сожалением констатировать, что “русской команде” (условно говоря) в борьбе с противостоящей ей группой Маленкова и Бери не достало политического умения и опыта.

Неосторожные политические ходы со стороны ждановской “команды” начались сразу же после запущенного вождём вышеприведённого “пробного шара” о возможном назначении своих наследников.

27 сентября 1947 года председатель Совета Министров РСФСР М. Родионов неожиданно для всего партийного ареопага направляет вождю следующий документ:

“Записка М. И. Родионова И. В. Сталину
о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР
Товарищу Сталину И. В.
27 сентября 1947 г.

Секретно

Прошу Вас рассмотреть вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

Создание Бюро, как мне представляется, необходимо для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и Союзное Правительтельство, а также для обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР, подлежащих рассмотрению Советом Министров РСФСР.

Наличие такого органа при ЦК ВКП(б) даст возможность привлечь ещё большее внимание местных партийных и советских организаций к более полному использованию местных возможностей в выполнении пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства.

Более лучшее использование местных возможностей особенно необходимо, наряду с Союзным хозяйством, и в таких отраслях, как городское хозяйство, дорожное строительство, сельское и колхозное строительство, местная промышленность, просвещение и культурно-просветительская работа.

Председатель Совета Министров РСФСР М. Родионов⁵⁰.

Одновременно с письмом Сталину Родионов направляет копию своего обращения к Генсеку и первому секретарю МГК и МК, секретарю ЦК Попову:

“Товарищу Попову Г. М.

Направляю Вам копию письма, посланного мною на имя товарища Сталина И. В. по вопросу создания Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Прошу Вас, Георгий Михайлович, поддержать эту просьбу.

М. Родионов. 27 сентября 1947 г.⁵¹.

В предложении Родионова не было ничего принципиально нового. Ещё 19 июля 1936 года по докладу Сталина ПБ образовало при ЦК ВКП(б) Бюро по делам РСФСР во главе с А. А. Андреевым для “предварительного рассмотрения хозяйственных и культурных вопросов, подлежащих обсуждению в СНК или в наркоматах РСФСР”. Бюро не имело своего аппарата и имело право пользоваться аппаратом Секретариата ЦК ВКП(б)⁵².

По всей видимости, эту свою колоссальной политической значимости Записку Родионов не один раз обсуждал с А. Ждановым. Во всяком случае, мне удалось обнаружить в архиве личную записку Михаила Ивановича Жданову, где он писал:

“Товарищу Жданову А. А.

Направляю Вам копию письма, посланного мною на имя товарища Сталина И. В. по вопросу создания Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

Прошу Вас, Андрей Александрович, поддержать эту просьбу.

М. Родионов⁵³.

Поднимал этот вопрос Жданов в своих встречах с вождём или нет — неизвестно. Как неизвестна осталась и реакция Сталина на письмо Родионова. Известно лишь то, что в числе посетителей вождя Родионов в этот период не значился. Правда, известно и нечто другое. В это же время на стол Генсека ложится выполненная по распоряжению В. Абакумова “прослушка” МГБ, зафиксировавшая на квартире секретаря ЦК А. Кузнецова разговор с Попковым и Родионовым о бедственном, по сравнению с другими союзными республиками, экономическом положении РСФСР и о желании этих троих создать ЦК Коммунистической партии РСФСР. С этого момента Абакумов взял за правило записывать все разговоры Кузнецова и Родионова и класть эти записи на стол вождя.

Похоже, Михаил Иванович действительно искренне верил в то, что ему удастся изменить положение РСФСР в семье союзных республик. Он даже провёл переговоры с композитором Д. Д. Шостаковичем на предмет создания гимна России. Шостакович согласился сразу, но заявил, что для написания музыки ему нужны стихи. Родионов обратился к Степану Щипачёву, и тот написал текст гимна России. Российский государственный архив социально-политической истории сохранил этот текст, который заканчивался куплетом:

*Славься, Россия — Отчизна свободы!
К новым победам пойдём мы вперёд.
В братском единстве свободных народов
Славься, великий наш русский народ!*

В 1991 году, когда встал вопрос о восстановлении символики независимой от СССР России, созданный “ленинградцами” гимн народным депутатам Верховного Совета РСФСР не понадобился. Не пришёлся он ко двору и руководителям новой России, от Ельцина до Путина, сталинский гимн СССР — и музыка, и слова — оказался более актуальным и в новую, послесталинскую, эпоху.

Но гимн — это, конечно, только деталь в сравнении с политической обстановкой, которая складывалась вокруг Родионова. Российский премьер зловецего (не могу подобрать в этом случае иного слова) молчания Сталина в ответ на своё письмо не оценил и ровно через год написал новое письмо. А предупредить его об опасности уже было некому: А. Кузнецова Маленков постарался от всей серьёзной информации отстранить (фактически блокировал), а Жданова 31 августа 1948 года не стало.

Буквально через неделю после смерти Жданова Родионов направляет Маленкову выдержанное в сугубо деловом официальном тоне письмо, где подробно объясняет необходимость восстановить справедливость (экономическую) в отношении РСФСР в сравнении с другими союзными республиками.

“Совершенно секретно.

Центральный Комитет ВКП(б)

Товарищу Маленкову Г. М.

В целях ещё более успешного выполнения важнейших задач хозяйственного и культурного строительства в Российской Республике назрела серьёзная необходимость создания Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

Это необходимо для:

а) предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и Союзное правительство.

В настоящее время такие вопросы, как народнохозяйственный план, бюджет Республики, при внесении их в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, предварительно нигде не рассматриваются. Поскольку Республика является ведущей и удельный вес её в СССР превышает все вместе взятые союзные республики, целесообразно эти вопросы предварительно рассматривать в партийном органе;

б) обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства Республики, подлежащих рассмотрению Советом Министров РСФСР.

В городах и рабочих посёлках РСФСР около 120 млн кв. метров жилой площади, огромное коммунальное и городское хозяйство, 877 тыс. км дорог союзного, республиканского и местного значения, 117 295 школ и в них около 16 млн учащихся, в республиканской и местной промышленности насчитывается 276 тыс. рабочих, в кооперативной промышленности Республики работают

свыше миллиона членов артелей и наёмных рабочих. План по товарообороту Министерства торговли РСФСР составляет около 65 миллиардов рублей в год и т. д.

Решение главных вопросов по этим отраслям работы требует предварительного их рассмотрения или согласования в партийном органе. Кроме того, для лучшего использования местных возможностей в решении этих задач настоятельно требуется привлечение местных партийных организаций;

в) повышение роли и ответственности советских органов перед вышестоящими советскими органами. Известно, что роль исполкомов в выполнении задач хозяйственного и культурного строительства в большинстве своём недостаточна, их ответственность перед вышестоящими советскими органами тоже недостаточна;

г) рассмотрения назревших вопросов советского строительства.

Прошло 12 лет, как принята Сталинская Конституция, но до сих пор нет положений о местных советах, что часто способствует разного рода нарушениям социалистической законности в работе местных советских органов.

Наконец, в отношении РСФСР требуется рассмотрение ряда организационных вопросов.

Нужно чётко определить роль и обязанности Министерства сельского хозяйства РСФСР. Положение, в котором сейчас находится это Министерство, является неопределённым. Нельзя считать нормальным, когда Министерство сельского хозяйства ведущей Республики лишено возможности заниматься вопросами жизни и работы колхозов, МТС, местных земельных органов и т. д.

В РСФСР нет Министерства государственной безопасности, внутренних дел, и республиканские органы лишены всякой информации по их линии.

В РСФСР нет своего печатного органа. Если напомнить, что все республики имеют свои печатные органы, то отсутствие печатного органа РСФСР трудно объяснить.

Прошу ЦК ВКП(б) рассмотреть вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

Председатель Совета Министров РСФСР

М. Родионов.

9 сентября 1948 г.⁷⁹

№ МР-1654⁸⁴.

Судя по личным пометам Маленкова на письме, он читал этот документ очень внимательно, отчеркнул первую фразу о необходимости создания Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, но дальше пометок на письме нет. Судя по всему, вчитавшись в текст, Маленков понял, что если выполнить всё, что Родионов просит в отношении повышения статуса РСФСР, то с Советским Союзом как единым унитарным государством можно будет попрощаться, на территории СССР останется только РСФСР и в подчинённом ей положении будут пребывать другие союзные республики.

В РГАНИ лежит письмо Родионова Сталину от 9 сентября 1948 года, где рукой вождя тоже отчеркнута именно та фраза, которую пометил и Маленков. Значит, Георгий Максимилианович никакого решения по письму российского премьер-министра сам принимать не стал, а сразу пошёл на доклад к Сталину и, опять же, судя по всему, с подачи Маленкова в сентябре 1948 года судьба М. И. Родионова была решена.

Российский премьер это почувствовал и попытался попасть на личный приём к Сталину. Но сумел дойти только до кабинета Поскрёбышева. В личном архиве Сталина лежит (без единой пометы!) клочок бумаги с рукописной запиской Родионова от 9 сентября 1948 года.

“Дорогой Иосиф Виссарионович!

Убедительно прошу Вас принять меня по вопросу о создании группы или Бюро ЦК по РСФСР.

М. Родионов”.

Вождь на эту записку не ответил, а вот Маленков получил “добро” на раскрутку так называемого “Ленинградского дела” и приступил к действию.

15 февраля 1949 года Политбюро ЦК принимает постановление “Об антипартийных действиях” и отрешении от должностей “ленинградцев”.

Проект текста постановления с крайне резкими оценками готовил Маленков (в машинописном тексте документе остались его личные вписывания), а на самом заседании Политбюро замечания в текст вносил Сталин. Все обвинения в адрес обсуждаемых лиц касались только оптовой ярмарки в Ленинграде,

но Маленкову впервые удалось в этом документе привязать к действиям ленинградского руководства А. Кузнецова и Н. Вознесенского, а во-вторых, совершить подмену понятий: Всероссийская оптовая ярмарка в Ленинграде **по образцам** товаров широкого потребления и продовольственных товаров (как она официально проходила по документам) в постановлении Политбюро была названа “Всесоюзной ярмаркой”.

Из текста документа можно было сделать вывод, что на ярмарку были свезены **все** имеющиеся в РСФСР неликвиды, и на этом основании и было построено основное обвинение. В этом якобы криминале удалось убедить и Сталина. Не думаю, что Генсек не заметил этой подтасовки, но для себя он уже, видимо, принял решение о расправе с “ленинградцами”.

В постановлении Политбюро всё это было выстроено по законам жёсткой драмы.

“Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т. т. Родионова М. И. и Попкова П. С.

На основании проведённой проверки установлено, что председатель Совета Министров РСФСР вместе с ленинградскими руководящими товарищами при содействии члена ЦК ВКП(б) тов. Кузнецова А. А. самовольно и незаконно организовал Всесоюзную оптовую ярмарку с приглашением к участию в ней торговых организаций краёв и областей РСФСР, включая и самых отдалённые, вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик. На ярмарке были предъявлены к продаже товары на сумму около 9 млрд рублей, включая товары, которые распределяются союзным правительством по общегосударственному плану, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к ущемлению интересов ряда краёв, областей и республик. Кроме того, проведение ярмарки нанесло ущерб государству в связи с большими и неоправданными затратами государственных средств на организацию ярмарки и на переезд участников её из отдалённых местностей в Ленинград и обратно.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает главными виновниками указанного антигосударственного действия кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т. т. Родионова и Попкова и члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А., которые нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины, поскольку ни Совет Министров РСФСР, ни Ленинградский обком ВКП(б) не испросили разрешения ЦК ВКП(б) и Совмина СССР на проведение Всесоюзной оптовой ярмарки и, в обход ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, самовольно организовали её в Ленинграде.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у т. т. Кузнецова А. А., Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации. . .

В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) от т. Вознесенского предложение “шефствовать” над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году т. Попков к т. Вознесенскому Н. А., а также неправильное поведение т. Попкова, когда он связи Ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б) пытается подменить личными связями с так называемым “шефом” т. Кузнецовым А. А.”

В тексте постановления была усмотрена связь такого поведения “ленинградцев” с действиями Зиновьева, который “прибегал к таким же антипартийным методам”.

В постановляющей части Родионов, Попков и Кузнецов отрешались от своих должностей⁵⁵.

А потом наступила очередь Н. Вознесенского.

5 марта 1949 года состоялось совместное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) и Совмина СССР, принявшее Постановление ЦК “О Госплане”. Проект Постановления был вновь написан лично Маленковым и принят без каких-либо изменений. Вёл заседание Политбюро Сталин.

Текст постановления Политбюро по своей тональности и лексике резко отличается от всех подобного рода документов. Маленков вложил в этот текст все свои эмоции по отношению лично к Вознесенскому. Вот только некоторые пассажи из этого документа.

“Являясь общегосударственным органом для планирования народного хозяйства СССР и контроля за выполнением государственных планов, Госплан должен быть абсолютно объективным и на сто процентов **честным** органом, – говорилось в документе, – в работе его совершенно недопустимо **вихляние и подгонка цифр**, “ибо попытка подогнать цифры под то или другое предвзятое мнение есть **преступление уголовного характера**”.

В результате проверки, произведённой Бюро Совета Министров СССР в связи с запиской Госснаба СССР (т. Помазнев) о плане промышленного производства на I квартал 1949 года, вскрыты факты **обмана Госпланом СССР Правительства**, установлено, что Госплан СССР допускает **необъективный и нечестный** подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, что выражается, прежде всего, **в подгонке цифр с целью замазать** действительное положение вещей, вскрыто также, что имеет место смыкание Госплана СССР с отдельными министерствами и ведомствами и занижение производственных мощностей и хозяйственных планов министерств. Всё это подтверждается следующим:

1. Постановлением от 29 сентября 1947 г. Совет Министров СССР признал недопустимой повторившуюся в 1947 году практику снижения валовой продукции промышленности в I квартале по сравнению с ГУ кварталом предыдущего года и указал на необходимость не только не допустить снижения производства в I квартале 1948 г., но и достигнуть дальнейшего серьёзного увеличения выпуска промышленной продукции.

Госплан СССР вместо того, чтобы **честно выполнять** директиву Правительства, встал на путь **обмана Правительства** и в этих целях ввёл с I квартала 1948 года подозрительное новшество в планировании, начав определять темпы роста промышленности без сезонных отраслей...

Совет Министров СССР рассматривает отмеченные выше **антигосударственные действия как сопротивление со стороны Госплана СССР линии партии и Правительства** в вопросе обеспечения систематического роста промышленного производства в I квартале по сравнению с IV кварталом...

Совет Министров Союза СССР постановляет:

1. Признать совершенно нетерпимыми вскрытые при проверке **факты обмана Госпланом СССР Правительства, преступную практику подгонки цифр**, осудить неправильную линию Госплана СССР...

Отметить, что проверка показала, что т. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом СССР, не проявляет обязательной, особенно для члена Политбюро, партийности в руководстве Госпланом СССР и в защите директив Правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана СССР, вследствие чего в Госплане СССР культивировались **непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана Правительства, преступные факты по подгону цифр** и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана СССР **хитрят с Правительством**.

Обязать Госплан СССР решительно покончить с **антигосударственной практикой**...

2. Освободить т. Вознесенского от обязанностей Председателя Госплана СССР...

Председатель Совета Министров Союза ССР И. Сталин

Управляющий Делами Совета Министров СССР Я. Чадаев⁵⁶.

Роль Маленкова вообще была самой зловещей в этом “деле”. Сын его А. Г. Маленков попытался было оспорить роль своего отца в уничтожении “ленинградцев”⁵⁷, но документы неопровержимо свидетельствуют об обратном.

Если документы ЦК КПСС в 1955 году возлагают на Маленкова ещё только “моральную” ответственность за “ленинградский процесс”⁵⁸, то в 1957-м и в 1988 году он уже был прямо обвинён в организации этого “дела”⁵⁹.

Материалы КПК при ЦК КПСС 1989 года не оставляют никакого сомнения в участии Г. М. Маленкова в этом “деле”: “С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г. М. Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания. Для создания видимости существования в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Г. Маленкова были произведены массовые аресты... Более года арестованных

готовили к суду, подвергали грубым издевательствам, зверским истязаниям, угрожали расправиться с семьями, помещали в карцер и т. д. Психологическая обработка обвиняемых усилилась накануне и в ходе самого судебного разбирательства. Подсудимых заставляли учить наизусть протоколы допросов и не отклоняться от заранее составленного сценария судебного фарса. Их обманывали, уверяя, что признания “во враждебной деятельности” важны и нужны для партии, которой необходимо преподать соответствующий урок на примере разоблачения враждебной группы. Однако вопрос о физическом уничтожении Н. А. Вознесенского, М. И. Родионова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина был предрешён до судебного процесса”⁶⁰.

На пленуме ЦК в 1957 году Маленков был вынужден признаться в том, что Кузнецова, Попкова, Родионова, Лазутина и Соловьёва 13 августа 1949 года он сам пригласил к себе в кабинет, где они и были арестованы офицерами НКВД даже без предъявления санкции прокурора.

Функции непосредственного исполнителя репрессий в отношении “ленинградцев” с огромной энергией выполнял министр госбезопасности В. Абакумов. По малейшему намёку Сталина Абакумов приказывал производить аресты, приказывал пытать фигурантов по “Ленинградскому делу”, а если те отказывались подписывать наветы на самих себя (а они отказывались), помещал их в карцер-холодильник на несколько суток. Арестованных сотни раз вызывали по ночам к следователям и сутками не давали спать⁶¹. А когда это не помогало, то подвергали зверским избиениям.

Ради выполнения приказа вождя добиться “признаний” от арестованных Абакумов не только подвергал их истязаниям, но шёл на совершенно фантастические обещания и беспардонный обман и ложь. В материалах заседания КПК при ЦК КПСС 1988 года были записаны показания следователей о том, что они обещали арестованным “ленинградцам” сохранить им жизнь, каков бы ни был приговор, и даже если их приговорят к высшей мере, то его никогда не приведут в исполнение, а направят их на под другими именами на некую подпольную партийную работу в Сибирь и на Дальний Восток⁶².

В архивах не сохранились свидетельства этих пыток, так как “ленинградцы” если и писали бумаги, то только такие, в которых они опровергали возводимую на них ложь. Но на следователей они не жаловались, считая это ниже своего достоинства. В этом они кардинально отличались от своих палачей.

А Абакумов был именно таким палачом с большой выдумкой и с большим энтузиазмом. “Когда Абакумова после смерти Сталина судили, Генеральный прокурор СССР Роман Руденко сказал: “Я не хочу расшифровывать некоторые формы пыток с тем, чтобы не унижать достоинство тех лиц, к которым они применялись”.

Но сам Абакумов при этом, даже когда его арестовали, стремился сделать вид, что он якобы многого не знал.

Вот, например, в архиве сохранилась жалоба В. Абакумова на бывших его непосредственных подчинённых, которые подвергали его пыткам после его собственного ареста (Абакумов был арестован в июле 1951 года по распоряжению Сталина, а в декабре 1954 года по распоряжению Хрущёва приговорён к расстрелу).

Письмо арестованного Абакумова В. С. из тюремной камеры:

“Товарищам Берии и Маленкову.

Дорогие Л. П. и Г. М.!

...Со мной проделали что-то невероятное. Первые восемь дней держали в почти тёмной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовали таким образом, что я спал всего лишь час-полтора в сутки, и кормили отвратно. На всех допросах стоит сплошной мат, издевательства, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол...

Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день) я провёл восемь суток. Установка включалась, холод всё время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал, был обманут... Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг. 23 марта это чуть не кончилось смертью — меня чудом отходили и положили в санчасть,

впрыснув сердечные препараты и положив под ноги резиновые пузыри с горячей водой...

...Уважающий Вас В. Абакумов.
18 апреля 1952 г.”⁶³.

К этому письму следует добавить, что камера-холодильник, которую описывает в своём письме Абакумов, была той самой, куда по требованию Сталина, чтобы ускорить процесс “признания” в якобы совершённых ими преступлениях, Абакумов лично приказывал поместить Н. А. и А. А. Вознесенских.

Так что Абакумов испытал “всего лишь” то же самое, на что он обрекал “ленинградцев”.

Но это всё было потом, когда Сталин уже расправился с “ленинградцами”, и Абакумов больше не был ему нужен. А в августе 1950 года вождь приказал своему министру госбезопасности предоставить ему список обвиняемых по “Ленинградскому делу”, и уже 10 августа такой список на 10 человек был Генсеку предоставлен. Прочитав список, вождь разгневался тем, что в списке были названы “всего лишь” 10 человек, в грубой форме и в матерных выражениях обругал Абакумова за “мягкотелость”, потребовал увеличить список до 33 человек и приказал добиться от арестованных признательных показаний, а если они “не признаются” в своих “преступлениях”, то их “нужно побить”. Поскольку министр не знал, кого ещё включить в список, то Сталин лично вписал карандашом в список ещё 23 фамилии.

23 августа 1950 года Абакумов представил Сталину новый проект обвинительного заключения, уже на 33 человека, с протоколами допросов и личными “признаниями в преступлениях”, полученными за эти месяцы от арестованных.

Но текст обвинительного заключения, представленный Абакумовым, Сталина вновь не удовлетворил, тогда за дело взялся Маленков.

По проекту обвинительного заключения, составленному Маленковым, Генсек лично “прошёлся” с карандашом в руке и оставил в нём плотную личную правку. Как уже говорилось выше, изменил очерёдность перечисленных фамилий. Вместо Н. А. Вознесенского на первое место вывел Кузнецова, а Вознесенского переместил на третье, написав: “Во главе обвиняемых поставить Кузнецова, затем Попкова и потом Вознесенского”. К Кузнецову вождь вообще проявил повышенное внимание.

Надобно отметить, что, в конце концов, вся эта кропотливая работа с проектом закрытого письма во многом оказалась напрасной: Генсек так и не решился познакомиться с творением Маленкова и Берии не только широкую общественность, но даже членов ЦК ВКП(б). Вплоть до его смерти о расстрелах и репрессиях по этому “делу” знал только самый узкий круг лиц. А тех, кого согнали в Ленинграде на так называемый “открытый процесс” в Доме офицеров, запугали так, что никто из них до самой смерти Генсека не решился раскрыть рот.

Возникает естественный вопрос: почему Сталин не решился на обнародование этой информации? Ведь когда в 1930-е годы он уничтожал своих старых соратников по партии и военные кадры, об этом не только знала вся страна, но специально проводились массовые публичные мероприятия с осуждением обвиняемых. Почему же в случае с процессами 1949-1950 годов была соблюдена такая секретность?

Думаю, что Сталин опасался огласки именно потому, что массовая расправа им совершалась над представителями этнически **русской** руководящей элиты. Он ведь только что, после войны вознёс здравицу русскому народу, признав, что именно благодаря его таланту и мужеству СССР победил гитлеровскую Германию. Более того, Сталин хоть и в очень узком кругу своих приближённых, но всё-таки практически принёс вслух извинения русскому народу за военные поражения 1941 и 1942 годов.

Наверное, интуиция вождя подсказывала ему, что опасаться было чего. Прошло всего четыре года после Победы, а кровавым репрессиям подвергли именно тех, кто в основном вынес на своих плечах эту Победу, — представителей государственного, партийного, военного и хозяйственного аппарата не только Ленинграда и Ленинградской области, но практически всех областей центральной России и выдвиженцев РСФСР на руководящую работу в другие союзные республики.

Таким образом, мы подходим к главной причине возникновения “Ленинградского дела”.

Главное обвинение, предъявленное “ленинградцам” со стороны Сталина, было обвинение в “русском национализме”, которое, по его мнению, могло привести к распаду Советского Союза, а в этом вопросе Генсек о компромиссах не хотел даже слышать.

Маленков и Берия мысли Сталина в “Ленинградском деле” угадали и в проекте закрытого письма к членам ЦК написали прямо:

“Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавлился вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б), о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и др. мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и союзное правительство проводят **антирусскую политику** и осуществляют протекционизм в отношении других национальных республик **за счёт русского народа**. В группе было предусмотрено, что в случае осуществления их планов Кузнецов А. должен был занять пост первого секретаря ЦК РКП(б)...”.

Правда, авторы проекта перебрали с усердием. Они так хотели оправдать “Ленинградское дело”, что в проект письма ввели “шпионский след”.

“Следует учесть, – писали Берия и Маленков, – что с одним из руководящих членов этой группы Капустиным, как выяснилось теперь, во время пребывания его в 1936 году в Лондоне установила связь английская разведка. Сейчас стало очевидным, что Кузнецов А. и Попков имели сведения об этом, но скрыли их от ЦК ВКП(б)”.

Но тут они явно перестарались. Во-первых, Сталин не поверил в шпионскую связь Капустина с английской разведкой (Абакумов не смог предоставить Генсеку каких-либо доказательств на этот счёт, и этот сюжет не вошёл ни в обвинительное заключение по “делу”, ни в приговор).

А во-вторых (и это, видимо, и было главным соображением), Сталин просто не решился включать в письмо опасный тезис о том, что русские коммунисты захотели иметь свою собственную организационно оформленную компартию. Генсек не стал подписывать такой политически взрывоопасный документ своим именем. Поэтому сначала он зачеркнул подпись под письмом – “секретарь ЦК И. Сталин” и написал своей рукой: “Центральный Комитет ВКП(б)”. А потом и вовсе отказался от рассылки этого документа.

Правда, правка Вождя на этом не закончилась. В проект письма членам ЦК он внёс ещё два исправления. Дело в том, что Маленков в проект письма членам ЦК внёс ещё три фамилии, не испросив на это разрешения у вождя. “Следует указать на неправильное поведение Косыгина А. Н., который оказался как член Политбюро не на высоте своих обязанностей, – внёс своей рукой в черновик документа Георгий Максимилианович. – Он не разглядел антипартийного, вражеского характера группы Кузнецова, не проявил необходимой политической бдительности и не сообщил в ЦК ВКП(б) о непартийных разговорах Кузнецова и др.

Политбюро считает также необходимым отметить ту политическую ответственность, которая ложится на Жданова А. А. за враждебную деятельность ленинградской верхушки... Сейчас трудно объяснить, как мог Жданов А. А. не разглядеть вражеского лица Кузнецова, Попкова, Капустина, Соловьёва и др., которых он настойчиво выдвигал...

Политбюро считает также нужным сказать, что наиболее влиятельные из лиц, замешанных во враждебной работе, являются людьми, близкими к тов. Молотову...

...Исходя из сказанного Политбюро выносит на рассмотрение Центрального Комитета ВКП(б)... предложения... Вывести из состава Политбюро тов. Косыгина А. Н.; обязать т. Молотова дать объяснения ЦК ВКП(б) в связи с тем, что касается изложенного в настоящем письме, и поручить Политбюро рассмотреть эти объяснения”.

В целом Маленков верно угадал настрой вождя, судьба “ленинградцев” Сталиным была решена ещё до получения им этого документа: большинство перечисленных в его глазах подлежали физическому уничтожению. Большинство, но не все. Синий карандаш вождя вычеркнул из текста всякое упоминание о Косыгине и Молотове (оба они были оставлены членами Политбюро ЦК). Судя по пометам на тексте, наибольшее мучение Сталину доставило определиться в отношении покойного уже бывшего его первого заместителя

по Секретариату ЦК. Сначала Генсек на полях документа написал, что глава “преступной группы” “ленинградцев” А. А. Кузнецов “злоупотребил доверием тов. Жданова”, потом зачеркнул этот пассаж и пометил: “кадровые назначения происходили при поддержке тов. Жданова, питавшего полное доверие к Кузнецову”. Потом слово “полное” было им зачёркнуто и заменено на “безграничное доверие”. В конце концов, Сталин дважды зачеркнул слово “безграничное”, вновь заменил его на “полное” и так и оставил в конечном варианте.

В конечном итоге, Сталин так и не решился направить такое письмо членам ЦК, написав на нём: “В архив”, – и разрешил начать судебный процесс.

7. Судилище в Ленинграде

Вся эта драма развивалась стремительно, всего около года. Летом 1949 года начались аресты, а уже 30 сентября 1950 года в Ленинграде состоялся суд, который правильнее было бы назвать судилищем.

Перед этим, 4 сентября 1950 года на стол вождю легла бумага за подписью министра МГБ В. С. Абакумова и Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции А. П. Вавилова:

“Сов. секретно

Центральный Комитет ВКП(б)

товарищу Сталину И. В.

При этом предоставляем обвинительное заключение по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина, Родионова, Турко, Закржевской и Михеева. Всего в количестве девяти человек.

Считаем необходимым осудить всех их Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР, причём основных обвиняемых Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина и Родионова, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года, – к смертной казни – расстрелу, без права помилования, с немедленным приведением приговора суда в исполнение. Турко – к 15 годам тюрьмы, Закржевскую и Михеева – к 10 годам тюремного заключения каждого.

Состав суда определить: председательствующий – заместитель председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР генерал-майор юстиции Матулевич И. О., члены суда – генерал-майор юстиции Зырянов И. М. и генерал-майор юстиции Детистов Ю. В.

Дело заслушать в Ленинграде без участия сторон (прокурора и адвокатов) в закрытом заседании, без опубликования в печати, но в присутствии 100–150 чел. из числа партийного актива ленинградской организации.

Слушание дела, с учётом необходимой тщательной подготовки судебного разбирательства, можно было, по нашему мнению, начать 25 сентября 1950 года.

Просим Ваших указаний.

Абакумов
Вавилов”.

На обвинительном заключении Сталин написал: “Во главе обвиняемых поставить Кузнецова, затем Попкова и потом Вознесенского”.

28 сентября обвинённым дали расписаться на обвинительном заключении. 29 и 30 сентября состоялось судебное заседание. В ночь на 1 октября было вынесено решение суда. Спустя час после оглашения приговора шесть обвинённых по распоряжению Матулевича были расстреляны, тела их зарыты на Левашовской пустоши под Ленинградом и засыпаны негашёной известью. Депутата Верховного Совета СССР, заместителя председателя Владимирского облисполкома И. М. Турко, заместителя заведующего Отделом партийных органов ЦК ВКП(б) Т. В. Закржевскую и депутата Верховного Совета СССР, заместителя председателя Владимирского облисполкома Ф. Е. Михеева осудили на длительные сроки тюремного заключения.

Существуют свидетельства очевидцев того судилища. Одним из таких очевидцев был член Политбюро ЦК КПСС вплоть до октябрьского (1964 года) Пленума ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома в 1950–е годы Ф. Р. Козлов. В 1957 году он лично подробно рассказал Геннадии Куприянову⁶⁴ о деталях этого судебного процесса.

Судебное заседание шло 28–30 сентября 1950 года. Часто прерывалось на час-два. Во время этих перерывов председательствующий Матулевич

связывался со Сталиным и докладывал детали и подробности о том, как ведут себя обвиняемые.

В первый же день, когда председательствующий спросил А. А. Кузнецова, признаёт ли он себя виновным, тот ответил твёрдо и решительно: “Нет, не признаю!” Не признали также себя виновными и Н. А. Вознесенский, М. И. Родионов, П. С. Попков.

Тогда заседание суда прервали и обвиняемых увели в тюрьму. Через день заседание суда возобновилось, обвиняемых Кузнецова, Попкова, Вознесенского ввели под руки, они были так избиты, что сами уже не могли двигаться. Их усадили в кресла и снова начали допрос. “Признаёте ли вы сейчас себя виновными?” – спросили снова у Кузнецова. Он уже не мог встать и, безжизненно махнув рукой, чуть слышно прохрипел: “Признаю!”

Признали себя виновными и все другие подсудимые. И лишь один Николай Алексеевич Вознесенский нашёл ещё в себе достаточно сил, чтобы сказать: “Нет! Не признаю. Можете меня расстрелять, но я не совершил никакого преступления!”⁶⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Медведев Р. А. “Андропов”. М.: Молодая гвардия. 2006. С. 7.

² Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013. С. 186–187.

³ Хантингтон, Самюэль. Столкновение цивилизаций (пер. с англ. Т. Величьева). М.: АСТ. 2018. С. 234.

⁴ Цит. по: Романов П. В. Россия и Запад на качелях истории: От Александра III до Сталина. СПб.: Торгово-издательский дом “Амфора”, 2015. С. 282. Одна из наиболее известных книг Э. Саттона *Trilaterals over America* (“Америка во власти Трёхсторонней комиссии”) была им опубликована в 1979 году, после чего по настоянию правительства США Саттон был лишён финансирования своих исследований в Гуверовском институте Стэнфордского университета (США). Исходя из приведённой выше цитаты Саттона и целой серии опубликованных им книг, становится понятным, почему именно В. Путин, начиная с 2005 года, вызывает такую неприкрытую ненависть Уолл-стрит и верхушки политического класса США.

⁵ См. подробно: Кузнецовский В. Д. Сталин. “Посредственность”, изменившая мир. М.: ЗАО “ОЛМА Медиа Групп”, 2010. С. 247–255.

⁶ В 1997 году в Софии на болгарском языке были изданы секретные дневники Георгия Димитрова, председателя Коминтерна под названием “Георгий Димитров. Кремлёвские вожди. 1934–1948. Свидетельства дневника Г. М. Димитрова”. Есть перевод на английский язык. На русский переведены не были. См.: letopis.vip-top.ru/when/20/dimitrov2.php.

⁷ Полный текст письма Ленина Покровскому от 5 декабря 1920 года, см.: Кузнецовский В. Д. Сталин и “русский вопрос” в политической истории Советского Союза. 1931–1953 гг.”. М.: Центрполиграф. 2016. С. 24.

⁸ Отечественная история. 1994. № 3. С. 148.

⁹ Историк-марксист. 1932. № 3. С. 50.

¹⁰ См.: Архив Российской Академии наук РФ (РАН). Ф. 1759. Оп. 2. Д. 13. ЛЛ. 158, 163, 169. Честь первого обнаружения этих стенограмм принадлежит А. Л. Юрганову. См.: Юрганов Андрей Львович. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГУ. 2011, глава 1 и 2.

¹¹ В июле 1930 года на московском совещании историков-марксистов академик М. Н. Покровский в своём выступлении на заседании Общества историков-марксистов (выступление даётся по стенограмме), реагируя на требования украинского Общества историков-марксистов признать тот факт, что “русская помещичье-буржуазная и мелкобуржуазная историография отрицала самостоятельность украинского народа, самостоятельность украинской истории”, и требование от русской марксистской историографии признать “самостоятельность истории Украины на всём протяжении исторического развития украинского народа”, решительно возразил: “Но Украина государственной самостоятельности никогда не имела. И во второй половине XVIII, и в течение всего XIX и начала XX века Украины как государства не было. Так что мы не понимаем, что это значит – “самостоятельность истории Украины”, получается, что на “всём протяжении исторического развития украинского народа” самостоятельного государства у него не

- было, а история, выходит, была?” И далее издевательски заметил: “Что же мы должны... воображать, что в это время Николай I, Александр II и III были украинскими гетманами, что ли? (*Смех в зале*)”. – Цит. по: Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. С. 34–41.
- ¹² Сразу после окончания работы партийного съезда печать союзных республик широко и активно подхватывала этот мотив. Так, например, газета “Правда Востока” в номере от 6 августа 1930 года, акцентируя внимание на том, что “борьба с великодержавным шовинизмом — наша основная задача”, призывала “калёным железом выжечь колонизаторскую язву”, гнездящуюся в толще русских коммунистов.
- ¹³ Волынец А. Н. Жданов. М.: Молодая гвардия, серия ЖЗЛ. 2013. С. 113.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 131. Л. 131.
- ¹⁵ Многолетний Председатель Госплана В. И. Межлаук (1893–1938), один из главных теоретиков и организаторов системы советского планирования и индустриализации СССР, был в 1937 году арестован и приговорён к расстрелу. В тюрьме написал статью “О плановой работе и мерах её улучшения”.
- ¹⁶ Сталин понимал, что хоть в декабре 1945 года он и отобрал у Берии пост министра внутренних дел, но тот передал свои полномочия своему выдвиженцу Круглову С. Н., а значит, нужно было проложить прокладку между Берией и Кругловым. Вот Кузнецов и должен был выполнять роль такой “прокладки.” Забегая вперёд, стоит сказать, что неискушённый в царедворческих интригах А. А. Кузнецов с этой ролью справился плохо.
- ¹⁷ Бушueva Т. С. Закрытое Совещание в Москве, в ЦК ВКП(б) 1944 года по важнейшим проблемам возникновения русской государственности. – URL rusnauka.com>4_SPD_2013/istoria/1_127735.doc.htm.
- ¹⁸ Честь открытия стенограммы этой речи принадлежит профессору РГГУ Андрею Львовичу Юрганову.
- ¹⁹ См.: А. Л. Юрганов. Цит. пр. С. 484.
- ²⁰ На июньском (1957 года) Пленуме ЦК КПСС Маленкову было предъявлено прямое обвинение в том, что это именно он организовал фальсификацию “Ленинградского дела”. Стоя на трибуне, Маленков всё отрицал. Тогда (согласно неправленной стенограмме) голос из зала крикнул: “Но вы были секретарём ЦК! Кузнецова арестовали по выходе из вашего кабинета! **Маленков:** Совершенно правильно. К моему стыду, ряд лиц был у меня как у завотделом, их арестовали по выходе из кабинета, это верно, я не отрицаю... Но аресты производились по решению соответствующих инстанций, причём были соответствующие показания и доказывалось это. Я теперь вместе с вами также возмущаюсь и сам считаю себя виновником. Это абсолютно верно”.
- ²¹ **Тройки НКВД СССР или республиканские, краевые и областные тройки НКВД СССР** – органы административной (внесудебной) репрессии при республиканских, краевых и областных управлениях НКВД СССР, созданные в целях проведения операции по репрессированию “антисоветских элементов” и действовавшие в СССР с августа 1937-го по ноябрь 1938 года.
- Тройки НКВД СССР осуществляли свою деятельность в соответствии с Оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова от 30 июля 1937 года № 00447 “Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов” в составе руководителя управления НКВД СССР по республике (краю, области), секретаря обкома ВКП(б) и прокурора республики (края, области); имели право приговаривать арестованных лиц к расстрелу, а также к заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет.
- ²² РГАНИ. Фонд 3. Оп. 22. Ед. хр. 108. Л. 1. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 января 1947 года № П56\34 100-кп.
- ²³ См. выписку из протокола № 59 заседания Политбюро от 15 июля 1947 года, п. 48: “О проекте новой Программы ВКП(б)”. – РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 108. Дело № 7-Д\1-2. Л. 7.
- ²⁴ Полный текст этого документа см.: РГАНИ. Ф. № 3. Оп. 22. Ед. хр. № 107-108-а. Л. 105–152. Все дальнейшие вставки из проекта Программы даются по этому источнику. *Примечание автора:* О конкретной работе над этим документом мне в 1984 году во время работы в Президиуме АН СССР рассказывали академики П. Н. Федосеев и М. Б. Митин.
- ²⁵ См. Алексей Волынец. Ленинградское дело; 2013-03-01 и 2013-02-19.

- URL АПН <http://www.apn-spb.ru/publications/article/112341.htm> (дата обращения: 2015.02.23).
- ²⁶ Пыжиков А. В., Данилов А. А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. ОЛМА-ПРЕСС. 2002. С. 132–133.
- ²⁷ Там же. С. 138–139.
- ²⁸ Там же. С. 207, со ссылкой на РГАСПИ.
- ²⁹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР”. М.: 1953. С. 43–44.
- ³⁰ Там же. С. 48, 54–55.
- ³¹ Подробно эта сторона дела описана в книге: Кузнецhevский В. Д. Эпоха Владимира Путина. М.: Центрполиграф. 2018. С. 102–112.
- ³² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 28–29; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1513. Лл. 75, 77, 79–80.
- ³³ Судьбы людей. “Ленинградское дело”. СПб: Норма. 2009. С. 46.
- ³⁴ Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН. 2010. 478 с.
- ³⁵ Услугу Помазнева Маленков позже оценил высоко. Сразу после Постановления Политбюро ЦК о снятии Н. Вознесенского с поста председателя Госплана 13 марта 1949 года Сталин принимает предложение Маленкова о назначении Помазнева управляющим делами Совмина СССР, награждает его орденом, а позднее Помазнев становится кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Но Маленков отдавал себе отчёт в том, что он сам и Помазнев слишком уж явно замазаны в “Ленинградском деле”, и потому после смерти Сталина сразу же убирает Помазнева из Москвы, направляя его председателем Областной плановой комиссии в Рязань, а записку Помазнева по поводу Вознесенского со своими письменными следами из архива изымает. На сегодняшний день текста этой записки-доноса более не существует. Сохранилась лишь запись о том, что этот документ товарищем Маленковым из архива “Ленинградского дела” изъят и не возвращён.
- ³⁶ Миронин С. С. Сталинский порядок. М.: Алгоритм, 2007. С. 114–115.
- ³⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 127.
- ³⁸ Судьбы людей. “Ленинградское дело”. СПб.: Норма. 2009. С. 47–48.
- ³⁹ См.: Мартиросян А. Б. Двести мифов о Сталине. Миф № 176: “Сталин незаконно и жестоко расправился с ни в чём не повинными руководителями ленинградской организации. (“Ленинградское дело”). – URL http://gramotey.com/?open_file=12690884#ТОС_id290036.
- ⁴⁰ Судьбы людей... С. 46.
- ⁴¹ Рыбас С. Ю. Московские против питерских: “Ленинградское дело” Сталина. М.: Алгоритм. 2013. С. 134.
- ⁴² Святослав Рыбас, историк, писатель. “Ленинградское дело”: разгром “русской партии”. Культура. 3–16 августа 2012 года. С. 7.
- ⁴³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 35–36.
- ⁴⁴ Рыбас С. Ю. Сталин. 2-е изд. М.: Молодая гвардия. 2010. С. 814.
- ⁴⁵ Столяров К. А. Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 1997. С. 135.
- ⁴⁶ См.: Шульгина Н. И. Цит. пр.
- ⁴⁷ Миронин С. С. Сталинский порядок. М.: Алгоритм, 2007. С. 113.
- ⁴⁸ Рыбас С. Ю. Московские против питерских: “Ленинградское дело” Сталина. С. 134.
- ⁴⁹ Фальсификация результатов голосования – изменение качества в сторону ухудшения при сохранении внешнего вида... – Большой толковый словарь русского языка. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб: НОРИНТ. 2004. С. 1415.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 569. Л. 68.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 569. Л. 67. Первый секретарь МГК был, по-видимому, поопытнее в царедворских интригах и на письмо не ответил. Возможно, что этим спас себе жизнь. Не случайно ведь из всех назначенцев Жданова после “Ленинградского дела” в живых остались только два человека – Попов и Косыгин. Попов был снят со своих должностей Сталиным только в декабре 1949 года и был назначен вначале министром городского хозяйства СССР, затем последовательно директором ряда авиационных заводов, а после смерти Сталина – послом в Польшу. На пенсию Г. Попов ушёл в 1965 году в возрасте 59 лет, а умер на 61-м году жизни в своей постели, пережив всю “команду” Жданова на целых 17 лет.

- ⁵² Там же. Оп. 3. Д. 979. Л. 3-4.
- ⁵³ Там же. Л. 8.
- ⁵⁴ РГАНИ. Центральный Комитет ВКП(б). Политбюро. Особая папка. Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 63. Дело № 7-Б\4-а. Л. 10-12.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 15.20. Л. 125, 126, 127.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 59. Л. 107-116.
- ⁵⁷ Маленков А. Г. О моём отце Георгии Маленкове. М.: НТЦ Техноэкос. 1992. С. 88.
- ⁵⁸ Из постановления Пленума ЦК КПСС. 31 января 1955 года “О товарище Маленкове Г. М.”
“Заслушав доклад тов. Хрущёва Н. С. о тов. Маленкове Г. М. и полностью одобряя предложения Президиума ЦК по этому вопросу, Пленум ЦК КПСС считает... “Тов. Маленков несёт моральную ответственность (*только моральную!* — **Вл. К.**) за позорное “ленинградское дело”, созданное Берией и Абакумовым, оклеветавшими перед И. В. Сталиным ряд руководящих работников... Тов. Маленков, находясь в столь тесных отношениях с Берия, не мог не знать о клеветнических наветах на этих работников со стороны Берия перед И. В. Сталиным”.
- ⁵⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130.
- ⁶⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130.
- ⁶¹ Л. А. Вознесенский, знакомящийся с архивным делом своего отца, рассказал автору этих строк, что после ареста следователь 98 раз вызывал Алексея Александровича для допроса, каждый раз в два часа ночи. Допросы всегда продолжались по 4-4,5 часа.
- ⁶² Летом 2012 года я спросил Л. А. Вознесенского, что означали в этом документе КПК слова о том, что следователи обманывали арестованных? Сославшись на беседы с членом Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС А. И. Кузнецовым, Лев Александрович рассказал, что следователи НКВД убеждали “ленинградцев”, что если они подпишут навязываемые им протоколы допросов, то на самом деле их не расстреляют, а направят на подпольную партийную работу.
- ⁶³ Цит. по: Столяров К. А. Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 1997. С. 57.
- ⁶⁴ Куприянов Г. Н. (1905-1979). В 1937-1950 годах — первый секретарь ЦК КП(б) Карелии, депутат Верховного Совета СССР, участник военных действий в Великой Отечественной войне на территории Карелии, генерал-майор. В 1950 году осуждён по “Ленинградскому делу” (как утверждал бывший председатель КГБ СССР А. Шелепин, по доносу своего бывшего подчинённого, второго секретаря ЦК КП(б) Карелии Ю. В. Андропова), приговорён к смертной казни, которая позже была заменена на длительное тюремное заключение. В 1956 году освобождён, в 1957 году полностью реабилитирован.
- ⁶⁵ Куприянов Г. Свидетельствую. Звезда. 1989. № 3. С. 176.

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

РУССКИЙ КРЕСТ

Мировая демография и глобальная конфликтность

В конце 2018 года Росстат сообщил, что **число умерших в стране превысит число родившихся сильнее**, чем когда бы то ни было в 2010-х годах. Одновременно миграционный прирост (число прибывших на жительство в Россию минус число уехавших из страны) снизится и не покроет “естественную убыль”. При этом в стране ежегодно умирает все меньше людей, однако рождаемость снижается ещё быстрее. Для массового сознания эта новость выглядит сенсационно, но для демографов, учёных и специалистов (как российских, так и зарубежных), которые занимаются проблемами социально-экономического развития, обеспечения общественной безопасности, это ожидаемые цифры.

Например, на совещании руководителей спецслужб США в августе 2018 года, которое проходило в *Институте сложности Санта-Фе*, был сделан доклад ведущих западных демографов – Дэвида Коумэна и Джека Голдстейна о влиянии демографических факторов на глобальную конфликтность в 2019–2035 гг. В частности, они отмечали, что Россия является единственной страной, входящей в число “топ-50”, у которой с 1991 г. наблюдается устойчивое снижение численности населения. За 26 лет естественный рост населения за счёт превышения показателей рождаемости над смертностью имел место только в 2013, 2014 и 2015 гг. Начиная с 2019-го по 2035 гг. будет иметь место феномен, получивший название в демографической науке – **Русский крест**. А именно, устойчивое превышение показателей смертности над рождаемостью в масштабах, с трудом компенсируемых (либо не компенсируемых) внешней миграцией. В течение всего прогнозируемого периода расхождение между рождаемостью и смертностью будет увеличиваться. Это связано с последствиями демографических тенденций в 80–90-х гг. прошлого века и первое десятилетие нынешнего.

В период Горбачева имел место резкий рост рождаемости, при некотором снижении смертности, а во времена Ельцина – резкое падение рождаемости при беспрецедентном аномальном увеличении смертности. В настоящее время Россия занимает по уровню смертности 126-е место в мире между Сенегалом и Новой Каледонией. В то же время по рождаемости Россия ничем не отличается от Восточной Европы и лишь незначительно превышает показатели западноевропейских стран ЕС.

Согласно данным колледжа НАТО в Брюсселе, количество жителей России к 2035 г. сократится с нынешних 141 млн до примерно 130 млн человек.

Происходит ускоренное перераспределение населения между регионами. Из года в год уменьшается численность населения Приморья, Дальнего

Востока, Восточной Сибири, Европейского Севера, а также прилегающих к нему северо-восточных областей России – районов исторического обитания русского этноса. За 1992–2017 гг. численность населения в этих районах уменьшилась на 7 млн человек. Есть все основания полагать, что процессы в ещё более интенсивном темпе продолжатся и в 2018–2035 гг. Пока русские остаются наиболее многочисленным народом России, оставляя позади все другие вместе взятые народности и национальности. Однако тенденция для русского этноса складывается неблагоприятная, если в 1989 г. русских было почти 120 млн, в 2010 – 111 млн, то в 2020 г. будет не более 103 млн, а в 2025 г. – менее 98 млн человек. Особенно интенсивно численность русского этноса сокращается в Приморье, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири и в северо-восточных районах европейской части России.

Численность мусульманского населения значительно колеблется в зависимости от официальных и неофициальных оценок. Согласно данным официальной переписи населения, в России в начале десятых годов проживало 20 млн мусульман. Однако в 2017 г. глава Чечни Р. Кадыров заявил в Эр-Рияде о том, что численность граждан России мусульманского вероисповедания оценивается в 32 млн человек. В публикациях Государственной Думы за 2017 г. фигурирует цифра 36 млн человек из 145 млн человек, проживающих в России с учётом Крыма.

Коуэн и Голдстейн полагают, что неофициальные оценки ближе к реальности, чем данные официальной переписи. Соответственно численность мусульманского населения без мигрантов составляет в настоящее время как минимум 35 млн человек. В 2017 г. РАНХиГС опубликовал доклад, посвящённый национальному составу населения Москвы. В нем фигурируют следующие цифры. Русские – 31%, азербайджанцы – 14%, татары, башкиры и чувашаи – 10%, украинцы – 8%, армяне – 5%, уроженцы государств Центральной Азии – 5%, корейцы, вьетнамцы, китайцы – 5%, чеченцы, дагестанцы, ингуши – 4%, евреи – 2%.

Согласно докладу Международной организации по миграции (МОМ) по итогам 2015 г. Россия заняла третье место в мире по количеству мигрантов – 12 млн человек. Из них порядка 2,5 млн – нелегалы. Из указанной численности не менее 7 млн приходится на легальных и нелегальных мигрантов из мусульманских стран Центральной Азии – Киргизии, Узбекистана и Таджикистана.

В последние годы из-за долгосрочной рецессии российской экономики резко сократился приток как легальных, так и нелегальных мигрантов. В нулевые – первой половине десятых годов поток мигрантов позволял сохранять численность населения России и компенсировать массовый отток русского населения с Дальнего Востока, из Приморья и Восточной Сибири. В будущем этот фактор либо будет уменьшаться, либо начнёт действовать совершенно иначе, чем в первые 15 лет XXI века. Последнее, по мнению консультантов американских спецслужб, может произойти, если Центральная Азия станет новым регионом гражданских войн с участием террористических организаций типа ИГИЛ и Аль-Каиды.

В целом российская демографическая ситуация имеет все черты катастрофы. На ближайшие 15 лет вне зависимости от усилий власти население России будет стареть, уменьшаться в численности и формировать всё более неблагоприятную для обеспечения суверенитета систему расселения. По сути, регионы Дальнего Востока, Восточной Сибири, Приморья и Европейского Севера превратятся из малонаселённых в де-факто ненаселённые зоны. Уже сегодня плотность населения в этих регионах на порядки уступает плотности населения на Аляске, в Канаде, на севере Скандинавии. Также американские исследователи считают, что весьма вероятен сценарий, когда в крупнейших мегаполисах России – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге – большинство населения составят представители мусульманской общины, в основном уроженцы Северного Кавказа и центрально-азиатских стран и поволжских этносов.

При этом Коуэн и Голдстейн полагают, что если российские катастрофы начала и конца XX века приходились на периоды спада глобальных конфликтов, то третья российская катастрофа может оказаться либо триггером, либо кульминацией глобальных кризисных явлений.

А как в целом выглядит мировая демографическая ситуация?

Демографический переход

Подавляющее большинство академических исследователей, разведывательных аналитиков и практикующих политиков полагают, что именно демографические процессы в силу их высокой независимости трудно регулируются внешними факторами, они не поддаются жёсткому целенаправленному управлению.

При этом в течение последних 100 лет различные страны и глобальные сообщества пытались управлять динамикой народонаселения. Политикам и элитам представлялось, что управляющие воздействия ведут к запланированным результатам. Однако каждый раз оказывалось, что ближнесрочно ожидаемые результаты приводили к неожиданным, в основном к негативным последствиям.

Коумэн и Голдстайн считают, что в настоящее время происходит процесс демографического перехода. Это — одно из главных событий человеческой истории последних трёх столетий. Демографический переход для населения мира представляет совершенно особый период, связанный с резким замедлением темпов роста населения. Впервые демографические процессы привлекли к себе внимание после публикаций *Томаса Мальтуса*. Современный же взгляд на демографию сложился под влиянием работ американского демографа *Френка Ноутстейна*, голландского аналитика *Ван де Каа*, австрийского физика и математика *Хейнса фон Ферстера* и главного аналитика *Rand Corporation Кингсли Дэвиса*.

В докладе, подготовленном RAND для президента Кеннеди, указывалось, что “на протяжении 99% человеческой истории рост населения Земли был похож на медленное и неуверенное движение пламени по длинному тонкому фитилю, пока, наконец, огонь не достиг порохового заряда и не взорвался. В течение миллиона или более лет численность людей на планете оставалась либо постоянной, либо увеличивалась с бесконечной медлительностью, временно расцветая в некоторых областях мира, но в других районах почти не зная роста... Даже после появления сельского хозяйства население мира росло настолько медленно, что по современным стандартам казалось стационарным. И лишь после начала промышленной революции в XVIII, XIX и XX веков население стало расти опережающими темпами. Из года в год увеличивался не только прирост населения, но и его темпы”.

В настоящее время среди исследователей и аналитиков продолжает оставаться влиятельной теория гиперболического роста с последующим резким замедлением. Суть этой теории, впервые сформулированной в 1960 г. знаменитым математиком фон Фёрстером, состоит в том, что численность населения планеты будет стремительно нарастать по экспоненте, и в итоге уже в районе примерно 2036 г. превысит все мыслимые размеры. Однако уже сегодня можно утверждать, что этот сценарий не случится.

Согласно данным, если с 1960 по 2000 гг. население планеты удвоилось, на что потребовалось всего 40 лет, предыдущее удвоение заняло 65 лет. Перед этим — 140, до этого — 400, а ещё раньше — 3000. Имеющиеся в распоряжении федеральных органов власти и разведывательного сообщества в 70-е гг. прошлого века данные заставляли оценивать демографический рост и сопряжённую с ним потребность дополнительных ресурсов питания, энергетики и т. п., как одну из главных угроз цивилизации.

Именно эта тема, наряду с противостоянием в СССР в Холодной войне, в значительной степени определяла внешнюю и внутреннюю политику Соединённых Штатов. Не зря одним из важнейших следствий американо-китайского сближения в конце 60-х — начале 70-х гг. было согласие Китая — самой населённой и быстрорастущей по численности населения страны мира — на резкое ограничение рождаемости, обеспеченное не только медицинскими, но и запретительными административными мерами. Возможно, именно это решение сыграло судьбоносную роль в динамике глобальной демографии. Начиная с 80-х гг. прошлого века наблюдается непрерывное снижение темпов роста населения, которое получило название второго демографического перехода. Более того, целый ряд демографов полагают, что в районе 2030–2035 гг. численность населения мира стабилизируется.

Процессы демографии ещё со времён основания Римского клуба постоянно находятся под пристальным вниманием политиков. Как правило, они

обращают внимание, прежде всего, на темпы прироста населения и анализируют зазор между динамиками рождаемости и смертности. Лишь в последнее время в центре внимания наряду с рождаемостью и смертностью стала проблема миграции.

До сих пор демографы продолжают снабжать действующих политиков и разведывательное сообщество весьма противоречивыми гипотезами относительно резкого замедления темпов роста населения в последние 30 лет с вероятной перспективой выхода в районе 2030–2035 гг. на плато стабильной численности населения планеты. Значительная часть из них на основании перелома динамики делает вывод о кризисе человечества, исчерпании его жизненных сил и угасании творческих возможностей. Коумэн и Голдстейн говорят, что данный вывод не справедлив. Как известно, человечество является единственным биологическим видом, который на протяжении истории демонстрировал способность к резкому увеличению популяции. Как правило, основные виды животного мира в рамках ценозов стараются поддерживать стационарную численность, а резкое увеличение или уменьшение рассматривается как патология.

Однако более важно другое обстоятельство. Представленные выше выводы сделаны на основе умозаключений и качественных соображений. Если же обратиться к статистике, то ситуация станет понятной. Промышленная революция действительно резко изменила характер воспроизводства. Широкое использование технологий, в том числе бизнесберегающих, и максимизация производства продовольствия вели в Европе и Северной Америке в XIX веке, а в третьем мире во второй половине XX века к снижению смертности. Она утрачивала роль системного регулятора численности населения. Затем в ответ на снижение смертности, а также в результате улучшения здравоохранения и роста уровня жизни с распространением потребительских ценностей заметно уменьшалась рождаемость. В результате население постепенно старело.

То, что произошло в последние 50 лет с динамикой глобального населения, невозможно понять без учёта региональных особенностей динамики численности народонаселения. То, чем оперировали демографы, а именно глобальными показателями рождаемости, смертности и численности — это средняя температура по больнице. Она скрывала и скрывает совершенно разные, иногда противоположные, процессы в региональном разрезе. В Европе и Северной Америке ещё с начала XX века началось падение темпов роста народонаселения, а с конца XX века произошла стабилизация численности населения большинства стран мира. В Китае эти процессы начались в последней четверть XX века, а в остальном мире — в начале XXI века.

Таким образом, налицо общемировой процесс, связанный со снижением смертности, а затем и рождаемости по мере роста доходов населения на основе освоения достижений индустриальных и постиндустриальных технологий. Казалось бы, можно однозначно сделать вывод, что предостережения Римского клуба об опасности демографических процессов для будущего человеческой цивилизации оказались ошибочными. Однако это не так.

Действительно, дав неправильный прогноз будущей динамики численности населения, Римский клуб, тем не менее, с опережением спрогнозировал дестабилизирующую роль демографических процессов для будущего цивилизации. Правда, эта дестабилизирующая роль связана не с динамикой рождаемости и смертности и соответственно неконтролируемым ростом населения, а с динамикой миграционных процессов.

Миграция в первой трети XXI века

В истории человечества всегда наблюдались миграционные потоки. Их влияние на судьбы государств и империй было различным. Хорошо известно, что так называемое “переселение народов”, а именно интенсивное движение алтайско-монгольских, тюркских и германских племён из Азии в Европу, по сути, покончило с Западной Римской Империей. Многие политики предостерегают жителей Западной Европы и Северной Америки, что если не принять срочных мер в отношении миграции из Азии и Африки, они могут повторить судьбу древних римлян. Действительно, ещё до падения Западной Римской Империи в течение III–IV вв. нашей эры произошло замещение коренных италийцев и галлов на территории Западной Римской Империи на германские племена и отчасти выходцев из Восточной Азии. В результате, сначала в населении Западной

Римской Империи скачкообразно возросла доля мигрантов из-за Рейна и из азиатских степей, а уже затем ослабевшая империя достаточно быстро пала под натиском новых пришельцев.

Проверенные статистические данные свидетельствуют, что в последние 25 лет новые миграционные потоки, особенно с Ближнего Востока, Передней Азии, Северной и отчасти Тропической Африки, Центральной Азии и Латинской Америки вносят все возрастающий вклад в формирование населения Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, а также стран с господствующим славянским населением на постсоветском пространстве. В начале XXI века миграционный прирост стал главным компонентом ещё сохраняющегося прироста населения в большинстве стран ЕС, а также в России, на Украине и в Беларуси.

Миграция способна привести к существенным изменениям этнического, культурного и религиозного состава населения принимающих стран, особенно если в миграционные потоки вовлекается население, для которого характерны сложные многопоколенческие семьи, кланово-родовая организация сообществ и высокая рождаемость. Северо-восточный университет Бостона провёл расчёты изменения соотношения мигрантов и коренного населения стран ЕС, США и России. Во всех этих странах от 25 до 35% населения не позднее 2045–2050 гг. будут составлять мигранты в первом или втором поколениях. При такой доле мигрантов неизбежна трансформация жизненных стандартов, культуры и уклада жизни в целом на данных территориях.

Как показывают антропологические исследования, при наличии в составе населения более 15% носителей другого культурного кода, преимущественно молодого – до 40 лет – возраста, неизбежными становятся культурные трансформации и коренного населения. Одновременно резко, иногда на порядки, увеличивается доля межэтнических браков в общей численности вступающего в брак населения. Хотя точный количественный анализ происходящих процессов осуществить невозможно в силу уникального характера процесса, есть основания полагать, что приведённые выше соображения являются императивами и не могут быть изменены даже при проведении активной государственной политики, нацеленной на сокращение миграции. История человечества свидетельствует, что мощные миграционные потоки всегда и везде приводили к необратимым культурно-поведенческим трансформациям коренного населения и, более того, вели к формированию новых народов, даже при сохранении базового языка.

Американское общество и миграция

Как известно, Администрация Президента Д. Трампа осуществляет широкий комплекс мер по пресечению незаконной миграции. При этом численность проживающих на территории США незаконных мигрантов не превышает в настоящее время 11,4 млн человек, что составляет менее 3% всего населения Соединённых Штатов. Соответственно целенаправленные усилия по пресечению незаконной миграции, имеющие большое значение для укрепления правопорядка, борьбы с организованной преступностью, перераспределением средств федерального бюджета на нужды граждан США, а не на выплаты нарушителям закона, не смогут оказать сколько-нибудь серьёзного влияния на долгосрочные демографические процессы в Соединённых Штатах. Страна, состоявшаяся как нация мигрантов, таковой и останется на всю обозримую перспективу.

Бюро цензов США опубликовало в 2017 г. очередной прогноз структуры населения США по этническому признаку.

Годы	1950	1970	1990	1995	2010	2020	2050
Всего:	100	100	100	100	100	100	100
Белые	87	83	76	74	67	56	49
Афроамериканцы	10	11	12	12	13	14	15
Азиаты	1	1	3	3	5	8	8
Латиноамериканцы	3	5	9	10	14	21	27

Ещё в 1950 г. белое, нелатиноамериканское население США составляло 87% всего населения страны и соответственно полностью определяло жизненные ценности, культуру, образование и политическую активность. В 2050 г., а возможно и раньше, белое нелатиноамериканское население останется крупнейшей этнической группой в стране, но перестанет быть большинством. Фактически США превратятся в сообщество меньшинств. Это неизбежно изменит до неузнаваемости не только культурный ландшафт, черты гражданского общества, но и политические расклады в стране.

Главный фактор изменения соотношения долей разных этнических групп населения в общей его численности – это в основном миграция, и в меньшей степени разница в уровне рождаемости. Что касается этого показателя, то он в настоящее время практически одинаков у белых, афроамериканцев и азиатов. Что касается латиноамериканцев, то их рождаемость примерно на треть выше, чем в среднем по стране, и примерно в полтора раза выше, чем у белых американцев.

При этом латиноамериканские семьи имеют ярко выраженный межпоколенческий характер, когда под одной крышей или в тесном контакте живут три поколения семьи, связанные прямым и косвенным родством. Также латиноамериканцы отличаются гораздо большим уровнем социальной взаимопомощи, внутриэтнической солидарности и взаимодельствия по сравнению не только с белыми, но и с афроамериканцами. Надо иметь в виду и ещё одно обстоятельство, часто упускаемое демографами. Если среди белых американцев доля атеистов, агностиков и пассивно верующих (не посещающих по воскресеньям и религиозным праздникам церковь) составляет около 45%, а среди молодёжи – 70%, среди афроамериканцев соответственно 50% и 75%, то верующие католики – латиноамериканцы составляют 85% от численности всей этнической группы, и более 75% среди молодёжи.

Западная Европа

Миграционная ситуация в странах ЕС значительно различается. Наиболее острая ситуация сложилась с Германией. По состоянию на 2018 г. в стране проживает более 12 млн иностранцев. В соответствии с центральным регистром, к иностранцам относят лиц, имеющих вид на жительство или долгосрочную рабочую визу. Таким образом, в настоящее время в Германии более 13% населения это – иностранцы.

Существенно различаются оценка численности и доли немецких граждан, законных и незаконных мигрантов, исповедующих ислам. Согласно данным германского правительства, таковых в настоящее время 5 млн. В то же время, по сведениям Центра демографии в Гамбурге, выполнившего в 2017 г. исследования по заказу партии “Альтернатива для Германии”, уже в 2017 г. в Германии находилось 7,5 млн мусульман, или примерно 8% населения. К 2025 г., согласно этому докладу, численность мусульман увеличится до 12–14 млн человек и составит около 15% населения страны.

По мнению Коумэна и Голдстейна, Германия прошла точку невозврата в отношении сохранения традиционной исторической идентичности. У коренного населения нет иного выхода, как смириться с превращением Германии в мультиэтническое общество. Германская проблема в значительной степени заключается в том, что целенаправленная законная инфильтрация иных этнических групп была выбрана как основное направление обеспечения рабочих неквалифицированных мест кадрами ещё в 60-е гг. прошлого века. Ещё тогда в городах Германии стали формироваться сначала турецкие, а затем боснийские и косовские кварталы. Особо необычная картина сложилась в Германии в последние три-четыре года. Если ещё в 2014 г., по данным Федерального управления статистики, примерно половину зарегистрированных иностранцев составляли представители культурно близких стран ЕС и других стран европейского региона, прежде всего России и Украины, то в последние годы картина коренным образом изменилась. По данным Федерального управления статистики, в 2015–2017 г. около 35% законных мигрантов составили сирийцы, 15% – афганцы и 11% – иракцы. Что же касается почти миллиона незаконных мигрантов, проживающих в лагерях на территории Германии, то практически все они выходцы из стран Ближнего Востока. При всем желании Германия не может сегодня обойтись без мигрантов, на долю которых приходится

более 60% рабочих мест с тяжёлыми, вредными либо требующими больших физических нагрузок рабочими местами.

При этом, ситуация в Германии в негативную сторону отличается от ситуации во Франции. Мусульманская община Франции на сегодняшний день является крупнейшей в Европе. Сколько мусульман проживает во Франции? На этот простой вопрос не так легко ответить. Как ни странно, это один из самых оберегаемых секретов страны. Причина сокрытия официальной статистики может быть связана с тем, что французские власти толерантно отказываются признавать связь между мусульманским населением и террором.

Впрочем, цифры говорят, что в Марселе – втором по величине городе Франции – из 850 000 жителей 220 000 – мусульмане (по неофициальной статистике, их не менее 40%). А ведь именно Марсель считается самым небезопасным городом Европы. По данным CSA – структуры, проводящей опросы на основе религиозной принадлежности, – во Франции 6% мусульман. Неофициальные источники называют совершенно другую цифру: 13–15%. Это значит, что в 60-миллионной Франции может проживать не менее 9 миллионов мусульман.

А вот какие данные в начале 2016 г. опубликовал журнал l'Obs (“Новый обозреватель”). Согласно результатам объёмного научного исследования, проведенного среди французских школьников, христианами назвали себя 33,2%, мусульманами – 25,5%. Пройдет 10–15 лет, и вполне возможно, такие цифры будут отражать общее соотношение христиан и мусульман страны.

Статистика демографии исламского населения в остальной Европе немногим отличается от ситуации во Франции. Вторая по численности мусульман европейская страна – Германия. Здесь зафиксировано около 4 млн адептов ислама (общая численность населения – свыше 82 млн), большая часть из которых – сунниты. Однако эта цифра стремительно растёт из-за беженцев с охваченного войной Ближнего Востока.

Третье место досталось Великобритании. Здесь среди 65-миллионного населения проживают около 3 млн мусульман. Больше всего их в Англии и Уэльсе и практически нет в Шотландии и Северной Ирландии. тысячи британцев приняли ислам, и эта цифра с каждым годом растёт.

В целом, согласно наиболее авторитетным центрам, занимающимся демографическим прогнозированием, в Европе в течение прогнозируемого периода до 2035 г. сложится примерно следующая ситуация. Организация Mapping the Global Muslim Population считает, что численность мусульманского населения ЕС к 2030 г. составит 12%.

Китай

Демографическая ситуация в Китае является наиболее благоприятной в G20. Несмотря на некоторые расхождения между официальной статистикой и расчётами американских и британских демографов, численность населения Китая так или иначе близка к официальной оценке и составляет по состоянию на 2017 г. более 1,4 млрд человек. Китайская диаспора за рубежом, если исключить Тайвань, не столь велика, как представляется аналитикам. Согласно данным ведущего специалиста по Китаю, профессора Висконсинского университета И Фусяня, в настоящее время за рубежом проживает примерно 52 млн китайцев. За 30 лет, начиная с провозглашения политики открытости, численность китайской диаспоры увеличилась всего на 7 млн человек.

Наибольшая проблема в Китае связана с переходом, начиная с 80-х гг. прошлого века, к политике ограничения рождаемости. Всего с 1991 по 2017 гг. официально родилось 470 млн китайцев, а по данным И Фусяня – 382 млн. В результате Китай в настоящее время занимает первое место в мире по количеству пожилых людей. При этом доля пожилых людей за счёт высокой смертности в Китае заметно уступает в настоящее время соответствующим показателям по Великобритании, Германии, Скандинавии, а также Соединённых Штатов.

Однако заметный рост качественного медицинского обслуживания в Китае ведёт к резкому сокращению смертности. Поэтому вполне можно ожидать, что примерно к 2025 г. демографическая ситуация в Китае станет весьма похожа на текущую демографическую ситуацию в южных странах ЕС.

Значительная доля экономических экспертов полагает, что неблагоприятные сдвиги в возрастной структуре населения Китая не только замедлят экономический рост, но и вызовут серьёзную социальную напряжённость. Однако Коумэн и Голдстейн присоединяются к мнению И Фусяня о том, что демографические перемены в Китае вряд ли серьёзно скажутся на экономической и социальной ситуации. Вполне очевидно, что китайское экономическое развитие практически один в один повторяет догоняющее развитие, свойственное всем индустриальным странам. До Китая такой путь прошла Япония, затем Южная Корея. Поэтому реальные темпы экономического роста вне зависимости от данных официальной статистики до конца десятих и в двадцатые годы будут падать. В этом смысле демографические последствия политики партии «Одна семья – один ребёнок» скорее уменьшат экономические трудности, чем усугубят их.

При падении темпов экономического роста сокращается потребность в рабочей силе. Здесь сокращение численности вновь входящих в работоспособный возраст поколений – это благо, а не недостаток.

Перенаселённый Юг. Растущая угроза

Демографическое давление перенаселённого Юга на США, страны НАТО и их союзников по всему миру в течение 2018–2035 гг. будет непрерывно нарастать. При этом будут сокращаться возможности контроля над ситуаций в странах перенаселённого Юга, а также потенциал сдерживания незаконных миграционных потоков. Уже в настоящее время из 7,5 млрд населения Земли 1,4 млрд приходится на Китай, 1,1 млрд на Индию и примерно 1,5 млрд – на экономически развитые страны мира. Таким образом, на бедном перенаселённом Юге в настоящее время, не включая Индию, живёт как минимум 3,5 млрд человек. До 2030 г. население планеты увеличится ещё на 1 млрд человек. Не менее 0,6 млрд человек придётся на перенаселённый Юг и Индию, а 0,4 млрд человек – на остальные страны G20.

Демографическое давление перенаселённого Юга связано с тремя относительно независимыми друг от друга группами факторов:

Во-первых, с начала века и в течение всего прогнозируемого периода между Югом и Севером будет иметь место законная замещающая международная миграция. В странах высокого уровня доходов и технологического развития, вне зависимости от культурных особенностей, происходят процессы снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Это – всеобщая закономерность, которая действует вне зависимости от региона, вероисповедания, культурного образа жизни у населения той или иной страны и детерминирована исключительно технологическим, экономическим развитием и уровнем жизни. Для всех стран G20, за исключением Китая, характерно снижение рождаемости и рост лиц старших возрастов. Соответственно не только растёт нагрузка иждивенцев на одного занятого, но и резко сокращается прирост численности занятых.

В противовес прогнозам техномечтателей, внедрение робототехники не ведёт к сокращению спроса на работы, связанные с тяжёлым, однообразным, малопрестижным трудом, за исключением конвейерного производства. Оно уже достаточно давно перенесено из развитых стран на перенаселённый Юг, в Китай, Индию и т. п. Соответственно, надежда на то, что роботизация приведёт к резкому сокращению спроса на рабочую силу и позволит обеспечить экономическое развитие даже в условиях нулевого прироста рабочей силы и населения, является пустыми мечтаниями.

Развитым богатым странам на период до 2030 г. понадобится значительный прирост рабочей силы на достаточно малопрестижных и утомительных работах, в том числе связанных с уходом за иждивенцами. Соответственно вне зависимости от все шире раздающихся призывов, и более того, практических действий по ограничению трудовой миграции, она на весь период до 2030–2035 гг. останется жизненно необходимой для всех развитых стран. При этом надо иметь в виду, что трудовая миграция открывает ворота для массовой законной миграции. Даже самые жёсткие антимиграционные законодательства не предусматривают запрета для трудовых мигрантов перевозить в страну пребывания семьи и близких родственников.

Во-вторых, миграцию между Югом и Севером будет подстёгивать усиливающееся неравенство в качестве жизни между этими регионами планеты. Согласно статистике, за последние 20 лет денежные доходы жителей перенаселённого Юга росли быстрее, чем у населения Севера. Однако, констатируя данный факт, необходимо иметь в виду два обстоятельства. Прежде всего, рост доходов не позволил основной массе населения перенаселённого Юга выбраться из нищеты. В лучшем случае южане перестали быть нищими и стали бедняками. При этом рост денежных доходов происходил на фоне стремительного ухудшения экологической обстановки в странах перенаселённого Юга, а также все возрастающих ограничений по обеспечению пресной водой, пригодными для эксплуатации сельскохозяйственными угодьями и т.п. Наконец, и это, возможно, главное, в последние три-пять лет в страны перенаселённого Юга пришёл интернет. Соответственно люди узнали, как живёт Европа, Америка, богатые страны Азии. Раньше они не представляли уровень своей отсталости и возможности другой жизни. Теперь, в условиях всеобщей интерне-тизации и существенно улучшения и удешевления коммуникаций между странами перенаселённого Юга и богатого Севера, мечты вырваться из нищеты и переехать на Север стали гораздо более реальными, чем когда-либо ранее.

В-третьих, начиная с десятых годов, нарастают число, масштабы и интенсивность конфликтов, войн и массового насилия во все большем числе регионов и стран перенаселённого Юга. Соответственно увеличивается число беженцев, которые любимы, в том числе незаконными, способами стремятся достичь спокойных регионов, где можно выжить.

Молодёжная бомба

В 90-е – нулевые годы советник правительства Норвегии, профессор *Генри Урдаль* осуществил статистический анализ роли “Молодёжной аномалии” в нескольких сотнях социальных конфликтах по всему миру, произошедших в XX веке. Он доказал, что наиболее эффективной меркой этого феномена является процент молодёжи в возрасте 15–24 года во взрослом населении. Согласно данным проведённых им исследований, рост этой доли на 1% увеличивает вероятность возникновения конфликта на 4%. Эта вероятность ещё больше усиливается при возрастании доли молодёжи, получившей среднее или высшее образование.

В последние годы наибольший вклад в изучение этой проблемы и в создание аппарата вычислительной аналитики демографических рисков внёс советник американского разведывательного сообщества, профессор *Гуннар Хайнзон* – преподаватель Федеральной Академии безопасности Германии и Оборонного колледжа НАТО в Риме. В своём бестселлере “Сыновья и мировое господство: роль террора в подъёме и падении наций” он даёт объяснение явлению, породившему непредвиденную и необъяснимую волну терроризма и насилия, назвав это явление “злокачественным демографическим приоритетом молодёжи”.

Определение этого явления предполагает элементарный демографический расчёт – сравнение количества мужчин в возрасте 40–44 года с мальчиками в возрасте от 0 до 4 лет. Демографический сбой происходит тогда, когда на каждые 100 мужчин в возрасте 40–44 года приходится мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет больше, чем 80. Соответственно, если это соотношение больше 80, то имеет место активный злокачественный приоритет молодёжи, а если меньше, то пассивный.

В Германии это соотношение равно 100 к 50, а в секторе Газа – 100 к 464. Хайнзон использует термин “демографический сбой” или “приоритет”, чтобы охарактеризовать страны, не способные сопротивляться натиску молодёжи из других стран. По его мнению, Германия и Великобритания, также как Бельгия и Австрия демографически готовы к сдаче молодёжи из мусульманских стран: Афганистану (100 к 403), Ираку (100 к 351), Сомали (100 к 364), Сирии (100 к 253).

В 2017 г. профессор Г. Хайнзон подготовил для командования НАТО доклад о демографической угрозе альянсу, где впервые количественно определил порог развязывания в стране проживания мигрантов массового насилия при запуске незаконных и трудноуправляемых антропопоток.

Массовое насилие неизбежно происходит в тех обществах, где юноши 15–29 лет составляют больше 30% от общего населения. Всё, во имя чего вершится это насилие, – религия, национализм, марксизм, фашизм – несущественно. В мире в 2000–2017 гг. было 67 стран с запускаящим массовое насилие демографическим приоритетом молодёжи. В 60 из них имели или имеют место массовый геноцид и/или гражданская война, и как следствие массовая межрегиональная или межконтинентальная миграция.

Запад столкнулся с гигантским приоритетом молодёжи в большей части мусульманского мира, где происходит демографический взрыв. В течение всего лишь пяти поколений (1900–2015 гг.) население в мусульманском мире выросло со 150 млн до 1300 млн человек, то есть почти на 900%.

Для сравнения: население Китая выросло с 400 до 1350 млн человек (350 процентов), Индии – с 300 до 1400 млн (470%). Между 1988 и 2016 гг. в развивающихся странах родились более одного миллиарда сыновей, и горячие точки стали предсказуемы. Накануне талибского переворота в 1993 г. население Афганистана выросло с 14 до 22 млн; в Ираке в 1950 г. было 5 млн человек, а сейчас 25 млн; начиная с 1967 г., население Западного берега реки Иордан и сектора Газа выросло с 450 тысяч до 3,3 млн, из которых 47% – молодёжь до 15 лет.

К концу жизни нынешнего поколения в Афганистане будет столько же юной молодежи 20 лет, сколько во Франции и Германии вместе взятых. Общий же миграционный потенциал Северной и Тропической Африки, а также Ближнего и Среднего Востока с Центральной Азией составит в 2020–2035 гг. 700–800 млн человек. Даже 10% от этого количества достаточно, чтобы неуправляемые миграционные потоки создали серьёзный кризис безопасности в ЕС и России. Это может стать реальностью, если на “злонамеренный демографический приоритет молодёжи” наложатся региональные засухи, климатические аномалии и экстраординарные финансово-экономические явления, типа долговременного глубокого глобального кризиса производства и торговли.

Неустраняемые демографические угрозы

Коумэн и Голдстейн уверены, что в 20-е гг. практически неизбежны три крупномасштабных конфликта, которые изменят политико-экономическую, а возможно, и военную ситуацию на планете. Они могут выступить дополнительными факторами, усугубляющими финансово-экономические, социально-политические и природно-климатические кризисные явления, с которыми неизбежно столкнётся человечество в период с 2020 по 2035 гг.

В 2018–2035 гг. при наличии проблем, рисков и трудностей, связанных с демографией, в наилучших условиях окажутся Северная Америка (Соединённые Штаты и Канада), Китай с Японией и Южной Кореей.

Что касается Соединённых Штатов, то энергичные действия по пресечению потоков нелегальной миграции в США резко повысят потенциал Америки в противодействии демографической угрозе. К началу 20-х гг., по сути, окажется перекрыт единственный логистический коридор для незаконной миграции в США – через Мексику. Вне зависимости от того, будет ли построена стена или иные электронные ограждения или нет, Соединённые Штаты обезопасят себя от незаконной миграции за счёт безальтернативной зависимости Мексики от Америки. Экономическое процветание Мексики полностью зависит от экспортно-импортных операций по товарам и услугам с США и американских инвестиций. Поэтому решение задачи пресечения незаконной миграции в США возложено администрацией Д. Трампа на саму Мексику. Установлена прямая зависимость между уровнем торгово-экономических отношений двух стран и уровнем эффективности усилий Мексики по пресечению незаконной миграции в США как из самой страны, так и из регионов Центральной Америки.

Как отмечалось выше, население Китая при всей плотности и масштабах всегда имело компактную локацию, не выходящую за пределы строго определённого региона. Это сохранится и на период 2018–2035 гг. Что касается опасений относительно китайской экспансии в районы Приморья и Дальнего Востока России, то подобная экспансия, несомненно, будет иметь место. Однако

она, по мнению американских исследователей, будет иметь исключительно мирный и добровольный характер.

Крайне мало шансов сохранить национально-культурную идентичность и нынешний тип политико-экономической жизни у стран ЕС. Имеется высокая вероятность, что в течение периода до 2035 г., даже при благоприятных обстоятельствах, наиболее влиятельными и активными европейцами станут мигранты в первом, втором и третьем поколениях из районов Ближнего и Среднего Востока и Африки мусульманского вероисповедания, имеющие ярко выраженную конфессионально-культурную идентичность. Уже в настоящее время значительная часть прироста населения в странах старого ядра ЕС обеспечивается за счёт мигрантских общин. Причём с каждым годом их вклад в динамику рождаемости возрастает.

Однако главная угроза Европе связана не с внутренними факторами, а с внешним демографическим воздействием. В период 2018–2035 гг. на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной и Тропической Африке будет сохраняться, а в отдельных регионах даже увеличиваться гигантский “злокачественный демографический приоритет молодёжи”. Нет оснований полагать, что на Ближнем и Среднем Востоке в прогнозируемый период прекратятся военные действия и воцарится мир. Более вероятно расширение военно-конфликтной зоны на север за счёт неизбежного экономического краха Ирана и соответственно увеличения межконфессиональной войны в Ираке, Афганистане и Сирии. Это вызовет новый, постоянно возрастающий поток нелегальных мигрантов в Европу.

Практически все авторитетные климатологические прогнозные центры сходятся на том, что в 20-е гг. неизбежно усиление засухи в Северной Африке и наступление Сахары в Центральной Африке. Это приведёт к резкому ухудшению условий ведения сельского хозяйства в большей части Африки. Если в нулевые–десятые годы массовой миграции из Тропической Африки в Европу не наблюдалось, то ситуация изменится в 20-е гг. Благоприятное положение в начале века в значительной степени было связано с последствиями Великой Африканской войны 90-х – начала нулевых годов. Эта война почти спрямила “Молодёжный горб”. Однако уже в десятые годы в таких беднейших африканских странах, как Центральная Африканская Республика, Демократическая Республика Конго, Буркина-Фасо, Руанда, проявился “злокачественный демографический приоритет молодёжи”. В 20-е годы в этих странах он будет только нарастать. Неблагоприятные природно-климатические условия неизбежно вызовут экономические потрясения в 20-е гг. в Тропической Африке. Социально-экономический кризис резко активизирует миграционные потоки из крупнейшей по численности стран Африки – Нигерии, Заира, Габона и Сенегала. С чрезвычайно высокой степенью вероятности во второй половине 20-х гг. к ближневосточной незаконной миграции в Европу присоединятся мощнейшие потоки из Северной и Центральной Африки. Их общая ёмкость вполне сможет составить порядка 5–7 млн человек ежегодно. Вряд ли ЕС справится с такой демографической нагрузкой.

Самые серьёзные последствия демографические миграционные процессы могут иметь для России и стран Индостана. Уже отмечались пять внутренних демографических процессов, угрожающих дальнейшему существованию России в нынешних границах и сложившейся системе управления. Однако, по мнению Коумэна и Голдстейна, главной для России в перспективе является внешняя демографическая угроза.

Едва ли не самой опасной в демографическом аспекте территорией планеты является Ферганская долина. Её от российских, преимущественно мусульманских районов Поволжья, разрезающего европейскую и азиатскую часть государства на две части, отделяют лишь 3 000 км пустынных и отчасти горных малонаселённых районов Казахстана.

Ферганская долина – это компактная, относительно небольшая территория в 22 тыс км². Ферганская долина поделена между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. В настоящее время в долине проживает порядка 15 млн человек. Здесь живёт около трети населения Узбекистана и Таджикистана и примерно половина населения Кыргызстана. В среднем на 1 км² живёт 650 чел., что сопоставимо с самыми густонаселёнными районами Индии, Китая и Бангладеш. Во многих районах Ферганской долины плотность населения превышает 2 тыс. человек на 1 км². В узбекских областях долины плотность

населения превышает примерно в 10 раз плотность населения в среднем по Узбекистану. Средний расчётный доход населения Ферганской долины не превышает 400 долл. в год. В настоящее время пятью беднейшими странами мира являются Южный Судан с 246 долл., Бурунди – 340 долл., Малави – 342 долл., Центральная Африканская Республика – 426 долл. и Мозамбик – 472 долл. Таким образом, условное государство Ферганская долина попало бы в пятерку наиболее бедных стран мира. По прогнозу к 2025 г. население долины составит примерно 18 млн человек, а к 2035 г. – 22-23 млн человек. Уже сегодня показатель молодёжной демографической злокачественности для Ферганской долины составляет 100 к 352 и вырастет к 2025 г. до 100 к 405.

Сочетание демографической злокачественности, поразительной бедности с отсутствием экономических и социальных перспектив для молодёжи неизбежно превращает Ферганскую долину в кипящий котёл, способный в любой момент взорваться.

Триггером взрыва может стать вторжение подразделений ИГИЛ из Афганистана. Этот риск с каждым годом возрастает. Уже в 2017-2018 гг. ИГИЛ в рамках эвакуации из Сирии создал значительные военные базы на территории Афганистана. Кроме того, порядка 2,5 тыс элитных бойцов ИГИЛ – это жители центральноазиатских стран.

Также неблагоприятная ситуация складывается в районе Индостана. В приграничной с Пакистаном зоне племен, в Белуджистане, многих районах Индии, Бангладеш уже давно переяден порог молодёжной демографической злокачественности. Большинство “фабрик мысли”, специализирующихся на Южной Азии, полагают, что Пакистану, Индии и Бангладеш не удастся в ближайшие 10 лет выйти на устойчивые темпы экономического роста. Соответственно в подавляющем числе районов Индостана сложится ситуация мультиплицирования эффектов высокой доли молодёжи, низкого уровня жизни и отсутствия социальных лифтов. Это мультиплицирование будет проходить в регионе, для которого характерны не только межгосударственные, но и межэтнические и межрелигиозные конфликты. Если принять во внимание, что Индия и Пакистан обладают атомным оружием, а программисты из Южной Азии активно участвуют в ведущих хакерских группировках, то молодёжная демографическая злокачественность может привести к непрогнозируемым последствиям.

P. S. Коумэн и Голдстейн правы, когда говорят о том, что демографические процессы с трудом поддаются управлению и имеют высокую инерционность. Риски, создаваемые демографическими процессами, тяжело элиминировать. Их практически невозможно избежать. Но обеспечить готовность к блокированию криминальных и террористических последствий демографических рисков – является обязанностью национальных и международных органов, обеспечивающих безопасность.

АНАТОЛИЙ ГРЕШНЕВИКОВ

СГОРЕЛО 15 МЛН ГА РУССКОГО ЛЕСА

Площадь лесных пожаров в этом году в России росла с такой страшной необузданной скоростью, что стало понятно: леса будут гореть и дальше, пока не сгорят все. Если в прошлом году зафиксировано 4 200 лесных пожаров, то в этом году – более 7 тысяч, уничтоживших 15 миллионов гектаров леса. Масштабные пожары вылились в национальную катастрофу – в Сибири сгорела территория, равная по площади Бельгии; ядовитый смог окутал полстраны – от Поволжья и Сибири до Монголии и Казахстана. Народный гнев, митинги, повальные заболевания вынудили власть бросить армию на спасение лесов и посёлков. Президент Монголии просил Трампа позвонить президенту России и помочь в тушении пожаров... Тот позвонил, тем самым ещё больше обозначив бессилие России...

Если бы не армия, то многие наши регионы поглотил бы дым и убийственный углекислый газ.

Лесные пожары в Сибири – это катастрофа не только России, но и всего мира, так как они резко ускоряют глобальное потепление, последствия которого уже заметны и бьют по экономике разных стран. Из-за лесных пожаров в атмосфере прибавилось углекислого газа 100 миллионов тонн!

Коррупцированные чиновники и “чёрные” лесорубы помогают окончательно истребить лес. Одни решили не тушить лес из-за экономической нецелесообразности, другие в погоне за прибылью рубят всё подряд и скрывают свои преступления поджогами. Возбуждено 277 уголовных дел! Ущерб от незаконных порубок растёт: в 2017 году он равнялся 40 миллиардам долларов, в прошлом году – 70, а в этом – уже 100. Триллион рублей мимо бюджета! А в советские времена лес не уничтожался, он приносил 30% бюджетных доходов!

Экологи отмечают закономерность: чем больше совещаний в правительстве и Госдуме, посвящённых спасению леса, тем меньше становится лесов.

За последние 10 лет мы потеряли 22 миллиона гектаров малонарушенных (девственных) лесов. Промышленных лесов хватит ещё лет на 7. Потому, видимо, Госдума под промышленные рубки отдала до 50 миллионов гектаров защитных лесов. А лесорубы, видя, что власть потакает их хищным аппетитам, всё чаще идут с топором уже в заповедники и нацпарки. Из-за нехватки сырья они истребляют нерестоохранные полосы рек. Недавно в Иркутске под видом санитарной рубки на территории нацпарка незаконно вырублен массив на сумму более 800 миллионов рублей. Иркутский министр леса Шеверда арестован. Под Смоленском вырублено 600 гектаров хвойного леса, часть – в водоохранной зоне. В этом году горело 36 заповедников. На их территориях пострадало 65 тысяч гектаров леса. Более всего – нацпарк “Забайкальский” в Бурятии.

Полтора года назад президент Путин признал, что государство не в состоянии навести порядок в защите лесов, и назвал некоторые причины, цитирую: “Очень коррумпированная сфера, чрезвычайно...” Назвал регионы – Дальний Восток и Центральная Россия, где для человека не останется доступных лесов. Площадь доступных лесов в России уже меньше, чем в Финляндии.

Глава правительства Медведев с какими только предложениями не выступал, чтобы остановить масштабное разграбление леса, – от создания Лесной биржи до введения электронной маркировки, цитирую: “чтобы на каждом бревне было электронное клеймо”.

Предложения правильные, жаль, остаются на бумаге.

Биржи нет по известной причине: если она заработает, то будет нести ответственность за то, чтобы туда не попадал лес, вырубленный незаконно. Продавцов на бирже будут регистрировать, а адрес привоза древесины – проверять. Тогда нельзя воровать, вывозить миллиарды за границу. Ударить по крабовой мафии удалось, а по лесной – боятся, крышеватели слишком высоко сидят.

Забыл глава правительства, что с принятием Лесного кодекса умышленно была уничтожена государственная лесная охрана, состоящая из 140 тысяч лесничих. Ещё в 2000 году она состояла из 90 тысяч, в 2006 году кодекс сократил её до 700 человек, и лишь в 2008 году их стало 13 тысяч.

Обход лесника составляет от 200 до 300 тысяч гектаров. Кто поедет за 300 км проверять браконьеров? Это насмешка над контролем и надзором, это продуманное издевательство над лесниками.

В Америке на каждого инспектора приходится всего 2 гектара, в Европе – 1.

Все предложения об усилении контроля за оборотом древесины и о противодействии её незаконной заготовке упираются в одно: в возрождение института лесничих, приравнивание их к госслужащим. Но всему этому мешает Лесной кодекс, ибо это полномочия регионов, а у тех нет денег. Да и где обучать лесничих, если почти все соответствующие вузы закрыты?

Созданная в 2014 году система учёта древесины ЛесЕГАИС не работает, она бесполезна в контроле за передвижением древесины от лесосеки до места потребления, так как в этой системе отсутствуют сведения о транспортировке древесины. Выходит, государство напрасно вложило в её работу 185 миллионов рублей. Или государство умышленно ею не пользуется? Кому то выгодно, что в стране отсутствует единая система учёта лесных ресурсов. Без неё нет данных ни о количестве и стоимости лесов, ни, тем более, об их качестве. Понятно, почему регионы, лишённые точных сведений, составляют планы по ведению лесного хозяйства кому как вздумается.

Десять лет назад представитель президента Хлопонин увидел масштабы разграбления лесов и понял, что способствует этому Лесной кодекс, по которому управление лесами с федерального уровня сознательно передано на региональный, и заявил о возврате этих полномочий в центр. Сегодня возврата требует и председатель Совета Федерации. Логика понятна – регионы с огромными властными полномочиями, но без финансирования, погрузились в коррупционные схемы, а ответственность лежит на безвластном Рослесхозе.

Однако разговоры десять лет идут, а полномочия по лесоуправлению и лесоустройству не передаются. А как их вернуть, если рухнет вся конструкция Лесного кодекса: добытчиком и распорядителем денег станет не регион, а государство, и хозяином в лесу будет не арендатор, а лесничий. Ходим по замкнутому кругу: государство не может обеспечить регионам финансирование их полномочий, а те не способны заработать на лесе. Бюджет региона пуст, а лесопромышленники – миллиардеры! Регионы теряют доходы. Если раньше доход от переработки леса, к примеру, в Архангельской области составлял 65% регионального ВВП, то сейчас – всего 6%. И чем больше рубят, тем меньше доход. А пожары этого года выжгли места обитания соболя и нанесли ущерб лишь Красноярскому краю в 22 миллиарда рублей!

Год назад председатель Совета Федерации Матвиенко на всю страну устроила разнос руководителю Рослесхоза Валентику, поставила “неуд” за незаконный оборот древесины.

Валентик давно уволен, зато грабёж леса растёт с космической скоростью. Валентик был виноват в главном – в отсутствии смелости заявить об отмене преступного Лесного кодекса. Но ведь этот кодекс принимал не он, а Совет Федерации и Госдума. Матвиенко заявляет, цитирую: “Мы считаем, что изменения были пролоббированы некоторыми группами людей. Мы потеряли хозяина

в лесу". Тогда прояви смелость — назови лоббистов из правительства, загубивших лесную отрасль. Внеси закон о возвращении прежнего хозяина — лесничего, о возрождении министерства леса.

В правительстве знают, что площадь сплошных рубок превышает площади восстановления, знают, что площадь земель лесного фонда, нуждающихся в восстановлении, всего за три года увеличилась до 31 миллиона гектаров. Кто будет сажать лес? Должен это делать арендатор. Но не Рослесхоз. И сделать лесовосстановление делом государственным может не он, а правительство. Восстановление леса — это не просто посадка семян и саженцев, а длительный, рассчитанный на 10 лет уход за молодняком. И простое выделение денег на восстановление лесопитомников в размере 151 миллиард рублей не спасёт ситуацию. Некому растить качественные саженцы и тем более ухаживать за ними.

Если 10 лет назад экологи не раз слышали от главы правительства и председателя Думы о том, что вот-вот будет разработан закон о кругляке, а значит, и наладится глубокая переработка древесины, то сегодня про этот закон забыли.

Вместо запрета экспорта кругляка объёмы его экспорта, наоборот, выросли: за прошлый год в Финляндию — почти на 29%, в Китай — на 16%. Зачем мы увеличиваем поставки до 10 миллионов кубометров, если из-за перепроизводства цена на нашу необработанную древесину в Китае постепенно падает?

Раньше была надежда, что иностранцы создадут у нас перерабатывающие производства. Отдали под вырубку леса Карелии финским компаниям, костромские — швейцарской, сибирские — китайским. На сегодняшний день в России зарегистрировано уже 564 лесопромышленные компании с китайским участием, а вчера их было 152.

Но предприятий и инвестиций, текущих рекой, как не было, так и нет. Есть привезённые китайцами ржавые лесопилки, есть их городок посреди тайги и оставленная после рубок пустыня.

В Лесосибирске китайцы обещали построить завод на 9 тысяч мест, ЦКБ, туннель по дну Енисея. Получив дешёвый лес, они его за 7 лет вырубали и уехали, ничего не построив. Но наше обманутое правительство продолжает обманываться — помогает сдать в аренду китайцам в Томской области 137 тысяч га леса на 49 лет и опять по дармовой цене — по 9 200 рублей за га за весь период. Между тем, цена только на одну сосну — 700 рублей!

Попыталось правительство повысить таможенные сборы на кругляк, возводимый в Китай. Так предприимчивые китайцы тотчас снизили цену на наш необработанный лес ровно на эту сумму, чтобы отбить пошлину.

Недавно министр природных ресурсов Кобылкин предложил закрыть лесоторговую границу с Китаем, его, видимо, напугало то, что Китай вышел на первое место по продаже русского леса. Следом Матвиенко предложила ввести временное эмбарго на экспорт леса из России.

Обе инициативы умерли в правительстве. Видимо, там не верят, что наш бизнес может из ангарской сосны делать мебель. Китайцы вот открыли тысячи маленьких фабрик у себя, и кустарным способом делают из наших сосен стулья, окна, молотки. Налицо современное импортозамещение — финны из нашего леса продают нам бани, а китайцы — молотки. А может, правительство знает, что в Китае бизнесу дают кредит под 1%, а у нас — под 15%? Потому разрешает разделять тайгу, как кусок мяса, и потому ангарская сосна нужна Китаю и Египту, но не России?!

Вернёмся к нынешним пожарам. Правительство, кажется, отслеживает ситуацию, а леса всё равно горят. В Белоруссии почему-то не горят, а у нас в 25 регионах введён был особый противопожарный режим. И горят из года в год одни и те же регионы. И все знают, что в стране не существует правдивой государственной статистики о количестве выгоревших лесов.

Знают и другое: что из-за вырубки лесов идёт резкое изменение климата, мелеют Волга, Ангара, Иртыш, в Сибири прошли невиданные ураганы. Всемирная метеорологическая организация бьёт тревогу: концентрация углекислого газа в атмосфере достигла рекордных показателей. Всему виной уменьшение лесов — основного потребителя этого газа.

Если мы знаем, что спасение климата во многом зависит от леса, то почему бы вместо ожидаемого появления министерства головешек не спасти лес путём восстановления мощного министерства леса? И пусть оно, а не 5 различных ведомств отвечает за то, чтобы остановить пожары.

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

ШАНХАЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

Иероглифы на асфальте

В номер заходит горничная, не переставая смеяться и говорить о чём-то, чего мне никогда не узнать. Я не говорю по-китайски, она не владеет ни английским, ни французским, и мне кажется, что смеётся она над моим потерянным временем: сижу тут каждое утро, обложившись кипами листов, даже на полу черновики, мешаю ей нормально убрать. Быть может, сейчас моя работа не выглядит такой ценной, как её, но всё же хочется надеяться, что я делаю что-то важное. И когда я начинаю сомневаться, то напоминаю себе, что здесь я – участник Шанхайской Писательской Программы. А значит, умные люди из Союза писателей Шанхая, его вице-президент господин Ванг Вэй (Wang Wei) и организатор Пейхуа Ху (Peihua Hu) решили пригласить меня в числе десятка других авторов, оплатили нашу поездку, организовали множество встреч и творческих мероприятий с читателями, писателями, газетами и университетами... Китайцы очень прагматичны и не будут тратить впустую свои деньги и усилия... Значит, всё-таки есть что-то ценное в моём творчестве. И я выдыхаю, стараясь не думать о том, что кому-то литература может казаться пустой затеей.

Разница во времени с Москвой плюс пять часов. Там можно писать только по ночам, когда всё уже сделано и все спят: на кухне чисто и ещё уловим аромат выпечки, ничто не нарушает музыки тишины. Разве что мой пёс придёт пару раз проверить, не расщедрюсь ли я на порцию печенья.

В Шанхае я пишу с 9 утра, пока в Москве ещё ночь. Ближе к двум часам дня, когда там дома начнёт разгораться трудовое утро, моя почта засигналит, наполняясь письмами, вопросами, напоминаниями, предложениями, идеями. Когда сдать интервью? Готов уже очерк? Статью выправила? Что насчёт рассказа? А когда вернёшься – что ставить в расписание? И это только вопросы из мира литературы... А добавить сюда семью, работу, друзей...

Так что, если не хочешь провести весь день в номере, отвечая на поток сообщений, нужно бежать на обед в ближайший ресторан ещё до трёх. Кстати,

---

Елена ТУЛУШЕВА – один из самых заметных молодых прозаиков. Дебютировала в 2014 году в журнале “Наш современник”. С тех пор выпустила три книги прозы. Стала лауреатом V, VII и IX Международных форумов славянских литератур “Золотой Витязь” (2014, 2016, 2018), премий “Югра” (2017), “Прохоровское поле” (2017), “Северная звезда” (2015), российско-итальянской премии “Радуга” (2017), премии им. Н. С. Лескова “Очарованный странник” (2018). Произведения переведены на китайский, немецкий, итальянский, арабский, венгерский и др. языки. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

для китайцев это очень поздно, и останется выбирать только из общепита в больших торговых центрах, “нормальные” (не туристические) рестораны уходят днём на заслуженный отдых, встречая посетителей к раннему ужину уже в пять. Но всё это будет днём. А пока у меня целое утро, чтобы писать. Зелёный жасминовый чай в стеклянной тубе, чтобы можно было наблюдать, как разворачиваются шарики листьев, превращаясь в чудные узоры. Мягкие черновики, упаковка гелевых ручек, что-то хрустящее для перекуса в самые напряжённые моменты. Могла ли я раньше представить себе: четыре часа, чтобы писать... Дома и двух себе не выделишь – непозволительная роскошь.

Единственная трудность здесь – это соблазняющее солнце. Шанхайцам никогда не оценить его. У нас по девять месяцев в году серого московского неба... Для меня оно прекрасно: под ним я могу работать, писать, любить, встречаться в друзьями и просто прекрасно жить. Но когда я вижу солнце, всё внутри требует немедленно покинуть помещение и поторопиться поймать это сокровище! Просто непозволительно просиживать такую удачу в номере. Поэтому по утрам мне приходится плотно закрывать шторы, оставляя лишь узкую полоску, достаточную для освещения моего стола.

В обед я отправлюсь на ближайшую улицу пообедать. Это отдельное приключение. Путешествия и новый опыт для меня прекрасны, за плечами стран сорок, но как только дело касается новой еды – я впадаю в ступор. Мне нужно знать обо всём, что было положено в мой суп; я не люблю сюрпризных ингредиентов в салате, когда поедающий наслаждается вкусом и пытается угадать, что бы это могло быть. Соседи по резиденции шутят надо мной, я конечно смеюсь вместе с ними, но продолжаю заказывать что-то попроще. На писательских банкетах, когда все сидят за круглым столом, пришлось попробовать и бамбук, и лотос, и медузу (я думала, что это холодец, вкус, кстати, такой же), тут уж не повыбираешь – все на тебя смотрят, нужно пересилить свои страхи. Но в будни я тайком заказываю европейские салаты и австралийский стейк.

Утро, наполненное продуктивной работой, вкусный обед и после этого... “Я могу делать всё, что хочу?” – этот вопрос я не переставая задавала не то себе, не то куда-то во Вселенную первые две недели. Это так непривычно... Приходилось заставлять себя расслабляться. Честно говоря, это было нелегко. Когда ты чувствуешь ритм этого города, видишь спешащих таксистов, трудолюбивых людей, пробки, толпы – просто невозможно представить, что ты имеешь право просто выдохнуть и медленно пройтись.

Мне помогли шанхайские парки. И дело не только в природе и тишине. Парки сами по себе – самая прекрасная для меня часть Шанхая. Даже на крохотном кусочке территории, зажатом между небоскрёбами, китайцы могут создать удивительный ландшафт: и ручей, и каменный мостик, и лужайку и рощу. А большие парки – вот это наслаждение для любого горожанина: звуки леса, запахи свежести, укромные уголки, водопады, изобилие зелёного, полная гармония с природой. Но что было для меня особенно ценным – это люди. Люди, которые помогли мне переосмыслить мои задачи. Эти пожилые посетители парков (кого ещё встретишь там в разгар рабочего времени), танцующие и поющие, занимающиеся гимнастикой и запускающие змея – я могла наблюдать за ними часами, сидя в тени бамбуковых зарослей. Они выглядят так расслабленно и умиротворенно. На их молодые и зрелые годы пришлось очень нелёгкие времена, они прекрасно помнят, что такое тяжёлый труд, голод, тревоги, усталость. И тем лучше они понимают ценность отдыха. Так хочется поймать их волну: в центре двадцатимиллионного города, в двадцать первом веке, в одной из самых трудолюбивых стран в мире, они оставляют за воротами парка всё лишнее и погружаются в мир гармонии, удовольствия и независимости от чьих-то идей, трендов, задач.

Они выводят иероглифы водой на асфальте... Что может быть медитативней, чем смотреть, как воздух постепенно забирает твой рисунок, истончает линии, и вот уже лишь несколько капель напоминают о том, что ты что-то сделал... Философия, столь отличная от нашей современной, в которой нужно тратить время лишь на созидание чего-то “стоящего”: что можно будет хотя бы повесить дома на стенку или показать друзьям.

А в укромных уголках встречаются одиноко поющие люди. Это особая категория. Есть те, кто приходит петь с группой, они жаждут публики (но не денег, как молодые музыканты в центре города), активно улыбаются вам

и позируют для фото. А вот эти одиночки прикатывают в парк свою сумку на колёсиках, в которой стоит небольшая колонка с подсоединенным микрофоном, забираются куда-то в тенистые дебри сада и поют... Поют просто для того, чтобы петь. Не для кого-то, а для себя, для своего удовольствия, своей гармонии. От тех групповых певунов их отличает смущённость на лицах каждый раз, когда случайно оказываешься рядом. Им не нужны свидетели, они наслаждаются процессом.

И эта двухмесячная поездка в Шанхай преподнесла мне уникальный дар – осознание ценности времени, времени для размышлений, для осознания своих идей и удовольствий.

Писатели

Не хочется повторять общеизвестное: литература сближает. Однако как ещё сказать, когда за два месяца ты подружился с людьми так, как будто вы знали друг друга лет десять.

В Шанхае нас поддерживали и опекали сотрудники Шанхайской Ассоциации писателей (аналог нашего Союза писателей). Пейхуа и Хаянь каждую неделю организовывали для нас экскурсии по городу, встречи с писателями, банкеты и интервью для местной прессы. Нас на несколько дней свозили в деревни провинции Анхуи, чтобы мы могли составить более полное впечатление о Китае. И каждая такая поездка и встреча была наполнена смехом и улыбками, длинными разговорами и порой жаркими дебатами, рассказами о своей стране и её литературе. Мы бродили по Конфуцианскому центру, вперемешку обсуждая историю Древнего Китая и Древнего Египта. Мы ездили в писательскую семью и за чайной церемонией обсуждали интерьеры домов писателей и их влияние на вдохновение. Сейчас мне кажется, что таких встреч было слишком мало – так тоскуешь в сентябре по “самой лучшей” своей смене в детском (увы, как давно это было!) лагере, с детской фантазией надеясь ещё встретиться и с детским же бессилием осознавая, что это невозможно. И будет много ещё таких лучших, но в сентябре ты садишься за парту и с безнадёгой ощущаешь, как какая-то часть твоей жизни уже не повторится.

В свободное время мы чаще всего исследовали город поодиночке. Каждому хотелось набрать багаж для будущей пьесы, романа, сборника стихов. А для этого человеку творческому необходимо одиночество. Шанхай для ощущения одиночества прекрасен – ты теряешься в этих толпах, не различающий слов, направлений, названий. Ты бродишь по буддистскому храму, украдкой наблюдая за молящимися, сидишь на берегу озера, вливаешься в толпу празднующих 70-летие КНР. Ты вроде как здесь, с ними, но в любой момент улетаешь мысленно куда-то в мир своих героев, подобно “Страннику по звёздам” Джека Лондона.

И порой ты насыщаешься своим одиночеством настолько, что в какой-то момент стремишься “заземлиться” скорее, поделиться с кем-то внезапным озарением, новой идеей или просто эмоцией. И тогда мне хотелось не шумных общих встреч, а тёплых долгих разговоров один на один, когда вдруг узнаешь о человеке что-то такое, что будешь помнить долгие годы, даже если вы никогда больше не пересечётесь. У каждого из нас есть такие истории, которые так хочется поведать кому-то, кто вскоре будет достаточно далёк, чтобы никогда не разбередить твою тайну, но достаточно чуток сейчас, чтобы выслушать и поддержать.

Из подобных встреч рождается искренняя дружба. Та, которая не нуждается в переписках, но которая вспыхнет горячей радостью даже через десять лет, когда вы случайно окажетесь в одном месте.

Нам очень повезло – в этой резиденции все писатели были удивительно разными, эмоциональными, интересными. Некоторые из них оказались для меня “своими” людьми – теми, с кем хотелось говорить долго и тепло, с кем не бывало неловких пауз или ощущения недоверия, с кем было легко спорить даже о серьёзном, весело подшучивать, не боясь обидеть, и вкусно есть.

Пауло Скотт (Paulo Henrique Scott)

Самым далёким от меня географически, но очень близким по духу оказался бразильский писатель Пауло Скотт, поклонник Троицкого и Чехова. Могла ли я представить, что в уйгурском ресторане Шанхая буду обсуждать с бразильцем героев русского революционного движения?

Пауло известен своими сильными романами, но предпочитает позиционировать себя как поэт, жалуясь, что даже в литературных кругах мы стали слишком мало читать поэзию, а ведь она тоньше, эстетичнее прозы. Романы Пауло о таком далёком для русского читателя мире Амазонии с его красотой, таинственностью и бедами. Ежедневные войны за выживание коренного населения Бразилии, попытки отстоять свои земли, свои ценности, волны самоубийств – как способ обратить внимание на несправедливость. Поначалу это звучало для меня как истории из далёкого прошлого. Увы, всё это живо и болит сейчас, в моём московском уюте.

У Пауло светлая кожа, легко спутать с европейцем, среди его предков были и немцы, и коренные индейцы. И как легко мы понимали друг друга – жители таких далёких, но таких схожих в чем-то стран: перемешивание народов, религий, культур, огромные территории, полные природных ресурсов, безжалостно использующихся человеком; классовое расслоение, борьба с бедностью и агрессией. Пауло Скотт жил несколько лет в Лондоне, его часто приглашают на литературные мероприятия в Европу, но он остаётся верен Бразилии, меняя города, ища вдохновения в разных уголках своей страны.

Ноз Моралес Муньос (Noe Morales Munos)

У китайцев очень плохо со сладким. Они добавляют много сахара в мясные и овощные соусы, потому такого понятия, как десерт, практически не существует. А моя любовь к горячему шоколаду доставляла одну лишь печаль. Не меньше двадцати кофеен опробовала – разведённый водой порошок-какао – лучшее, что они могли предложить. К счастью, в своей тоске я была не одинока. И мексиканский драматург наконец отыскал изумительное место: 24 вида горячего и холодного шоколада, сваренного из какао-бобов Мексики, Бразилии, ЮАР.

И вот за чашкой великолепного “аргентинского” шоколада с апельсиновыми нотками мы говорили с Ноз Муньосом о любимом моём Чехове. Ноз – драматург и режиссёр, ведёт несколько проектов с разными театрами и площадками как в Мехико, так и в других городах по всей стране, а также театральные занятия в реабилитационном центре для пациентов с алкогольной и наркотической зависимостью. Мы часами могли говорить о социальных вопросах, объединяющих наши страны, но больше удовольствия мы получали от дискуссий литературных. Ноз ставил спектакли по мотивам пьес Чехова “Дядя Ваня”, “Чайка” и “Три сестры” и упорно убеждал меня, что Чехов цепляет именно блестящим завуалированным чёрным юмором. Увы, возможно благодаря школьной программе установочного образца, но моя русская душа отзывается на эти пьесы только сопереживанием, грустью, нашей родной меланхолией.

В Мексике театральные режиссёры и сценаристы работают по грантам государства. И Ноз переживает, что возможно такой подход расхолаживает: драматург не очень задумывается, окупится ли постановка его пьесы, ведь он получил грант на два года, а коммерческая сторона вопроса его не касается. Чудак-человек, как говаривала моя бабушка. В России творческий человек был бы только счастлив, если имел бы возможность творить без оглядки на материальное.

Яссер Абдулхафез (Yasser Abdel-Hafez)

В один из дней нас пригласили на конференцию в редакцию Шанхайской Литературной газеты. Новейший дизайнерский офис с видом на небоскрёбы, на стенах акварельные портреты нобелевских лауреатов по литературе – обстановка вдохновляющая. Китайцы рассказывали о своей литературной периодике, тиражах и темах, а мы вздыхали и делились состоянием дел в наших странах. Однако с нами был египетский писатель Яссер Абдэль-Хафез. Он работает выпускающим редактором в главной литературной газете Каира, распространяющейся по всему арабскому миру тиражом в 400 000! От такой цифры большинство из нас завистливо присвистнуло, а вот китайские коллеги решили, что тираж маловат.

После этой конференции мы часто встречались с Яссером в какой-нибудь китайской пельменной, чтобы наговориться о том, чем отличается работа журналиста в обычной газете и в литературной, куда движется современный книжный рынок, отчего погибла египетская цивилизация и почему такая крепкая литературная дружба Египта и Советского Союза истаяла за последние десятилетия, осталась где-то там, в воспоминаниях старших.

Яссер рассказывал, что, пока нашёл путь в литературу, перепробовал десяток профессий. Так, например, на заводе Pepsi он вместе с десятком таких же юношей должен был смотреть на проплывающие мимо бутылки, высматривая брак. Бывало, что по целым дням бутылки были однообразно хороши, но каждые пару часов Яссер всё-таки снимал одну, чтобы работодатели не решили, что его работа бесполезна. Арабская мудрость, что сказать.

Яссер прозаик. И это чувствуется в его речи, его молчаливости, вдумчивости. Его лицо всегда сохраняет выражение мудрости, отчего не сразу понимаешь, в какой момент он шутит. Как литературный журналист, Яссер собран, ответственен и крайне любопытен до информации. Он конспектировал наши выступления, записывал имена современных писателей, названия книг, чтобы потом выпустить цикл статей в своей газете о нашей шанхайской резиденции.

Русисты

С китайским профессором Чжэн Тиу мы познакомились ещё четыре года назад, также в Шанхае, когда он пригласил меня на Первый Форум молодых писателей России и Китая. Тогда у нас было мало времени на общение с профессором, в основном мы работали по секциям, участвовали в дискуссиях и обсуждениях с китайскими писателями.

И вот, спустя четыре года, я вхожу в кабинет Чжэн Тиу, и на мгновение кажется, что я попала в родительскую библиотеку – бесконечные книжные стеллажи, знакомые собрания сочинений, русские классики, русские критики... А стол и диваны – всё это заставлено чудом не распадающимися башенками книг наших современников. Профессор всё лето путешествовал по российской провинции, встречаясь с местными писателями и от каждого увозя по книге.

За чашкой настоящего зелёного чая (“Нельзя заваривать кипятком, ты убиваешь листья, температура должна быть не больше 70 градусов”), в прикуску с мункейком, мы обсуждали, как можно перевести у Хлебникова слово “лебедиво”. Я, в свою очередь, в принципе недоумевала, как можно перевести на китайский Хлебникова, а профессор лишь вздыхал, что сколько бы смыслов этого слова мы с ним ни нашли, он, как переводчик, должен выбрать лишь одно. За его плечами тома переводов поэтов Серебряного века. Акмеисты, футуристы, символисты... На несколько часов я абсолютно позабыла, что нахожусь в Китае! Русская речь, такая любовь к нашему языку, нашей литературе, такое искреннее желание сохранить, донести до читателя нашу поэзию. О современной российской литературе Чжэн Тиу говорит по-философски отстранённо: “Кто из них на самом деле “литература”, мы узнаем лет через пятьдесят, не раньше”.

Профессор Тиу – директор Института Мировой Литературы, но в душе своей он не руководитель-организатор, а исследователь. Мечтательно вздыхает о возможности запереться в кабинете и писать, писать, переводить. Отрада – китайские каникулы в честь 70-летия республики. Путешествовать с супругой, как многие шанхайцы в эти дни, Чжэн Тиу не поедет – это ведь золотая возможность на несколько дней остаться наедине с книгами, успеть перевести несколько страниц, успеть написать несколько статей. Даже в каникулы Чжэн Тиу обычно не выбирается дальше своего района – “Далеко ехать, Лена, терять время”. Однако правила гостеприимства для профессора не пустой звук. И чтобы показать мне разные стороны китайской культурной жизни, профессор Тиу приглашал меня и на конкурс чтецов, и на концерт с участием Шанхайского оперного оркестра, недавно вернувшегося с гастролей в ОАЭ.

Для всех писателей нашей резиденции он организовал конференцию по мировой литературе, в которой участвовали китайские переводчики и литературоведы. Каждый писатель говорил о литературных новинках в своей стране, доклады были переведены на китайский для последующих публикаций. Интересно взглянуть на эту мозаику мировой литературы из наших выступлений лет через двадцать – что останется, что сбудется из того, о чём мы говорили.

Для меня же профессор Тиу организовал несколько лекций в университетах Шанхая и Ханьчжоу, официально, как приглашённому специалисту.

Профессор говорит по-русски нараспев, его речь лишена заимствований и сленга, но наполнена цитатами наших классиков. Русский язык он изучает

со школы. И вот уже не одно поколение его учеников возглавляет кафедры русского языка в университетах по всему Китаю.

Его ученица Вэйхун Ма работает в Институте иностранных языков города Ханьжоу. “Рай на небесах, а на земле Ханьжоу” — так китайцы отзываются об этом городе, в центре которого замерло огромное озеро с разбросанными вдоль берегов храмами и пролесками.

Посещение этого института оказалось особенно тёплым. Студенты подготовились именно к творческой встрече, а не лекции. Так забавно было снова сидеть за партой и слушать разговор о своём творчестве. Они спрашивали о моих рассказах, удивляя прекрасным пониманием текста и особенным видением смыслов, интересовались новыми идеями, просили рассказать о прототипах героев и процессе работы.

В Восточно-китайском педагогическом университете меня попросили провести урок творческого письма. Китайские студенты учат русский уже третий год, и их преподаватель Ираида Топоркова ищет новые способы развивать навыки письменной речи, постоянно следит за новинками русской литературы, стараясь воспитывать студентов разносторонне.

Переживала я сильно — не знала, насколько глубоко они освоили русский язык. А хотелось ребят заинтересовать. В итоге занятие прошло весело. Мы пробовали играть в метафоры, начали с простого — животные. “Если про человека говорят “ты как медведь”, что вы подумаете о нем?”. Всё шло вполне логично, пока я не назвала свинью... Воцарилась тишина. Ну же, говорю, какая у вас ассоциация возникает, когда я говорю слово “свинья”. В ответ тихое нерешительное “вкусно”.

Затем мы писали короткие рассказы от лица любого предмета, находящегося в аудитории. “Супружеская пара и холостяк. Мы помогаем вам каждый день, но если мы разозлимся, то вы умрётё”. Знаете, что это? Розетка! Китайская розетка две дырки сверху и одна внизу. А “я самый умный предмет в этой аудитории, потому что поглощаю знания каждый день”? Обычная меловая доска. Абстрактное мышление у них развито прекрасно.

А в университете SISU мы говорили о современной русской прозе, молодой и не очень, реалистической и метафорической. Многие современные русские романы оказались известны студентам. Потом обсудили мои рассказы. Удивил меня анализ моего рассказа “Одиннадцать платьев” через призму феминизма, о котором, к счастью или увы, я даже не задумывалась.

После двух месяцев в Китае, сложно дать какую-то общую характеристику поездке. Даже не понятно, как её назвать — не то творческая, не то рабочая. Опыт настолько многообразен, что хватит ещё на долгую московскую зиму, чтобы перебирать воспоминания, как бусины, разглядывать, ощупывать каждое с улыбкой и теплом; вечером ли на кухне за чашкой привезённого чая; случайно в метро, раздражаясь на толпу; а может утром, выглядывая в окно на купола церкви, вспоминая вид на шанхайский Золотой Храм. А там к весне, может, и подрастут мысли, улягутся впечатления, сложатся слова в предложения, и получится соткать из этого пёстрого ковра не то повесть, не то что-то ещё.

АЛИМ МОРОЗОВ

ОДИССЕЯ РАЗВЕДЧИКА ЗАКУРКО

В августовском номере “Военно-исторического журнала” за 2007 год, который издаёт Министерство обороны Российской Федерации, была напечатана небольшая статья об Алексее Яковлевиче Закурко. Это хоть и запоздалое, но, безусловно, отрадное признание заслуг военного разведчика. В селе Архиповке Россошанского района Воронежской области, где он родился, его до сих пор вспоминают добрым словом. Здесь в 1936 году он закончил семь классов неполной средней школы. После трёх лет учёбы в Россошанском педагогическом училище Алексей Закурко вернулся в родную школу преподавать географию. 16 февраля 1940 года молодого учителя призвали на действительную службу в армию. С этого памятного дня для А. Я. Закурко начался невероятно трудный, полный лишений и опасностей путь, который закончился только после окончания Великой Отечественной войны. Личное знакомство с Алексеем Яковлевичем дало возможность автору частично воспроизвести пережитое им.

НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ

Службу в армии Алексей Закурко начал в полковой школе младших командиров 307-го запасного инженерного батальона. Через четыре месяца его выпустили сержантом. Службу продолжал в своей же части, вскоре переименованной в 193-й отдельный сапёрный батальон. В апреле 1941 года часть, в которой служил сержант Закурко, перевели в Литву в местечко Юдренай под Клайпедой, чтобы строить на новой границе долговременные оборонительные сооружения. От места, где располагался батальон, до Восточной Пруссии было всего шесть километров, а в батальоне на полтысячи бойцов имелось 130 винтовок и один пулемёт. Политруки эту фактическую безоружность объясняли красноармейцам батальона так: нам нужно показать немцам, что мы пришли сюда строить, а не воевать.

Батальон занимал хутор зажиточного литовского крестьянина. Хозяина не было – то ли за границу бежал, то ли в Сибирь отправили. Красноармейцы сапёрного подразделения размещались на чердаке огромного амбара, куда по наклонному бревенчатому помосту можно было заезжать на телеге. Все красноармейцы и младшие командиры батальона жили вместе. Спали на трёхъярусных нарах на набитых соломой матрацах. Работать приходилось по 12–14 часов в сутки. Вручную рыли котлованы, дробили камень, делали бетон для приграничных дотов и взлётной полосы строившегося рядом военного аэродрома.

Положение на границе становилось все напряжённее. Батальон часто поднимали ночью по тревоге. Часы, отнятые у сна, сапёрам не компенсировали –

темп работ снижать не разрешалось. В распоряжение батальона почти каждый день наведывались пограничники соседней заставы, которым не давали покоя многочисленные нарушители границы. Приближался сенокос, а вместе с ним участились нелегальные переходы границы туда и обратно, которые вскоре приобрели массовый характер. В такой обстановке немецкому командованию было очень удобно засылать на советскую территорию своих шпионов. От них оно постоянно получало очень важную информацию о размещении советских войск и военных объектов в приграничной зоне.

Утром 22 июня батальон, как обычно, подняла труба горниста. По направлению к границе недалеко от расположения части находился большой карьер. Там почти всегда грохотали взрывы, с помощью которых добывали камень. Поэтому не было ничего удивительного в том, что командиры и красноармейцы батальона, в котором служил сержант Закурко, огонь немецкой артиллерии вначале приняли за работу своих подрывников. В батальоне все было спокойно до того момента, когда старший лейтенант, заменявший ушедшего в отпуск комбата, произнёс слово “война”. Да и после этого Алексею не очень-то верилось, что война началась взаправду. Гул артиллерийской канонады стих, вражеские самолёты над расположением их батальона не появлялись, немецких солдат тоже никто не видел. Личный состав батальона построили поротно в походном порядке и повели на восток. Колонна сапёрного подразделения выглядела совсем не воинственно, большинство красноармейцев несли на плечах лопаты, кирки, топоры, пилы. Прошли километров десять. Немцев по-прежнему не было видно.

На просёлочной дороге батальонную колонну остановил какой-то начальник с четырьмя шпалами в петлицах. Вместе с ним было несколько военных с автоматами, а на обочине стояла машина, нагруженная ящиками с боеприпасами. Полковник приказал командиру сапёров передать в его распоряжение людей, у кого были винтовки, а остальным выдать по гранате и продолжать двигаться в тыл. Немцев хоть и не было слышно, но, по словам полковника, получалось, что они успели опередить отступающий батальон километров на сорок.

После этого шли ещё двое суток, почти не отдыхая. Держались глухих просёлков, лесных троп, удалённых от автодорог, по которым непрерывным потоком двигалась вражеская техника. На третий день на привале старший лейтенант вызвал Закурко к себе.

— Бери, сержант, полуторку и, кровь из носа, а доставь пакет нашему командованию в Псков, чтобы оно нас пропавшими не посчитало.

Батальон располагал единственной грузовой машиной, которая была оборудована газогенераторным двигателем. Были тогда у нас такие автомобили, что работали на дровах вместо бензина. Шоферил на этой машине лихой парень Федя, обладавший не только мастерством вождения, но и умением найти выход в критической обстановке.

Когда батальонный водитель вывел полуторку с просёлка на грейдер, глазам Закурко открылась печальная картина. По обочинам дороги то и дело встречались брошенные машины, повозки и другая техника, валялось множество оружия и иного добра. Но в тот момент Закурко ещё по-настоящему не почувствовал, что такое война. Она шла тут, совсем рядом, а он по-прежнему представлял её по кинокартинам “Чапаев” и “Мы из Кронштадта”. Поначалу Алексей, как мальчишка, бросился собирать оружие. Навесил на себя пистолет, автоматическую винтовку СВТ, перекрестил грудь двумя пулемётными лентами. Обвешанный оружием, он тогда сам себе показался неуязвимым. Думал: пусть только попробует немец сунуться...

Но ненадолго юному сержанту хватило этой бравады. Утром над дорогой истошно завывали “Юнкерсы”, загрохотали разрывы бомб, вместе с огненными столбами взметнулись вверх люди, лошади, машины. С того памятного момента Закурко на собственной шкуре ощутил кровавую суть войны, и его юношеский задор сразу как рукой сняло. Наутро следующего дня добрались до Риги. С трудом протискиваясь по узким, запруженным военным транспортом улочкам города, выехали на одну из центральных площадей, которая тоже была забита автомобильными колоннами отступающих войск. Объезжая стоящие слева и справа машины, Федя виртуозно крутил баранку. Они уже преодолели большую часть площади, когда с разных сторон, по преимуществу с верхних этажей зданий, был открыт плотный автоматноружейный огонь. Людей

на площади охватила паника, они метались из стороны в сторону, попадая под пули. Федя не растерялся в этой неразберихе. Он рывком нажал на педаль газа и на полной скорости повёл машину к ближайшей улице. Опомнились только на окраине Риги.

Впереди у дороги стоял с поднятой рукой старый еврей с подростком. Федя притормозил.

— Возьмите нас с сыном, — попросил беженец и, указывая на мальчика, добавил: — Он пионер, боюсь, что немцы его убьют.

— Дорогу знаешь? — спросил шофёр.

Еврей в ответ кивнул головой. Когда Закурко с Феей посылали в Псков, в штабе их батальона не нашлось подходящей карты, поэтому в пути им приходилось следовать пословице: “Язык до Киева доведёт”. Знающий дорогу попутчик в их положении был настоящей находкой.

За Ригой взяли ещё двоих красноармейцев. Из брошенного склада запаслись продовольствием. С топливом для машины проблемы не было — дрова брали из лесных полениц, сложенных лесниками ещё в мирное время.

До старой границы, которая проходила у города Остров, доехали без приключений. Фее удалось стороной проскочить пограничный контрольно-пропускной пункт, у которого царило настоящее столпотворение.

ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ

В Псков приехали засветло. После того как Закурко доставил пакет по назначению, его откомандировали в Новгород, в 25-й отдельный инженерный батальон. Здесь его зачислили в команду подрывников, которой поручили опасное задание. Семнадцать сапёрам предстояло взорвать переправу через реку Шелонь, находившуюся в 25-ти километрах от Новгорода. Сложность задания состояла в том, что взрыв необходимо было организовать после того, как немецкие танки переправятся на берег, занятый нашими войсками. Командование рассчитывало таким путём отсечь немецкую бронетехнику от пехоты. Сама переправа состояла из деревянных барж, которые удерживали прогоны и мостовой настил. Подрывникам подвезли несколько тонн взрывчатки, которую сапёры заложили в баржи. У каждого заряда должен был дежурить кто-нибудь из бойцов.

Закурко отчётливо слышал отзвуки боя, доносившиеся со стороны станции Сольцы. Через переправу непрерывным потоком двигались отступающие войска. В небе все время кружила “рама” — немецкий самолёт-корректировщик, который управлял огнём своих артиллеристов. Вражеские снаряды время от времени поднимали высокие столбы воды рядом с переправой. К мосту с правого и левого берегов почти вплотную подступали улицы двух деревень. От прямых попаданий начали загораться бревенчатые избы. Огонь быстро охватывал целые порядки домов и всё ближе подступал к переправе. От близких пожаров на баржах плавилась смола, кое-где возгораясь коптящим пламенем.

Первым сорвал с себя бушлат и бросился сбивать огонь красноармеец Игнатов. Вслед за ним принялись тушить начинающийся на переправе пожар другие сапёры. Только им удалось справиться с этой опасностью, как тут же они столкнулись с новой угрозой. Хорошо, что пыливый взгляд Игнатова вовремя заметил, что на берегу рядом с въездом на переправу загорелся сарай, в котором были складированы боеприпасы. Закурко бросился туда вслед за Игнатовым. Они едва успели вынести последний смертоносный ящик, как крыша сарая рухнула.

Ко второй половине дня пожар стих. Сапёры вместе с лейтенантом прилегли передохнуть на баржах. Дорога к переправе опустела: ни повозок, ни машин, ни людей, которые ещё два часа назад двигались почти сплошным потоком. . .

За деревней на противоположном берегу реки вдоль большака стеной поднималась пыль. Сначала сапёры подумали, что к переправе приближалась большая колонна противника. Они с тревогой всматривались в это, закрывающее солнце серое облако, ожидая, что вот-вот из него появятся немецкие танки. И, наверное, каждому из них в тот момент нестерпимо хотелось выскочить на ещё не остывшие от недавнего пожара доски моста, чтобы бежать в тыл, подальше от этого ужаса. Ведь подрывную команду для инициирования взрыва снабдили только огнепроводными шнурами. Они должны были оставаться

в баржах до тех пор, пока немецкие танки пройдут по мосту, и только потом, на глазах у вражеских солдат, поджечь шнуры.

Но что это? Стоящее над дорогой пыльное облако стало передвигаться не к мосту, а к станции Сольцы. К радости сапёров вскоре выяснилось, что наша только что вступившая в бой дивизия с боем выбила немцев со станции Сольцы, и необходимость во взрыве моста отпала. Наоборот, переправа теперь нужна была нашим наступающим войскам для связи с тыловыми службами.

Команду подрывников тут же сняли с переправы. Командование пообещало всех представить к наградам, а пока сапёрам дали пятидневный отпуск. Их отвезли в тыл в город Шимск, расположенный между рекой Шелонью и Новгородом. Перед этим население города полностью эвакуировали. Получилось, что в дни отдыха семнадцать сапёров подрывной команды были единственными обитателями опустевшего городка.

После пережитого на переправе Алексей Закурко с удовольствием предавался полному ничегонеделанью. Сапёров никто не беспокоил, если не считать наведывавшегося к ним майора Золотникова из разведотдела штаба фронта. Он подолгу беседовал с красноармейцами, интересовался их настроением, самочувствием, рассказывал интересные случаи из своей довоенной студенческой жизни, а под конец обязательно сводил разговор к работе разведчиков во вражеском тылу. Майор уговаривал Закурко и его товарищей идти служить во фронтовую разведку. Сулил обеспечение по высшему классу, мол, будете жить лучше, чем лётчики; обещал самое современное оружие, а при успешном выполнении задания – высокие награды. Рисуя жизнь разведчика, Золотников подпускал романтики, но не скрывал и опасностей этой трудной военной профессии. В общем, смотрите сами, ребята: или грудь в крестах, или голова в кустах. Майор умел найти подход к людям, недаром его до войны готовили для разведывательной работы во Франции. В последнюю встречу с сапёрами он был немногословен. Сразу перешёл к делу: “Кто согласен идти служить в разведку, собирайтесь, поедете со мной. Тех же, кто сомневается, завтра вернём в батальон”.

ВО ФРОНТОВОЙ РАЗВЕДКЕ

Сержант Закурко сразу решил ехать с Золотниковым. Из семнадцати подрывников в совхоз Борки под Новгород, где находилась база разведчиков, согласились отправиться десять человек. Там их сразу взяли в оборот. Учиться пришлось буквально от восхода и до заката. В классах не засиживались, над конспектами не горбились, а осваивали новую науку больше на практике. Готовили сразу три разведывательные и диверсионные группы. На всё про всё отвели одну неделю. Ситуация на фронте менялась стремительно, и командованию позарез нужны были сведения о манёврах противника. Поэтому наскоро подготовленные разведгруппы, не откладывая, перебросили за линию фронта. Вот так Алексей Закурко на 24-й день войны оказался в тылу у немцев в псковских лесах под городом Опочка. Он входил в группу лейтенанта Комкова, которой было поручено провести разведку глубокого тыла противника. Разведчики вели наблюдение за шоссевыми дорогами, выявляли места концентрации немецких войск, собирали сведения об их численности и составе. Проводить диверсии группе запрещалось.

Разведчики без потерь вернулись на “большую землю”, прошли тщательную проверку в особом отделе, определявшем степень благонадёжности каждого, кто побывал на вражеской территории. Группа немного отдохнула и снова отправилась во вражеский тыл выполнять новое задание.

Уже в феврале 1942 года командование отметило заслуги Алексея Закурко орденом Красного Знамени. Представляя разведчика А. Я. Закурко к следующей награде, начальник 3-го отделения разведотдела штаба Северо-Западного фронта майор Лихайван писал: “Закурко А. Я. с июля 1941 года работает заместителем начальника разведывательно-диверсионной группы. 5 раз выбрасывался с парашютом в тыл противника для выполнения специальных заданий военного совета Северо-Западного фронта. Участвовал в совершении диверсионных операций на участке железной дороги Порхов–Псков, Псков–Карамышево. Под руководством т. Закурко пущено под откос 9 воинских эшелонов противника с живой силой и техникой. Повседневно ведёт разведку врага и даёт ценные разведданные о противнике в интересах фронта...”

Накануне Нового 1943 года Закурко перешёл линию фронта в составе группы Виктора Федоренко. В группе было 10 разведчиков: 8 мужчин и 2 девушки. На этот раз опасная «командировка» затянулась. Командование фронта строжайше запрещало членам разведгруппы ввязываться в драку. Для штаба фронта иметь в тылу врага свои «глаза и уши» было важнее пущенных под откос вражеских поездов. Разведчики обязаны были своевременно передавать командованию информацию о передвижениях войск противника по железным и шоссейным дорогам. Немецкая контрразведка сбилась с ног в стремлении обнаружить разведгруппу, чтобы её немедленно уничтожить. Положение у разведчиков было сложным. В группе за 9 месяцев трижды менялись командиры. Лейтенант Федоренко подорвался на mine. Сменивший его Белюшев был ранен в стычке с власовцами, после чего роль руководителя пришлось взять на себя А. Я. Закурко.

Несмотря на потери в разведгруппе, новый начальник не падал духом. Он считал, что у них имелись неплохие условия для длительной и успешной работы в тылу. Возможность попасть под внезапный налёт карателей Закурко исключал. У разведчиков в Псковском районе почти в каждом селе были верные помощники. Они своевременно давали знать о приближающейся опасности, и это позволяло Закурко и его боевым товарищам уклоняться от встреч со спецподразделениями оккупантов. Но, возможно, эта уверенность в безопасности и подвела разведчиков.

Немецкая контрразведка в борьбе с подпольщиками, диверсантами и партизанами применяла разные методы. Она не только засылала в неблагонадёжные районы своих шпионов, но также всё чаще использовала для выявления мест расположения народных мстителей ложные партизанские отряды. Именно встреча с таким отрядом-подставой закончилась для Закурко и его группы трагически.

13 октября он с разведчиками Владимиром Егоровым и Геннадием Сорокиным заехал в село Темерево. Один из местных жителей им сообщил, что на село наступают партизаны. Разведчики чуть было не столкнулись с ними за деревенской околицей. Человек семьдесят шли к селу, развёрнутые в цепь, с приготовленным к бою оружием. Эти «партизаны» сразу не понравились Закурко. Он не мог понять, что заставило их наступать на село, где не было ни немецкого, ни власовского гарнизона.

Чтобы уклониться от встречи с подозрительным отрядом, Закурко и его спутники перешли на другую сторону села и попытались огородами уйти в лес. Но не тут-то было – путь к лесной опушке перекрыла дюжина вооружённых всадников. Это уже походило на западню.

Выскочили на окраину села. Впереди разлеглось поле, на котором только кое-где росли жидкие кустики. Укрыться негде, а «партизаны» их уже заметили и подняли крик: «Лови полицаев! Вперёд, за Родину, за Сталина!» Сзади раскатисто загрохотала пулемётная очередь. По веткам кустов защёлкали разрывные пули. Разведчики несколько раз поднимались, бежали что есть мочи и снова падали. Пулемёт захлёбывался очередями, но было ясно, что немцы огонь вели не прицельно. Преследователи явно хотели взять разведчиков живыми.

Падая после очередной перебежки, Закурко услышал хриплый голос Егорова: «Ребята, я ранен!» Алексей бросился к нему, позвал, но тот уже не слышал, направив в небо остановившийся взгляд – разрывная пуля попала ему в поясницу.

Бежать дальше не было смысла. Всё равно перестреляли бы, как куропаток. Закурко с Сорокиным развернулись в сторону преследователей и открыли по ним огонь из своих автоматов. Те начали обходить их справа и слева. Патроны у разведчиков скоро кончились. Закурко вынул гранату, отогнул зажим чеки и положил её рядом в шапку – это для себя. Автомат Геннадия тоже смолк. Пуля задела его правую руку. Из дырки в рукаве показалась струйка крови. Через пару минут в автомате Закурко не осталось ни одного патрона.

ПЛЕН

Алексей поднял голову, чтобы осмотреться. Рядом с ним стояли две лошади, всадники которых направили на него свои автоматы. На их кубанках были нашиты красные ленточки, а в одном из всадников Закурко узнал де-

вушку. Раньше ему никогда не приходилось видеть или слышать, чтобы у немцев или власовцев воевали женщины. Его на миг охватило сомнение: “А может, это и вправду свои?” Он поднялся в недоумении со словами: “Товарищи! Ведь друг друга бьём!”

“Товарищи” мигом окружили разведчиков, отобрали у них оружие, а один вихрастый ловкач тут же снял с руки Закурко часы. Подъехал ещё верховой со знаками отличия старшего лейтенанта и с ехидцей бросил: “Не думал, что мы так встретимся”.

Разведчиков повели в ближайший дом. В горнице за столом сидел капитан в кожаном реглане, который сразу же поинтересовался, какой недавно разведчики получили груз и где его спрятали. Закурко на вопрос ответил вопросом:

— С кем имею дело?

Ухмыльнувшись, капитан со скрытой угрозой в голосе ответил:

— Скоро узнаешь. Поделится бы тем, что руководители прислали группе.

Нам для диверсий тол нужен позарез.

— Я бы поделится, но сам нахожусь в сложном положении. Три дня назад пропал мой заместитель, который принимал груз, а где он его забазировал, я не знаю. Постоянное же место определить ему мы не успели.

— Как работает рация? — продолжал допрос капитан.

— Рация в порядке, радист у нас — что надо.

— Может, позволишь мне радиограмму в центр отправить? Наша рация почему-то забарахлила.

— Рад бы помочь, но не могу по той же причине. Радист ещё не дал о себе знать.

Закурко давно понял, что за “капитан” перед ним. Тот явно играл с ним, как кот с пойманной мышью, и ему ничего не оставалось, как принять эту игру, чтобы потянуть время, которое позволило бы ему взвесить и оценить положение. Разведчик напряжённо думал над тем, как ему выкрутиться из этой смертельно опасной ситуации.

“Капитан” поскукнел, поняв, что продолжать изображать из себя партизанского начальника бесполезно. Он посожалел, что разговор у них не получился, и бросил небрежно:

— Иди, погуляй на улице.

В сенях Закурко поджидали два автоматчика, которые во время прогулки следовали за ним неотступно. В этом селе бандиты, выдававшие себя за партизан, взяли ещё нескольких мужчин, которые по простоте душевной обратились к ним с просьбой принять их в свой отряд.

Под вечер всех арестованных со связанными руками отвели на ближайший полустанок, погрузили в товарный вагон и отвезли в город Остров, в тюрьму местной полиции. Здесь Закурко занялись немецкие контрразведчики. Его не били, но часто допрашивали и держали впроголодь — 200 граммов хлеба и стакан воды в сутки. Не добившись от арестованного желаемой информации, Закурко отправили в город Летцен, расположенный в Восточной Пруссии, в специальный лагерь. В конце 1943 года гитлеровское руководство после поражений вермахта под Сталинградом и на Курской дуге лихорадочно искало себе подручных для борьбы против наступающей Советской армии. Контингент в спецлагере был разношёрстным. Здесь сидели не только военнопленные, но и те, кто добровольно перешёл на сторону врага. В лагере на особом положении находились русские офицеры из эмигрантов. Георгиевские кавалеры щеголяли в старой армейской форме и, держась в стороне от пленных, забавлялись выпивкой и преферансом.

В лагерь регулярно наведывались вербовщики для отбора пополнения в разведшколы и власовские формирования. Закурко на первых порах нашёл хороший повод уклониться от этой вербовки. В тюрьме он подхватил чесотку. Его поместили в лечебницу, где Алексей быстро нашёл взаимопонимание с пленным врачом из Ленинграда Григорием Павловичем Кузнецовым, который постарался продлить болезнь своему пациенту. Но бесконечно водить за нос дотошных лагерных надсмотрщиков им не удалось. Пленного Закурко уличили в злостном саботаже и умышленном уклонении от вербовки на службу германскому рейху. За это “преступление” его сначала отправили в штрафной лагерь 1-В в Гогенштайне, а оттуда в числе 200 военнопленных офицеров-штрафников перевезли в Западную Германию под Ганновер.

От Нигбурга до небольшого хутора Кляйнлессена военнопленных гнали пешком в наручниках, скованных цепями попарно. На обширном помещицьем дворе стоял большой коровник. Новичков разместили на чердаке на трёхъярусных деревянных нарах.

На следующий день ни свет ни заря военнопленных отвезли на грузовиках за тридцать километров к станции Дипхольц, возле которой находился большой военный аэродром. Их возили туда каждый день. Объём работ задавала американская авиация, регулярно бомбившая этот аэродром. Русских пленнх заставляли как можно быстрее засыпать воронки. Перед работой их разбивали на группы по 30 человек, и с них не спускали глаз шесть конвоиров. Во время налёта все пленные по команде ложились на землю. При этом подняться мог только один человек. Если одновременно поднимались двое, это уже считалось побегом, и охранники стреляли в тех, кто поднялся, без предупреждения. Однако поддерживать такой порядок во время бомбёжки было непросто. Земля от взрывов вставала дыбом, и у каждого от страха цепенела душа. К тому же, охрану составляли пожилые или ограниченно годные солдаты из резервистов, и в критической ситуации они вряд ли могли бы противостоять совместным действиям тридцати офицеров-фронтовиков.

ПОБЕГ

Мысль о побеге давно не давала покоя Алексею Закурко. Как-то он сказал об этом своим товарищам и узнал, что они озабочены тем же. Ночью тайком собрались на чердаке скотного сарая, чтобы наметить план действий и распределить обязанности. Больше всего внимания уделили разоружению охранников. Для этого отобрали наиболее физически сильных членов группы. Важно было также раздобыть карту и компас, без которых пройти сотни километров по территории враждебной Германии было невозможно. К предстоящему побегу каждый был обязан приготовить для себя НЗ, состоящий из пайки хлеба, маргарина, соли, спичек и верёвки.

В конце июля у Закурко и его друзей всё было готово к побегу. Но случилось непредвиденное. Американская авиация неожиданно прекратила бомбёжки аэродрома под Дипхольцем. Военнопленных стали возить на работу в разные места, и товарищам, вместе с которыми Закурко задумал побег, не было возможности попасть в одну группу.

Утром 5 августа 1944 года при распределении на работу Закурко попал в команду из 10 человек, которых с одним конвоиром послали в поле прочистить дренажную канаву. Случай для побега Алексей посчитал подходящим, несмотря на то, что в эту команду из тех, кто собрался бежать, попали только капитаны Дмитрий Вовенко и Василий Лебедев. Сам же Закурко попросился в эту команду в последний момент. При этом он, что называется, пошёл напролом. Когда переводчик из поляков поручик Кедава спросил его, зачем он хочет присоединиться к этим ребятам, Алексей неожиданно для себя прикрикнул: «Я сегодня бегу». Ещё более неожиданным для него стало то, что поляк сразу же откликнулся на его просьбу. Он крепко пожал Алексею руку и пожелал успеха, добавив на прощание: «А я ещё не всё сделал».

План действий обсудили на ходу. Капитану Вовенко предстояло завладеть оружием конвоира. Он знал французскую одиннадцатизарядную винтовку, которой был вооружён охранник. Алексей при этом должен был отвлечь внимание немца, а Василий – подстраховать момент, когда Дмитрий будет отнимать винтовку. Немца решили не убивать, а только снять с него одежду.

На работу военнопленные отправились с граблями, косами, вилами, наковальней и молотком для отбивки кос. В канаве стали так, чтобы тройка организаторов побега работала на одной стороне, а на другой стороне работали остальные. Охранник присел на бугорке с книжкой, положив винтовку рядом с собой на траву. Вовенко сделал вид, что у него затупилась коса. Он взял молоток с наковальней, подсел к немцу и начал отбивать косу. Алексей зашёл в канаву и не спеша двинулся к конвоиру, держа в руке сигарету, чтобы попросить у немца огонька. Закурко внутри пробирала нервная дрожь, и свою просьбу он почти прокричал. На неё неожиданно откликнулись пленные, работавшие по другую сторону канавы. Не подозревая о замысле своих товарищей, они дружно кричали: «Иди к нам, мы дадим тебе прикурить!» Это было совсем некстати, но вполне понятно – курева не хватало, и каждый из

тех, кто кричал, надеялся, что Закурко поделится с ним хотя бы одной затяжкой.

Алексей вынужден был подойти к позвавшим его товарищам. Он прикрикнул и жадно затаился. Окружающий мир поплыл у него перед глазами. С досады на свою слабость, на то, что ему помешали, Закурко отдал сигарету ребятам и решительно направился к Дмитрию, чтобы взять у него молоток. Почти отчаявшись, он решил сразу же стукнуть охранника молотком по темени. Но Вовенко тоже уже был на пределе. Опережая Закурко, он бросился к немцу, схватил его винтовку и громко закричал: “Хенде хох!”

Немец опешил. Он таращил глаза, не понимая, зачем пленный заставляет его поднимать руки. Дмитрий щёлкнул затвором, но патрон застрял в патроннике. Опомнившийся немец проворно вскочил и бросился бежать в сторону хутора, где жили военнопленные. Алексей погнался за ним с молотком. Напуганный немец бежал, как заяц. “Уйдёт, гад!” – мелькнуло в голове у Закурко, и тут же почти автоматически он швырнул молоток охраннику вдолгую. Тот от удара как-то неестественно согнулся и закружился на месте. Алексей схватил его и хотел свалить, но немец, здоровенный детина, устоял на ногах и попытался вырваться. “Вася, ко мне!” – позвал на помощь Закурко. Лебедев с Полтавцем подоспели вовремя, повалили охранника, и Закурко сел на него сверху, придавив руки коленями. Быстро снял с конвоира часы и начал искать в карманах компас. Алексей не заметил, как немец высвободил руку из-под его колена и вынул из ножен штык... В самый последний момент руку конвоира перехватил и прижал к земле Василий. Отобрав у немца штык, он тут же пристроил его себе на поясной ремень.

Обезоруженного и поверженного наземь немца быстро раздели и разули. Капитан Вовенко скомандовал: “Все ко мне!” Его первой мыслью было надеть немецкую форму и, изображая конвоира, поскорее увести товарищей от этого места. До обеда их искать не будут, а до этого времени беглецы смогли бы уйти далеко. Хороший замысел не сработал по простой причине. Мундир и штаны оказались Дмитрию впору, а сапоги никак не налезали на его крестьянские ножищи. Пришлось отказаться от переодевания и уходить так, как есть. Мешкать нельзя было ещё и потому, что в полутораэта метрах от них на мостике, перекинутом через канаву, остановился прохожий, явно заинтересовавшийся тем, что там происходило.

– А где немец? – спохватился Закурко.

– Чёрт с ним, с немцем! Уходим! – поторопил Вовенко.

Добежав до ближайшей рощи, осмотрелись – среди них не было Яценко. Алексей считал его своим земляком: до войны он работал в Липецком военкомате. Яценко звали, искали вокруг – нету, пропал человек. Вернулись на опушку рощи и увидели Яценко на том самом мостике, где до этого стоял прохожий. Рядом с ним был охранник в белых трусах. Яценко снял свой китель, набросил его на плечи немца, и они побежали в сторону хутора. Вовенко хотел по ним стрелять, но его вовремя остановил Закурко. Стрельбу услышали бы в хуторе и подняли бы тревогу раньше, чем туда добрались бы охранник с Яценко. Нужно было, не мешкая, уходить подальше от этого места и попытаться надёжнее укрыться от погони. Вовенко скомандовал: “Враспыню!” – после чего все бросились в разные стороны.

Алексей побежал за Дмитрием. Сзади он слышал топот ног и думал, что это бежит Лебедев. Когда же на другом конце рощи они остановились, чтобы перевести дух, то вместо Лебедева увидели рядом Ивана Полтавца. Василий же, скорее всего, присоединился к Аркадию, с которым воевал в одном батальоне. Однако раздумывать и сожалеть об этом было некогда. За рощей спустились в канаву и пошли по воде, чтобы сбить со следа овчарок. Несколько раз поочерёдно выходили то на один берег, то на другой. Им повезло, что в то утро выпала обильная роса и крестьяне повременили с выходом в поле.

Впереди замаячила вышка лесника. Сверху обзор хороший, и оттуда их могли заметить. Трава тоже почти высохла. Спрятаться решили в ближайшей роще. Под деревьями нашли муравейник, разрыли и потоптались на нём подошвами. Тут же все помочились в одно место, и ещё раз каждый испачкал свою обувь образовавшейся жижей. Эти простые способы спасения от четвероногих ищек Закурко усвоил за те месяцы, которые ему пришлось находиться во вражеском тылу. В роще выбрали раскидистый куст орешника. Алексей прикрыл Вовенко и Полтавца прошлогодней листвой: “Вы, хлопцы, тут поспите, а я рядом буду сторожить”. Роща, где они спрятались, была

небольшой. Её со всех сторон окружали поля, с которых доносились выкрики людей, выехавших на уборку урожая. Закурко напряжённо вслушивался в звуки начинающегося сельского трудового дня. Громкий, похожий на команду окрик заставил его насторожиться. Затем послышались ещё крики и хриплый лай взнузданных поводками собак. Алексей ощутил холодок между лопатками. Ему нестерпимо захотелось броситься наутёк от приближающейся погоны. Несколько мгновений страх боролся с трезвым рассудком. Паниковать в их положении было действительно смертельно опасно. Беглецам ничего не оставалось, как затаиться и ждать. При этом — ни звука: ни кашля, ни единого шороха, ни нечаянно оброненного слова.

Лай собак уже слышался рядом, где-то справа на лесной опушке. Чётко различались команды офицера и топот солдатских сапог. Собаки долго кружились на месте. Закурко казалось, что ещё немного — и их обнаружат. Но, похоже, их нехитрые предосторожности подействовали, и лай сбитых с толку овчарок стал отдаляться.

Пролежали под ореховым кустом до наступления темноты. Перед восходом луны, когда сумерки так сгустились, что хоть глаз выколи, беглецы вышли из рощи и по свекольному полю побежали в ту сторону, где, по предположению Закурко, пасся скот. В Германии коровы пасутся на привязи, без пастуха. Возле них можно было наконец-то напиться и откашляться, не опасаясь, что тебя обнаружат преследователи. Здесь же перекусили тем, что прихватили с собой в сумках. Прежде чем двинуться дальше, Закурко на звёздном небе нашёл Полярную звезду. Северное направление выбрали не случайно. Алексей понимал, что в первые дни после побега преследователи наверняка постараются перекрыть им путь на восток.

Идти решили по одному на расстоянии. Первым шёл Закурко, вслед за ним, шагах в двадцати, двигался Полтавец и приблизительно на таком же удалении шёл замыкающим вооружённый винтовкой Вовенко. Алексей был всё время начеку. Ему приходилось выбирать путь при тусклом лунном свете в совершенно незнакомой местности. В таком положении хорошие уши были нужнее глаз. Он ловил каждый звук, каждый шорох, чтобы вовремя спрятаться, затаиться, избежать нежелательной встречи. Попадись они на глаза любому немцу, их сразу бы обложили, как волков на охоте, и наверняка бы быстро поймали.

Укрыться днём от посторонних глаз на равнине, где каждый клочок земли возделывался человеческими руками, было тоже непросто. Первую днёвку пришлось провести в роще у края торфяного поля. В канаве сделали подстилку из веток, а вокруг натянули небольшие сосенки. Укрытие оказалось вполне надёжным, и беглецам удалось хорошо отоспаться до наступления сумерек. После отдыха захотелось подкрепиться, но в сумках было почти пусто. Ничего не поделаешь, пришлось отправляться в путь голодными. Теперь Закурко пришлось не только напряжённо вглядываться в темноту и вслушиваться в ночную тишину, но и думать, как добыть пропитание.

Первые дни пришлось питаться тем, что удавалось находить на полях, огородах, в садах. Только на подножном корме долго не протянешь, а им предстояло пройти сотни километров. За свою жизнь Алексей никогда и ничего не украл, разве что колоски с колхозного поля, а тут, хочешь — не хочешь, приходилось начинать по-настоящему воровское существование.

На следующую ночь заглянули к зажиточному крестьянину на хутор. Через небольшую дверцу цокольной части дома по наклонному бетонному жёлобу Закурко проник в подвал. Полтавец остался ожидать его снаружи, а Вовенко в стороне наблюдал за домом, чтобы предупредить товарищей, если неожиданно появится кто-нибудь из его жильцов.

Алексей набил сумку продуктами и попытался вылезти обратно, но не смог. Колени скользили вниз по гладкому дну крутого жёлоба, а руками ухватиться было не за что. Закурко испугался не на шутку — сам залез в западню. Он снова и снова пытался добраться до наружной дверцы, но у него ничего не получалось. Ему уже начало казаться, что положение безвыходно, как вдруг вспомнил про лежавшую в сумке верёвку. Он бросил её конец Полтавцу и при его помощи выбрался наружу.

К общему разочарованию, сумка Алексея была пустой. Её содержимое он оставил в подвале, когда искал верёвку. Уже покидая хуторской двор, Иван Поставец прихватил с собой живого гуся, предусмотрительно засунув

его голову под крыло. Этот единственный трофей ему пришлось тащить до следующей днёвки.

СКИТАНИЯ ПО РЕЙХУ

На берегу небольшой речушки беглецы спрятались в густом кустарнике. Первым делом зарезали гуся. Полтавец снял с него шкуру вместе с перьями, выпотрошил и разрезал на куски. Все смотрели на чистое, разложенное на листьях мясо, и каждый думал: “Если бы можно было развести огонь...”

Закурко первый взял гусиную шейку и начал её потихоньку обглаживать. Сырого гуся втроём жевали до вечера. После им придётся ещё не раз охотиться на домашнюю птицу немецких бауэров, и они придут к общему мнению, что в сыром виде вкуснее всего (хотя вряд ли здесь уместно употреблять слово “вкусно”) утка, а курицу просто в рот взять невозможно.

Алексею как разведчику недопустимо было повторять однажды совершённую ошибку. В следующий раз, спускаясь в подвал, он предусмотрительно запасся длинной жердиной, по которой легко и быстро выбрался к своим товарищам с туго набитым мешком. Однажды Закурко прихватил с собой несколько выделанных кож. После очередной днёвки все трое бесшумно шагали в мягкой обуви. Сделать её не составило большого труда: разрезали на подходящие куски, проделали дырочки по краям, затащили шнуры – и готово. В такой обувке их даже собаки не слышали.

Беглецы шли на север почти неделю. Вовенко и Полтавец несколько раз предлагали повернуть на восток. Закурко понимал их нетерпение, потому что и самому хотелось того же, но он настоял на том, чтобы идти на запад и тем окончательно сбить с толку тех, кто их искал. И только на седьмой день, после того как они сменили направление с северного на западное, Закурко решился, наконец, повернуть на восток. Полтавец в обсуждении маршрута движения участия не принимал. В их группе он добросовестно исполнял роль носильщика продуктов, которые ночью добывал Алексей. Вовенко по-прежнему шёл сзади, но теперь он, кроме французской винтовки, тащил ещё и портфель с неприкосновенным запасом. Закурко шёл впереди. Его слух до того обострился, что постоянно что-то громко жевавший Полтавец вызывал у него болезненное раздражение. Во время ночных переходов Алексей старался правильно выдерживать направление. В ясную погоду это было просто: если Полярная звезда находилась слева, значит, они шли на восток. Когда небо закрывали тучи, ориентироваться было намного сложнее. Один раз попробовали выбирать направление по ветру и к утру пришли к той скирде, в которой провели предыдущий день.

Август подходил к концу. День заметно укорачивался, отдавая часы набирающей силу ночи. Появилась возможность увеличивать ночные переходы и тем самым ускорить приближение к заветной цели. Им нужно было поторавливаться ещё и потому, что до наступления холодов оставалось совсем немного времени, а у них не было ни тёплой одежды, ни подходящей обуви. Однако увеличить расстояние переходов было непросто. Много времени отнимала добыча пропитания. Закурко стремился свести до минимума риск операций по изъятию продуктов из частных кладовых. А для этого им приходилось долго наблюдать за заранее облюбованным домом, ожидая, пока все его обитатели крепко уснут. В подвалах Алексей работал быстро, как заправский домушник. Закрывал окна, зажигал свечу и выбирал то, что считал для них подходящим. При этом старался не оставлять следов своих нелегальных “заимствований”. Например, банки с домашними консервами брал не у края полки, а от стены, колбасу с вешалки срезал не подряд, а в разных местах. Однажды попался уже надрезанный большой бисквитный торт. Закурко не взял его весь, а только отрезал кусок. Но даже такая осторожность не могла уберечь от неожиданностей. Первый раз такое случилось ещё под Ганновером, вскоре после того, как они повернули на восток. Поздно вечером с горы спустились в долину. Впереди показались неясные очертания большого крестьянского дома, в котором светило лишь одно окно на втором этаже. Бесшумно пробрались на просторный хозяйственный двор и затаились у стены длинного сарая в ожидании, когда в окне погаснет огонь. Около полуночи Закурко направился к той части дома, где, по его предположению, находилась кухня. Вовенко с Полтавцем следовали за ним в нескольких шагах. Алексей подошёл к двери кухни,

и в этот момент громкий мужской голос подал команду собаке. Бежать в таком положении было бесполезно. Закурко лёг у стены кухни, а его спутники – вдоль брёвен, сложенных посредине двора. Собака вела себя странно. Она со злобным рычанием бросалась вперёд и снова возвращалась к идущему за ней хозяину. Полагая, что крестьянин его заметил, Алексей поднялся и сразу же оказался в крепких крестьянских руках. Отчаянно вырываясь, он позвал на помощь Дмитрия. Тот подскочил, ударил немца прикладом по голове и бросился наутёк. Удар получился вскользь. Крестьянин на секунду отключился, но полу итальянской накидки, которая прикрывала плечи Закурко, из рук не выпустил. Воспользовавшись моментом, Алексей вытащил голову из накидки и бросился догонять товарищей. В ту ночь он их чуть было не потерял.

Следующие две недели прошли без происшествий, а в последний день августа Закурко опять чуть было не “застукали”. Поначалу всё шло хорошо: легко открыл дверцу, бесшумно спустился в подвал, Полтавец передал вниз мешок. Осталось занавесить окно и зажечь свечу. И в этот момент совершенно неожиданно под потолком загорелась электрическая лампочка, и сверху раздался громкий крик: “Банде! Банде!” После Алексей никак не мог вспомнить, как ему удалось выскочить из подвала. Бежали без оглядки по полю километра два, пока располневший от непрерывного жевания Иван не начал задыхаться. В тот вечер пришлось подкрепляться колбасой из неприкосновенного запаса. А пять дней спустя, ровно через месяц после того, как они совершили побег, произошло несчастье.

Поздно вечером на спящей деревенской улице они повстречали немца в гольщуге (деревянных башмаках). Уже по самой обуви было понятно, что это крестьянин – бедняк, батрачивший на местного бауэра. Закурко решил на этот раз не домущничать, а просто попросить, чтобы немец вынес им за деревенскую околицу хлеба, немного сала и спичек. Крестьянин вроде бы охотно согласился и тут же вернулся с несколькими бутербродами и неполной коробкой спичек. То, что он принёс на троих мужиков, было мало, но посылать его второй раз за добавкой в их положении было бы опрометчиво.

Получив еду, они направились в поле к большой, стоявшей на пригорке скирде, окружённой в три ряда колючей проволокой. И в тот момент, когда замыкавший шествие Вовенко преодолел последний ряд заграждений, со стороны деревни прогремели винтовочные выстрелы.

Алексей бросился за скирду, пролез под двумя рядами ползком, а третий ряд проволоки перемахнул сверху. Он всё время слышал за спиной топот ног и надеялся, что это бежит Дмитрий, но когда остановился, чтобы перевести дух, на него что не налетел Иван Полтавец.

– А где Вовенко? – ещё не отдышавшись, спросил Закурко.

– Не знаю, – выдохнул из себя совсем выбившийся из сил Иван, – я думал, что вы побежали вместе.

– Нужно искать, – решил Алексей.

Они хотели вернуться к скирде, но там уже были немцы. С той стороны сверкнуло несколько огоньков, и снова прогремели выстрелы. Пули просвистели в стороне и выше. Закурко и Полтавец легли на землю. Подали сигнал свистом, надеясь, что Дмитрий их услышит. В ответ – только ещё более частые выстрелы. Они почти час бегали по полю под огнём, не переставая звать Вовенко, но тот так и не откликнулся. О том, что с ним случилось, Закурко мог только догадываться. У него за спиной висели длинная винтовка и портфель с неприкосновенным запасом. И именно эта громоздкая ноша, скорее всего, помешала ему быстро преодолеть забор из колючей проволоки.

Весь следующий день Алексей с Иваном пролежали в зарослях тростника у какого-то озера. День был пасмурным, накрапывал мелкий дождик. Настроение у Закурко совсем упало. С потерей Вовенко он потерял веру в успех такого невероятного побега. Полтавец же с самого начала казался ему не очень надёжным товарищем. Но оставаться в центре вражеской страны совсем одному было ещё хуже.

Дождавшись ночи, они пошли дальше, теперь уже вдвоём. Закурко понимал, что предаваться горестным мыслям в их положении было непозволительной роскошью. Ведь надеяться они могли только на себя.

Через пятьдесят ночей после исчезновения Вовенко они вышли к Эльбе. Эту широкую судоходную реку пришлось преодолевать вплавь. Почти час провели в воде, а на дворе уже был конец октября. Когда у Закурко ногу свело

судорогой, думал, что придётся жизнь кончать по-чапаевски. К счастью, на этом месте начиналась отмель, и он прошагал по дну до берега.

За Эльбой Закурко с Полтавцем в течение трёх недель продолжали своё опасное путешествие без вынужденных погружений в студёную речную воду. Перед вечером 18 ноября, поднявшись на холм, они снова увидели перед собой большую реку. Спускаясь по тропинке к берегу, беглецы встретили четырёх девушек, возвращавшихся с работы и о чём-то громко говоривших между собой. Первая реакция была: повернуть в сторону, чтобы избежать встречи с ними, но в самый последний момент ухо Закурко уловило родную русскую речь. Вот так встреча! Девчата тоже обрадовались, когда два подозрительных парня в поношенной форме немецких солдат заговорили с ними на их языке без акцента. Алексею приятно было узнать, что девушки из Орловской области. Здесь, на далёкой неметчине, они для него, воронежца, были землячками. Он смотрел на эти милые лица, и слезы невольно подступали к его глазам. Жаль, что ребята не могли с ними поговорить подольше. Девушки рассказали им, что большую реку называют Одер, что в километре вниз по течению есть паромная переправа, но им идти туда они не посоветовали. Подозрительных людей без документов немецкая полиция задерживала без разговоров.

Алексей и Иван на прощание поблагодарили девчат и грустно пошутили: “Если нас поймать и будут вешать, придёте проститься? Нам веселее помирать будет”. Девчата встретили эту печальную шутку без улыбки, пожелали благополучной переправы и пошли своей дорогой. После этой встречи Алексею сразу стало тоскливо. Погода тоже действовала угнетающе. Перед этим весь день шёл мокрый снег, а под вечер повалил крупными влажными хлопьями. Они с Полтавцем спустились в речную пойму и спрятались в густых прибрежных камышах. На их одежде не осталось сухой нитки, а промозглый холод пробирал, что называется, до костей. Просидев в камышах до сумерек, они так и не решились переправляться вплавь через Одер. Под старой, дуплистой ракитой разделись, выжали воду из промокшей одежды и пошли вниз по реке туда, где, по словам девчат, между берегами курсировал паром.

На паром беглецы пробрались в темноте благополучно. Они присели на скамейку в носовой части и с замершими сердцами стали ждать конца переправы. Уже когда подходили к противоположному берегу, немец, управлявший паромом, осветил на них карманным фонариком. Этого было достаточно, чтобы понять, кто они такие. На пристани к беглецам подошёл жандарм и потребовал предъявить документы. Предъявлять было нечего, и Закурко с Полтавцем отвели в камеру предварительного заключения. Случилось это в тринадцать километров от города Кюстрина на сто четвёртый день побега. В ту ночь в КПЗ дежурил пожилой надзиратель, который неожиданно проявил сочувствие арестованным, поделившись с ними ужином, который принесла ему жена. На этот жест немца подвигло воспоминание о том, что в первую мировую войну ему пришлось побывать в русском плену, и его тоже кормили добрые русские люди.

СНОВА ПЛЕН

Утром задержанных на пароме военнопленных перевели в карцер. В тесной камере стоял всего один топчан. Его занял Иван, а Алексей лёг на пол. Чтобы не задохнуться от камерного смрада, он жадно вдыхал воздух, проникавший из щели под дверь. В полдень заскрежетал дверной запор. Закурко не успел оторвать голову от пола, как получил сильный удар ногой от ввалившегося в камеру полицая. Последовавший после этого многоэтажный мат подсказал узникам, что в карцере “опекать” их будет соотечественник. Небрежно, как собакам, он швырнул им по куску чёрствого хлеба и поставил на топчан две кружки воды. И тут же отработанным сильным ударом поднял дремавшего Полтавца, строго предупредив, чтобы впредь его встречали только стоя. Процедил сквозь зубы: “Ешьте, скоты!” – и вышел, громко хлопнув окочанной дверью. Так они познакомились с надзирателем Иваном из Кировской области.

Полицай-соотечественник бил своих подопечных по поводу и без повода. И похоже было, что он давал волю своим кулакам не из желания выслужиться, а от потребности дать выход своей внутренней злобе... Совсем по-другому относился к заключённым начальник КПЗ. Этот аккуратный, уравновешенный,

благоговевший перед законом немец не терпел самоуправства. Когда Закурко пожаловался ему, что надзиратель отобрал у него часы, он строго отчитал полиция и тут же заставил их вернуть. Однажды этот начальник даже спросил у Алексея, что он может для них сделать. Закурко высказал пожелание, чтобы тот оставил их в здешнем лагере. В ответ немец только развёл руками:

— Этот лагерь предназначен для англичан и американцев, а вы — русские. И ещё вы совершили тяжкое преступление — нарушили сразу несколько германских законов военного времени. Судьи вас обвинят в злостном саботаже и дезертирстве. Вы три с половиной месяца нелегально проживали на территории рейха, занимаясь грабежом. По нашим законам вас можно судить только за то, что вы пили крестьянское молоко, предназначенное к сдаче государству. У нас сейчас цельное молоко имеют право пить только кормящие матери.

В КПЗ под Кюстрином Закурко с Полтавцем просидели больше трёх недель. В одну из декабрьских ночей их неожиданно поднял Иван и повёл к начальнику. На вопрос Алексея, что с ними собираются делать, надзиратель, не скрывая злорадства, процедил сквозь зубы:

— Скоро узнаете. Там, куда вас отправят, долго не протянете.

В кабинете начальника КПЗ им надели наручники и вместе с шестью другими арестованными под усиленным конвоем отправили на вокзал.

Поезд шёл медленно, со всеми остановками. Перед рассветом вагон стали заполнять едущие на работу пассажиры. Закурко не мог не думать о том, что их ожидает. Невесёлые мысли вызывали чувство безысходности, нагоняли тоску. Чтобы от них отвлечься, Алексей попросил Ивана что-нибудь спеть. Полтавец запел сразу, как будто ещё до просьбы друга уже безмолвно, про себя, пел эту песню, а теперь она вырвалась на волю и зазвучала для всех:

*— Маю жинку, маю диток, да я их ны бачу,
Як згадаю про их долю, сам гирко заплачу.*

Вагон сразу затих. Немцам непонятны были слова, но красивая мелодия грузной украинской песни тронула всех. Конвоиры тоже слушали молча, и их начальник слушал, ничего не предпринимая, чтобы пресечь явно вызывающее поведение арестанта. А Иван продолжал петь, и слёзы катились по его давно не бритым щекам. Когда он закончил, к нему подошла пожилая немка, вынула из своей сумки небольшой свёрток и положила на полу его шинели. За нею стали подходить другие пассажиры, и каждый оставлял ему что-нибудь в знак благодарности.

После Иван разделил неожиданно собранное подаяние поровну между всеми товарищами по несчастью, и они в последний раз нормально поели, перед тем как долгие месяцы ежедневно голодать за колючей лагерной проволокой.

Вечером приехали в Веймар. До лагеря шли пешком. Восемь этапников — посредине дороги и четыре конвоира — по сторонам. Погода окончательно испортилась. Сырой пронизывающий ветер кружил крупные хлопья снега. Начальник конвоя всё время поторапливал: “Шнеллер, шнеллер!” Алексей чувствовал, что выбивается из сил. На деревянные подошвы его гольцшуге всё время налипал снег, и ноги в коленях гнулись не вперёд, а набок, причиняя острую боль.

БУХЕНВАЛЬД

Когда совсем смерклось, пленные подошли к большим металлическим воротам, над которыми бросалась в глаза зловещая надпись: “Каждому своё”. Их привели в тот самый Бухенвальд, который на Нюрнбергском процессе судьи назовут лагерем смерти.

Заскрежетали ворота, втягиваясь в боковую стенку. Во дворе лагеря с прибывших военнопленных сняли наручники и направили на санобработку. В предбаннике всех заставили раздеться. С собой никаких вещей брать не разрешили, кроме носков и носовых платков. Перед душевыми камерами каждый должен был, закрыв предварительно глаза и нос, нырнуть в бассейн с дезинфицирующим раствором. После мытья в бане перегнули, в чём мать родила, в другое здание. Здесь вновь прибывшие заключённые получили одежду. Никакой предварительной примерки. По очереди подходили к окну,

из которого выбрасывали рубашку, брюки, полосатый пиджак, мюце (шапочку). Закурко достались слишком маленькие ботинки. Он попросил заменить. Ему выбросили другие, сильно поношенные, но почти впору. Обратиться с повторной просьбой, чтобы обменяли обувь, не дали. В этом заведении не терпели заминок. Быстрее на выход и бегом в семнадцатый барак. Старший по барaku – рослый и внешне суровый немец – показал новичкам места на нарах. Обитатели семнадцатого звали его просто Вилли. Коммунист-тельмановец, он тянул лагерную лямку с 1933 года. В наказание за побег ему несколько лет назад отрубили все пальцы на ногах.

Соседями на нарах у Закурко оказались испанец, норвежец, поляк и немец. При знакомстве – обычные вопросы: как зовут, откуда, чем занимался, как попал в лагерь? Алексею как новичку пришлось больше говорить о себе. Вечерами он рассказывал своим соседям о своих приключениях на фронте и во вражеском тылу.

В один из первых дней пребывания Закурко в Бухенвальде, когда заключённые из барака № 17 шли на плац, идущий сзади заключённый несколько раз наступил Алексею на пятки. Обернувшись, он встретился взглядом с коренастым человеком средних лет, который кивнул Закурко, мол, отойдём в сторону. Этот заключённый оказался белорусом, бывшим политруком партизанского отряда.

– Ты, парень, веди себя осторожнее и поменьше рассказывай о фронтовых похождениях. Не забывай, где ты находишься.

Алексею дали понять, что в этом лагере за поведением узников следят не только надзиратели, и решил впредь быть осмотрительнее. В одну из ближайших ночей его разбудил Вилли.

– Одевайся. Пойдѐшь с ним, – указал он на стоящего рядом заключённого. – С тобой хотя бы поближе познакомиться.

Шагая по спящему лагерю вслед за своим проводником, Закурко терялся в догадках. Куда и зачем его вызвали? Он уже слышал рассказ о том, как заключённые ночью сажают приговорённых на камень, а утром выносят под рогожей на свалку. Неужели и ему уготована такая участь?

Провожатый подвѐл Алексея к обычной барачной двери, открыл её и пригласил войти. За дверью большая, неярко освещённая комната. Посредине неё стояли составленные в виде буквы “Т” столы, за которыми сидели десять одетых в лагерную форму мужчин. Один из них предложил Закурко сесть и спросил:

– Кушать хотите?

– Если можно... – робко с нескрываемым недоумением ответил он, весь поглощённый вопросом: “Куда же я попал?”

Принесли миску с едой. Алексей ел, а члены этого странного президиума негромко разговаривали между собой. Когда он закончил, предложили добавку. Отказываться не стал, и не только потому, что не наелся, а больше оттого, что увидел в этом хороший признак для себя, ибо вряд ли они стали бы досыта кормить человека, которого хотели в чем-то обвинить.

После необычно обильной трапезы Алексея начали допрашивать. Вопросы задавали много, охватывая время от рождения до побега. Добивались подробных обстоятельных ответов. Особенно досконально разбирались в делах военных. Где и с кем выполнял задания во вражеском тылу, как попал в плен? Некоторые вопросы задавали по несколько раз, чтобы сравнить ответы. Допрос занял несколько часов. И последний вопрос задал “дядя Коля” (так заключённые за глаза называли полковника Красной армии Симакова): “Готовы ли вы умереть за своих лагерных товарищей?” Закурко ответил утвердительно. В эту памятную ночь он был принят бойцом в батальон, который лагерное подполье создавало для освобождения заключённых.

В январе 1945 года Алексея неожиданно перевели в один из филиалов Бухенвальда. Здесь его послали работать на военный завод, располагавшийся в старой соляной шахте. На новом месте Закурко сразу приняли как своего. Связь между центром и филиалами работала надёжно. Большинство заключённых, работавших на этом заводе, были также вовлечены в подготовку восстания, которое должно было начаться по сигналу: “Котёл взрывается одновременно”. Алексею сообщили номера двух заключённых, с которыми он должен был в первые минуты восстания ликвидировать охранника в одном из секторов подземного завода.

До выступления оставались считанные дни, когда Закурко перевели в другой филиал лагеря, располагавшийся в городе Шонебеке под Магдебургом. Здесь он поступил в распоряжение “дяди Вани” (шахтёра из Донбасса), который поручил ему роль связного. Его напарником оказался земляк – танкист Сергей Рогачук из Алексеевского района. На новом месте Алексей не пошёл на работу, а постоянно находился в бараке или возле него, поближе к “дяде Ване”. Обстановка в это время была непредсказуемая. Фашистская Германия агонизировала под ударами армий союзников. Среди заключённых ходил слух, что американские войска уже под Магдебургом. Дорога в сторону Мюнхена была забита колоннами отступающих немецких дивизий и машинами с беженцами. Филиал лагеря должны были вот-вот эвакуировать. Закурко и Рогачук сбились с ног, передавая из барака в барак распоряжения “дяди Вани”: “Если из лагеря заключённых поведут в сторону карьера, нужно, не дожидаясь общего сигнала, поднимать восстание”.

Одиннадцатого апреля заключённых выстроили на лагерном плацу. За ворота выходили группами по четыреста человек, каждую из которых охраняли сорок конвоиров. В этот момент в небе неожиданно появились истребители и сразу же открыли огонь по скоплению людей. Налёт нарушил порядок эвакуации лагеря. Заключённые уже не делили на группы, и их общая, утратившая чёткие ряды колонна растянулась на многие сотни метров. На подходе к Эльбе дорога пошла по насыпи, к которой справа и слева подступал густой кустарник. Недалеко от моста человек двадцать заключённых бросились к кустам. Конвоиры открыли по ним огонь из винтовок, но никто из охранников даже не попытался преследовать беглецов. Рогачук тихонько толкнул Закурко:

– Давай за ними!

– погоди. Перейдём мост, потом.

Солнце зашло. Вечерние сумерки быстро сгущались. Колонна заключённых растянулась ещё больше, а конвоиры, наверное, из-за опасения за свою жизнь, стали собираться по несколько человек вместе. Алексей не знал, что именно в это время, в ночь с одиннадцатого на двенадцатое апреля 1945 года в Бухенвальде восстали заключённые. Кажется невероятным, но восставшие этого строжайше охраняемого лагеря оказались неплохо вооружёнными. У них было 128 винтовок, фаустпатроны и радиостанция. Охрана, почти не сопротивляясь, покинула лагерь.

За мостом Алексей оглянулся назад. Солдаты, сбившись кучкой, в полусотне метров от них шагали по обочине дороги.

– Теперь пора. Считаю до трёх...

Закурко сделал стремительный рывок к краю насыпи и кубарем покатился вниз. “Только бы ничего не сломать”, – мелькнуло у него в голове. Спуск, к счастью, прошёл удачно. Быстро поднялся на ноги и нырнул под ивовый куст. Заросли скоро кончились, а за ними началась пашня. Бежать стало тяжело, ноги вязли в рыхлой земле. С дороги послышалось несколько выстрелов, но пули пролетели высоко над головой.

Алексея догнал Сергей, и они побежали медленнее. За ними ещё кто-то бежал. Через несколько минут его тяжёлый топот, сопровождавшийся прерывистым дыханием, начал удаляться. Закурко было слышно, как бежавший за ними человек споткнулся и упал. Пришлось вернуться. Они помогли заключённому подняться. Он совсем обессилел и со слезами в голосе просил: “Не бросайте, не бросайте меня, ребята!” Так к ним присоединился бывший армейский контрразведчик Иван Наумович Коваленко из Кировоградской области.

И опять для Закурко начались скитания по Геримании. И так же, как и в этот раз, к ним неожиданно присоединился третий человек. Прежний опыт очень пригодился Алексею. Ему опять пришлось выбирать дорогу и проявлять находчивость в добыче пропитания. Отличие было только в том, что теперь они отказались от ложных манёвров и сразу повернули на восток, навстречу наступающей Красной армии.

Первая неделя после побега для них прошла благополучно, а в начале следующей недели, 19 апреля, случилось несчастье. Беглецы пробирались вдоль изгороди дачного посёлка. Полная луна только что выглянула из-за верхушек деревьев темневшего впереди леса. Стояла чуткая полночная тишина. Резанувший слух громкий винтовочный выстрел слылся со страшным криком Сергея Рогачука. Пуля попала ему в голову, и, когда Алексей нагнулся над ним, он уже не подавал признаков жизни. Оставив мёртвого Сергея около

изгороди, Закурко с Иваном Коваленко побежали к лесу. По ним больше не стреляли, погони тоже не было. И так же, как в первый побег, Алексею пришлось продолжать путь со случайным напарником. Тогда они ещё не знали, что до встречи со своими остались считанные дни.

После гибели Рогачука четыре ночи старались держаться подальше от населённых пунктов и торных дорог, по которым нескончаемым потоком двигались колонны отступающих гитлеровцев. На очередную днёвку остановились в молодом густом соснячке в километре от деревни Зайда. Как-то незаметно апрельское небо померкло, набежали тучи, начал накрапывать дождик. Закурко с Ковалевым натянули на головы свои полосатые куртки и стали ждать, когда выглянет солнце. Сквозь шум дождя Алексей услышал какое-то подозрительное шуршание. Заглянул за соседний ряд сосенок, а там ещё двое таких же, как они, беглецов спят, укрывшись плащ-палаткой. Те спросонья хотели бежать, но быстро разобрались, что их потревожили свои.

У Алексея с Иваном было ведро картошки, которую им удалось позаимствовать ночью в ближайшей деревне. Картошку сварили и пригласили друзей по несчастью отобедать вместе. Они уже кончали трапезу, когда услышали рядом немецкую речь и треск сухих веток. Из соседнего крупного леса прямо на них шли человек двадцать мужчин и женщин с топорами и лопатами. Они очищали деревья от сушняка. Закурко и его спутники, оставив недоеденную картошку, бросились прочь. Немцы их заметили. Они махали руками и что-то кричали им вслед, но у беглецов не возникло желания пообщаться с этими лесными санитарями. Убежали и только на следующий день поняли, что убежать-то не стоило.

Утром 23 апреля, пробираясь по лесу рядом с проселочной дорогой, Алексей отчётливо расслышал протяжное: “Ho-o-o!..” По дороге шло несколько подвод, на которых ехали разведчики 5-го танкового корпуса. Фронтвики встретили узников Бухенвальда действительно по-братски. Они все им сочувствовали, проявляли трогательное внимание. Разведчики сразу взяли их с собой, переодели и дали строгий наказ своему повару кормить гостей, когда те пожелают. Так пожили они с Ковалёвым около недели, а потом их вызвали в особый отдел. Там допросили и отправили на сборный пункт, где таких, как они, уже собралось несколько тысяч. Здесь пару дней покантовались и — в эшелон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

До границы с Советским Союзом везли, как победителей, а когда ступили на свою территорию, отношение резко изменилось. Теперь все они превратились в людей, подозреваемых в измене Родине. Эшелон разгрузили возле Невеля, и его пассажиров погнали в лес. Сюда, на необустроенную, но уже ограждённую территорию свезли около 20 тысяч офицеров, освобождённых из плена. Здесь Закурко пришлось братья за топор. Предварительно без суда заключённые, они сами должны были валить деревья и сооружать из брёвен примитивное лесное жильё. В это же время военные следователи неустанно занимались проверкой каждого офицера, которую называли “фильтрацией”.

Алексея Закурко допрашивал майор Ежов. Поначалу он старался быть сдержанным, спокойно отвечал на многочисленные вопросы следователя. Но время проходило, а вызовы на допрос продолжались, и это всё больше раздражало Алексея.

— Почему вы так строго меня проверяете? — допытывался он у следователя, рискуя испортить с ним отношения. — Я совершил два побега из фашистских лагерей, а вы мне верите меньше, чем другим.

— А кто знает, где и для чего вы бегали? Вас было всего только двое, и подтвердить ваши показания больше некому. Да и куда это вы так спешите?

Проверяли разведчика Закурко больше полугода. Освободили 4 декабря, накануне Дня Сталинской Конституции. Он мог ехать на все четыре стороны с двумястами рублями в кармане, а буханка хлеба в то время стоила 120 рублей.

Пришлось ехать в Псковскую область, где в 1943 году его разлучили с разведчиками группы, где его знали местные подпольщики и партизаны, где он оставил своего самого большого и верного друга Татьяну Ивановну

Янсон. Псковичи встретили Закурко радушно. Он снова оказался среди людей, с которыми почти год близко общался, выполняя опасное задание командования в тылу врага. Эти люди искренне желали ему добра. Они подарили ему пальто и собрали немного денег, чтобы он смог съездить в Москву, где надеялся отыскать начальника разведотдела Северо-Западного фронта полковника Деревянко, у которого перед последним заданием остались его документы и ордена. В столице своего бывшего начальника Закурко найти не смог. Частному лицу получить информацию о полковнике армейской разведки у военных чиновников было невозможно.

В феврале 1946 года Алексей Яковлевич Закурко вместе с Татьяной Ивановой Янсон, ставшей незадолго перед этим его женой, вернулся в родную Архиповку. Его мать, Мария Фёдоровна, встречала сына, можно сказать, с того света. В 1943 году в разведотдел фронта радист разведчиков передал сообщение, что командиры их группы немцы повесили. В хату Марии Фёдоровны горе в тот год пришло в третий раз. Её муж, Яков Моисеевич, ещё в 1942-м пропал без вести где-то под Севастополем, а младший сын, Митрофан Яковлевич, воевавший в батальоне лыжников, сложил голову в 1941 году под Москвой. Возвращение сына для вдовы фронтовика было одновременно и утешением, и напоминанием о невосполнимых утратах.

Алексею Яковлевичу тоже недолго пришлось радоваться возвращению на родную землю. В соответствующих органах ему сразу же дали понять, что его ещё до конца не “профильтровали” и поэтому полноправным гражданином страны не считают. Вместо обычного “молоткастого, серпастого” Закурко получил временное удостоверение с красной полосой, которое лишало его права выезжать за пределы Россошанского района. Поиски работы тоже не дали результата. В районе ему вежливо ответили: “Ждите до нового учебного года”. Алексей Яковлевич пошёл в райком хлопотать о восстановлении в партии, но и там ему дали от ворот поворот. Военная судьба разведчика Закурко не укладывалась в прокрустово ложе постановлений и указаний, которыми руководствовались партийные чиновники.

— Посудите сами, — говорили ему, — мы имеем документ, что вас повесили немцы, а вы, оказывается, живы. Как вы уцелели? Может, ценой предательства? Где ваши партийные документы? Кто за вас может поручиться?

От общения с местными партийными и советскими властями у Закурко появлялось горькое чувство безысходности. Порой ему даже казалось, что в фашистском плену ему было не так тяжело, как на своей родной земле. В то время единственной опорой и настоящим другом была у него Татьяна Иванова. В марте 1946 года директор Архиповской школы решил принять Закурко на работу завхозом. В следующем учебном году новый завхоз переквалифицировался в учителя начальных классов. Одновременно поступил учиться на физмат Россошанского учительского института, который окончил спустя два года. Получение высшего образования Алексей Яковлевич завершал в Воронежском педагогическом институте.

Максим Горький однажды сказал, что человека создаёт сопротивление окружающей среде. Наш учитель из Архиповки на своём личном примере убедился в истинности слов писателя. Семь лет он потратил на запросы в соответствующие ведомства, чтобы ему вернули его награды. В партию ему пришлось вступать заново в 1961 году, а негласный надзор за бывшим военным разведчиком районный отдел КГБ снял только в конце семидесятых.

Алексей Яковлевич Закурко отработал в Архиповской средней школе ровно сорок лет, из которых девять лет был завучем и пятнадцать — директором. За это время Архиповскую школу закончили четыре поколения учеников. Выпускники пятидесятых годов уже давно имеют внуков, но в их памяти Алексей Яковлевич навсегда остался лучшим учителем, добрым и честным человеком.

Война была бесчеловечно жестокой, но безошибочной проверкой нравственных и деловых качеств десятков миллионов граждан страны Советов. К сожалению, очень немногие из тех, кто выдержал этот жестокий экзамен, заняли после войны места во властных структурах, соответствующие их качествам. Широко распространённая во время войны “фильтрация” была очень несовершенным человеческим отбором, а не праведным, Божьим, который, по словам поэта, “не доступен звону злата”.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

ГЛАВА 8

Рождённые войной

О том, как реагировал читатель на поэтический “бум” конца 1950-х – начала 1960-х годов, Кожинов по свежей памяти рассказал в статье начала 1970-х “О беллетристике и моде в литературе”:

“Десять лет назад... оказались в моде такие совершенно разные по своему уровню, художественным принципам и направлению поэты, как Э. Асадов, Б. Ахмадулина, А. Ахматова, Е. Винокуров, А. Вознесенский, Евг. Евтушенко, Н. Заболоцкий, Р. Казакова, И. Кобзев, Л. Мартынов, Н. Матвеева, Б. Окуджава, Б. Пастернак, Б. Слуцкий, В. Фёдоров, В. Цыбин и другие.

Все они привлекли весьма широкое читательское внимание, хотя, конечно, не одинаково широкое, ибо в моде с этой точки зрения есть свои градации. Так, скажем, Е. Винокуров в то время имел меньший успех, чем Э. Асадов, но явно больший, чем Н. Заболоцкий, который точно определял в 1957 году своё место в читательском внимании:

*...известный поэт,
Хоть любимый не всеми
И понятый тоже не всеми...*

То, что “модных” поэтов появилось тогда так много, не удивляет, ибо сами стихи вообще оказались в это время в моде. Скорее может удивить пестрота этого перечня имён – в нём, кажется, невозможно установить хоть какой-либо порядок...”

“Какой-либо порядок” в этом хаосе Кожинов начнёт “наводить” для себя два десятилетия спустя, анализируя наиболее существенные стилевые тенденции поэзии этого времени. А тогда он находился внутри этого хаоса и, естественно, откликнулся на всё новое, что возникало в бурлящем стихотворном потоке.

Открытие всё новых и новых журналов (“Юность”, “Москва”, “Наш современник” – ещё в виде альманаха, “Русская литература”, “Нева”, возобновление “Молодой гвардии”) – всё “вспучивало” литературную жизнь, она бурлила, как расхолодившееся море. Выход первого выпуска альманаха “День поэзии” стал настоящей сенсацией, читатели ломались к прилавкам, за которыми стояли живые поэты, тут же читавшие стихи и надписывавшие свои книги. А возле только что открытого памятника Владимиру Маяковскому проходили импровизированные выступления молодых стихотворцев.

“Газета “Московский комсомолец”, – вспоминал тогдашний студент исторического факультета МГУ Владимир Осипов, – 13 августа даже дала

объявление о намеченных встречах. Читали Маяковского, Симонова, Есенина, Евтушенко, забытого Гумилёва, Ахматову, Цветаеву, тогда ещё не преданного анафеме Пастернака и многих других. Читали и свои собственные вирши. . . ” В других своих воспоминаниях он счёл необходимым специально подчеркнуть: “Среди множества выступавших были, конечно, и графоманы, и посредственности. . . Из того же множества выделилась группа действительно талантливых молодых поэтов (среди них Владимир Николаевич назвал Юрия Галанскова, одного из авторов “Синтаксиса”. — С. К.). Площадь Маяковского стала первой аудиторией и для будущих комсомольских поэтов (Волгин). . . Вечера не ограничивались одними стихами. За поэзией возникали идеи. . . Спорили об искренности в литературе, о тогдашних “ревизионистах” Дудинцеве, Яшине, Тендрякове (“Ухабы”), о Кочетове с его враждой к интеллигенции, о разных направлениях в живописи, даже о генетике и теории относительности. А иногда смельчаки касались запретной темы — политики. . . Но я совершенно не помню, чтобы кто-либо высказывался с контрреволюционных или консервативных позиций, не помню даже, чтобы кто-либо ставил под сомнение Октябрь и необходимость коммунизма в России”.

Но это — о поэзии устной. А вот что касается поэзии книжной. . .

Два сборника “Стихотворений” Николая Заболоцкого, изданные в 1957-м и 1959 годах (две драгоценнейшие поэтические книги второй половины XX столетия), действительно, привлекли куда меньше внимания, чем книги Леонида Мартынова “Стихи” и “Лирика” (1955-й и 1958-й год соответственно), отмеченные ярчайшим индивидуальным клеймом, — читавшие не столько вдумывались в смысл, сколько вслушивались в звукопись:

*Как глаза превращаются в очи,
Как в уста превращаются губы,
Как в дела превращаются речи.
Я не видел всё это когда-то,
Я не знаю... Жизнь кратче и кратче,
А на небе всё тучи и тучи,
Но всё лучше мне, лучше и лучше,
И богаче я всё и богаче.*

...Говорят, я добился удачи.

Не говоря уже о Семёне Кирсанове, чья трескучая и декларативная поэма “Семь дней недели” в рандап историческому моменту была напечатана в “Новом мире”:

*Все двери настезь,
если в доме душно!
Страна Советов,
ты великодушна,
всей своей сутью
ты сама Свобода.
Так отмени и пропуска у входа —
и жалобу
на тех,
чьё сердце — камень,
прими своими добрыми руками.*

За два года до этой публикации в “Литературной газете” появилась статья Ильи Сельвинского “Наболевший вопрос”: “Когда я думаю о современной советской поэзии, она представляется мне богатейшим оркестром. . . Но есть в этом оркестре удивительная странность. Вот выходит капельмейстер, взмахнул палочкой — выступает трио: аккордеон (Твардовский), баян (Исаковский), гармонь (Сурков). Играют хорошо. Душевно. Проходит десять минут, двадцать, полчаса, год, пятилетие. . . А что же остальные оркестранты?.. В авиации лётчик, способный делать “мёртвые петли” и “штопоры” — не трюкач, но ас; в кавалерии конник, умеющий на всём скаку махнуть под брюхо

лошади и снова взлететь в седло, — не штукарь, а джигит. Почему же в поэзии человек, показывающий джигитовку в управлении словом, зачислен в формалисты?”

Речь шла как раз о Кирсанове.

Эту же линию продолжил в первом выпуске “Дня поэзии” Николай Асеев в статье “О структурной почве в поэзии”. По его словам, “люди перестали обращать внимание на выразительность средств... в погоне за простотой мы пришли... к примитивному пониманию задачи поэтической речи как к чему-то обиходному, не требующему неустанного внимания и поисков её обновления”.

Вот эти “поиски обновления” и оказались в центре внимания. Усиленно реанимировалась поэтика тех же ранних Сельвинского и Кирсанова, “комсомольцев” 1920-х годов... Трудно не заметить в статье Сельвинского, ненавидевшего Твардовского и обвинявшего “Василия Тёркина” в “кузьмакрючковщине” и при перечислении “музыкальных инструментов” словно повторившего текст доклада Бухарина о поэзии на 1-м писательском съезде, желания взять реванш за временную “отодвинутость” с “передовых позиций”. В подобного рода жалобах на некую существующую “монополию” простоты сплошь и рядом невозможно не расслышать настойчивого желания утвердить повсеместную “монополию” собственного стиля.

Конечно, в этой атмосфере почти полностью “потерялись” вышедшие после долгого перерыва книги Ахматовой, не воспринимались и не могли восприняться по достоинству лучшие стихи Твардовского, не говоря уже о Заболоцком, чьи “С опрокинутым в небо лицом...”, “Прохожий”, “В кино”, “В этой роще берёзовой...”, “Это было давно”, “Последняя любовь”, “Приближался апрель к середине...”, “Облетают последние маки...” остались тогда, по сути, непрочитанными.

Что в это время читал из современной поэзии Кожинов?

Всё, что попадало ему в руки. А попадалось немало. Поздний Заболоцкий станет одним из главных героев его книг о поэзии в конце 1960-х и в 1970-е годы. А в середине 1950-х он был для молодого изучателя и апологета Маяковского лишь “одним из” поэтов старшего поколения. Конечно, Кожинов не мог пройти мимо молодой поросли, уже бурно зашелестевшей, в первую очередь, мимо книг молодого Евтушенко. О его сборнике “Обещание” он позднее написал, что в нём “были вещи, тяготеющие к поэзии в собственном смысле слова”. Конечно, он читал раньше отзыв о стихах начинающего стихотворца, принадлежащий перу Александра Межирова в “Литературной газете”: “...Автор фактически не является активным участником своего произведения. Он лишь поучает, даёт советы...” Но эти “поучения” ещё не раздражали всерьёз, воспринимались как естественное и в чём-то симпатичное мальчишество. Но цепкость зрения, вольность и широта интонационного рисунка, пусть во многом и несовершенного, в “Обещании” по-своему покорила.

*Хочу искусства —
разного, как я!
Пусть мне искусство не даёт житья
и обступает пусть со всех сторон...
Да я и так
искусством осаждён!
Я в самом разном сам собой увиден.
Мне близки
и Есенин,
и Уитмен,
и Мусоргским охваченная сцена,
и резкие смещения Гогена.
Мне нравится
и на коньках кататься,
и, чёркая пером,
не спать ночей.
Мне нравится
в лицо врагам смеяться
и женщину нести через ручей...*

Или:

*И знают разве только я
да звёзды и смородина,
как, в лес ночной со мной входя,
в смородинники пряные,
траву
руками
разводя,
идёт она, что пьяная,
как, неумела и слаба,
роняя руки смуглые,
мне говорит она слова
красивые и смутные...*

Наверно, особое чувство вызвало в этой книжке у Кожина одно коротенькое стихотворение, которое он сердечно прокомментировал полтора десятка с лишним лет спустя.

*Рассматривайте временность гуманно.
На всё невечное бросать не надо тень.
Есть временность недельного обмана
потёмкинских поспешных деревень.
Но ставят и времянки-общезитья,
пока домов не выстроят других...
Вы после тихой смерти их*

скажите

“спасибо” честной временности их.

“Я совершенно согласен с этим, — писал Вадим Валерианович, — и со всей искренностью говорю “спасибо” многим честным стихотворным “времянкам” конца <19>50-х годов, “времянкам”, которые волновали меня так же, как волновали они неисчислимых молодых читателей тех лет (нельзя, правда, умолчать о том, что и тогда, и особенно позднее появилось — и появляется — немало стихотворных “времянок” чисто “потёмкинского” толка). Всякого рода “честные времянки”, по-видимому, необходимы в искусстве, как и в самой жизни, и было бы не только негуманно, но и нелепо отрицать их за саму временность. Однако трудно удержаться от возражений, когда “времянки” заслоняют и даже подменяют собой поэзию классического склада, поэзию, рассчитанную на долгую большую жизнь...”

Это писалось уже в то время, когда Евтушенко нагромоздил немало “времянок” чисто “потёмкинского толка” (кстати, прекрасно поняв, о ком идёт речь в этом абзаце, наш “шестидесятник” испытал нешуточный дискомфорт и при каждом удобном случае пытался задеть Кожина — хоть по мелочи).

А тогда их отношения были вполне взаимно доброжелательными, и Кожин даже устроил вечер Евтушенко в ИМЛИ, после чего организатор сих поэтических посиделок был обруган директором за несанкционированное сверху собрание. Евгений привёл с собой Андрея Вознесенского и Беллу Ахмадулину — презентация новых “звёздочек” прошла, что называется, на уровне.

(Кстати, ни Вознесенский, ни Ахмадулина как поэты Кожина особо не интересовали. Более того, прочтя в “Литературной газете” поэму “Мастера”, он, знаток старой московской архитектуры и истории старой Москвы, был возмущён невежеством и верхоглядством её автора).

В это время со статьи инженера Игоря Полетаева в “Комсомольской правде” от 11 октября 1959 года — автора одной из первых книг о кибернетике и инициатора проведения санкционированных Министерством обороны парапсихологических исследований — началась памятная дискуссия “о физиках и лириках”. Инженер на полном серьёзе утверждал, что само искусство в век “прогресса” отживает своё... “Мы живём творчеством разума, а не чувства, поэзией идей, теорией экспериментов, строительства. Это наша эпоха. Она требует всего человека без остатка, и некогда нам восклицать: “Ах, Бах! Ах, Блок!...” Вспыхнул затяжной спор, и его уровень вполне соответствовал

полетаевским “умозаключениям”. По горячим следам написал своё известное стихотворение Борис Слуцкий, пропитанное мрачной иронией: “Что-то физики в почёте. // Что-то лирики в загоне. // Дело не в сухом расчёте, // дело в мировом законе... // Это самоочевидно. // Спорить просто бесполезно. // Так что даже не обидно, // а, скорее, интересно // наблюдать, как, словно пена, // опадают наши рифмы // и величие степенно // отступает в логарифмы...” (во время “дискуссии” эти строки Слуцкого были восприняты на полном серьёзе!). Кожинов косвенно включился в этот “разговор” и сделал это в 1960 году в 11-м номере журнала “Знамя”. Статью “Внешняя и внутренняя тема в современной лирике” он начал с упоминания “дискуссии”, содержание которой изначально счёл несерьёзным и, естественно, не собирался включаться в неё напрямую. Заинтересовал учёного один-единственный аспект:

“...В споре отчётливо обнаружилась запутанность и другой, собственно литературной проблемы – соотношений темы и идеи в лирике. Об этой стороне дела и пойдёт речь: не о “физиках и лириках”, а о критиках и лириках”. Вот здесь-то, отметив, что, как правило, “критик (современный. – С. К.) не умеет или не даёт себе труда освоить и раскрыть поэтическую мысль стихотворения, останавливается на т е м е, которая лежит на поверхности”, Кожинов перечислил работы А. Потехни, А. Горнфельда, А. Лежнева, И. Виноградова, П. Медведева, где было проведено серьёзное исследование “внутренней” лирической темы, попутно отметил, что “это ценное теоретическое наследие, накопленное за десятилетия, во многом забыто”. И, анализируя художественную мысль, обратился к примерам из Льва Кондырева, Михаила Луконина и Евтушенко (к его стихотворению “Благословенна русская земля...” из “целинного” цикла).

“...Мы с волнением угадываем уходящую куда-то в бесконечную даль времени перспективу творчества на этой земле, под этим солнцем и вместе с тем остро и почти осязаемо переживаем переполняющую человека сегодняшнюю радость. Человек, который вместе с солнцем смотрит на эту вспаханную им степь, словно вбирает в себя сразу то лучшее, что несёт в себе всё человечество. Эта внутренняя тема живёт в стихотворении потому, что она действительно создана в нём...”

Теоретик временами превалировал над аналитиком. Он, естественно, не брал заведомо плохих стихов, цитируемое было, как минимум, на крепком среднем уровне. Но примеры, в первую очередь, призваны были подкрепить общие теоретические рассуждения, явно непривычные как для критиков, так и для читателей. “...Идея не “выражается”, но создаётся стихотворением, сложным взаимодействием его элементов. Вот почему испытываешь чувство протеста, когда критик, рассуждая о каком-либо стихотворении, заявляет, что его идея “хороша”, а воплощение идеи “неудачно”. В таких случаях речь идёт, без сомнения не о поэтической идее, но именно о той “общей”, отвлечённой идейной рубрике, в которую можно зачислить стихотворение. Подлинно поэтическая мысль не существует вне поэтического воплощения; она должна быть им создана”.

Не мог не обратить на себя внимание финал статьи. Кожинов писал, что “появившиеся во второй половине пятидесятых годов лирические вещи Асеева, Твардовского, Луговского, Антокольского, Заболоцкого, Кирсанова, Мартынова принадлежат к лучшему, может быть, даже самому лучшему из того, что они создали. В критических статьях об этих поэтах часто можно встретить рассуждения о “второй молодости” – чисто личном явлении. Но главное, безусловно, не в этом, а в новой молодости всей нашей поэзии. Не исчезает уверенность, что поэзия наших дней оставит заметный след в истории нашей литературы”.

Пройдёт немного времени – и в разговорах об Асееве чаще всего будут поминать его “Синих гусар” и другие ранние вещи; об Антокольском станут говорить преимущественно как об авторе “Санкюлота”; “Столбцы” Заболоцкого поднимут “на щит” повсеместно, а воплощение “неслыханной простоты” в поздних стихах объяснят результатом “административного давления”. Про поздних Кирсанова и Мартынова, фактически, забудут – образцом их творчества станут представлять поэмы, созданные в 1930-е годы... Твардовский и Луговской здесь представят счастливое исключение, и то о цикле поэм “Середина века” замолчат на полтора-два десятилетия.

“Ценностная шкала” творчества каждого из этих поэтов будет выстраиваться долго и непросто. Поэтому не стоит забывать о том, что именно тридцатилетний Кожин по достоинству и вовремя оценил их высшие достижения.

Коснулся он и своих сверстников, отметив “немало... авторов, которые сразу обращают на себя внимание неподдельной поэтической силой”. А далее перечислил имена 15 авторов книг и стихотворных подборок, назвав среди них Глеба Горбовского (у которого только-только вышла первая книжка “Поиск тепла”), бывшего фронтовика и уловника Михаила Дёмина (в 1958-м у него вышла вторая книга стихов “Лицом к востоку”), Светлану Евсееву (у которой были только отдельные публикации), Станислава Куняева (автора первой калужской книжки “Землепроходцы”), Александра Кушнера (также, как и Евсеева, он только собирал свою первую книжку), Булата Окуджаву (скорее, Кожин здесь больше имел в виду “Лёньку Королёва”, “По Смоленской дороге”, “Не бродяги, не пропойцы...” и другие любимые им тогда песни Окуджавы, чем его первую московскую книгу “Острова”), Юрия Панкратова (его стихи 1950-х были ярче евшушенковских, он стал очень популярен ещё до выхода своей первой книжки благодаря разошедшейся по рукам маленькой поэме “Страна Керосиния”), Ивана Харабарова (одарённый был парень, а тогда – автор единственного провинциального сборника “Туесок”), Анатолия Передреева (всего лишь год назад состоялся передреевский поэтический дебют в столице – подборка стихотворений в “Литературной газете”, благословлённая Николаем Асеевым), Бориса Полушина (родовая фамилия будущего Бориса Чичибабина, отсидевшего с 1946-го по 1951 год за антисоветскую агитацию и дебютировавшего со стихами в 1958-м в журнале “Знамя”)... Промахов Кожин, практически, не допустил.

Но центральное место в статье “Внутренняя и внешняя тема в современной лирике” занял разбор стихов Михаила Луконина, которого критик внятно и аргументированно защитил от упреков в “неуклюжести” и “прозаичности”, “расшатанности” стиха и “нарочитой сложности”...

“... Это слияние угловатости и полноты переживания, эта “ворочающаяся”, предметно осязаемая радость во многом создаётся ритмом – самим движением организованной речи, которая похожа на глубокое, сильное, полной грудью совершаемое дыхание... Именно поэтому неправы те, кто критикует угловатость, “прозаичность” луконинского стиха; этот стих естественно порождён своеобразной внутренней темой, которая вне него вообще не могла бы существовать, быть нами воспринятой. И совершенно неверно, что стих у Луконина приближается к прозе, к разговорной речи. Как раз наоборот: разговорная речь превращается в стих. Живой “внутренний голос” становится ритмическим ровно настолько, чтобы приобрести стройность и вместе с тем не потерять своей угловатой непосредственности. Стихотворение легко вбирает в себя предельно будничные, стёртые фразы... Включаясь в уже начатое ритмическое движение, они приобретают неожиданное обаяние, оживают. Так создаётся мысль о радостности мелочей бытия, и вот мы уже захвачены открывшейся нам поэтической правдой. И тот факт, что много лет назад окончилась война, предстаёт в сияющем озарении счастья. Таким образом критики, которые, как может показаться, пренебрегают формой поэзии Луконина (называя её, например, излишне сложной и прозаичной), на самом деле обнаруживают как раз непонимание идейного содержания...”

Перечитываешь эти кожиновские строки – и невольно попадаешь под обаяние ритма критической фразы, ритма, гармонирующего с ритмом строк разбираемого поэта. Кожин с молодости обладал свойством, и позднее выделявшим его среди пишущих о поэзии: он всем своим существом проникал в ритмическую, музыкальную, смысловую плоть поэта, с которым вёл диалог. Потому что это был именно диалог, в процессе которого критик схватывал самую суть рассматриваемого поэтического мира. Нет, не рассматриваемого... Переживаемого, пропускаемого через себя. И это сообщало его разбору непререкаемую убедительность.

Луконин был из поэтов, рождённых войной. Так же, как Борис Слуцкий, Давид Самойлов, Александр Межиров, Семён Гудзенко, Сергей Наровчатов, стихами которых зачитывался Кожин, перед которыми благоговел в те годы, как все не воевавшие по возрасту благоговели перед фронтовиками.

Он сдружился со Слуцким – и хвалимым тогда, и ругаемым на все корки. Он жадно вслушивался в дисгармоничные ритмы, вникал в жёсткую “нелиричную” плоть стиха “Кёльнской ямы”, “Госпиталья”, “Итальянца”, “Лошадей в океане”,

таких стихотворений, как “Хуже всех на фронте пехоте!..”, “Я говорил от имени России...” — вошедших в вышедший в 1957-м сборник “Память”. Слушал напечатанные и ненапечатанные стихи Слуцкого в собственном чтении поэта.

*Последнюю усталостью устав,
Предсмертным умиранием охвачен,
Большие руки вяло распластав,
Лежит солдат.
Он мог лежать иначе,
Он мог лежать с женой в своей постели,
Он мог не рвать намокший кровью мох,
Он мог...
Да мог ли? Будто? Неужели?
Нет, он не мог.
Ему военкомат повестки слал,
С ним рядом офицеры шли, шагали.
В тылу стучал машинкой трибунал.
А если б не стучал, он мог?
Едва ли.
Он без повесток, он бы сам пошёл.
И не за страх — за совесть и за почесть.
Лежит солдат — в крови лежит, в большой,
А жаловаться ни на что не хочет.*

Эта картина обычной, негероичной, будничной войны сменялась живописным Конным базаром:

*В ругани вора, ракла, хулигана
Вдруг проступало реченье цыгана.
Брызгал и лил из того же источника,
Вмиг торжествуя над всем языком,
Древний, как слово Данилы Заточника,
Мат, именуемый здесь матерком.*

*Все — интервенты, и оккупанты,
И колонисты, и торгоши —
Вешали здесь свои ленты и банты
И оставляли клочья души...*

И снова — возвращение памяти к войне:

*Помню генералов, свежавышедших
Из тюрьмы и сразу в бой идущих,
Переживших Колыму и выживших,
Почестей не ждущих...*

Эта “Колыма”, которая у молодых была тогда повсеместно на слуху и на языке, вставала у Слуцкого в совершенно “непопулярный”, но единственно возможный контекст — и Кожина поражало поэтическое и человеческое бесстрашие бывшего рядового и военного следователя.

*Государь должны государить,
Государство должно есть и пить,
И должно, если надо, ударить,
И должно, если надо, убить.*

*Понимаю, вхожу в положенье,
И хотя я трижды не прав,
Но как личное поражение
Принимаю списки расправ.*

...Поэты, пришедшие с фронта, были первыми живыми поэтами, которых увидел и услышал Кожин ещё в школьные годы. Виктор Афанасьев вспоминал, как в 1945 году “в Москве начались незабываемые вечера поэзии, на которые народ просто ломился”. На один из таких вечеров — то ли в Колонном зале Дома Союзов, то ли в Политехническом музее — и прорвались “студийцы” Павлушкова — Кожин, Аркин, Ястребцев, Графский, Афанасьев. Прорвались с помощью Семёна Гудзенко, который с радостью ответил на просьбу “провести ребят” после того, как на его глазах Виктор экспромтом сочинил четверостишие... “Пропустите! Поэты”, — откомендовал контролёрше компанию фронтовиков.

Самое сильное впечатление произвели тогда на Вадима стихи Гудзенко и Межирова.

Александр Межиров был полной поэтической противоположностью Слуцкому. “Запредельная” прозаичность Слуцкого совершенно не совпадала с напевностью и мелодичностью межировского стиха. И эта напевность и мелодичность придавали особый трагизм получившим широкую известность (печатную и непечатную) таким стихотворениям, как “Коммунисты, вперёд!”, “Мальчик жил на окраине города Колпино...”, “Артиллерия бьёт по своим”, “Ах, шофёрша, пути перепутаны...”, “В блокаде”...

*Входила маршевая рота
В огромный,
Вмёрзший в тёмный лёд,
Возникший из-за поворота
Вокзала мёртвого пролёт.
И дальше двигалась полями
От надолб танковых до рва.
А за вокзалом, штабелями,
В снегу лежали — не дрова...
Но даже смерть — в семнадцать — малость,
В семнадцать лет — любое зло
Совсем легко воспринималось,
Да отложилось тяжело.*

Я хорошо помню ещё молодого Кожина, с упоением читавшего одно из не слишком известных межировских стихотворений уже более поздних лет (он читал без всяких актёрских “завываний”, самими модуляциями своего голоса акцентируя музыкальные такты стиха):

*Эта женщина, злая и умная,
Проживает под кровлей одна.
Но подруг разномастная уния
Этой женщине подчинена.*

*Эта церковь для склада, для клуба ли
Предназначена прежде была,
А теперь там лишь комнатка в куполе
Да в холодной печурке зола.*

.....
*Вещи брошены или рассованы,
На хозяйку взирают мертво,
Потолок весь в подтёках рисованный,
Эта женщина смотрит в него.*

*“Дождик мой, — говорит она, — меленький,
Дождик миленький, лей, не жалей!
Ни в России никто, ни в Америке
Рисовать не умеет смелей.*

.....
*Никакому на свете художнику
Так Исуся не нарисовать,
Как осеннему мелкому дождику,
Падающему на кровать”.*

Или — его восхищение музыкой одного, действительно, замечательного стихотворения (здесь это восхищение у Кожина было неразрывно связано с его детскими воспоминаниями):

*Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души, и тела
Война проклятая попала...*

.....
*Гревели яростно, навзрыд
Одной единой страсти ради
На полустанке — инвалид
И Шостакович — в Ленинграде.*

“Полублоковская вьюга” межировских стихов долгое время не отпускала Вадима Валериановича. В 1966 году в “Московском комсомольце” появилась его полемическая статья “Всего опасней полужанья”, формально направленная против статьи Леонарда Лавлинского “Ритмы жизнеутверждения”, опубликованной в “Знамени”, но, по сути, — это восторженное прочтение Межирова, о котором Кожин, по его собственному признанию, мечтал “написать не короткую статью, а целую работу, филологическое исследование”... И тут же словно обрывал себя: “Но это очень трудно”. Почему трудно? Потому что “Александр Межиров — я в этом убеждён — крупнейший лирический поэт наших дней. Мне известно, что это убеждение разделяет немало наших поэтов и критиков, пишущих о поэзии. Но, очевидно, и они не решаются написать о Межирове. Лирика такого масштаба и значения, как межировская, — сложное и богатое смыслом явление жизни (а не только поэзии), которое не раскроешь с подлинной полнотой и убедительностью в обычной критической статье...” И всё же он попытался раскрыть это явление с возможной полнотой и убедительностью. Хватило ему для этого небольшой газетной полосы.

Он категорически отверг “ситуативный” разбор Лавлинским небольшой поэмы Межирова “Календарь”. “Стихотворение, — писал Кожин, — вбирает в себя характерные реальные детали блокадной жизни, “прозаические” речевые формулы и термины... и в то же время оно словно проникнуто напряжённой музыкой, которая делает осязуемым, осязаемым стремительно нарастающее движение поэтического смысла, метания потрясённой души лирического героя. Тончайше организованный хореический ритм подчиняет и скрепляет все разнородные детали и формы. И если открыть этим стихам слух и сердце, они властно захватывают своей правдой и глубиной, своим высоким и в то же время всецело земным смыслом, своей трагической красотой...”

Далее он привёл пространную цитату, начиная со строки “Мы на Верхней Охте квартируем...”, и комментарий к ней Лавлинского: “Межиров рассказывает историю двух опустившихся сестёр — бывших школьниц (у них квартировали солдаты)... Падение есть падение, и автор не пытается представить его достойным поступком, что, к сожалению, порой случается в творческой практике иных молодых поэтов...”

Эта глухота и к смыслу стиха и к его музыке вызвала у Кожина настоящую ярость, которая лишь опосредованно пробивается в тоне и словах его дальнейшего разговора о поэзии Межирова.

“... Мог же Л. Лавлинский подумать всё-таки о самой жизни, породившей эти стихи?... Не может же он не знать о беспримерной в истории человечества трагедии великого города! О том, что на Невском всю зиму рядами лежали замёрзшие трупы. О том, что на Пискарьевском кладбище похоронено около миллиона жителей города. О том, что в домах не было ни тепла, ни воды, ни света. О том, что на город ежедневно обрушивались тысячи снарядов и бомб. О 125 граммов хлебного пайка...”

Каким странным бездушием веет от этого дешёвого морализирования... Лирическая поэма Александра Межирова преодолевает трагедию всем своим напряжённым движением, своим целостным музыкальным строем. Она неопровержимо утверждает, что человек непобедим... В поэме Межирова полужадавленные всем обрушившимся на них девочки тоже **побеждают** — побеждают вместе с поэтом, вместе с искусством, которое ведь, в сущности, есть только выражение подлинного, глубинного содержания жизни... Герой поэмы... берёт их с собой в эту прекрасную поэму и побеждает, преодолевает

трагедию и за себя, и за них. Он не жалеет их и не осуждает. И то, и другое было бы унижением, капитуляцией. Он “ничего не берёт на память”, и всё же вновь и вновь “умирает от воспоминаний” над этим календарём, который поднят в неумирающий мир искусства и встаёт перед нами, как откровение, как бессмертие...”

Кожинов не преминул отметить, что “за последние годы в поэзии Александра Межирова происходит решительный перелом. Поэт с подлинной творческой отвагой отказывается от выработанного им стиля (а значит, и прежнего лирического содержания), который принёс ему так много побед. Он стремится завоевать новый поэтический материк”. И, как свидетельство этого завоевания, привёл лирическую поэму “Серпухов”, “Предвоенную балладу” и стихотворение “Игрушки”, “говорящее о соотношении жизни и искусства, о жестокое противоречии мелкого и великого в жизни, стихотворение, проникнутое неутолимой жаждой божественной красоты и величия человека”.

Вадиму Валериановичу была безусловно близка идея одного из межировских стихотворений, которое он процитировал в своей статье:

*Всего опасней — полужанья,
Они с историей на “ты” —
И грубо требуют признанья
Своей всецелой правоты.
Они ведут себя, как судьи,
Они гудут, как провода.
А на поверку — в них, по сути,
Всего лишь полуправота.
И потому всегда чреватые
Опасностями для людей
Надменные конгломераты
Воинственных полудей.*

И совершенно не зря завершил своё сочинение следующим пассажем: “Творчество Межирова противостоит той необычайно расплодившейся у нас поверхностной “лёгкой поэзии”, создатели которой имеют шумный эстрадный успех”... Тогда, в самом деле, читатель и зритель повсеместно оглушался “надменными конгломератами воинственных полудей”, извергаемых стихотворцами, некоторым из которых Кожинов непродолжительное время симпатизировал.

В том же году он опубликовал в коллективном сборнике обширную статью “Лирика военного поколения”, сосредоточив своё внимание на “поколении поэтов, чьё творчество почти ещё не изучено, не стало предметом науки о литературе, остаётся “белым пятном” на карте нашего литературоведения”. Обратим внимание: не критики, а именно литературоведения, то есть того поэтического явления, которое заслуживает быть предметом науки о литературе. Собственно говоря, Кожинов здесь вводит творчество Александра Межирова, Давида Самойлова, Семёна Гудзенко, Бориса Слуцкого, Сергея Наровчатова, Алексея Недогонова, Михаила Луконина в историю русского слова, притом что кроме Гудзенко и Недогонова поэты, о которых он писал, были живы и активно работали в поэзии. Оценивая их творческий путь, обратившись к их довоенным стихам, Кожинов специально подчеркнул, что “советская поэзия в её высших проявлениях была тогда для этих юношей их истинной родиной, их державой. Вместе с тем они не разделяли поэзию и жизнь; им только хотелось, чтобы жизнь соответствовала поэзии. Но живя поэзией, они не могли стать поэтами. Они действительно стали поэтами только на войне... Именно в преодолении трагедии войны родилась и только и могла родиться поэзия этого поколения”. И далее Кожинов сформулировал своё понятие трагедии, которое потом служило ему своего рода путеводителем и в литературе, и в самой жизни.

“Подлинная трагедийность так же далека от безысходности пессимизма, как и от легковёрности поверхностного оптимизма; она просто находится в ином измерении и не может быть прямо сопоставлена с ними. Подлинная трагедийность в поэзии возможна лишь тогда, когда поэзия обладает силой, смелостью и неограниченным богатством, которые делают её способной пережить трагедию. Упадочная, лишённая мощи и отваги поэзия, сталкиваясь с трагедией, либо отворачивается от неё и пытается найти забвение в легкомысленном оптимизме, в гедонистических ощущениях, либо, напротив, вперяется в неё и,

заворожённая ею, как гипнотизирующим взглядом змеи, не видит ничего, кроме неё, застывая в беспросветном отчаянии. Эти противоположные восприятия трагедии часто прекрасно уживаются в одном и том же литературном течении — так, например, в акмеизме мы найдём и безысходные стихи Гумилёва, и гедонстически радостные стихи Садовского.

Между тем подлинно трагедийная поэзия не отводит глаз от трагедии и в то же время вовсе не порабощена ею, видит всё богатство жизни и, главное, несёт в себе несокрушимую уверенность в конечной победе человека. Только тогда она может быть в самом деле трагедийной, ибо это понятие с необходимостью означает способность так или иначе пережить трагедию, быть до самого конца живым и, следовательно, преодолеть трагедию...

Конечно, можно отвернуться от трагедии, — но тогда вместо поэзии получается ребячески легкомысленный лепет или пустопорожние удары в литавры. Можно поддаться гипнозу и целиком погрузиться в бесплодный и, в сущности, очень бедный по своему содержанию пессимизм. Но есть и третий путь — взглянуть широко открытыми глазами в лицо трагедии и действительно пережить, то есть преодолеть её”.

Что помогло этим поэтам преодолеть трагедию? Кожинов даёт неумисленный ответ на этот вопрос:

“Именно на войне поэты, о которых идёт речь, встретились с народом. Не с тем лакированным и в то же время приниженным и крайне обеднённым образом “масс”, которым тогда иногда подменяли народ, но с живым, конкретным, слагающимся из глубоко индивидуальных личностей народом. Молодые поэты увидели и полюбили народ во всём богатстве и многогранности качеств”...

И ещё одну черту выделил Кожинов у поэтов, *родившихся на войне*, опираясь преимущественно на стихи Гудзенко, Слуцкого и Самойлова:

“Стихия войны дала им возможность осязаемо и, главное, глубоко лично пережить стихию революции. Они ощутили всем сердцем, всем существом, что их собственные индивидуальные судьбы причастны к живой судьбе революции, слились с ней до конца... В сущности, все поэты поколения написали об этом — о продолжающейся на войне революции”.

“Данная статья — не статья критика”, — специально подчеркнул Кожинов в финале. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что всё доброе, сущностное, что сказано об их стихах, не означает, “что поэты, о которых идёт речь, не совершали ошибок, не оступались на пути, что среди созданных ими произведений нет ложных, искусственных, обречённых на полное забвение”... Свою сверхзадачу Кожинов видел в том, чтобы “выделить самое главное в поэзии военного поколения — то есть самое лучшее, — дать цельное заключение о том, как шло лирическое освоение великой войны”.

Он многое пересмотрит с годами. Он ещё вчитается в “народолюбивые” стихи Самойлова, он многое иначе увидит в стихах Слуцкого и Межирова, он, фактически, заново проанализирует “революционные” мотивы в поэзии этого поколения, но никогда не пожелает “исправить” что-либо в высочайшей оценке, которую он дал лучшим их стихам. Ибо, и это было для него незыблемо, “поэты, рождённые войной, глубоко выразили лирическую правду целого поколения”. Потому что “в основе их творчества лежит то подлинное поэтическое поведение, которое рождает истинную лирику”. А подлинное творческое поведение всегда было для него главным критерием оценки поэта.

“Можно назвать немало лирических поэтов, — писал он в той же статье, — обладающих в той или иной мере и глубиной мысли, и богатством чувств, и высоким мастерством, — и при всём том лишённых той подлинности, той самобытности, которые только и делают лирику неотъемлемой, необходимой, органической частью духовной жизни народа. Стихи таких поэтов могут быть интересными, в том или ином отношении “полезными”, сыграть свою роль в истории поэзии и т. д. Но они не могут стать частицей духовного бытия людей, войти в их кровь и плоть, так как сами они не представляют собою непосредственного воплощения реальной жизни личности”.

Между тем слова о подлинной трагедийности были не отвлечённым суждением. Чтобы их произнести, нужно было не просто вчитаться в “военные” стихи так называемого “третьего поколения”. И не просто оживить воспоминания военного детства.

Импульсом здесь послужила встреча с человеком, которая в очередной раз перевернула всё течение жизни и основы мировоззрения Вадима Валериановича.

(Продолжение следует)

“НАШ СОВРЕМЕННОК” ЖИВ!

С новым 2020 годом, дорогой Станислав Юрьевич! Желаю Вам крепкого сибирского здоровья и по-прежнему неугасаемой стойкости и отваги в борьбе с недугами России и русской литературы на радость всех здравомыслящих людей и читателей журнала “Наш современник”. Слава Богу, что в самые тяжкие времена именно Вы возглавили и сделали его духовным наставником России и русского народа.

Лично мне он помогает сохранять душевную бодрость, укрепляет веру в возрождение России, придаёт силы в защите её духовных ценностей в борьбе с неурядицами в жизни.

В нынешнем году огромное спасибо “Нашему современнику” за “Вихри русской мечты” Александра Проханова. Они убеждают в том, что есть в России то, чем можно гордиться – и образцы технической мощи, и современные сельскохозяйственные предприятия, и талантливые инженеры, и трудовые умельцы и мастера, зачатки будущего величия России.

В каждом номере журнала находишь то, что радует и содержанием, и литературным мастерством. Роман-фантазмагория Захара Прилепина “Некоторые не попадут в ад” мне видится вершиной прозы этого года тем, что буднично-просто рассказывает о подвиге людей, рискующих потерять свободу и жизнь ради свободы говорить и думать на русском языке.

Слово о православии проявляет себя во многих, если не в большинстве произведений прозы и поэзии. Так, стихи протоиерея Андрея Логинова “Адамово дело” поэтически тонко говорят о божественном вне и внутри человека и убеждают в значимости веры, её необходимости в жизни людей. В рассказе Владимира Крупина “Исцеление” вера не только озаряет душу, но и помогает плоти побеждать болезни. В повести Анатолия Байбородина “Песня журавлиная моя” жизнь убеждает плотника Саню Щеглова и его жену Клавдию в том, что их счастье невозможно вне дороги к Богу.

Роман Андрея Тимофеева “Пробуждение” привлекает тем, что в нём рассказывается о той части молодёжи России, которая протестует против нынешних порядков и цель жизни видит в борьбе с ними агитационно-пропагандистскими методами. Но такого рода протест не удовлетворяет одного из главных героев романа, пытавшегося им пользоваться. Он отвергает словесную борьбу со злом и уезжает в Донецк к тем, кто противостоит ему с оружием в руках.

С интересом прочитал повесть Валентины Сидоренко “Шестидесятники” о жизни двух бывших городских жителей – некоего Эдуарда Аркадьевича и русского Ивана. Превратности судьбы поселяют их в брошенной жильцами деревне, родной для Ивана. Здесь Иван предстаёт перед читателем как русский мужик, а Эдуард Аркадьевич – его приживалой. Он пытается вновь жить в городе, но не уживается там и возвращается к Ивану. Прочитал я повесть, и мне подумалось – случись катастрофа, скажем, упадёт атомная бомба на Москву, и побегут соплеменники Эдуарда Аркадьевича спасаться к русскому мужику.

На душу легли “Дом” Андрея Убогого, повесть “Росомаха” Ивана Переверзина. Рассказы – “По главной сути жизнь проста” Валерия Хайрюзова, “Дети Кушки” Сергея Гуляева, “Навсегда ухожу к медведям” Александра Смышляева, жизнеописание Михаила Баркова и Александра Иваницкого. В общем, читаешь “Наш современник” и тянешься душой к “разумному, доброму, вечному”. Спасибо за это всем авторам журнала и низкий поклон Вам, Станислав Юрьевич.

Посылаю Вам новогодний подарок, на днях вышедший в свет сборник стихотворений “Сосуд волшебный” и попутно выражаю благодарность за публикацию “Писем с фронта павшего смертью храбрых”. Извините, что написал не от руки. После инсульта правая коряво и еле-еле пишет. Печатал левой. Обзор мой, если можно так именовать, далеко-далеко не полный ещё и по той причине, что почта мне прислала пока только десять экземпляров.

Геннадий Кузнецов

* * *

Здравствуйте, дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич!

Ваше обращение к нам, читателям “Нашего современника”, тронуло до глубины души, Ваша тревога о судьбе славного журнала – это тревога всех, кто связан духовными скрепами с Новым ковчегом (по определению Захара Прилепина), созданным и управляемым Вами три десятилетия.

Присоединяюсь к многочисленным поздравлениям Ваших читателей, могу от себя добавить, что не представляю уже свою жизнь без честного, здравомыслящего собеседника; друга и наставника – “Нашего современника”. Читая только Ваш журнал, видишь прошлое и настоящее в истинном свете и укрепляешься духовно. Пусть Господь хранит Вас, Станислав Юрьевич, Ваших родных и весь коллектив редакции!

С нетленной от Пушкина строкой
“Товарищ, верь!” – читаю я с волнением
Завещанное сильною рукой,
Несломленным великим поколеньем.

Станислав Юрьевич, в №9 за этот год меня очень порадовала повесть В. Сидоренко “Шестидесятники”. За эту публикацию огромное спасибо редакции, и автору земной поклон. Написана повесть таким богатейшим языком, что, читая и впитывая его красоту, забываешь о сюжете. А какие разные генетически характеры у героев!

С уважением
Валентина Останина,
с. Таврическое Омской обл.

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич! В конце каждого месяца я с волнением (и некоторой тревогой!) заглядываю в почтовый ящик: пришёл журнал или не пришёл? За июль этого года журнала почему-то не оказалось, и я решил: ну всё, прихлопнули. Оказалось, что вздрогнул напрасно: “Наш современник” жив! В “застойные” годы я выписывал массу журналов и газет, теперь получаю только один журнал – НС. И 10-й номер вдруг появился не в конце месяца, а намного раньше, сегодня, 19 октября.

Разрешите присоединиться к поздравлениям в Ваш адрес в связи с 30-летием руководства журналом и с вручением литературной премии имени Николая Алексеевича Некрасова “Современник”.

И вот мысль: Н. А. Некрасов был ведь не только поэтом, но и романистом, и критиком, и публицистом. В восьмидесятых годах прошлого столетия, на заре СССР, вышли 11 томов Некрасова (из заявленных 15). Стоило бы, пожалуй, “Нашему современнику” давать раз в год в одном из номеров подборку из прозы его, из стихотворений, либо критики или публицистики. Как прозаик Николай Алексеевич практически не был известен в стране. Проза Некрасова, на мой взгляд, стоит того, чтобы с ней ознакомились современные читатели.

То, что диплом подписал Юрий Васильевич Бондарев – это замечательно! Жива гвардия Советского Союза! А вот не припомню, в последнее время публиковалось ли что в журнале из его новых произведений. В 10-м номере успел заглянуть на “Разговор с кандидатом в президенты России”. Это – хорошо, надо. Но есть что возразить. Например. Н. Пирогов говорит П. Груднину: “Вы набрали 11,77 процента голосов...”. Повторение пропутинских СМИ. Вот факт. На сайте “Одноклассники” накануне выборов шло голосование. 23 февраля, Путин – 59 701 голос (27,84%), Груднин – 133 493 (62,24%). 27 февраля 2018 года

результаты были такие: за Путина 62,244 голоса, что составляло 27,71%, а за Грудина было 140 015 (62,33%). Но дальше это народное голосование на сайте прикрыли, а в результате Павлу Николаевичу на выборах “выдали” 11 процентов. Только фальсификациями можно объяснить такую метаморфозу. Но повторять официальные данные провластных избиркомов не стоило бы.

Будьте здоровы и так же деятельны, Станислав Юрьевич и Ваши сотрудники, и друзья.

Виктор Иванов

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич! Вас – мафусаила, ильюмуромца, алыпбатыра, вождедержателя лучшего литературного журнала России – от души поздравляю с тридцатилетием возрождения. “Наш современник” не только биография, а, возможно, даже автобиография души нашей страны, которая переживает, переживает и переживает многое, которая уважает, а иногда, невзначай, и обижает, но всегда оберегает своих братьев. Я желаю Вам и талантливейшему коллективу редакции, авторам и, самое главное – читателям, удачи во всём и здоровья!

Ренат Харис,
народный поэт Татарстана

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Открыв июньский номер “Нашего современника”, прочитал на внутренней стороне журнальной обложки заголовок, бросившийся в глаза: “220 лет со дня рождения А. С. Пушкина”, Ниже – Ваше слово о Пушкине А. С. и отсылка читателя на страницу 265, где оно представлено полностью.

На последних страницах журнала в разделе “Критика” обнаруживаю статью Бориса Лапузина с кричащим заголовком “Пушкина убивают во Владивостоке”. Читаю эту статью и понимаю, почему именно так составлен данный номер журнала: начинается Пушкиным, продолжается и завершается Пушкиным! А как ещё воздействовать на умы России, просвещённые и не очень! Вдруг сообразят, что поступают так по своему скудоумию, когда пытаются отнять Пушкина у России, а русскую классическую и современную литературу заменить иностранным суррогатом! Не верю, что в отдельно взятом городе на восточной окраине России могут жить искренние ненавистники русской литературы и культуры, полагающие, что в этом деле необходимо лишь, как говорил Михаил Сергеевич Горбачёв, “начать”, а дальше – само пойдёт, а точкой опоры для такого переворота может послужить и Владивосток.

Между тем, город Владивосток, согласно статье, до последнего времени чтит Пушкина и очень даже прилежно. В Покровском парке, на территории которого ранее находилось кладбище, стараниями горожан, наших современников, восстановлена могила внучатого племянника А. С. Пушкина, Льва Анатольевича, сына младшего брата поэта. За нею ведётся уход. Одна из улиц ещё в 1899 году переименована в Пушкинскую. А в 1949 году старейшей детской библиотеке города присвоено имя А. С. Пушкина. В 2014 году ей исполнилось 90 лет. Библиотека специализировалась “на пропаганде пушкинского литературного наследия: пушкинские чтения, викторины, пушкинские внеклассные уроки, встречи школьников с журналистами, краеведами, артистами, знатными горожанами. Выходил рукописный журнал под знаком Александра Сергеевича”. Был ещё бюст А. С. Пушкину работы всемирно известного выдающегося скульптора, лауреата российских государственных и международных премий, народного художника СССР М. К. Аникушина. Этот памятник стоял в начале Пушкинской улицы в благоустроенном сквере с “романтически устремлённым взором” поэта “на бухту Золотого Рога, утверждая необходимость, важность, обязательность русской литературы во Владивостоке. В результате дорожного строительства бюст временно убрали, а вернуть до сих пор не

могут. Осталось переименовать улицу имени великого русского поэта, например, в улицу Бродского, и Владивосток останется совсем без А. С. Пушкина.

Библиотеку, носившую имя Александра Сергеевича, уже переименовали! Поставленный “на должность директора Владивостокской централизованной библиотечной системы рок-музыкант, фанат и проповедник группы “Мумий-Троль” С. Г. Соловьёв” самоуправно сменил вывеску на детской библиотеке. Самоуправство наказывается. Ошибка исправляется. В нашем случае, имя А. С. Пушкина должно вернуться на своё прежнее место, упраздняя тупое по смыслу наименование “Библиотека “Бук””.

Новое руководство перестроило помещение библиотеки: нагромождены антресоли, лестницы, перегородки. Сократился книжный фонд – с 18 тысяч книг до 15. Их стало не видно – запряты “в закрытые, стиснутые стеллажи”. Родители “боятся пускать сюда своих младших школьников”, да они здесь “теперь и не приветствуются. Г-н Соловьёв и его ближайшие замы считают, что это не детская библиотека, а молодёжный клуб”. Началась ломка традиционной библиотечной системы, вплоть до попыток “отменить книги в их бумажном виде” и перейти на компьютерное чтение. Однако возмутились авторитетные библиотекари. Тем не менее, изменения произошли, и самое серьёзное из них – “переместился центр остойчивости библиотечной армады (в городе 22 библиотеки) с отечественной литературы на иностранную”. Б. Лапузин резюмирует, что “не зря С. Соловьёв проходил стажировку в США!”. Библиотеки стали крениться в сторону зарубежных авторов. “Я сам видел в прошлом году в библиотеке имени Чехова полку новых книг Ричарда Макгуайра, Скотта Снайдера, Стивена Кинга, Эндрю Тейлора, Арта Шпигельмана и т. д. – констатирует Б. Л. – Рекомендовались комиксы и также страшилки, как “Американский вампир” или “Анатомия призраков”. На видном месте у входа лежала то ли памятка, то ли наставление “10 книг, после которых срочно хочется жить”: Абдель Селлу, Кен Кизи, Фенни Флэгг, Элинор Портер... Ни одного русского писателя! Вероятно, г-ну Соловьёву после книг Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Есенина, Гоголя, Толстого, Достоевского “срочно жить” не хочется”.

Да, возмущению нет предела! И отношение к А. С. Пушкину! И к библиотекам, которые становятся центрами разнообразного досуга!

Пётр Козлов,
член СП России
г. Омск

* * *

В современной России тьма писателей. Только в Союзе писателей России более восемь тысяч. А сколько их ещё в других Союзах, Литобъединениях? Кто считал? Одна из публикаций в “**Советской России**” называлась “Сад российской литературы”. Но этот сад так зарос чертополохом, что читателю весьма трудно продираться через его заросли. Другому автору “**Литгазеты**” (№ 19, 2019 г.) **Б. Орлову**, напротив, это писательское пространство “*видится джунглями Амазонки, где живёт очень много племён, но каждое племя ничего не знает о существовании соседей*”.

Этот конгломерат пишущих затмил собою даже классиков литературы. Автор статьи “В амазонских джунглях культуры” справедливо указывает на то, что “*всё более и более тускнеет память о настоящей русской литературе, талантливой, высокой, духовной*”. И задаёт вопрос: “*Нуждается ли Пушкин в защите?*”. Ещё как нуждается! Покусили же современные виршеплёты на “народную тропу” Пушкина, учредив звание “*Народный поэт*” по результатам интернет-голосования друзьями-приятелями, надеясь, что захватом *народной незарастающей пушкинской тропы* обретут если не бессмертие, то хотя бы потешат собственное самолюбие.

Бесцеремонность в обращении с литературным наследием, беспаянство к его создателю – это путь к духовному вырождению нации. “*Сдайтесь натиску нового времени/ <...>. Где ж устоять вам, отжившему племени...*” Эти слова принадлежат классику русской литературы **Алексею Константиновичу Толстому**, а красноречивый пример тому – отношение к его творческому

и материальному наследию. В качестве примера – странные постановки режиссёрами “по мотивам” его драматической трилогии без учёта авторских рекомендаций – “Проектов постановки на сцену...”. Будто режиссёр знает лучше автора его произведения. В результате зритель получает суррогат духовной пищи.

Добавим к этому мифологизацию биографических сведений о писателе и уничтожение материальной памяти о нём – усадьбы Красный Рог на Брянщине в канун его 200-летия со дня рождения. На месте сносимых толстовских построек и исчезнувшего парка возводят новоделы, не имеющие даже внешнего сходства с мемориальными, называя этот вандализм “реставрацией”.

В новодельном здании музея представлено всего шесть толстовских предметов. Остальное пространство заполнено антиквариатом, к которому Толстой не имеет никакого отношения, внушая посетителям мысль, будто Толстой жил среди этой неведомой ему роскоши. Причём в новоделе совсем другой интерьер, чем в бывшем доме. Толстой в быту роскоши не любил, о чём писал: “<...> я сам ни за что не согласился бы иметь великолепные апартаменты, золочёный или богато сервированный стол, ливрейных лакеев и т. д.” и “Даже в самом разгаре моих аристократических увлечений я всегда желал для себя самой простой деревенской жизни...”. Поэтому, выйдя в отставку, поселился “в глуши полей... в деревне дедовской...”. О скромности обстановки этот жилища оставила воспоминания племянница жены С. П. Хитрово.

На этом единственном в стране клочке земли, хранившем до последнего времени память о писателе, постарались вытравить дух Толстого и всё, что было ему близко и дорого. И эту новодельную усадьбу министерские и местные чиновники величают “мемориальной”, а посетителей убеждают, что так и было при А. К. Толстом.

А как расценить то обстоятельство, что А. К. Толстой, родившийся в Санкт-Петербурге, проживший большую часть жизни в этом городе, не удостоился до сих пор ни памятника или бюста, ни названия его именем улицы или переулочка, ни памятной доски на доме, где он жил, ни на церкви Симеона и Анны, где венчались его родители, а потом крестили в ней будущего поэта. Этот же упрёк относится и к столице Москве, где живал классик русской литературы, но ничего об этом не напоминает.

Кстати, в 2017 году юбиларом был и его дядя-воспитатель, писатель Антоний Погорельский (А. А. Перовский), живший в сестрой и племянником в Петербурге в доме на набережной р. Фонтанки и там же сочинивший для племянника волшебную сказку “Чёрная курица...” (между прочим, в этом 2019 году 100 лет со времени её публикации), а племянник, А. К. Толстой, на закате своих дней написал поэму “Портрет” о периоде жизни в этом доме.

Так не пора ли подумать об увековечении памяти упомянутых мною литераторов, **А. А. Перовского** и **А. К. Толстого**, произведения которых спустя сто лет интересны и поучительны и детям, и взрослым.

Валерия Захарова
Брянск

* * *

Водораздел. Тут берут начало реки, текущие на север – к Ледовитому океану и на юг – к Каспийскому морю, как наши Вохма и Ветлуга. Здесь мы и живём, на древних взгорьях – Северных Увалах, на стыке Вологодской, Костромской и Кировской областей. Поэтому и наше районное литературное объединение – “Северные Увалы”.

Образовано оно в 2004 году при районной библиотеке, с содействием нашего земляка, неординарного и замечательного человека, исконно русского талантливого поэта Леонида Попова. В этих стенах и собираются ежемесячно местные поэты и прозаики. Всех вместе нас более тридцати. Мы разных возрастов и профессий, но нас объединяет притяжение к творчеству, желание выразить свои мысли и чувства, донести их и представить другим, оставить след о событиях, делах и жизни наших земляков и современников.

Выдающихся и талантливых личностей из Вохомского края было немало. Людьми творческими, способными “глаголом жечь сердца людей”, были

и есть драматург П. С. Козлов, журналист и писатель Л. А. Кудреватых, писатель-документалист Л. А. Каплин, поэты А. А. Коркина, В. Г. Сивяков, Н. Ф. Куковеров, писатели-историки В. И. Попов и С. С. Герасимов. Особенная наша гордость – поэт В. А. Костров, известный по всей России и чтящий свою малую родину. В ряду этом, как знамя, “ржаной округи гражданин” – поэт Леонид Николаевич Попов, безвременно ушедший, но много и неповторимо сказавший. Он и писал: “А родина – вот, за порогом”. Теперь центральная библиотека носит его имя.

Творчество “уваловских” авторов тоже востребовано, пусть мы и не выдающиеся, но каждый со своей “искрой”. Двенадцать книг наших местных писателей вышло в издательствах. Непосредственно библиотекой издано 29 авторских и 10 совместных тематических сборников. Готовятся ещё несколько. Мы не замкнуты в себе. Проводим встречи с читателями в библиотеках, школах, клубах, домах культуры и участвуем в различных районных, областных и межрегиональных мероприятиях. Регулярно поддерживаем взаимные контакты с литобъединениями соседних районов области и прилегающих других, бывая в Боговарово, Павино, Пыщуге. Были нашими гостями литературные мэтры В. Н. Леонович, М. Ф. Базанков, Т. Н. Иноземцева, а В. А. Костров и неоднократно. Знакомы с “уваловцами” во многих “городах и весях” страны через сайты “Моя Вохма” и страничку в “Одноклассниках” “Территория чтения – Вохомский район”.

Публикации наших авторов встречались во всех ведущих газетах Костромской области, в костромских журналах и литературных сборниках. Появлялись в газетах “Сельская жизнь” и “Литературная газета”, в межрегиональных вологодских изданиях, в журнале “Невечерний свет” (г. Санкт-Петербург). А совсем недавно новеллы одного из наших писателей были опубликованы в журнале писателей России “Наш современник” (№ 5).

В конце сентября мы официально отметили наше пятидесятилетие, подводя итоги и намечая планы на будущее. Приезжали гости и из соседних районов. Звучали здравницы и пожелания. Но самое дорогое и, как великая честь, телеграмма с поздравлением, добрыми пожеланиями и напутствием от главного редактора журнала “Наш современник” Станислава Юрьевича Куняева, которая будет всегда храниться в “Книге почётных гостей” Вохомского района Костромской области.

Анатолий СМЕРДОВ,
член Союза писателей России
п. Вохма

* * *

Добрый день, дорогой Александр Иванович! На Пленуме и Торжественном собрании трудно было пообщаться, поэтому коротко докладываю, что в настоящее время “пробиваю” в областном департаменте культуры рекомендацию муниципальным отделам культуры провести подписку для своих библиотек журнала “Наш современник”. В поездках по области на встречи с читателями в сельских библиотеках узнал, что пополнение фондов идёт в основном за счёт детективов. Деревенские библиотеки получают по 6–8 экземпляров книг Донцовой, Устиновой и других детективщиков (явно с подачи АСТ, которое таким образом имеет возможность огромным оптом сбывать свою продукцию), зато “НС” не выписывают даже районные библиотеки. На общем собрании тюменских писателей говорили о том, как изменить ситуацию.

Будьте здоровы! Удачи и успехов!

Ваш Леонид Иванов
Тюмень

ЯНА САФРОНОВА

“ПАРУС” НАДЕЖДЫ

Журналу “Парус” — 10 лет!

Журнал “Парус” был создан ровно десять лет назад. Проект интернет-издания зародился по личной инициативе главного редактора, нескольких биографических совпадений и одного душевного диалога. История “Паруса” нигде не зафиксирована, хотя журнал собирает под своей обложкой известных авторов и может похвастаться эксклюзивными материалами, например, последним опубликованным интервью с В. Г. Распутиным.

Главный редактор “Паруса”, литературовед, критик, профессор кафедры литературы МГИК Ирина Владимировна Калус рассказывает о появлении журнала: “Когда на факультете дополнительного образования, который я курировала в МГГУ им. М. А. Шолохова, мне предложили вести предмет “Литературное редактирование и стилистика”, он меня буквально очаровал. И я ощутила нехватку именно “полевых” знаний — навыка работы в реальной редакции, с реальными авторами, реальными текстами...”

Примерно в это же время на первый набор дополнительного образования ко мне пришёл студент вечернего отделения Ренат Аймалетдинов, неординарные способности которого к редактированию текстов я заметила сразу. Тогда же мне написал незнакомый человек — ярославский поэт, журналист и издатель Евгений Чеканов. Он хотел, чтобы мы со студентами помогли отредактировать биографии писателей для его сайта, и мы взялись за дело (“Паруса” тогда ещё не было).

Затем, на Кожиновских чтениях в Армавире в 2010 году, где собралось много москвичей, Вячеслав Румянцев и Лидия Сычёва предложили мне основать собственный журнал и влиться в “Хронос”*. В один из дней конференция проходила в Пятигорске, и мы, посетив место дуэли Лермонтова и другие кавказские достопримечательности, попали с Лидой на ночлег в один номер студенческого общежития Пятигорской фармакадемии (которую, к слову, когда-то оканчивала моя мама). Поговорили — и я вдохновилась: журналу — быть!

Осенью 2010 года Ренат Аймалетдинов, Евгений Чеканов и Юрий Павлов (профессор, в те времена заведовавший кафедрой литературы Армавирского госпединститута, мой бывший научный руководитель, организатор Кожиновских чтений) дали согласие сотрудничать, мы распределили рубрики — и работа закипела. Первый номер делали долго, тщательно отбирая материалы,

---

* “Хронос” — исторический портал, на платформе которого осуществляет деятельность содружество литературных журналов “Русское поле”, куда входят “Молоко”, “Парус”, “Русская жизнь” и др.

по десять раз перепроверяли себя. Все первые номера до сих пор “лежат” на “Хроносе” (2010–2012). Теперь у нас три площадки: “Русское поле”, “ЛитБук” и “Журнальный мир”.

Сегодня Ирина Владимировна говорит о необходимости передышки, редакция хочет выпускать журнал один раз в два месяца. Это отнюдь не от усталости: проект развивается, обрастает новыми идеями, на реализацию которых требуется время. В перспективе – фонотека “Паруса”, библиотека и даже видеотека.

Для меня “Парус” – это издание с ярко выраженной патриотической направленностью, с академической базой и оригинальным рубрикатором. Но главная “особинка” здесь – рубрика-анкета, которая помещается в конце номера. Называется “Знакомство с авторами”, содержит пятнадцать фиксированных вопросов. В современном журнальном процессе не существует аналогичных вопросников, которые бы позволяли авторам рассказывать о себе, выражать отношение к литературе и к слову.

По словам И. В. Калус, редакция предлагает всем новым авторам без исключения заполнить анкету, за десять лет не было ни одного отказа. Мотивация создания постоянной рубрики следующая: “Она была задумана для того, чтобы повысить читательский интерес к нашим авторам (и чтобы наши любимые авторы тоже почувствовали, что они нам интересны, чтобы могли рассказать о себе), над этим я специально размышляла. Хотелось сделать именно для авторов “Паруса” что-то необычное. Как правило, русскому читателю интересна в том числе и личность писателя: где живёт, чем дышит...”

Но здесь не только обоюдосторонний интерес читателя и писателя: изучив сто девять доступных анкет, обнаруживаешь явные совпадения, социологически важные переключки, которые помогают сформировать образ писателя-патриота начала двадцать первого века. Зачем люди пишут, чего они хотят, о чём мечтают сказать?.. Среди прозаиков и поэтов встречаются имена как известные, так и совсем новые, это писатели разных возрастов и взглядов, но все они пытаются художественно осознать мир.

Итак, анкета состоит из пятнадцати вопросов, которые предоставляются авторам в электронном виде. Есть время подумать, написать и удалить, перепроверить себя.

Первый пункт – личный:

“Расскажите, что стало причиной Вашего прихода к занятиям литературным творчеством? Какими были первые опыты?”

Самый популярный ответ на этот вопрос – упоминание отца или деда. Чаще всего, если автор отвечает “отец”, он имеет в виду прямое наследование литературного занятия. Поэт, журналист – активный пример отца влияет на дальнейший выбор профессии: “Мой отец был поэтом. У него на столе всегда стояли в стакане остро отточенные карандаши и лежала стопка писчей бумаги <...> У отца собирались весёлые, шумные компании, где тоже читали стихи и беседовали о жизни. Поэтому с детства мне казалось вполне естественным, что я буду делать то же самое” (Дмитрий Беличенко). Как мы видим, большую роль играет литературная обстановка. Если ребёнок оказывается в литературной среде с самого детства, он растёт под её влиянием: “У меня не было выбора. И мама, и папа писатели, в доме всегда были гости-писатели и велись литературные разговоры” (Евгения Перепёлка); “Вспоминая свои детские годы, закрываю глаза и вижу папу, журналиста городской газеты. Таков был стиль жизни нашей семьи: литературная жизнь города и её пульс – газета “Московский рабочий” (Елизавета Хапланова).

Иное с дедом. Оракул, генерал литературных историй, самый лучший и интересный рассказчик. Он прошёл войну, много видел и знал, и теперь в устной форме передаёт внуку или внучке память. У ребёнка появляется желание записать услышанное на бумагу – так и начинается творчество: “Мой дед, участник первой мировой войны, любил вспоминать о периоде своего австрийского плена. Один из его рассказов я и попытался оформить на бумаге. Написанное – школьную тетрадь – скатал в трубочку и спрятал на тябле, где обнаружил её молящийся перед иконами дед. Записи мои буквально следовали повествованию деда, которое изобиловало столь крутыми выражениями, что первую мою “повесть” безжалостно уничтожили” (Вячеслав Арсентьев). Первая и Вторая мировые, великие войны впервые воплощаются в вечерних историях, они-то и пробуждают в маленьком человеке писателя.

Вторая по распространённости причина прихода в литературу – школьный учитель. Правильное задание, умело подобранные слова, одобрение в нужный момент. “Ходячим” является эпизод чтения всему классу впервые написанных строк: “Учительница русского языка и литературы на уроках читала всему классу мои сочинения. Они ей нравились. Мне этот процесс нравился тоже” (Геннадий Иконников)

А вот большинство писателей, которые начали “пробовать” себя в литературе в осознанном возрасте, отдают должное литературным наставникам и называют побудительной причиной именно встречу с ними. Выделяется история бывшего лётчика Григория Калюжного о писателе-“деревенщике” Фёдоре Абрамове: “Абрамов, выступая перед молодыми литераторами, призвал меня сосчитать из кабины самолёта, “сколько сёл и деревень ушло в небытие и сколько их ещё осталось в России”. Я невольно, из простого любопытства, стал обращать внимание на наличие сельских поселений, зафиксированных на полётных картах разного масштаба. Говоря словами одного вертолётчика, деревни и сёла ежегодно исчезали с лица земли не десятками, не сотнями, а тысячами”. Как и всякий большой писатель, Абрамов мог посмотреть “из” другого человека на мир и зацепиться взглядом за самое важное. Позже Калюжный пойдёт по стопам учителя и захочет рассказать о трагедии деревни. . . Многие вспоминают семинарский опыт – литература для них началась с того момента, как их произведение впервые разобрал мастер: “Оказалось достаточно разбора Юрием Кузнецовым одного стихотворения, “первого опыта”, чтобы приоткрылась дверка в литературу” (Михаил Былых).

И хотя самой частой разновидностью ответа стала литературная учёба в разных формах, несколько раз писатели рассказывали о. . . зависти. Начинали писать из чувства соревновательного задора, чаще всего тот, с кем соревновались, далее по литературной стезе не шёл, а вот отвечающий на вопрос в итоге решал посвятить литературе жизнь: “Стихи, как это ни забавно звучит, я начал писать из зависти. В 70-е мой друг, игравший в Молодёжном театре-студии на Красной Пресне, решил написать роман. Он принёс мне полторы страницы текста, и я пришёл в восторг. Прозу писать вслед за другом, понятно, уже не было смысла. И я написал несколько авангардных стихотворений. В итоге мой друг Николай дальше тех полутора страниц так и не продвинулся, а я через несколько лет поступил в Литературный институт”. Кто-то хотел быть лучше друга, кто-то – обогнать сестру или брата, кому-то не давали покоя успехи соседа. Одним словом, литературный спорт вместо вдохновения.

Статистические результаты ответа на первый вопрос удивительны. Как мне казалось, самой распространённой причиной для поэтического или прозаического писания должна была стать первая влюблённость. Но лишь дважды упоминание о ней встречается в анкетах авторов “Паруса”. И только Александр Казинцев рассуждает о роли влюблённости в формировании литературного таланта подробно: “Вдумайтесь, именно к пятнадцатилетнему рубежу человек сознаёт себя как личность. Он неповторим, другого такого нет и не будет. И тут же к восторгу примешивается горчайшая печаль – осознание одиночества перед лицом мироздания. < . . . > Именно тогда приходят любовь и стихи. Древний инстинкт самосохранения подталкивает к продолжению рода. И он же диктует первые строки: человек пытается сохранить себя не только физически – в потомстве, но и духовно”. Хотя вполне возможно, что авторы решили просто скрыть дорогие сердцу эпизоды. . .

Суммируя, можно сказать, что перед нами – писатель-наследник, он осознанно вбирает в себя опыт предыдущих поколений, прилежно учится у жизненных и литературных учителей. Это вполне сопоставимо с постулируемой “Парусом” ориентацией на классический образец: писатель-патриот чувствует себя частью целого прежде всего, он ответственен за продолжение литературного рода, знания, дела своего учителя.

Учёбе и образованию посвящён следующий блок вопросов анкеты. Самые знаковые из них:

“Кого вы можете назвать своими литературными учителями?”

Как бы Вы могли бы обозначить сферу своих литературных интересов?”

Конечно, называют классиков, и очень хорошо, что называют классиков. Учатся у Достоевского, Толстого, Чехова, Бунина, Распутина, Белова, Рубцова,

Кузнецова... Список можно продолжить. Но, судя по всему, друг друга или современную литературу вообще писатели читают мало. Однако если и встречается новейший поэтический ряд, то он примерно совпадает: *“Дорогие для меня имена Светлана Сырнева, Диана Кан, Евгений Семичев, Юрий Перминов”* (Александр Нестругин); *“Из современников – Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Евгений Семичев, Диана Кан, Светлана Сырнева”* (Вадим Бакулин); *“Среди современников для меня интересна поэзия В. Дронникова, И. Семёновой, Ю. Кузнецова, Л. Котюкова, Е. Юшина, Д. Кан, Е. Семичева и многих других авторов”* (Андрей Шендаков). Имена Дианы Кан, Евгения Семичева и Светланы Сырневой в *“Знакомстве с авторами”* звучат с одинаковой периодичностью и составляют малый круг современного писательского чтения.

В разговоре о литературных учителях писатели скромны, односложны и особенно не распространяются. А вот когда появляется возможность что-то решить, пусть даже в условном пространстве опроса, появляется живая категоричность. Провокационный вопрос о школьной программе – своеобразный вывод из всего предыдущего:

“Какого автора, на Ваш взгляд, следует изъять из школьной программы, а какого – включить в неё?”

Здесь встречаются яркие заявления. Уже упомянутая поэтесса Диана Кан сгущает краски: *“Русская классика практически изъята из школьной программы. Своё, родное, признанное во всём мире как шедевры мировой литературы нашим детям подменили второсортным зарубежным. Так бывает, если страна в оккупации”*. Желание поэта сказать о плачевном состоянии социума понятно, но, к счастью, вывод о школьной программе преувеличен. Как человек, закончивший школу четыре года назад, могу сказать, что зарубежная литература преподается в факультативном формате, а основная часть произведений – это русская классика. Да и ЕГЭ будущие студенты сдают именно по русской литературе. Схожее с Кан мнение выражает Юрий Красавин, он оценивает интеллектуальный уровень подростков: *“У меня создаётся впечатление, что в школьной программе вообще нет литературы. По-моему, её изъяли целиком, и это случилось не вчера, а лет эдак 20–30 назад. Уже выросло не одно поколение людей, разговор с которыми на литературную тему представляет собой сплошной анекдот”*. В этом Красавин винит, разумеется, школу.

Частные мнения заглушает общее. Почти все писатели едины в одном: из школьной программы нужно исключить произведения А. И. Солженицына. Подавляющие число совпадений – в ответе на этот вопрос. Некоторые говорят о том, что убрать в обязательном порядке нужно политизированный текст *“Архипелаг ГУЛаг”*, потому что никакого отношения к литературе он не имеет: *“Нельзя в обязательном порядке (как предписывает программа) изучать “Архипелаг ГУЛаг” А. Солженицына. Это всё что угодно, но только не художественная проза”* (Вячеслав Арсентьев). Некоторые говорят о том, что стоит полностью исключить Солженицына из круга детского и подросткового чтения: *“Считаю, что на данном этапе А. Солженицын должен быть исключён из программы школы. У меня были репрессированы отец и дед. Они реабилитированы. Но при всех их обидах, их правдивые воспоминания никак не соответствуют тому, что насочинял Солженицын”* (Геннадий Готовцев). Основной посыл – предательское отношение к Родине: *“Называть победу в Великой Отечественной войне самым значительным событием в русской истории и одновременно пропагандировать произведения автора, “воспевающего” предателя Власова и власовцев, – по меньшей мере, кощунственно”* (Майрудин Бабаханов). Русская литература совестлива, в длинном ряду высказываний отчётливо звучит национальная гордость. Какими бы ни были анкеты – написанными наскоро, сухими, скрытными, шутивными, в ответе на этот вопрос они эмоционально усложняются и углубляются. Видно, что людям не всё равно, и они не могут этого скрыть.

Впрочем, литераторы не одиноки в отношении к Солженицыну. Напомню, что решение о введении книги *“Архипелаг ГУЛаг”* в круг обязательного чтения фрагментами было принято в 2018 году. Общественность среагировала моментально*: по хэштегам #АрхиПевецЛжи и #АнтиСолженицын можно найти сотни

* REGNUM // Сегодня Солженицын в школе, завтра Коля в бундестаге // <https://regnum.ru/news/cultura/2418389.html>.

фото людей с плакатами, которые требуют убрать роман из школьной программы. Тогда это не подействовало, напротив, вдобавок был установлен памятник писателю в Таганском районе, против которого жители города также активно протестовали*.

Ещё одно имя, которое менее часто, но звучит в анкетах в связи с исключением из школьной программы, – Иосиф Бродский. Обсуждение на градус ниже и связано скорее с личными поэтическими предпочтениями, следованием полярной традиции. При всей спорности нельзя не признать, что Бродский – поэт, а преувеличенное значение, придаваемое его творчеству, решается более полным представлением русской поэзии двадцатого века: Рубцова, Кузнецова, Тряпкина, Прасолова и т. д.

Немногие писатели в своих ответах переходят с запрета на разрешение. Основные методические рекомендации – расширить список произведений Валентина Распутина, Василия Белова, Василия Шукшина, добавить Юрия Кузнецова и... Захара Прилепина. Из всей широкой панорамы игнорируемых классиков (Казиков, Прасолов, Куваев) русские писатели выбирают Прилепина: *“Неплохо было бы ещё туда Захара Прилепина включить, его повесть о чеченской войне или роман “Санька”. Хочется видеть в литературе живых и сильных положительный героев”* (Татьяна Щербинина); *“Можно и нужно включить Прилепина с романом “Санька”* (Олег Селедцев). Но, будто в предупреждение светлой идеи, есть и противоположное мнение: *“Большое сомнение у меня вызывает качество и духовное наполнение текстов З. Прилепина. Нельзя включать в программу авторов, преследующих спекулятивные цели”* (Андрей Шендаков). И всё же значительным кажется то, что единственный современный автор, который пишет прямо сейчас и о включении в школьную программу которого заходит речь, – это Захар Прилепин, неизменно с одним и тем же романом.

Ещё одна мысль, общая мысль для всех ответов на вопрос про школу, – более подробное изучение произведений древнерусской литературы: *“С неизбежными экскурсами в область литературы древнерусской “Повесть временных лет”, “Слово о полку Игореве”, былины, “Задонщина” “Хождение за три моря” и т. д. <...> Причём изучать всё это надлежит углублённо, а не мельком и походя. Тогда, возможно, прекратятся досужие разговоры о том, что нынешним школьникам непонятен язык Пушкина и Гоголя”* (Александр Юдин). Мысль значительная и бесспорная.

Мнения, возражения, утверждения... Среди отвечающих на вопросы анкеты был и школьный учитель. Ирина Кемакова не видит никаких проблем: *“Работаю учителем русского языка и литературы уже 23 года. Школьная программа по литературе меня полностью устраивает. Ничего менять не стала бы, по крайней мере, в настоящий момент”*. Личность учителя играет большую роль в образовательном процессе, и именно он решает, что из факультативной программы станет предметом изучения, а что из основной будет преподавано походя... Надеюсь, И. Кемакова, выражая полное приятие школьной программы, руководствовалась именно этими соображениями.

Два следующих вопроса продолжают тему, которая ассоциативно возникает при разговоре о творчестве Солженицына:

“Что считаете неперемлемым условием художественного творчества? Что кажется Вам неприемлемым в художественном творчестве?”

Тут писатели разделились примерно поровну. Одни отвечали, что условие творчества – правда, помеха – ложь, другие противопоставляли талант и пошлость.

Было и несколько развёрнутых ответов, в которых писатели рассуждали о бытовых условиях для творчества: *“Правда, для литературного творчества необходимы ещё и нормальные бытовые условия, материальная обеспеченность. Не о роскоши речь, которая разлагает творческую личность, а о средствах для достойной жизни. Иметь свой тихий уголок, где можно уединиться от всех мирских шумов и целиком отдаться любимому делу. Ещё Гёте заметил, что таланты образуются в покое”* (Карл Шифнер). Но ведь бытовая данность зависит и от самого писателя в том числе. Возможность уединиться

* Ермак-инфо.рф // Москвичи борются против установки памятника Солженицыну в Москве, так как считают его символом лжи и предательства: <http://ермак-инфо.рф/2018/08/moskvichi-boryutsya-protiv-ustanovki-v-stolitse-pamyatnika-solzhenit-syinu-tak-kak-schitayut-ego-simvolom-lzhi-i-predatelstva/>.

в тихом уголке достигается волевым усилием, которое помогает на это спокойно заработать. Далеко не все разделяют подобные устремления: *“Чтобы спокойно работать в литературе, нужно на что-то жить. Без этого не будет ни творчества, ни даже просто существования. Условие моего творчества – это пенсия матери-старушки, которую мы растягиваем на двоих. У Рэя Брэдли это была мизерная зарплата его жены, которая работала в библиотеке”* (Андрей Иванов). Действительно, жаль, что в анкете нет вопроса о том, кем работают авторы журнала “Парус”, интересно было бы узнать, чем они живут вне литературного пространства.

Из хора мнений о том, что литература должна быть искренна и талантлива и категорически не может быть пошлой и лживой, выбивается ответ Алексея Пшеничного, который не приемлет *“стихи старых дев и прозу потока сознания”*. Иллюстративных примеров первой жанровой характеристики не приводится, поэтому можно смело фантазировать.

Далее вопросы анкеты перемещаются в сферу идеального, в этой части авторам предлагается поразмышлять на тему:

“Каким Вам видится идеальный литературный критик?”

Первый, бьющий в голову мотив – долженствование. Многие писатели, отвечая на этот корректно составленный вопрос, употребили бесчисленное количество раз слово “должен”. Итак, что и кому должен критик?

Во-первых, преодолеть чувство вкуса и быть кристально объективным: *“Идеальный критик обязан не поддаваться соблазну своего вкуса, оценивать произведение с разных сторон, по возможности рассматривать его в литературном процессе”* (Владимир Бодров). Не понимаю: если не доверять своему вкусу и не иметь цели выстроить иерархию современной литературы, то зачем тогда вообще заниматься критикой? Единственное, что на самом деле есть у критика, чего никто у него не сможет отнять, – это страстная субъективность, внутренний огонь, который загорается, когда, наконец, находишь настоящее. И это только потом подключается инструментарий и доказательная база... Можно привести здесь имя любого великого: Григорьев, Кожинов, Лобанов – никто из них не написал бы программных статей, если бы не был увлечён, покорён, вдохновлён предметом своих работ, если бы не доверял своему вкусу.

Во-вторых, критик, как некий идол, должен быть всех сильнее и умнее: *“А ещё критик должен быть выше на голову самого автора”* (Вадим Бакулин). Совмещать в себе черты педагога и литературного локомотива: *“Идеальный литературный критик, на мой взгляд, должен нести в себе черты наставника. Чтобы критика была созидательной и стимулировала рост и развитие литературного процесса, кроме наставника, он должен быть и модератором, и термометром этого процесса”* (Александр Дашко). Но существует тонкая грань – не ущемлять автора и не мешать ему проявлять себя: *“Критик не должен поучать автора, не должен делать попыток руководить писателем, не должен указывать, как и о чём писать автору”* (Василий Костерин).

Постойте, да это же... потребительское отношение! С точки зрения некоторых авторов, критик – обслуживающий персонал литературного процесса (важно, что не литературы в высшем понимании). Среди заполнявших анкету писателей распространено мнение, что критик должен научить, направить, по пути ничего не сломать и не задеть в тонкой душе писателя, а потом ещё и продвинуть получившийся результат. Это особенно задевает потому, что авторы будто не думают о литературе, в которой они существуют, а ставят на первое место свой психологический комфорт. Единственное, что, на мой взгляд, действительно должен критик, – писать качественные статьи. Таким образом он и выполняет свою изначальную роль в литературном процессе.

А о ролях, кстати, было сказано много. Почему-то в ответах на этот вопрос появлялось много масок, образов и шаблонных поведенческих стратегий, которыми наделяют критика. Несколько раз его ассоциировали с наездником: *“Я бы сравнил критика с всадником. Недобрый всадник погоняет скакуна хлыстом, добрый – голосом или жестом попросит коня ускорить бег. Плохой критик сбивает автора с толку, хороший подымает и дарит крылья”* (Карл Шифнер). Здесь всё то же смешение ролей мастера/наставника и критика, но ещё и явная демонизация агрессивности, воплощающаяся в сравнении с рукоприкладством. Или противоположное и, по внутренним ощущениям, верное мнение: критик должен быть *“влюблённым в литературу, как рыцарь в Прекрасную*

Даму, и готовым служить во славу её без страха и упрёка” (Диана Кан). Однажды впрямую прозвучало, что критик должен быть, “как отец в детстве, – умным, добрым и сильным” (Игорь Григоров). Интересно, как это связано с запросом большинства о бережном отношении и с туманно-героическим представлением о критике. Авторы действительно воспринимают его как отца, защитника литературы. Может быть, отсюда и высокий уровень требовательности?

Имеются и карикатурные предложения: “Критик должен быть умеренно зубастым, то есть не очень злобным, желательно образованным и с чувством юмора (получился почти крокодил Гена)” (Татьяна Щербинина). И особенно симпатичные, потому что максимально честные: идеальный критик “мёртвый” (Евгений Семичев), “тот, который нахваливает меня и мои произведения” (Александр Пшеничный), “тот, кто до последней страницы прочитал разбираемого автора” (Аркадий Макаров).

Среди прочего возникла занимательная внутренняя дискуссия: должен ли критик сам быть поэтом или прозаиком? Писатели, которые заявляли своё категорическое “нет”, связывали его с пресловутой объективностью: “Я думаю, что в идеале критик не должен быть поэтом или прозаиком, смотрящим на чужое творчество через призму своего. Это мешает объективной оценке” (Андрей Дмитриев); “К сожалению, идеальный литературный критик – это чуткий к литературе, к красному, но не очень творческий человек. Он не творит или почти не творит в литературе сам и поэтому способен быть безупречно объективным в своих литературно-критических суждениях и оценках” (Сергей Носов). Те же, кто отвечал “да”, настаивали на необходимости творческого опыта для понимания другого: “Убеждён, что только настоящий поэт может понять другого поэта. Настоящий критик – это, в первую очередь, настоящий литератор” (Еп. Геннадий (Головлёв)). Сложно полностью опровергнуть или согласиться с каждым из мнений. Наверное, речь здесь идёт, в первую очередь, о степени ответственности перед литературой и самим собой. Например, Вадим Валерианович Кожинов, по свидетельствам современников, всю жизнь писал стихи, но никогда их не публиковал. Смело предположить, что не делал он этого потому, что трезво оценивал себя и мог “просмотреть” свои произведения в контексте литературы. Однако лирического чувства не терял, знал, “как пишут стихи”.

Иные из литераторов в ответе на вопрос об идеальном критике ограничивались именем. Четыре раза назвали Кожинова, три раза упомянули Белинского, один раз обоих вместе, трижды же – современного воронежского критика Вячеслава Дмитриевича Лютого. Исчерпывающий ряд.

Последний из вопросов, который показался знаковым и подводящим итог – обобщение с прицелом в будущее:

“Каким Вам видится будущее русской литературы?”

Многие связывают его с судьбой народа и страны: “Будущее русской литературы – это будущее думающего и неравнодушного народа. Это его душа, его ум, его совесть. Пока жива душа народа, будет жива и настоящая русская литература, да и всякое подлинное искусство. Попса быстро устареет и надоедает. Настоящее остаётся и даёт ростки новому искусству для новых живых людей” (Андрей Иванов). Да, состояние литературы напрямую зависит от социальных и культурных процессов внутри страны, и это нельзя игнорировать. Яркий пример: постмодернизм как следствие эпохи распада и фрагментации.

Те же, кто делает прямые прогнозы, поделились на оптимистов и пессимистов. Пессимистически настроенные писатели видят причины будущего умирания в техническом прогрессе: “Будущее русской литературы, впрочем, как и всемирной, – ужасно! Чем дальше будет двигаться технический прогресс, завлекая людей в свои капканы, тем меньше будет желания читать книги” (Анатолий Нестеров). В низком качестве современной литературы и окостенении “канона”: “Очень не хочется, чтобы будущим русской литературы опять стало её прошлое. Что-то похожее, как мне кажется, сейчас и происходит” (Влад Пеньков). Ну, и просто... видят Апокалипсис: “В условиях отмирания на территории планеты художественного слова как такового, в условиях геноцида русского народа сегодня и завтра я вижу родную словесность в полной изоляции, абсолютном меньшинстве и непримиримой оппозиции” (Олег Щалпегин).

Оптимистически настроенных граждан значительно больше. На будущее “работает” исторический момент: “Отечественная литература всегда расцветала

в переломные, роковые для России времена, а так как хорошей жизни сейчас ждать не приходится, у литературы отличные перспективы” (Марина Струкова). И развитие информационных технологий: “Если говорить о современной поэзии, то именно сейчас у неё есть всё необходимое для того, чтобы стать передовой культурной сферой. А именно <...> проекты, которые занимаются распространением поэзии при помощи современных технологий” (Александр Буланов)*. И преемственность поколений: “Так или иначе, “новые имена” будут искать свой путь в литературе под сенью и покровительством имён старых – это серьёзный и глубокий факт, открывающий простор для мысли” (Дмитрий Лагутин).

И все находятся в предчувствии чего-то большого. Пророчат: “Появится автор или даже отдельная вещь, которая взорвёт страну. Этим потрясением возродится литературный процесс. Это неизбежно. И русская литература с нашим, не западным канонам предъявит миру эталонные образцы и установит планку” (Георгий Кулишкин). Русская литература в ожидании взрыва, за тишь перед бурей.

... Когда в начале этой статьи я упомянула о том, что ни один из авторов журнала “Парус” не отказался отвечать на вопросы анкеты, то забыла добавить: кроме главного редактора Ирины Калус. Ирина Владимировна сочла это нескромным, но в позапрошлом году меценат Вячеслав Бреднев заметил это упущение и взял у неё интервью, в котором задал некоторые из вопросов анкеты**. Разговор коснулся и будущего русской литературы, болея за которую Ирина Калус подчеркнула необходимость личных усилий: “И у Вас как у мецената, способствующего сохранению художественных ценностей, и у меня на руках достаточно фактов, чтобы говорить о важности литературы, о снижении её статуса в обществе, начиная с государственного уровня, о смещении “духоформирующей” роли литературы вообще в сторону ухода от человека, в сторону “бездушно-забавляющую”, в сторону омертвляющего “формалистического поиска”. Вот только разговоры ничего не дадут. Мы сами должны возвращать литературе её культурообразующую роль – своими личными усилиями, своим примером, своей, в конце концов, “смертельной серьёзностью” в подходе к литературным явлениям – до последней черты”. Так вот, “Парус”, в котором команда редакторов работает совершенно безвозмездно; “Парус”, редколлегия которого всегда готова откликнуться на творческие предложения; “Парус”, где существует рубрика, позволяющая не терять диалога с читателем, делает для будущего много. Надеюсь, первое десятилетие журнала повлечёт за собой другие, ведь, как гласит народная поговорка, “где мелко, там парус не нужен”.

---

* Вообще говоря, анкета поэта Александра Буланова одна из самых интересных и информативных, в ней он подробно говорит о своём видении бытования литературы в интернет-пространстве, выстраивает чёткую схему действий для людей, которые выступают как организаторы литературного процесса.

** “Если слово трепещет в стремлении стать живым” // Журнал “Парус”, № 69 // <http://parus.ruspole.info/node/9899>.

ВИКТОР ХРУЛЁВ

А. П. ЧЕХОВ: СОВЕТЫ МОЛОДЫМ ЛИТЕРАТОРАМ*

...для того, чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать.

А. Блок

1

Юбилей А. П. Чехова – повод пристальнее взглянуть в судьбу одного из самых близких и притягательных классиков русской литературы. Его жизненный путь – пример совершенствования человека, превращения его в личность. Сын мещанина и внук крепостного, он поднялся к вершинам искусства слова, обогатил художественное мышление конца XIX – начала XX века¹.

Внутренняя свобода писателя, независимость от политических, философских, религиозных и прочих пристрастий, несклонность никакими авторитетами, будь то И. Тургенев, М. Салтыков-Щедрин, И. Гончаров, Ф. Достоевский, Л. Толстой, вызывают уважение. Знание реальной жизни, трезвость и отсутствие иллюзий, отказ от упования на крестьянство, интеллигенцию, либерализм, марксизм и пр. обеспечили дальновидность взглядов и прочность жизненных позиций. Поэтому Чехов сегодня – наш современник, у которого можно многому поучиться, в том числе и профессионализму литератора.

Его письма занимают 12 томов полного собрания сочинений и писем в 30-ти томах². Они богатейшее наследие, открывающее миропонимание писателя, эстетические представления, психологию и технологию литературного труда. Воспоминания содержат бесценные свидетельства современников. Изучение этого материала позволяет увидеть общественный и историко-культурный контекст творчества писателя, заглянуть в лабораторию художника, учесть практические советы мастера слова. Эпистолярное наследие открывает отношения писателя с издателями, деятелями культуры и искусства, с молодыми беллетристами и признанными современниками (среди чеховских корреспондентов – П. Чайковский, И. Левитан, И. Бунин, М. Горький, В. Короленко, А. Куприн, К. Станиславский, Вл. Немирович-Данченко и другие).

Среди литераторов, которые оставили наблюдения о творческом процессе Чехова, наиболее значимы воспоминания А. Куприна, И. Бунина и М. Горького. Для каждого Чехов был авторитетом, искусство которого предстояло открывать

---

* Публикуется в сокращении.

в течение всей жизни. Писатели сознавали сложность задачи и ответственность за каждое сказанное слово. Наиболее обстоятелен и развёрнут в своих суждениях А. Куприн. Лаконичен и сдержан И. Бунин, который отличается зоркостью взгляда. Наблюдения М. Горького наполнены бережностью и преклонением перед дарованием классика. Три современника, свидетели редких признаний Чехова, дополняют друг друга и приближают нас к таинству писательского труда. Ценные сведения о литературной работе классика содержатся в воспоминаниях В. Короленко, Т. Щепкиной-Куперник, И. Потапенко, К. Станиславского, Н. Телешова, С. Елпатьевского и других авторов. Они создают коллективный образ Чехова для последующих поколений читателей.

Есть несколько обязательных положений, которые Чехов рекомендовал литераторам. Прежде всего, он советовал быть холоднее и отстранённее от материала своих произведений. По мысли классика, автор, подобно хирургу, должен быть независим от своих «пациентов» и совершать «операцию» без эмоциональных переживаний: «...когда изображаете горемык и бесталаных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее – это даёт чужому горю как бы фон, на котором оно вырисунется рельефнее. А то у Вас и герои плачут, и Вы вздыхаете. Да, будьте холодны» (А. Л. Авилловой 11 марта 1892 года. П. V, 26). Когда Л. Авилова не восприняла данный совет, Чехов пояснил ещё раз: «Над рассказами можно и плакать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление» (П. V, 58). Эта мысль звучит и в беседе с другой молодой беллетристикой: «...любите своих героев, но никогда не говорите об этом вслух!»³.

А. Куприн также отмечает это принципиальное положение Чехова-художника: «Ещё учил он, чтобы писатель оставался равнодушным к радости и огорчениям своих героев. «В одной хорошей повести, – рассказывал он, – я прочёл описание приморского ресторана в большом городе. И сразу видно, что автору в диковинку и эта музыка, и электрический свет, и розы в петлицах, и что он сам любитесь на них. Так – нехорошо. Нужно стоять вне этих вещей, и хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением, сверху вниз. И выйдет верно»⁴.

Чехов призывал авторов к сдержанности, считал, что чем чувствительнее положение, тем холоднее следует писать. «Не следует обсахаривать», – предупреждал он, и это подтверждалось опытом его собственной литературной работы. Писатель всегда удерживал дистанцию между автором и персонажами, не позволяя себе выражать отношение к их действиям и переживаниям. Объективность и независимость от материала изображения были для него принципиально важны. Они наиболее сильно воздействовали на читателя.

Другая потребность Чехова – лаконичность изображения. «Краткость – сестра таланта», – считал писатель. Этот девиз был обращён не только к внешнему оформлению, но и ко всему повествованию в целом, от описаний, раскрытия персонажей, развития сюжета до авторских корректировок изображённого. Границы лаконичности в каждом отдельном случае определялись художественной целесообразностью и тем, насколько полно необходимо было развернуть картину происходящего. Так, небольшой рассказ «Студент» стал образцом цельности и ёмкости повествования за счёт введения евангельских текстов и параллелей библейских событий и современности. Повесть «Степь» потребовала обстоятельных пейзажных картин, чтобы передать красоту и захватывающую силу степных просторов. А рассказ «Дама с собачкой» соединил в себе динамический сюжет и психологическую драму. В одних случаях писатель доводил до сюжетного завершения свой рассказ и как бы исчерпывал его возможности («Попрыгунья», «Человек в футляре», «В овраге», «Архиерей»). В других – опускал занавес в кульминационный момент и предоставлял читателям возможность самим додумать завершение событий («Тяжёлые люди», «В усадьбе», «Дама с собачкой», «Невеста»).

В пейзажных зарисовках Чехов стремился к краткости и выразительности детали, которая служила бы опорой для воображения. Этот способ он рекомендовал и беллетристам. В письме к старшему брату Александру приводится пример, ставший классическим: «В описании природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закрываешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь,

если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звёздочкой мелькало стёклышко от разбитой бутылки и покатила шаром чёрная тень собаки или волка и т. д.»⁵. И далее следует итоговое резюме: «Природа является одушевлённой, если ты не брезгуешь употреблять сравнения явлений её с человеческими действиями и т. д.» (Там же). Писатель был настолько уверен в эффективности этого пути, что несколько раз озвучивал эту мысль в своих произведениях («Чайка», «Волк») и в письмах.

Потребностью Чехова было сокращение любого литературного текста, доведение его до той степени ёмкости и упругости, когда каждая строка звенит, словно натянутая струна. Эта страсть к лаконичности была не только свойством его натуры, но и спецификой нового искусства, которая сказывалась в реализме. Краткость позволяла привлечь воображение читателя, достичь динамичности событий, уплотнить повествование. Поэтому писателя не устраивала протяжённость изображения у Тургенева и Гончарова, психологическая взвинченность у Достоевского, избыточная подробность и дидактичность у Толстого. Чехов освобождал текст до предела. Такую чистку он делал и в тех рассказах, которые присылались ему из редакции «Нового времени» и журналов, с которыми он сотрудничал. Вот комментарии писателя по поводу рукописей двух рассказов, присланных ему для правки. Первый из них представлял собой индийскую легенду: «Я выкинул кое-что, выгладил, и получилась сказка, хотя и неважная, но лёгкая и которая прочтётся с интересом. Другой рассказ безграмотен, сделан по-бабьи и аляповато, но есть фабула и некоторый перец. Я, как увидите, сократил его вдвое. Оба рассказа печатать можно» (А. С. Суворину 30 ноября 1891 года. П. 4, 307).

Переписка с А. Сувориным показывает, как дотошно Чехов относился к произведению друга и как тщательно продумывал свои рекомендации по доведению этих произведений до завершённости. Он становился как бы соавтором рассказов и беспощадно отбрасывал всё лишнее, необязательное для сюжета и правды характеров.

Личные симпатии и дружеские отношения отклонялись, когда Чехов давал оценки творчеству друзей и знакомых. Его требовательность была неизменной. Притом он стремился поддержать любое дарование и предлагал конкретные пути исправления просчётов. Чехов симпатизировал В. Гиляровскому – писателю, поэту, журналисту. Это был колоритный беллетрист, который «уходил в народ», скитался, был бурлаком на Волге, актёром, солдатом. Его первая книга рассказов «Трущобные люди» была уничтожена цензурой. Чехов, ознакомившись с единственным сохранившимся экземпляром, отметил мрачность и беспросветность общего впечатления. В письме А. Плещееву он сообщал: «Радуюсь за Гиляровского. Этот человек хороший и не без таланта, но литературно необразованный. Ужасно падок до общих мест, жалких слов и трескучих описаний, веруя, что без этих орнаментов не обойдётся дело. Он чует красоту в чужих произведениях, знает, что первая и главная прелесть рассказа – это простота и искренность, но быть искренним и простым в своих рассказах он не может: не хватает мужества <...>» (П. II, 293).

2

Чехов считал, что литератор должен соотносить свои возможности с жанром, который он избирает для реализации замысла. Одно дело – рассказ, другое – повесть, а третье – роман. Каждый из них предъявляет свои требования к автору, и необходимы профессиональная подготовка и внутренняя настроенность на ту или иную форму. Масштаб сюжета, значительность конфликтов, проработанность персонажей должны соответствовать объёму и наполняемости того или иного жанра. Несоответствие формы природе дарования может привести к неудаче. Эксперимент Чехова здесь уместный пример.

Писатель был заложником дарования и материальной зависимости. Он вынужден был постоянно торопить себя, чтобы успеть выполнить обещание и не лишиться денег за работу. Эта зависимость от редакций и графика сдачи рассказов вносила нервозность в его жизнь, лишала удовольствия свободного творчества: «Говоря по совести, я охотно просидел бы над «Именинами» полгода. Я люблю кейфовать и не вижу никакой прелести в скоропалительном печатании» (А. С. Суворину 27 октября 1888 года. П. III, 46). Эта обязательность формировала художественную специфику произведения, неравноценность его

частей: “Начало выходит у меня всегда многообещающее, точно я роман начал; середина скромная, робкая, а конец, как в маленьком рассказе, фейерверчный” (Там же. С. 47).

Писателя влекли сюжеты повестей и романов. Один из них задуман был давно и просился наружу. Чехов чувствовал, что он уже перерос жанр рассказа и жаждал испытать себя на новом поприще. Отсюда неудовлетворённость сделанным и даже готовность поступиться им ради нового неизведанного этапа: “<...> всё, что теперь пишется, не нравится мне и нагоняет скуку; всё же, что сидит у меня в голове, интересует меня, трогает и волнует – и из этого я вывожу, что делают не то, что нужно, и я один только знаю секрет, как надо делать” (Там же. С. 48).

Другой вопрос, что потребность обновления себя в жанре повести и романа могла быть неорганичной природе дарования Чехова и могла привести к неудаче. А развитие его рассказа способно было воплотить те надежды, которые он связывал с более крупным жанром. Но для этого нужны были эксперимент и творческий поиск. Писатель был готов испытать себя. Но более перспективными оказались успехи в драматургии.

Чехов шутя создавал водевиль как разрядку в напряжённой работе, но именно одноактная пьеса “Медведь” получила всеобщее признание. В ней он допустил неслыханную дерзость: вызов женщины на дуэль. Это создало оригинальный поворот в отношениях персонажей. Сам автор с удивлением отмечал: “Удалось мне написать глупый водевиль, который, благодаря тому, что он глуп, имеет удивительный успех <...> В театре сплошной хохот. Вот и пойми тут, чем угодить!” (М. В. Киселёвой 2 ноября 1888 года. П. III, 49).

Водевиль как жанр Чехов не воспринимал серьёзно. Это была шутка творчества. “В этот сезон я напишу один водевильчик и на этом успокоюсь до лета. Разве это труд? Разве тут страсть?” – искренне удивлялся он (И. Л. Леонтьеву (Щеглову) 2 ноября 1888 года. П. III, 51). Но интерес к сценическому развлечению не проходил. В воображении писателя сложился сценарий водевиля “Сила гипнотизма” – о том, как черноглазая вдовушка вскружила голову двум своим поклонникам и как всё комично завершилось. Одновременно он придумал водевиль под названием “Гром и молния”, но так и не реализовал задумку. Через полгода, в мае 1889 года Чехов напишет водевиль “Трагик поневоле”. Жанр лёгкой пьесы с анекдотическим сюжетом привлекал его театральным розыгрышем, жизненной игривостью. В нём он отводил душу и выражал то, что не вмещалось в житейские ситуации его рассказов. Интерес к этому жанру проявился в одноактных пьесах А. Чехова: “О вреде табака” (1886), “Медведь” (1888), “Предложение” (1888), “Юбилей” (1892), “Свадьба” (1890) и др. Водевиль был восполнением потребности в комическом эффекте, который так привлекал раннего Чехова.

И всё же художника тянуло к более крупным формам. Под влиянием Д. Григоровича, который склонял Чехова перейти к новому жанру, молодой писатель увлёкся идеей написать роман. Причём он соотносил этот жанр с выверенной методикой написания рассказа и искал более удобную для себя конструкцию произведения. Этот роман виделся ему как цепь новелл, связанных общими героями и событиями.

Написание романа было экспериментом писателя, его желанием проверить себя, овладеть новой техникой. Но намерение столкнулось с неорганичностью нового жанра дарования Чехова. Ему ближе и естественней был рассказ. В. Набоков в лекции о писателе объясняет это следующим образом: “Чехов никогда бы не смог написать настоящий длинный роман – он был спринтером, а не стайером. Он словно не умел подолгу удерживать в фокусе узор жизни, который повсюду выхватывал его гений; он мог сохранять его живую прелесть ровно столько, сколько требуется для рассказа, но не мог сохранить детальность, необходимую для длительного и развёрнутого повествования. Его драматические способности – те же способности новеллиста; – недостатки его пьес те же самые, что стали бы очевидны, вздумай он писать полноценные романы”⁶. Как бы то ни было, Чехов-прозаик остался верен своему жанру. В нём он создал шедевры русской прозы: “Попрыгунья”, “Анна на шее”, “Человек в футляре”, “Дама с собачкой” и др.

Писатель всегда ратовал за трудолюбие писателя, за готовность пожертвовать ради творчества молодостью, соблазнами жизни, обществом друзей. Это требование он отстаивал и в ранний период, и в 30 лет, и в конце

своего пути. В письме А. Лазареву (Грузинскому) Чехов анализирует его рассказ “Побег” и указывает на небрежность автора: “Аникой и Прохором называется у Вас одно лицо. Я исправлял, исправлял и всё-таки прозевал одного Прохора, и он удержался-таки и, вероятно, породил недоумение не у одного внимательного читателя” (П. IV, 36).

Затем даются профессиональные советы коллеге: “. . . стройте фразу, делайте её сочнее, жирней, а то она у Вас похожа на ту палку, что просунута сквозь закопчённого сига. Надо рассказ писать 5–6 дней и думать о нём всё время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтоб каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась” (П. IV, 36). И далее, сглаживая шуткой свои наблюдения, говорит о неумолимой требовательности автора к самому себе: “. . . сам я по лениности не придерживаюсь сего правила, но Вам, молодым, рекомендую его тем более охотно, что испытал не раз на себе самом его целебные свойства и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечёркнуты вдоль и поперек, потёрты и покрыты латками, в свою очередь, перечёркнутыми и изгаженными. . .” (Там же. С. 36).

Писать целеустремлённо, не лениться, не жалеть себя – это девиз, который Чехов передавал коллегам по перу. Обращаясь к старшему брату Александру – способному беллетристу, – Чехов указывал на недопустимость лени и субъективности для литератора: “Есть у тебя рассказ, где молодые супруги весь обед целуются, поют, толкут воду. . . Ни одного дельного слова, а одно только *благодарушие!* А писал ты не для читателя. . . Писал, потому что тебе приятна эта болтовня. А опиши ты обед, как ели, что ели, какая кухарка, как пошёл герой, довольный своим ленивым счастьем, как пошла твоя героиня, как смешна в своей любви к этому подвязанному салфеткой, сытому обьеваемуся гусю. . . Всякому приятно видеть сытых довольных людей – это верно, но чтобы описать их, мало того, что *они* говорили и сколько раз поцеловались. . . Нужно кое-что и другое: отречься от того личного впечатления, которое производит на всякого незлобленное медовое счастье. . .” (П. I, 55).

Призывая старшего брата к упорной работе над рассказами, Антон Павлович выдвигал несколько обязательных условий:

“1) отсутствие продлинновенных словоизвержений политико-социально-экономического свойства; 2) объективность сплошная; 3) правдивость в описании действующих лиц и предметов; 4) сугубая краткость; 5) смелость и оригинальность; бег от шаблона; 6) сердечность” (П. I, 242).

При всей симпатии и расположенности к близким людям, Чехов не делал скидок, когда речь шла об их профессиональных качествах: “Был я у Левитана в мастерской. Это лучший русский пейзажист, но, представьте, уже нет молодости. Пишет уже не молодо, а бравурно. Я думаю, что его истаскали бабы. Эти милые создания дают любовь, а берут у мужчины немного: только молодость” (А. С. Суворину 19 января 1895 года. П. VI, 15). Вслед за тем писатель констатирует обязательное требование к пейзажисту: “Пейзаж невозможно писать без пафоса, без восторга, а восторг невозможен, когда человек обожрался. Если бы я был художником-пейзажистом, то вёл бы жизнь почти аскетическую: употреблял бы раз в год и ел бы раз в день” (Суворину. Там же).

В оценках произведений начинающих авторов или молодых писательниц Чехов также был строг: писатель умел придавать своим критическим суждениям шутливую форму, которая сглаживала весомость замечаний и не вызывала обиды у авторов. Иногда он предварял свои оценки галантными выступлениями, демонстрирующими расположенность к автору. Он мог обнажить просчёты рукописи и дать практические советы, которые существенно улучшали представленный вариант. В обращении к постоянным адресатам (Е. Шаврова, Л. Авилова, А. Жиркевич, брат Ал. Чехов и др.) мог быть лаконичным в своих оценках, но отмечал эволюцию их мастерства: “Вы замечто мужаете и крепнете и с каждым разом пишете всё лучше и лучше. < . . . > Недостаток у Вас один, крупный, по-моему, недостаток, – это то, что Вы не отделяете, отчего Ваши вещи местами кажутся растянутыми, загромождёнными, в них нет той компактности, которая делает живыми короткие вещи. В Ваших повестях есть ум, есть талант, есть беллетристика, но недостаточно искусства. Вы правильно лепите фигуру, но не пластично. Вы не хотите или ленитесь удалять резцом всё лишнее. Ведь сделать из мрамора лицо, – это значит удалить из этого куска то, что не есть лицо.

Так ли я выражаюсь? Понятно?” (Е. М. Шавровой-Юст 17 мая 1897 года. П. VI, 357).

Чехов обращал внимание на точность деталей, уместность словосочетаний, на интонацию фразы: “Есть 2-3 неловких выражения, которые я подчеркнул. Попы ни во всенощной, ни в обедне не читают апостола. “Страсть к графомании” не годится, потому что само слово “графомания” содержит уже в себе понятие – страсть. И т. д. И т. д.” (Там же. С. 357). В заключение Чехов предложил поговорить о повести при встрече.

Анализы рукописных или опубликованных произведений, которые присылались Чехову молодыми авторами, позволяют увидеть не только общие требования к работе литератора, но и конкретные советы по *изображению* природы, *поведению* персонажей, *приёмам* в описаниях. Ценность таких “разборов” состоит в том, что они подтверждены примерами из текста и читатель писем сам может убедиться в правоте Чехова-критика и ценности его советов. В совокупности они создают своеобразный мастер-класс, который при желании может пройти любой современный автор.

Компактность и ёмкость повествования предполагают безжалостное сокращение всего, что “размывает” сюжет. И Чехов неоднократно напоминал об этом: “В Вашем последнем рассказе очень много действующих лиц; это и достоинство, и недостаток. Лица интересны, но они толпятся, разбивают на 1000 частей внимание читателя и, расплывшись на просторстве одной небольшой “деловой бумаги”, не оставляют в памяти оного читателя резкого следа. Что-нибудь из двух: или меньше персонажей, или пишите роман” (Е. М. Шавровой-Юст 25 марта 1895 года. П. VI, 41-42).

Иногда Чехов делал обстоятельный анализ просчётов, сводя их к конкретным 5-6-ти пунктам и приводя примеры из текста. Так он поступил в ответе А. Жиркевичу: “Ваш рассказ мне очень понравился. Это хорошая, вполне интеллигентская, литературная вещь. <...> по мелочам можно сделать несколько неважных замечаний <...>:

1) название рассказа “Против убеждения...” – неудачно. В нём нет простоты. В этих кавычках и трёх точках в конце чувствуется изысканная претенциозность, и я подозреваю, что это заглавие дал сам С. Стасюлевич. Я бы назвал рассказ каким-нибудь одним словом: “Розги”, “Поручик”;

2) рутинны приёмы в описаниях природы. Рассказ должен начинаться с фразы: “Сомов, видимо, волновался”, – всё же, что раньше говорится о туче, которая улеглась, и о воробьях, о поле, которое тянулось, – всё это дань рутине. Вы природу чувствуете, но изображаете её не так, как чувствуете. Описание природы должно быть, прежде всего, картинно, чтобы читатель, прочитав и закрыв глаза, сразу мог бы вообразить себе изображаемый пейзаж; набор же таких моментов, как сумерки, цвет свинца, лужа, сырость, серебристость тополей, горизонт с тучей, воробьи, далёкие луга – это не картина, ибо при всём моём желании я никак не могу вообразить в стройном целом всего этого. <...> описания природы тогда лишь уместны и не портят дело, когда они кстати, когда они помогают Вам сообщить читателю то или другое настроение, как музыка в мелодекламации <...>;

3) рутинность приёмов вообще в описаниях: “Этажерка у стены пестрела книгами”. Почему не сказать просто: “этажерка с книгами”? Томы Пушкина у Вас “разъединяются”, издание “Д<ешёвой> библиотеки” “прижато”... И чего ради всё это? Вы задерживаете внимание читателя и утомляете его <...> всё это не просто, манерно и как приём старовато. Теперь уж только одни дамы пишут “афиша гласила”, “лицо, обрамленное волосами”...

4) провинциализмы, как “подборы”, “хата”; в небольшом рассказе кажутся шероховатыми не только провинциализмы, но даже редко употребляемые слова, вроде “разнокалиберный”;

5) детство и страсти господни изображены мило, но в том самом тоне, в каком они изображались уже очень много раз” (А. В. Жиркевичу 2 апреля 1895 года. П. VI, 47-48).

В заключение письма Чехов, как обычно, сглаживает замечания сознательным умалением их: “Вот и всё. Но это всё такая мелочь! По поводу каждого пункта в отдельности Вы можете сказать: “Это дело вкуса”, – и будете правы” (VI, 48). Литератор ответил Чехову благодарным письмом: “Превеликое Вам спасибо за Ваш товарищеский разбор моего рассказа! Конечно, Вы правы, и благодаря Вам многие недостатки, которые бы прошли для меня

бесследно, теперь для меня ясны <...> приму всё сказанное Вами во внимание. Письмо Ваше открывает меня <...>, и я бодрей гляжу вперёд, чувствую ободряющее пожатие Вашей руки” (См.: П. VI, 407).

Критика рассказов начинающих позволяет увидеть уровень требований Чехова, его профессиональные рекомендации, а порой и суть переделки всего текста. Были счастливицы, которым Чехов “переписывал” их рассказы, а затем рекомендовал в журналы. Но и те советы, которые он давал, оказывались дорогими для авторов. Вот оценка присланного рассказа Л. Авиловой: “Рассказ хорош, даже очень, но, будь я автором его или редактором, я обязательно посидел бы над ним день-другой. Во-первых, архитектура... Начинать надо прямо со слов: “Он подошёл к окну”... и проч. Затем герой и Соня должны беседовать не в коридоре, а на Невском, и разговор их надо передавать с середины, чтобы читатель думал, что они уже давно разговаривают. И т. д. Во-вторых, то, что есть Дуня, должно быть мужчиной. В-третьих, о Соне нужно побольше сказать... В-четвёртых, нет надобности, чтобы были студентами и репетиторами, – это старо. Сделайте героя чиновником из департамента окладных сборов, а Дуню – офицером, что ли... Барышкина – фамилия некрасивая. “Вернулся” – название изысканное <...> Перепишите рассказ ещё раз, и Вы увидите, какая будет перемена: станет сочнее, круглее, фигуры яснее. Что касается языка, манеры – то Вы мастер” (П. IV, 359).

Иначе говоря, Чехов предлагает сделать рассказ более ёмким и динамичным за счёт сокращения материала, обновления статуса персонажей и их фактурности. К сожалению, среди опубликованных произведений Л. Авиловой нет рассказа с названием “Вернулся”. Возможно, она изменила название или сняла этот рассказ вообще, и у нас нет возможности проследить, как предложения наставника сказались на окончательной редакции рассказа.

3

Чехов обращал внимание писателей на необходимость сюжетного развития произведений, на то, чтобы ожидания читателей событийных действий не были обмануты. Своей приятельнице Е. Шавровой он даёт совет, как улучшить еёopus: “Рассказ написан по обыкновению мило и со вкусом, герой – живое лицо, но архитектура немножко подгуляла. Герой то лежит в кресле и качается, то обедает, то играет, то гуляет, – короче, так много мест и времени, что приходится ожидать очень много действия, а действия-то и нет. Лежанием в кресле Вы начали, а обедом следовало бы закончить” (П. V, 48).

Писатель предлагал обращать внимание на форму произведения, на выдержанность стиля. В письме И. Л. Леонтьеву (Щеглову) по поводу его повести “Около истины”, вызвавшей упреки автору, сказано следующее: “То, что писали о ней за границей, конечно, суший вздор. Это не критика, а травля писателя. Но в повести тяжело с внешней стороны – это форма, а с внутренней – тон повести. Письма и дневники – форма неудобная, да и неинтересная, так как дневники и письма легче писать, чем отсебятину. Тон же с самого начала взят неправильно. Похоже на то, как будто Вы заиграли на чужом инструменте. Нет именно того, что составляет необходимую примесь во всём, что я раньше читал: ни добродушия, ни Вашей сердечной мягкости. Может быть, так и нужно; может, и нужно казнить людей, но... наше ли это дело?” (П. V, 123). Через 17 лет И. Леонтьев с благодарностью отметит объективность этой оценки: “<...> незабвенный друг Антон Чехов беспристрастнее всех отнёсся тогда ко мне, подчёркивая неуместный тон повести, но чуя мою полную искренность” (П. V, 420).

Чехов обстоятельно анализировал просчёты молодых авторов. Он неоднократно правил их рукописи, и они пользовались его советами и помощью. Например, Е. Шаврова – писательница и актриса – находилась в длительной переписке с Чеховым. Известно 69 писем Чехова к Шавровой и 130 её писем к писателю. В них содержится немало советов мастера начинающему прозаику. Так, в письме от 16 сентября 1891 года Чехов отклоняет поверхность её суждений и снобизм взгляда на врачей-гинекологов: “Вы упустили также из виду, что хорошим гинекологом не может быть глупый человек или посредственность. Ум, хотя бы и семинарский, блестит ярче, чем лысына, а Вы лысыну заметили и подчеркнули, а ум бросили за борт. Вы заметили также и подчеркнули, что толстый человек – брр! – выделяет из себя какой-то жир,

но совершенно упустили из виду, что он профессор, т. е. что он несколько лет думал и делал что-то такое, что поставило его выше миллионов людей, выше всех верочек и таганрогских гречанок, выше всяких обедов и вин” (П. IV, 273). Чехов напоминает “о справедливости, которая для объективного писателя нужнее воздуха” (Там же).

Вслед за тем он даёт общую оценку рассказа Е. Шавровой “Мёртвые люди”: “Тут позвольте крикнуть: “Караул!” Это не рассказ и не повесть, не художественное произведение, а длинный ряд тяжёлых, угрюмых казарм. Где Ва-ша архитектура, которою Вы вначале очаровали Вашего покорного слугу? Где лёгкость, свежесть, грация? Прочтите Ваш рассказ: описание обеда, потом описание проходящих девиц и дам, потом описание компании, потом описание обеда... и так без конца. Описания, описания, а действия совсем нет. Надо начинать прямо с купеческой дочки, на ней остановиться, а Верочку – вон, гречанок – вон, всех – вон, кроме доктора и купеческого отродья” (П. IV, 274).

Когда почитательница Чехова Л. Авилова прислала ему два своих рассказа для ознакомления, писатель ответил ей уважительно, но честно: “<...> оба Ваши рассказа я прочёл с большим вниманием. “Власть” – милый рассказ, но будет лучше, если Вы изобразите не земского начальника, а просто помещика. Что же касается “Ко дню ангела”, то это не рассказ, а вещь, и притом громоздкая вещь. Вы нагромодили целую гору подробностей, и эта гора заслонила солнце. Надо сделать или большую повесть, этот листа в четыре, или же маленький рассказ, начав с того момента, когда барина несут в дом” (П. IV, 24-25).

Резюме Чехова подтверждено анализом конкретных просчётов: “Вы талантливый человек, но Вы отяжелели или, выражаясь вульгарно, отсырели и принадлежите уже к разряду *сырых* литераторов. Язык у Вас изысканный, как у стариков. Для чего это Вашей героине понадобилось ощупывать палкой прочность поверхности снега? И зачем прочность? Точно дело идёт о сюртуке или мебели. (Нужно плотность, а не прочность.) И поверхность снега тоже неловкое выражение, как поверхность муки или поверхность песку. Затем встречаются и такие штучки: “Никифор отделился от столба ворот” или “крикнул он и отделился от стены” (Там же. С. 25). В заключение письма Чехов даёт совет по технологии литературного творчества: “Пишите роман. Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте его, а потом печатайте. Вы мало отделяете, писательница же должна не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, медлительным” (Там же. С. 25).

Советы Чехова ориентировали на высокую требовательность к себе, на овладение профессиональными качествами литератора. Естественность ситуаций и характеров, краткость и ёмкость повествования, точность и обоснованность каждого слова были требованиями мастера. И он не уставал говорить об этом в своих письмах молодым авторам.

Для Чехова в создании произведения не могло быть ничего второстепенного. В этом процессе всё значимо: от названия до знаков препинания. Название – это паспорт произведения, ключевое слово, вокруг которого собирается всё остальное. И даже близкие по смыслу понятия содержат оттенки, которые разделяют их. Рассказы Чехова “Жена” и “Супруга” – пример этой разницы. Выбор названия порой превращался в долгий поиск, который мучил и вызывал неудовлетворённость даже тогда, когда вещь была опубликована. В 26 лет при издании рассказов Чехов привлёк своих знакомых к поиску подходящего названия.

Писатель стремился к тому, чтобы название было кратким и естественным, чётко определяло суть излагаемого. Поэтому он давал сжатые определения своим рассказам и пьесам: “Каштанка”, “Жена”, “Супруга”, “Степь”, “Студент”, “Иванов”, “Чайка” и др. Допускал и образные обозначения: “Человек в фуляре”, “Дама с собачкой”, “Анна на шее”, “Лебединая песня”, “Чёрный монах”, “Скучная история”, “Учитель словесности” и др.

Чехов обстоятельно мотивировал, почему то или иное название не подходит: “В пьесе “Честное слово” неудачно название. Насколько я понимаю, мысль пьесы в том, что к жизни мы относимся слишком формально и что условности, которыми мы опутали или загипнотизировали себя, часто бывают сильнее нашей воли. А в “Честном слове” читатель и зритель взглянут на дело слишком специально, благодаря названию, и будут решать вопрос: надо держать честное слово или не надо? И решат так, что автор-де советует не

держат слова... Видите, даже опасное название” (А. С. Суворину 10 ноября 1895 года. П. VI, 94).

От внимания Чехова не ускользали даже частные, фонетические просчёты в тексте или названии произведений. Так, по поводу сборника “Очерки санитарной статистики” писатель замечал: “Начну с того, что для популярных статей заглавие это не совсем подходит, ибо содержит два иностранных слова; оно немножко длинно и немножко неблагозвучно, так как содержит много с и много т. Вы назовите как-нибудь попроще, например, “Заметки врача” или что-нибудь вроде” (П. И. Куркину 23 декабря 1889 года. П. VIII, 332).

Вслед за тем Чехов критически оценивает и само содержание названия: “Кстати сказать, статистика – вообще неудачное название, и санитарная статистика – тоже. Ведь это название не определяет науки, оно слишком сухо и узко, и похоже на “бухгалтерию”. Надо бы придумать что-нибудь другое, именно такое, что определило бы шире и точнее статистику как науку о большом организме, который мы называем обществом, как науку, которая легла соединяющим мостом между биологией и социологией” (П. VIII, 332). Автор книги – санитарный врач, задумавший популяризировать свою специальность, поблагодарил Чехова за советы и предложил несколько новых названий для сборника очерков.

Когда брат Александр прислал рукопись своего рассказа “Отрешённые и уволенные” для прочтения и напечатания в журнале, Антон Павлович дал следующий отзыв: “Рассказ твой очень хорош, кроме заглавия, которое положительно никуда не годится. Меня растрогал рассказ, он весьма умён и сделан хорошо, и я пожалел только, что ты засадил своих героев в сумасшедший дом. То, что они делают и говорят, могли бы делать и говорить и на свободе, и последнее было бы художественнее, ибо болезнь как болезнь имеет у читателя скорее патологический интерес, чем художественный, и больному психически читатель не верит <...> Придумай новое заглавие, менее драматическое, более короткое, более простое” (П. VI, 16).

Чехов не выносил небрежности в профессиональном деле. Когда он обнаруживал в корректуре неправильно поставленные знаки, неисправленные ошибки, он сердился и извещал об этом подробно редактора журнала: “Все эти опечатки <...> так аффраппировали меня, что я теперь видеть не могу своего рассказа. Такое обилие опечаток для меня небывалая вещь и представляется мне целой оргией типографической неряшливости – простите мне это раздражение” (В. А. Поссе 5 февраля 1900 года. П. IX, 42). В ответ на извинение редактора за то, что не успел лично просмотреть корректуру, Чехов заметил, что он сердился на типографию, на отсутствие аккуратных и дисциплинированных людей: “Надо бороться с опечатками и со шрифтом, и проч., и проч., иначе эти мелкие назойливые промахи станут привычными и журнал постоянно будет носить на себе, так сказать, некоторый дилетантский оттенок. А бороться, по-моему, можно только одним способом: постоянно заявлять о замеченных ошибках” (В. А. Поссе 13 февраля 1900 года. П. IX, 54).

Отдельного разговора заслуживает редакторская работа Чехова. Она поучительна и ценна. Писатель правил рукописи, присылаемые из журналов, читал и выправлял опусы начинающих литераторов. Один молодой человек из Воронежа прислал ему рукопись романа листов в 40, мелко исписанных, и умолял прочесть и написать своё мнение. Другой, отставной полковник, принёс две рукописи в надежде на поддержку. Естественно, Чехов приходил в ужас от такой бесцеремонности, но прочитывал и просматривал, давал советы.

Тщательность и продуманность правки молодых авторов вызывают удивление и восхищение. Ю. Нагибин проанализировал исправление одного рассказа “Софка” пятнадцатилетней Елены Шавровой и отметил бережность обращения Чехова с незрелым опусом: “По-моему, небольшой рассказ Е. Шавровой с чеховской правкой должен изучаться молодыми редакторами, как солдаты изучают воинский устав боевой службы; что касается старых редакторов, то либо в них такое отношение к тексту уже выработалось всей долгой жизнью в своей профессии, либо не выработается никогда. Но, пожалуй, ещё важнее вникнуть в чеховскую правку самим пишущим, в первую голову, молодым. Научиться править себя – дело очень трудное, едва ли не более трудное, чем само писание”⁷⁷.

Чехов соглашался писать рассказы вместе со своим другом-писателем и издателем А. Сувориным. А кроме этого, активно участвовал в обсуждении

литературных мероприятий и планов собратьев по перу. Комментарии подобных встреч в письмах Чехова открывают эрудицию и профессиональную широту его мышления: “Был у меня Боборыкин. Он тоже мечтает. Говорил мне, что хочет он написать нечто вроде физиологии русского романа, его происхождение у нас и естественный ход развития. Пока он говорил, я никак не мог отрешиться от мысли, что вижу перед собой маньяка, но маньяка литературного, ставящего литературу паче всего в жизни. Я в Москве у себя так редко вижу настоящих литераторов, что разговор с Боборыкиным показался мне манной небесной, хотя в физиологию романа и естественный ход развития я не верю, т. е., может быть, и есть эта физиология в природе, но я не верю, чтобы при существующих методах можно было уловить её” (А. С. Суворину, 30 ноября 1891 года. П. IV, 307).

И далее Чехов не только ставит под сомнение подход исследователя к проблеме, но и высказывает своё понимание её сути: “Боборыкин отмахивается обеими руками от Гоголя и не хочет считать его родоначальником Тургенева, Гончарова, Толстого... Он ставит его особняком, вне русла, по которому тѣк русский роман. Ну, а я этого не понимаю. Коли уж становиться на точку естественного развития, то не только Гоголя, но даже собачий лай нельзя ставить вне русла, ибо всё в природе влияет одно на другое и даже то, что я сейчас чихнул, не останется без влияния на окружающую природу” (П. IV, 308). В конце 1891 года Чехов не раз встречался с П. Боборыкиным и обговаривал его замысел. Исследование по истории европейского романа П. Боборыкин написал позднее в 1900-х годах.

В отношениях с издателями и редакторами журналов Чехов был корректен и честен. Он не позволял себе вступать в рискованные мероприятия, в отношения, которые могли бы задеть его честь и независимость от общественных пристрастий и конфликтов.

Чехов не писал критических статей, не вёл дневников о своей работе. Поэтому так ценны советы и признания, которые он доверял близким, высказывал в письмах и отзывах о рукописях. Его замечания имеют не ситуативное назначение. Они содержат общие правила искусства слова, которые не ограничены во времени. Культура диалога писателя с деятелями искусства поучительна. Неизменное уважение, честность разговора, открытость для возражения, деликатность замечаний делали общение с Чеховым комфортным и профессионально ценным.

Конечно, советы любого классика – это не свод правил, гарантирующий успех литературного труда. Здесь многое зависит от таланта автора, его индивидуальности, эстетических предпочтений и многого другого. Но рекомендации Чехова – это ориентиры, которые позволяют избежать просчётов от несоблюдения выверенных открытий мастера слова. Кроме того, эти пожелания исходят от писателя рубежа XIX–XX веков, который вступал в новую художественную эпоху и формулировал требования, актуальные для будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Л. Е. Неуловимый Чехов: этюды о творчестве писателя. Воронеж, 2007.

² Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем в 30 тт. М., Наука, 1975–1977. Далее ссылки на это издание даны в скобках, где П. – письма. С. – сочинения, римская цифра – том, арабская – страница.

³ Щепкина-Куперник Т. Л. О Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., Художественная литература, 1986. С. 246.

⁴ Куприн А. И. Памяти Чехова // Там же. С. 531.

⁵ Русские писатели о литературном труде: Сборник в четырёх томах. Т. 3. Л., Советский писатель, 1955. С. 360. Далее сноски на это издание даны в тексте в скобках, обозначение названия – Р. П., том – римской цифрой, страница – арабской.

⁶ Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб, издательство “Независимая газета”, 2010. С. 354.

⁷ Нагибин Ю. Не чужое ремесло. М., Современник, 1983. С. 100.

ТАТЬЯНА НИКОЛЬСКАЯ

НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ

О “БОРИСЕ ГОДУНОВЕ”

Как бы ни развивалось искусство, какие бы направления ни состязались между собой, наивысшим образцом всё равно остаётся классика. В театре или кино даже самый безудержный экспериментатор мечтает обратиться именно к классическому произведению. Постановка или экранизация становится коллективным толкованием шедевра, где решающий голос, конечно, принадлежит режиссёру. А результат зависит не только от его таланта, профессионального опыта, но и от творческой мотивации. Если для одного режиссёра обращение к классике – сверхзадача, к которой он шёл, быть может, всю жизнь, то для другого – беспроектный способ привлечь внимание публики к себе, любимому, с помощью общепризнанного литературного “бренда”.

Когда-то, в далёком 1977 году проблема отношения к классике бурно обсуждалась на знаменитой дискуссии “Классика и мы”, состоявшейся в Центральном доме литераторов Москвы. С тех пор минули десятилетия, но высказанные тогда мнения ничуть не устарели, а сама тема в контексте современных реалий сделалась ещё актуальнее.

В полной мере это относится к экранизациям трагедии А. С. Пушкина “Борис Годунов”. В нашей стране их было всего две – снятые режиссёрами Сергеем Бондарчуком (“Мосфильм”, 1986) и Владимиром Мирзоевым (“Парсуна”, 2011). Вернее, полтора раза: второй фильм вовсе не о царе Борисе, хотя в нём и звучит пушкинский текст.

К этому скромному списку можно добавить кинопостановку народной музыкальной драмы М. П. Мусоргского “Борис Годунов” (“Мосфильм”, 1954), поскольку либретто написано на основе трагедии А. С. Пушкина. Правда, опера как самостоятельное произведение лишь отчасти может считаться экранизацией пьесы. Тем не менее, картина вызвала интерес не только любителей музыки, но и поклонников исторического жанра. Ведь в Советском Союзе фильмы о Средневековье снимались редко. Не случайно в популярной комедии Леонида Гайдая “Иван Васильевич меняет профессию” (“Мосфильм”, 1973) именно фильм-оперу “Борис Годунов” (сцену с возгласом “Да здравствует царь Борис Феодорович!”) наблюдал по телевизору Шурик, занимаясь уборкой комнаты. Он настолько погрузился в историю, что едва не затянул пылесосом домашнего кота.

Великая трагедия А. С. Пушкина, казалось бы, сама “просилась” на экран: переломная, полная драматизма эпоха, гениальная трактовка истории, динамичный сюжет, яркие характеры, многообразие сцен, в том числе массовых и батальных, предназначенных скорее для кино, чем для театра...

Единственная за всю советскую эпоху экранизация “Бориса Годунова” появилась уже на “закате социализма”, хотя куда менее примечательные литературные произведения (в основном, приключенческого и детективного жанра) экранизировались подчас неоднократно (например, вышло целых два фильма по повести А. Козачинского “Зелёный фургон”: один – в 1959 году, другой – в 1983-м). То ли режиссёры сами не решались обратиться к “Борису Годунову”, то ли их инициативы пресекались “сверху”...

1980-е годы стали временем взлёта массового интереса к русской истории. Насколько это было возможно в советских условиях, учёные, писатели, кинематографисты выражали свои взгляды на исторические события и процессы, нередко отличавшиеся от официальных концепций. В это время появился целый ряд фильмов исторического жанра: “Русь изначальная” режиссёра Г. Васильева (к/ст. им. М. Горького, 1985), “И на камнях растут деревья” С. Ростоцкого и К. Андерсена (СССР–Норвегия, 1985), “Даниил – князь Галицкий” Я. Лупия (Одесская к/ст., 1987), “Лермонтов” Н. Бурляева (“Мосфильм”, 1986) и другие.

К этой “плеяде” относится и “Борис Годунов”, снятый совместно кинематографистами нескольких стран (СССР–Чехословакия–Западный Берлин–Польша, 1986). Концепцию фильма определил постановщик и исполнитель главной роли Сергей Фёдорович Бондарчук (1920–1994) – выдающийся режиссёр и актёр, народный артист СССР, лауреат многих премий... Его режиссёрский дебют “Судьба человека” (“Мосфильм”, 1959) был признан шедевром мирового кинематографа, а киноэпопея “Война и мир” в 1969 году получила премию “Оскар” как лучший фильм на иностранном языке. Не удивительно, что премьера “Бориса Годунова” ожидалась зрителями с двойным интересом – и как первая кинопостановка великой трагедии, и как новая работа знаменитого режиссёра.

Правда, у С. Ф. Бондарчука имелись и оппоненты. Его критиковали за чрезмерно официозные “Красные колокола” (СССР–Мексика–Италия, 1982), за частое использование массовых сцен (поставленных, кстати, блестяще, что особенно заметно в наши дни, когда “живая” массовка повсеместно вытесняется компьютерной графикой)... Думается, у коллег Бондарчука имелись и другие претензии. Всё это, в сочетании с обострившейся на “заре перестройки” идеологической полемикой, способствовало неоднозначному общественному восприятию картины “Борис Годунов”. Несмотря на это, фильм имел успех и даже теперь, когда со дня премьеры минуло более 30 лет, привлекает внимание зрителей – в отличие от многих благополучно забытых “перестроечных” киносенсаций.

Действительно, “Борис Годунов”, снятый в духе традиционного реализма, обладает всеми качествами добротного исторического кино. Создатели фильма постарались не только показать трагедию первого в истории Руси избранного царя, но и детально воспроизвести эпоху начала XVII века. Сцены продуманы до мелочей – от мебели и костюмов до выражений лиц и движений персонажей (включая фигуры на заднем плане). Вот заснеженная Москва, прикрытые от холода деревянные клетки со львами... Пышное венчание Бориса на царство, яркие народные сцены.

В картине участвовали известные советские актёры: Анатолий Ромашин (Василий Шуйский), Анатолий Васильев (Пётр Басманов), Евгений Самойлов (Пимен), Георгий Бурков (Варлаам)... Запоминается и Валерий Стожож в роли князя Курбского (несколько лет спустя актёр замечательно сыграл полковника С. В. Зубатова в историческом телесериале Сергея Колосова “Раскол” (1993). А в одной из эпизодических ролей снялся немецкий журналист Норберт Кухинке, знакомый советским зрителям по фильму Георгия Данелии “Осенний марафон” (“Мосфильм”, 1979).

Царь Борис Годунов в исполнении С. Ф. Бондарчука, – богато одарённый человек, опытный и мудрый политик, заботливый муж и отец. Он, казалось бы, вполне заслуженно достиг высшей власти. Вместе с тем, с первых же кадров Борис словно сам не верит свершившемуся. Во время венчания на царство он не просто взволнован, а безрадостно напряжён, пугается неожиданно резкого звука как дурного знака. Эта напряжённость, сомнения в своих правах на престол не оставляют его и в дальнейшем. Задолго до появления Лжедмитрия Борис тревожится за будущее, обращается к колдунам, с горечью сетует на несправедливость “черни”, обвиняющей царя во всевозможных

преступлениях. И хотя большинство наветов являются лживыми, Борис не может восторжествовать “над тёмной клеветой” — именно потому, что на его совести действительно есть “единое пятно”.

Как и в пьесе, в фильме вина Бориса в смерти царевича Димитрия не подвергается сомнению. При этом эпизод рокового дня в Угличе показан скупо: трое убийц без лиц, видимые только со спины, быстро надвигаются на ребёнка. В другой сцене Димитрий чудится Борису в кремлёвских палатах.

Смутная угроза приближается с каждым эпизодом и, наконец, предстаёт перед царём в образе живого соперника. Григорий Отрепьев (актёр Александр Соловьёв) мечтает не столько о власти, сколько о яркой, интересной жизни. “Монах поневоле”, он равнодушен к духовным наставлениям Пимена, к его “завещанию” продолжить служение летописца, но жадно слушает его рассказ о Димитрии, в церкви робко любит Ксенией Годуновой... Страшные сны о собственной гибели (в фильме Григорий видит себя в царской одежде перед убийцами, ворвавшимися в палаты) не пугают его, а скорее, подстёгивают к действию.

Григорий Отрепьев не идёт ни в какое сравнение с умным, дальновидным Борисом Годуновым: ещё до бегства из Москвы он успевает разболтать о своём плане (“буду царём на Москве”); принимая католичество, обещает иезуитам, что вскоре его примеру последует вся Русь (пустая, волонтаристская болтовня)... Сила Лжедмитрия заключается не в его личных качествах, а в поддержке народа, отвернувшегося от своего царя. В картину добавлены безмолвные сцены, которые подчёркивают трагический разлом: торопливая панихида у длинного рва — общей могилы жертв голода; замороженное наблюдение москвичами таинственной кометы; пытки арестантов в застенке... Народ в фильме — не безликая “масса”, а самостоятельный персонаж, историческая личность, чей выбор, хотя и ошибочный, решил судьбу Руси и династии Годуновых.

Вместе с тем, растущую ненависть к Борису Годунову лишь отчасти можно назвать стихийной. В фильме присутствует неоднозначная тема “рукотворности” массовых движений. Народный ропот умело подогревается как “фрондой” из ближайшего окружения царя, так и зарубежными противниками Руси. Живым воплощением предательства является князь Василий Шуйский: в зависимости от положения Бориса, он то осторожно сплетничает о правителе, то изображает верного царского слугу, то активно плетёт заговор. Даже не зная исторических фактов, зритель может понять, что и в дальнейшем Шуйский не удержится от новых измен.

С другой стороны, в Речи Посполитой Лжедмитрий находит покровительство у врагов русского царя. Польские аристократы и служители иезуитского ордена со всех сторон окружают и опутывают новоявленного “царевича”, чтобы сделать его своим орудием. В Кракове за его первыми шагами к трону издали наблюдает некий монах, похожий на Игнатия Лойолу (основатель ордена иезуитов, умерший за полвека до событий), а в замке воеводы Мнишека “царевич” попадает под власть многоопытной Марины. Несмотря на легкомыслие, он и сам понимает свою недостойную роль (“Я Литву позвал на Русь”), но уже не в силах выйти из политической игры. Символичен эпизод (отсутствующий в пьесе), когда на балу у Мнишека избранным гостям подносится огромный торт в виде Московского Кремля. Лжедмитрий безжалостно режет на куски русскую церковку и почтительно подносит угощение хозяину замка.

Увы, С. Ф. Бондарчук не удержался от типичного для режиссёров соблазна, отдав роли Фёдора и Ксении Годуновых своим детям Фёдору и Елене Бондарчукам. Этот своеобразный “семейный подряд” вряд ли украсил картину. Молодые дебютанты выходят блёкло, тем более на фоне яркой игры отца. Впрочем, благодаря хорошей режиссуре, концепция образов передана верно. Царевич Фёдор — одарённый юноша, ещё не осознавший свою силу, тусующийся в тени отца-государя. Показывая начерченную им карту Руси, Фёдор держится скромно и почтительно, стараясь не обидеть своими знаниями и умениями менее образованного родителя. Только в сцене гибели Годуновых допускается серьёзный исторический и психологический просчёт. При виде убийц Фёдор отступает от них, прячась за спиной матери. В действительности 16-летний юноша бросился защищать мать и сестру, так что четверо взрослых убийц едва справились с ним.

К сожалению, несколько важных эпизодов подверглись сокращениям – причём не только сцена у фонтана с “неполиткорректной” для советско-польского фильма фразой Лжедмитрия: “И поляков безмозглых обманул”, но также разговор Григория с Пименом в келье Чудова монастыря, сцена в корчме... О причинах остаётся лишь гадать.

Несмотря на отдельные недостатки, картина С. Ф. Бондарчука заслуженно занимает место среди лучших отечественных экранизаций русской классики. Её ценность даже возросла после появления в 2011 году ещё одной кино-постановки “Бориса Годунова”. Режиссёр Владимир Мирзоев не стал озадачиваться реалиями XVII века, а перенёс действие пьесы в наши дни; и всё же на экране периодически мелькают фигуры, наряженные в стиле предреволюционных и революционных лет.

Такие приёмы вызывают неоднозначную реакцию, хотя сами по себе они легитимны и давно используются кинематографистами. В уже упомянутом фильме “Иван Васильевич меняет профессию” действие перенесено из 1930-х в 1970-е годы, а инженер Николай Тимофеев (герой пьесы М. А. Булгакова “Иван Васильевич”) преобразён во всенародно любимого Шурика. В “Покаянии” Тенгиза Абуладзе (Грузия-фильм, 1984) действие разворачивается вне времени, а советских арестантов сопровождают средневековые рыцари в латах.

Ещё чаще подобные приёмы практикуются в зарубежном кино. Так, в фильме “Сало, или 120 дней Содома” режиссёра Пьера Паоло Пазолини (Италия–Франция, 1975) по книге маркиза де Сада действие происходит в Италии в 1945 году, что придаёт картине антифашистское звучание. Фильм “Ромео + Джульетта” База Лурманна (США, 1996) является осовремененной версией знаменитой трагедии В. Шекспира. Не забыта и драма “Макбет”, имеющая по крайней мере несколько осовремененных киновариантов.

Можно по-разному оценивать эти фильмы, но там изменение исторического фона или смешение эпох не входят в противоречие ни с сюжетом, ни с образами персонажей. В одних случаях они вымышлены и не привязаны к конкретной эпохе (как, например, Ромео и Джульетта), в других – их статус адаптирован к современности, когда, например, Макбет борется не за королевский престол, а за успех в бизнесе. В “Покаянии” действие и вовсе оказывается фантазией героини.

Иначе происходит в фильме В. Мирзоева, где подлинные исторические личности и события перенесены в современную эпоху чисто автоматически: Борис Годунов, живя в XXI веке, является царём Руси, его сподвижники – боярами, а в каком качестве Польша (член НАТО) начинает войну с восточным соседом – и вовсе остаётся загадкой... Осовременивание сводится исключительно к внешним атрибутам: бар вместо корчмы, танк вместо лошади, использование мобильных телефонов, видеотехники, тренажёров и т. д.

Возможно, В. Мирзоев задумывал показать на основе бессмертной трагедии противоречия современной элиты, которая, минув эпоху подъёма, сразу перешла к быстрому вырождению и упадку, – как нравственному, так и умственному. Но при чём тут Борис Годунов и другие исторические личности? Ведь персонажи фильма, носящие их фамилии, не имеют с ними ни малейшего сходства. “Царь” Годунов лишён политической и личной судьбы. Это человек без прошлого, заскочивший во власть, словно чёртик из табакерки (чем же тогда помешал ему “царевич” Димитрий?). Да и по масштабу личности Годунов никакой не царь, пусть даже условного государства, а, скорее, глава мафиозного клана. Фальшиво, как некий “прикол”, звучит из его уст классический монолог про “совесть” и тяжесть шапки Мономаха (ни того, ни другого у героя в фильме нет и быть не может).

В фильме С. Ф. Бондарчука царь Борис, несмотря на “мальчишков кровавых”, до последней минуты сохраняет государственный ум и силу характера. У Мирзоева переживания Годунова относятся скорее к области психиатрии, чем к психологии. При первых же известиях о Самозванце Годунов начинает сходить с ума. Совсем скоро он выглядит “готовеньким” и вместо обсуждения государственных дел, к изумлению окружающих, “играет” с призраком Димитрия.

Под стать Годунову и его сын – самодовольный, глуповатый мажор. В начале фильма (сцена в кремлёвских палатах) он с отсутствующим видом играет с телефоном. Видимо, так авторы решили проиллюстрировать слова Бориса: “Ты с малых лет сидел со мною в Думе”. И если реальный Фёдор в 14-15 лет начертил карту Руси – шедевр картографии XVII века, позднее изданную

в Амстердаме, – то его “двойник” даже не пытается создать что-то талантливое и полезное: его карта – всего лишь дорогостоящая интерактивная игрушка из песка. Характерно, насколько по-разному в фильмах иллюстрируется фраза: “Царевич может знать, // Что ведаёт князь Шуйский”. У С. Бондарчука при этих словах из палаты послушно удаляется карлик-шут, у В. Мирзоева самодовольно ухмыляется мажор.

В целом игра актёров напомнила мне спектакль “Борис Годунов” в ленинградском Театре юных зрителей (конец 1970-х годов). Не знаю, было это изначально замыслом режиссёра или постановка со временем деградировала, но участники буквально измывались над пьесой: кричали дурацкими голосами, кривлялись (например, Лжедмитрий при словах: “Узреть твои царёвы ясны очи” – выпучивал глаза) и т. д. Замечу, что в спектакле играли неплохие актёры, поэтому пошлость была неожиданной и вызывала даже не протест, а скорее оторопь.

Нечто подобное получилось в мирзоевском фильме. Хотя ни в пьесе, ни в реальности Шуйский с Басмановым не тянут на положительных героев, всё же оба они были незаурядными государственными деятелями. Здесь же представители элиты выглядят как шуты, потешающие богатенького господина. На протяжении фильма они без усталости ёрничают, будто высмеивают самих себя. Слова про честь “для всей Руси”, про “бедствия народны” – явно не из их лексикона.

Немного последовательнее изображён Григорий Отрепьев, который без всякой сюжетной надобности сделан 35-летним: это авантюрист, на короткое время взлетевший ввысь и страдающий “головокружением от успехов”. Ради prolongирования своего короткого “праздника жизни” он готов обещать что угодно и кому угодно. Правда, людей, проявляющих к нему политический интерес, в фильме практически нет – ни военных советников из НАТО, ни, на худой конец, посла США... Одна Марина Мнишек хоть как-то пытается управлять Лжедмитрием. Но в фильме Бондарчука она – гордая, расчётливая и неглупая особа (этот образ талантливо воплотила польская актриса Адриана Беджиньская). Здесь же кандидатка в русские царицы сама не уверена в том, чего она хочет: осетрины с хреном или государственных реформ? Она требует “алмазный мой венец”, но не надевает его, объявляет Лжедмитрию, что до свержения Годунова не станет слушать его любовных речей, а в следующем кадре... легко отдаётся ему. Ни панской гордости, ни элементарного расчёта. Сама же сцена у фонтана эпигонски перенесена в бассейн (сразу вспоминается “Ромео + Джульетта”, где в бассейне происходит объяснение героев). Уж выбрали бы место пооригинальнее: каток для игры в кёрлинг, что ли...

Корчма (вернее, бар), куда зашли монахи с Григорием Отрепьевым, расположена на берегу обширного водоёма, границы которого скрыты в сумерках. Но если имеется в виду Балтийское море, то, выходя из Литвы, Григорий добирался до Литвы... через Калининград (плоховато у создателей фильма с географией). Вместо одной хозяйки посетителей обслуживают две барменши. При появлении дозора первая из них приветствует приставов по-русски, а вторая что-то бурчит по-литовски (пожалуй, лучший момент фильма). Но далее пристав задаёт вопрос о грамотности собеседников, и Варлаам читает царский указ по слогам. Это не противоречит пушкинскому тексту, но в современном интерьере выглядит нелепо. Варлаам и Григорий, судя по возрасту, учились в советской школе. Так с чего бы им быть неграмотными?

Войско Самозванца переходит границу Руси на единственном танке, видимо, символизирующем вооружение современной Польши. А в одной из следующей сцен вместо танка появляется бутафорская лошадь, над которой страдает Лжедмитрий, стилизованный под белогвардейца.

Князь Курбский произносит свой монолог, восстанавливая порушенный пограничный столб, – не то СССР, не то РФ (по цвету они идентичны). Если учесть, что войска Лжедмитрия пересекли границу Руси в районе города Моравска (ныне Черниговская область), то водружение пограничного столба РФ прямо посреди Украины выглядит довольно пикантно.

Но, пожалуй, самыми вздорными получились “народные” сцены. Они сводятся к периодическому появлению на экране двух квартир, чьи обитатели смотрят телевизор и “подают реплики”. При этом они почти непрерывно едят и пьют, что показывает экономическое благополучие Годуновской Руси и приличный уровень жизни народа. Ни голода, ни пожаров, ни массового

бегства на окраины, ни роста преступности, ни прочих бедствий. . . Думается, если бы в начале XVII века всё так и было, если бы все русские граждане имели приличное жильё (о чём и теперь миллионы людей лишь мечтают), хорошо оплачиваемую работу и материальный достаток, то вряд ли правление царя Бориса закончилось бы столь трагически.

Кому же в начале фильма люди демонстрируют лицемерные слёзы, если находятся у себя дома? В чём состоят “бедствия народны”, поминаемые Басмановым, если в стране всё хорошо? И каким-таким “мнением народным” силён Лжедмитрий, если за весь фильм никто не сделал ради него ни одного движения (да и незачем. . .)? Где, наконец, “мужик на амвоне”, чей возглас стал началом мятежа в Москве и решил участь Годуновых?.. На худой конец, показали бы телевизор с уличными выступлениями – шествием оппозиции или пикетами: “Годунов, уходи!”... Из квартирных эпизодов можно понять лишь одно: русский народ для авторов – нечто неприятное и неинтересное. Ради “счастья” лишний раз пнуть его авторы не пощадили и собственный фильм, сделав бессмысленными ключевые сцены.

Складывается впечатление, что создатели фильма абсолютно безразличны к личности Бориса Годунова, к истории России, средневековой и современной, а гениальное произведение – для них всего лишь литературное сырьё, материал для самоутверждения. Что же касается отношения к зрителю, то фильм, вероятно, рассчитан на амбициозную, но невежественную аудиторию, не способную понять трагедию А. С. Пушкина без показа мобильных и телевизоров.

К своему удивлению, в интернете я нашла положительные рецензии на мирзоевского “Бориса Годунова”. Впрочем, дивиться нечему – ведь полный антиисторизм и презрение к русскому народу, включая самоненависть, по сути, становятся современной идеологией, причём весьма агрессивной. . . А вот народ, насколько можно понять, проголосовал против фильма “ногами” или, в данном случае, “глазами”. “Шедевр” 2011 года выпуска успел устареть, так и не замеченный зрителями.

Сравнение двух экранизаций “Бориса Годунова” свидетельствует отнюдь не в пользу современного российского кино. Ситуацию не исправил и недавний сериал “Годунов” (“Москино”, 2018), избилующий историческими “вольностями”, перечислять которые скучно и бессмысленно. Фактически на экране не действуют современные люди в театральных костюмах, жертвы ЕГЭ, не знающие русской истории, не понимающие психологии своих героев. Например, возвышение Бориса Годунова объясняется. . . манипуляциями его жены, Марии Скуратовой, которая использует примитивные бабы уловки: не сделаешь, как я скажу, – не пушу в постель. Судя по увлечению “гендерными” версиями (вспоминаются также сериалы “София” и “Золотая Орда”), нашим киношникам не дают покоя лавры создателей турецкого сериала “Великолепный век”, где в центре сюжета – женщины, обитательницы гарема. Однако “Великолепный век” намного превосходит упомянутые российские киноподелки – и по степени историзма, и по художественным качествам, и по яркости образов. Тогда как герой сериала “Годунов” в исполнении Сергея Безрукова изображён недалёким, безвольным подкаблучником, каким царь Борис Годунов никогда не был.

Глубина трагедии А. С. Пушкина остаётся неисчерпаемой, а фильмы о русской истории по-прежнему востребованы зрителями. Надеюсь, в России всё же появится современная (а не осовремененная) экранизация “Бориса Годунова” – картина, достойная первоисточника, о которой народ не будет безмолвствовать.

АНАТОЛИЙ ПОБАЧЕНКО

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДВИГ ЮРИЯ КЛЮЧНИКОВА

Духовный проект Юрия Ключникова – перевод великой всемирной поэзии на русский язык – был задуман в молодые годы, когда он изучал иностранный язык, совершенствовался и рос как поэт в России, видел не только поэзию европейскую, но и суфийскую, и китайскую.

Уже в первой половине XX века в русской поэтической традиции сложились две различные школы перевода. Одна стремилась точно передать текст оригинала, неукоснительно следовать ему, не отклоняясь от подстрочника в передаче даже оттенков смысла. Другая исходила из того, чтобы “при переводе возникли хорошие русские стихи” (В. Левик) и создавалось целостное видение истории. Согласно этой традиции требовалось передать дух стихотворения. В этом случае нет нужды искать буквальной точности. По мнению Станислава Джимбинова, Юрий Ключников относится ко второму направлению. Он не только владеет мастерством поэтического слова, но и умеет выразить ясный смысл с учётом национальных особенностей стиха.

Ещё Пётр I решительно высказывался о понятиях, которые не значились в русском языке, указывая переводчикам, что “должно писать внятнее”. Со времён Радищева и Тредиаковского русские литераторы набирались опыта и совершенствовались в переводах, искали пути переноса иностранных произведений на русскую почву. Многие прекрасно изъяснялись на французском языке, но по-русски не умели писать или писали коряво, однако свободно общались на простонародном языке, используя в полной мере остроту и выразительность русской речи. Переводить ли слово в слово, строить фразу так, как у иноязычного автора, строго придерживаясь размера и строфики оригинала? Или, выдерживая форму текста, искать национальные особенности и создавать новое произведение, внося в него энергию, дух, художественное своеобразие русского языка?

Виссарион Белинский постоянно повторял, что близость к подлиннику заключается в передаче “не буквы, а духа создания”. Эстетическая и художественная формулы даны на века Пушкиным: “Истинный вкус состоит не в безотчётном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности”. Чудо поэзии возникает тогда, когда сохраняется характер взаимосвязей “союза волшебных звуков, чувств и дум”.

Примеры знаменательны: поэтический перевод Тредиаковским романа Фенелона “Похождение Телемака”; переводы Шиллера, Байрона, Гёте Жуковским; включение собственных сочинений (песни Мери и Председателя)

Пушкиным в перевод Джона Вильсона “Чумной город”, песен западных славян (использование троихеического десятирца: “Два дубочка вырастали рядом...”). Вольность допускалась и при переводе античных авторов, в подражаниях Мицкевичу, вплоть до замены названия баллады (“Воевода”).

Кто спорадически, кто постоянно после “пушкинской поры” перевоплощал на русский язык произведения мировой поэзии: Лермонтов, Тютчев, Фет, Майков, Мей, Плещеев, Михайлов, Курочкин... Имена многих поэтов-переводчиков хронологически близки нам: Блок, Маршак, Пастернак, Шервинский. Идеи “всемирной литературы”, выдвинутые ещё Гёте в последние годы жизни, продолжают жить и сегодня. Актуальны для нашего времени слова Гёте: “...что бы ни говорили о несостоятельности переводческого труда, он всегда был и будет одним из важнейших и достойнейших дел, связующих воедино вселенную”.

Институт перевода поэзии почти рухнул, поэтому ценна любая попытка пойти против течения и вернуть русской поэзии перевод, возможность диалога с другими культурами и странами. Русский поэт Ю. М. Ключников, живущий в Новосибирске, вот уже несколько лет в одиночку осуществляет свой проект сближения великих культур и единения народов. Он неустанно ведёт подвижническую деятельность, внося немалую лепту в общее дело.

В сборнике стихов “Дом и дым: лирические итоги” Юрия Ключникова были опубликованы некоторые переводы с французского, что стало началом воплощения огромного замысла: найти общие корни великих творений. По мере углубления в стихию поэзии Франции поэт постепенно убедился в необходимости панорамного обзора лирики от трубадуров до современных модернистов. Период в восемь веков стал толчком, разгоном для мощного корабля — одному создать антологию французских поэтов с XII до XXI века. Это вдохновило Юрия Ключникова на освоение мировой поэзии не только Европы, но и Азии, Америки, у него возникло желание приблизить её к русскому человеку, показать богатство и единство великих культур. Образцом для автора явилась переводческая деятельность Пушкина, его неоспоримая точность в передаче смысла слова, удивительное проникновение в ткань стиха.

Меньше всего Юрия Ключникова интересует формальное изящество стиха: “Окунувшись в стихию французской поэзии, ярко явившейся ещё в XII веке, я убедился, как напряжённо билось духовное сердце Франции во все века”. Критерием для него становится *“Мне важно из безмолвного былого // Извлечь живую суть живой души”*.

В новом сборнике “Откуда ты приходишь, красота?”, выпущенном в 2014 году, в три раза расширена подборка поэтов Франции, даны биографии 57 поэтов, более 250 стихотворений. Название сборника, кстати, взято из Бодлера, что весьма символично. Работа началась ещё в 1960-е годы, когда автор, изучив самостоятельно французский, стал переводить символистов. Переводчик, используя оригиналы, исходил из того, что современной России важно на своём родном языке почувствовать то, о чём думали, мечтали, чем были взволнованы люди другой культуры. Поэтому Ключников даёт широкую картину творческих исканий Франции, дополняет стихи развёрнутыми эссе о личностях поэтов, подчёркивая родство великих культур.

Переводчиком двигало стремление дать новый взгляд русского человека на поэтов Запада, избежать “тёмных” мест верлибра (Малларме, Валери), сохранить главный смысл авторского стиха, основные образы, внутренний настрой, гибкую эмоцию строф. Ключников практически во всех стихах использовал рифму, избегал формы верлибра (хотя поэты Франции обращались к ней в связи с особенностями языка).

Отвергать и игнорировать свободный размер стиха невозможно. О его появлении в русской поэзии говорил Пушкин, использовали в своём творчестве Фет, Блок. Засилье свободного размера наблюдалось у поэтов конца XX века, особенно у тех, кто не знал классику и не способен был овладеть рифмой. “Вперёд к классике”, — вот девиз Юрия Ключникова, и он ему неизменно верен. Лев Аннинский справедливо и точно заметил основное в творческом пути поэта: “Тысячи своих строк он выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившись ни на какие авангардные уловки”. Поэт Ключников, в первую очередь, — яркий мыслитель, блестящий стилист, стихотворец, несущий знамя классики в новое время, а во вторую — писатель, свободно владеющий полифонией русской речи.

Завершая переводы поэтов Франции, он воспевает самую дорогую ценность, в которой мы едины с нашими собратьями по перу – свободу. Не только свободу от любых форм внешней зависимости, но и свободу пушкинскую, “тайную”, свободу от денег, пошлости, себялюбия, ненависти. Поэты “глубокой лирики”, верующие, непрерывно растущие в духе и способные к раскаянию, патриоты своей родины, интересны стихотворцу. Чувство ответственности перед Францией звучит в словах Гийома Аполлинера: “Все мы сегодня в великом долгу перед судьбой нашей Франции милой”. Поэтому резонанс для нас вопрос русского поэта: “Много ли сегодня среди российских деятелей культуры тех, кто мыслит так, а не выставляет возрастающий счёт государству за обиды или недополученность чего-то?!”

Юрий Ключников – певец русской традиции, но одновременно и восточник. Он совершил шесть путешествий по Индии, встречался с мудрецами в ашрамах. Об этом книга “Я в Индии искал Россию. Странствия по Ариаварте”. Следующий же сборник вольных переводов и подражаний (особое внимание обратите на определение) суфийской поэзии “Караван вечности”, выпущенный в 2016 году, включает в себя более 500 стихотворений выдающихся суфийских поэтов и мудрецов средневекового Ирана, Турции, Средней Азии, Индии с VIII по XX век. Они писали преимущественно на фарси, частично на арабском и тюркских языках. Почему Ключников обратился к суфийской поэзии? Первое и главное – любовь к Востоку! Лучше всего о причинах этого сказал сам поэт: “Сейчас внимание к исламу приковано, главным образом, в политическом и военном смысле. В наши дни слово “халифат” часто звучит как синоним надругательства над этими заветами. Но было время, когда Арабский халифат территориально простирался от юга Европы до Китая, а культура ислама была высокоразвитой и блистательной. Она дала мощный толчок развитию европейской литературы, медицины, астрономии, математики и даже христианского богословия. Имена Омара Хайяма, Фирдуси, Авиценны, Хафиза, Руми служат до сих пор объектом мирового почитания”.

Великолепно и сегодня звучит Омар Хайям в переложении поэта:

*Не со всяким делись затрапезным вином.
Пей с подругой, с дружкой, даже с мудрым врагом.
Если нет ни того, ни другого, ни третьей,
Пей с четвёртым — со знающим меру умом.*

Или в иной форме (афоризмы) разных суфийских орденов:

*Мы не учёные сегодняшнего мира.
Мы — из безвременных миров и из эфира.*

* * *

*Когда вам кажется, что суфий говорит не то,
Вам истины его не сообщит никто.*

Подлинный ислам никогда не проповедовал ни терроризма, ни вандализма. Более того, джихад как борьба с невежеством трактуется в официальном шариате, прежде всего, как усилие по уничтожению неверия в себе, по ликвидации собственного невежества, пороков и недостатков личности.

В сборнике стихов и переводов “Душа моя, поднимем паруса!” помещено избранное творчество поэта за сорок пять лет (с 1970 по 2015 годы). Здесь появляются поэмы по легендам Востока – “Ковры”, “Золотое озеро”, “Певец и хан”, – а также впервые публикуются подражания персидской (суфийской) поэзии. Обращение переводчика к суфийской поэзии закономерно. С караваном поэтов Азии он пришёл в XXI век, за что ему благодарны современники. Имея богатую и древнюю историю, восточная культура своей магической красотой, своеобразной формой благотворно повлияла на европейскую литературу.

Культура восточной поэзии пробудила в трубадурах Прованса жажду творчества, направила стихосложение европейцев на новый виток развития. Первый сонет был написан в Сицилии юристом Джакомо да Лентини примерно между 1230 и 1240 годом и затем распространился по Европе.

Многое говорит о том, что сонет как поэтическая форма возник в среде провансальских трубадуров, песни которых навеяны Средневековьем не только Европы, но и Востока. Восточная газель, можно думать, произвела неизгладимое впечатление на творчество европейцев своей изящностью, напевностью. Газель превратилась в средневековую форму сонета по ряду значимых элементов. Она состоит из 3–14 бейтов (двустуший), обычно 7 бейтов, то есть 14 строк. Для газели характерна восточная пышность, яркая образность, метафоричность, в ней нет развитой фабулы, образной динамики. В этой форме отражена мощная традиция восточной поэзии. Влияние её на поэтов Европы несомненно.

В одной из двух сохранившихся временем газелей азербайджанского поэта Гасан-Оглы Иззеддина (конец XIII – начало XIV века) – 14 строк (7 бейтов): “И душу выпила мою животворящая луна!” (перевод П. Антокольского). Многие стихи-газели Алишера Навои состоят из 14 строк: “Встречай вином и вечер, и восход...” (пер. С. Иванова), “Ветер утра! Всё любимой, чем душа полна, – скажу...”, “В ту ночь моей печали вздох весь мир бы мог свести на нет...” и другие. Учителем Навои был великий Джами. Своеобразна и интересна форма строк и стоп (мусаббе – это семистопие). На венки сонетов, сложнейшую форму, возможно, также повлияли газели, так как в восточных диванах (сборниках стихов) они собирались не только в алфавитном порядке, но и в виде венка, когда последняя буква предыдущей газели становилась первой буквой следующей, а у европейцев переносились без изменения строки.

В отличие от французских переводов, где автор имел дело с оригиналом, суфийская антология создавалась иначе: работа с подстрочником, изучение переводов других авторов, комментарии русских и зарубежных востоковедов, прослушивание аудиозаписей, исследование особенностей исторических условий, использование опыта предшественников. Прибегая к формам русской классики, поэт “уходил в мысленное погружение, пытаясь почувствовать, что хотел выразить автор”. От Рабии до Хомейни, до притч Ходжи Насреддина Ключников предлагает своё восприятие поэзии Востока.

Сборник стихов “Поднебесная хризантема” (2018) – часть большого литературного и культурного проекта Юрия Ключникова. Изучая, в частности, китайскую поэзию, он столкнулся не только с особенностями этой древней культуры, но и с авторитетным мнением китаеведов (например, с мнением В. М. Алексеева), что поэзию китайцев желательно переводить белыми стихами. Однако переводчиком двигало острое желание продолжить традицию русской классики: при вольных переводах (а эта “вольность” неизбежна, так как поэт не знает языка) не только учитывать верность букве (знаку), но и следовать красоте духа и образов. Ключников убеждён, что без русификации китайской поэзии не обойтись. Показательны в этом плане переводы Л. З. Эйдлина, который довёл до совершенства свой метод (используя ударные слова, цезуры). Разное поэтическое мышление можно увидеть при переводе “Персикового источника” Тао Юаньмина на русский язык Л. Эйдлиным и Ю. Ключниковым: точный подстрочник, сохранение имён и топонимии, простота и приземлённость строк одного и мотив общемировой легенды-мечты о Беловодье (на Руси) и Шамбале (на Востоке), ясность смысла, чёткий ритм стиха, рифма, уход от имён – другого. Но тем-то и интересен для русского читателя великий китайский поэт, что его и читать, и понимать можно по-разному.

Осознавая ответственность переводчика, Ключников совершил огромную работу по интерпретации “пресных” китайских стихов. На первый взгляд, они просты, в них почти одни и те же пейзажные образы: луна, река, лодка, известные, казалось бы нам, цветы, растения, но внутренняя сущность глубоко скрыта за сложнейшими ассоциациями. Дети в Китае зубрили священные тексты (на уроках стоял страшный шум!), знали источники наизусть, и эти каноны передавались из поколения в поколение.

Китайская поэзия кратка, расширять перевод, включая в него собственные объяснения, нет необходимости. Интересно, что переводчики В. Егорьев и В. Марков, подготовившие “Свирель Китая”, первый сборник китайской поэзии на русском языке (он вышел в начале XX века), примерно так и действовали: китайское стихотворение в двадцать иероглифов превращали в короткую поэму на сто с лишним слов, что ни к чему хорошему не привело. Недаром говорят, что сердце мудреца и, следовательно, сердце поэта должно быть, как остывший пепел...

Перевод – труд сложный и неблагодарный, никогда нельзя предсказать результат. Японцы, например, нашли замечательный выход: они любое произведение, даже очень пространное, переводят много раз. “Евгения Онегина” А. С. Пушкина китайцы пытались переводить, но всё же в произведении есть такие моменты, которые сложно понять иностранцу. В традиционном Китае бытовали иные взаимоотношения между мужчиной и женщиной, потому конфликт произведения оказался за гранью понимания китайского читателя. Замечания и рассуждения многих учёных-китаеведов поучительны для переводчиков, они ещё раз говорят о сложности переводческой и одновременно поэтической работы.

В современном мире интерес к китайской культуре, а в частности, и к китайской литературе, бесспорен. Это связано, с одной стороны, с геополитическими реалиями, а с другой – с некой “экзотичностью” восточной культуры.

Проблема для поэта-переводчика – в самой “китайской грамоте”, содержащей непривычные нашему глазу иероглифы. Иероглиф – это знак, записывающий слог китайского языка, который к тому же обозначает предмет или понятие. Перевод незнакомого китайского слова можно осуществить путём перевода его составных частей – иероглифов, но его прочтение необходимо запомнить отдельно.

Особой трудностью при переводе является “историзм” страны, что в каждом случае индивидуально. Китайская империя, одна из древнейших цивилизаций, на протяжении всего своего существования отличалась ярко выраженной самодостаточностью (китайский гегемонизм) и не стремилась к культурным заимствованиям. Не наблюдалось также и стремления распространять свою культуру. Изучение исторических и легендарных литературных персонажей сильно усложняет работу переводчика.

В русском языке глаголы имеют грамматическую категорию лица, выделяются личные и безличные глаголы. В китайском данная категория отсутствует, один китайский глагол соответствует двум, а то и более, русским глаголам: личному и безличному.

Следующая трудность перевода – многозначность слов. Одно слово в китайском языке может иметь несколько значений в зависимости от интонации, с которой оно произносится. Интонация состоит из четырёх видов: ровная, восходящая, нисходящая и отрывистая.

В русском языке разным частям речи присущи определённые морфологические показатели, а в китайском языке таких показателей практически нет. Поэтому одно и то же китайское слово в русском языке может быть одновременно и существительным, и прилагательным, и глаголом, обозначающим предмет, и признак, и действие. Таковы в общих чертах проблемы, с которыми встречаются поэты-переводчики. С ними столкнулся и Юрий Ключников.

У любой грамматики свои сложности. Свои проблемы создаёт и сам язык. Но чем отдалённей он, тем заманчивей и привлекательней. Всё, что было сказано о переводах с китайского языка, характерно в той или иной мере и для переводов с других языков.

Возьмём английский язык. В нём преобладают мужская рифма (в русском стихе равновесны мужские и женские окончания), односложные слова, более длинные строки, чем в русском, возможно появление хорей посреди ямба, пропуск ударения на последней стопе. То же в армянской и тюркской поэзии, но по другой причине: в этих языках ударение фиксировано на последнем слоге; в связи с установленным ударением в языке женские окончания господствуют в итальянской, испанской и польской поэзии.

Во французской поэзии также примерно поровну мужских и женских окончаний, но нет дактилических; немецкая поэзия по распределению окончаний близка к русской (но в ней дактилические окончания традиционно рифмуются с мужскими благодаря побочным ударениям). Такое многообразие фонетики привело к тому, что в английской поэзии, к примеру, естественным для слуха является употребление сплошных мужских рифм, в итальянской – сплошных женских рифм, а во французской – чередование мужских и женских рифм, названное альтернансом и возведённое там в ранг незыблемого закона.

Строго говоря, правило альтернанса означает: нерифмующиеся стихи с одинаковым окончанием не могут стоять рядом. Однако самым распространённым видом альтернанса в русской поэзии является именно чередование мужских и женских клаузул, причём с абсолютным преобладанием схемы

ЖМЖМ (мужская рифма в конце строфы подчёркивает законченность мысли).

Эти закономерности различных языков должны учитываться переводчиками при передаче звучания оригинального стихотворения. Но требование альтернанса в русской поэзии не является законом и может нарушаться для создания разнообразных стилистических эффектов. Например, Жуковский перевёл “Шильонского узника” Байрона мужскими рифмами, создав новый 4-стопный русский ямб – отрывистый, твёрдый и сильный, ставший знаком романтического стиля. Пушкин, переводя “Будрыс и его сыновья” Мицкевича, воспроизвёл сплошные женские рифмы оригинала.

Есть разница традиций, например, влияние на метрику пятистопного ямба французской и итальянской системы. Русская складывалась позднее под воздействием французского и немецкого стиха. Каждый язык имеет свой ритмический материал и свою систему. А факт международного обмена может содействовать сближению, но никогда не сотрёт различий. Отсюда поэзия русская, английская, китайская... Русский ямб менялся, наполнялся своеобразием и получал полную свободу в поэзии А. С. Пушкина.

После китайской поэзии Юрий Ключников перешёл к новой ступени – переводам сонетов Шекспира. Поэт считает, что всё становится на свои места, если предположить в авторе сонетов не только величайшего писателя, но и одного из духовных учителей человечества, такого, как Лао-цзы, Конфуций, Платон, Толстой, Достоевский. Ни один из этих авторов не укладывается в рамки какой-либо литературной, философской школы или религиозной конфессии. Так и сонеты Шекспира. В них можно найти философские идеи, близкие, с одной стороны, христианству и буддизму, с другой – присутствующим мысли, навеянные, скажем, “Бхагавадгитой”.

Но как такое могло случиться, если “Гита”, священный источник индуизма, был опубликован в Англии много лет спустя после Шекспира? Ответ только один: “Друг” обладал и теперь обладает средствами передачи информации куда более совершенными, чем даже нынешние печать, радио и телевидение. Английский гений об этих информационных возможностях Всевышнего отзывался так: “Есть много, друг Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам”. На Востоке это называют “прямым постижением”, на сегодняшнем Западе – малопонятным словечком “интуиция”.

При поэтическом переложении сонетов Шекспира Ключников широко пользовался их великолепным прозаическим переводом на русский язык А. С. Шаракшанэ. Это исключительно добросовестная работа, где для передачи сути сонетов Шекспира возможности русского языка использованы максимально. У Шаракшанэ Шекспир – это человек в высшей степени религиозный и одновременно воспринимающий Бога через Высшее личное начало, сформулированное словами Иисуса Христа: “Я есмь Путь и Истина, и Жизнь”. По мнению переводчика, главное в высказывании: “я” каждого без исключения человека и есть его путь к Истине; чем больше “я” (не в смысле большего эгоизма, а в смысле больше его сознания, мудрости), тем шире и глубже путь. И наоборот.

Может возникнуть вопрос: зачем Юрий Ключников взялся за Шекспира? Есть же общепризнанные образцы переводов в исполнении С. Я. Маршака. Осознавая, что эти переводы – эталон простоты и красоты, Ключников полагает, что Маршак переводил в те времена, когда всякие упоминания о Боге были не допустимы. Стихи же великого англосакса проникнуты высоким пафосом и содержат такие образы, что не оставляет ни малейшего сомнения, кого имел в виду автор под словом “Друг”. Самуил Яковлевич же поступил просто – он перевёл “Друга” в разряд людей и снабдил полом. Как известно, 126 сонетов из 154 посвящены мужчине, 26 стихотворений – женщине (“смуглой леди”) и два последних – Любви как таковой. Переводы получились прекрасные, но даже поклонники и друзья Маршака заявили, что “русский Шекспир” у него заговорил языком хорошего советского поэта. Кроме того, все “мужские” сонеты Самуил Яковлевич прямо переадресовал “смуглой леди”, и получились добротные традиционные стихи о любви.

Взявшись за такой масштабный проект, как ознакомление русского читателя с лучшими образцами мировой поэзии в сочетании с философской мыслью, Ключников, безусловно, рисковал. Но тот, кто всё-таки решается выполнить задуманное, становится проводником истины бытия в мир сущего

и “собирает” это сущее к подлинности его бытия. В чём сила поэзии Юрия Ключникова? В утверждении бессмертия классических традиций в современной поэзии, неисчерпаемости силлаботоники, в возможности каждому истинному и ответственному поэту внести свой вклад в удержание литературы от распада и забвения, чтобы помнил добро “всяк сущий в ней язык”. Примечательна роль личности поэта, его вера в могущество слова, поразительна убежденность в правоте своего дела, способного сблизить великие культуры мира и сохранить их.

Многие критики и учёные, говоря о Ю. М. Ключникове, подчёркивают ту или иную особенность поэта. Вадим Кожинов отмечает “ясность поэтической воли”, Сергей Куняев – “высоту духа”, “несгибаемость, гармонию души и мира, абсолютный лад с самим с собой”. Он пишет, что стих Ключникова – “прямо и точно, как стрела”, “прозрачен, как ключевая вода”, “прост, как правда”. Сейдахмет Куттыкадам говорит, что поэзия Юрия Ключникова произвела на него большое впечатление своим классическим русским стилем и выстраданностью, а стихи “точно передают восточные особенности мысли, языка и стихосложения, а самое главное – мудрость”. Станислав Джимбинов убеждён в значимости работы Юрия Ключникова: “Такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас не было ни до, ни после революции”.

Тяготение к познанию чужих культур – в русской традиции. Это, если хотите, проявление всемирной отзывчивости нашего национального характера, который может забрести в иную культуру, но, когда вернётся, то обогатит собственную культуру новыми смыслами. В переводческой деятельности такое тяготение составляет суть профессии, но в русской литературе встречается не всегда. Тем не менее, когда настоящий поэт переводит настоящих поэтов, то это интересно вдвойне.

Переводя тексты лучших поэтов двух восточных и двух западных поэтических культур, сибирский литератор думал, прежде всего, о России, которая может получить новые импульсы для развития, если усвоит лучшее, что создано в мире. Это не уход от русской темы, а её обогащение.

В своё время, издавая книгу поэтических переводов, замечательный русский поэт Юрий Кузнецов дал сборнику неслучайное название – “Пересаженные цветы”. Убеждён, что эти пересаженные восточные и западные цветы-стихи будут цвести в саду русской литературы очень долго, услаждая читателей своим тонким ароматом.

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО

ВЕЧНЫЕ СЛОВА

Певец вологодского слова

Вышла новая книга-монография Л. Г. Яцкевич “Православное слово в творчестве вологодских писателей”. Людмилу Григорьевну, её исследовательские работы по краеведению и русской словесности, а также прозаические труды хорошо знают в научных и писательских кругах. Она доктор филологических наук, профессор, автор двухсот публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти книг: “Русское формообразование”, “Структура поэтического текста”, “Поэтическое слово Николая Клюева” и др. Подготовила и издала словарь “Народное слово в произведениях В. И. Белова” (2004), участвовала в составлении “Словаря вологодских говоров”, школьных словарей “Вологодское словечко” и “Золотые россыпи”, “Поэтического словаря Николая Клюева”.

Член Союза писателей России, публиковалась в журналах “Вологодский лад”, “Берега”, “Родная Кубань”, на сайтах “Вологодский литератор”, “Русская народная линия”, “Российский писатель”, “День литературы”. Автор художественных произведений: сборника рассказов “Вологодская нива” (2004), небольших повестей “Поэт и блаженный” (2017), “А я всё живу... Повесть о жизни Григория Кононовича Лавреги, рассказанная им самим” (журнал “Берега”, 2019, № 3), “Детство на Шексне” (2017–2019, сайт “Вологодский литератор”). Опубликовала книгу о череповецком поэте, погибшем под Ленинградом в 1943 году: “Владимир Калачёв. Стихи. Письма. Воспоминания” / Составитель Л. Г. Калачёва (Яцкевич). – Вологда, 2007. – 184 с.

Светлые думы

И вот я держу в руках красивый, объёмный, почти 400-страничный том. Он поражает композицией и Светом Православия в творчестве вологодских авторов, имеющих разный духовный опыт и разный стилистический почерк. Л. Г. Яцкевич обращается к произведениям таких писателей, как Константин Батюшков, Николай Клюев, Алексей Ганин, Василий Белов, Александр Романов, Николай Рубцов, Виктор Коротаев, Ольга Фокина, Михаил Карачёв, Александр Цыганов, Николай Устюжанин, Алексей Шадрин, Александр Пошехонов, Наталия Сидорова, Юрий Максин, Андрей Лушников, и некоторых других. Автор прибегает к духовной поддержке святителей Тихона Задонского и Игнатия Брянчанинова, которые тоже родились на Русском Севере. Светлые думы, воплощённые в благодатном слове писателей Вологодского края, привлекают читателя.

Как отмечает автор книги “Православное слово...”, ещё в 1855 году после паломничества по вологодским и белозерским местам писатель Андрей Николаевич Муравьёв назвал свою книгу о Вологодчине “Русская Фиваида на Севере”. Намоленность северной земли и посеянные в ней зёрна христианского духа мы ощущаем и сегодня.

Свет православной веры воплотился в художественных образах и поэтических символах в произведениях вологодских мастеров слова, а Людмила Яцкевич рассматривает их творчество с точки зрения православной этики и эстетики, строит книгу на основе ключевых понятий: вера, истина, любовь, терпение, красота, молитва, радость, грусть, слово, покаяние, соборность. Каждое из этих слов, вечных спутников жизни русского человека, стало названием отдельной главы.

Слова роднящие

В мире, где каждый день СМИ приносят в нашу жизнь негатив (слова “грабёж, воровство, падение нравов”), так отраднo открыть книгу Людмилы Григорьевны и напитаться благодатью, наполнить своё сознание очищающими словами, как написал Юрий Максин:

*Немного в целом Мире вечных слов,
ваяющих сознание народа:
Любовь, Семья, Отечество, Природа,
Надежда, Вера и опять Любовь.
Они роднят и очищают кровь.*

“Имеют ли право писать о Православии не святые и не богословы?” – задаётся вопросом автор книги. Можно ли писать об истине, “не ведая истины”? Конечно, нет. Однако православный дух пронизывает русскую литературу и приближает её к истине. “Духовный опыт, – пишет Людмила Яцкевич, – связан с умением созерцать, то есть видеть мир в органическом единстве, в центре которого – Бог”. Для художественного созерцания писателям необходимо творческое безмолвие, о котором поэт Юрий Кузнецов сказал: “оча-ми духа светит щит молчанья”.

Святая Русь

“Россия, Русь! Храни себя, храни!” – завещал нам вологодский и мировой величины поэт Николай Рубцов. Святое близко стоит к Священному, о чём много думал Николай Клюев, пытаясь разбудить “духовных слепцов”. Людмила Григорьевна сожалеет, что некоторые современные писатели и читатели утратили священные начала жизни. Она опирается на размышления философа И. А. Ильина о том, что духовная рана современной культуры – утрата священного. Часть человечества пыталась “создать культуру без веры, без сердца, без созерцания, без совести, и ныне она переживает своё крушение и бессилие”. Путь к священным истокам требует духовного мужества.

“Нерукотворную Россию... свидетельствую, братья, вам”, – писал Николай Клюев. Нерукотворную – значит, святую. Поэт говорил: “Узнал я, что существует тайная, скрытая от гордых взоров иерархия, церковь невидимая, Святая Русь... Есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога, раскрытия красоты лика Божьего”.

Неслучайно Николай Гумилёв сказал о Клюеве: “Славянское ощущение светлого равенства всех людей и византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге”.

А Клюев как будто писал для нас, сегодняшних:

*Сгинь, Запад, — змея и блудница.
Наш суженый — отрок Восток...*

*Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный железный край!*

Слепцы, различаете небо восточное..?

Постижение Божьей правды

Слов “Святая Русь” почти не встретишь у вологодских поэтов, вместе с тем они относятся к Отечеству как к святыне, отмечает автор исследования.

Белый храм как священный образ России мы встречаем у дореволюционного писателя Никона Рождественского, епископа Вологодского, у поэтов Виктора Коротаяева и Николая Рубцова. Вот как говорил о Ферапонтове монастыре Николай Рубцов: “И казалась мне эта деревня // чем-то самым святым на земле”. А вот его поэтические строки о святыне Вологды:

*Красотою древнерусской
Обновился городок.
Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.*

Лики святой Руси просвечивают в произведениях Василия Белова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Алексея Шадринова, Александра Цыганова.

Постигать Божью правду – тяжелейший духовный труд. Автор книги сравнивает двух авторов, написавших о Соловецком лагере, – Бориса Ширяева и Захара Прилепина. Борис Ширяев полученный в лагере духовный опыт выразил в книге “Неугасимая лампада”. Уже после окончания Великой Отечественной войны, всмотревшись в прошлое, написал: “Дивная, несказанная прелесть преображённого Китежа засияла из-за рассеянной пелены прошлого, смрадного тумана. Обновлёнными золотыми ризами оделись обгорелые купола Соловецкого Преображенского собора, вознеслись в безмерную высь и запели повергнутые на землю колокола. Неземным светом вечного духа засияла поруганная, испепелённая, кровью и слезами омытая пустынь русских святителей, обитель веры и любви. Стоны родили звоны. Страдание – подвиг, временное сменилось вечным». Писатель-творец научался правде у Бога-Творца.

Когда этого не происходит, у писателя возникает ложный образ мира, как это произошло у Прилепина в романе “Обитель”. Главный герой его – не политический заключенный, а столичный молодой человек, убивший отца. Это уголовный преступник. Основное внимание Прилепина уделено его любовным похождениям, а не безвинным узникам, сохранившим в духовном борении чистоту души. Фальшивый сюжет: у Прилепина происходит подмена истинных духовных трагедий мучеников описанием физиологические страдания плоти грешного человека. А книга Бориса Ширяева – постижение Божьей правды. В русском национальном сознании Соловки – святыня, духовный оплот Отечества, непобедимый, преображённый Китеж, потому что там на протяжении веков не прекращалась молитва. Там в разные времена страдали жертвы безбожного произвола. В поэме “Соловки” Николай Клюев вспоминает святых Соловецких – преподобных Изосима и Савватия, пономаря Авиву, строителя пустыни Феодора, рассеченного саблей отца Парфения, отрока Ивана на колу. И сам автор через несколько лет после написания этой поэмы был арестован и расстрелян.

А недавнее награждение Захара Прилепина за героя-преступника говорит только об одном: не читали “восторженные поклонники” поэмы Николая Клюева, не знакомы они с наследием русского философа Павла Флоренского, писателей Бориса Ширяева и Олега Волкова. И необъяснимо, почему критик Владимир Бондаренко вознёс Прилепина, зная творчество вышеназванных писателей, которые поняли, что “если физические законы по крепости железные, то духовные законы – алмазные” (отец Павел Флоренский).

Жанр молитвы

В русской поэзии жанр молитвы довольно распространён. К нему обращались Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Вяземский, отец Иоанн Шаховской, С. С. Бехтеев, Н. А. Клюев. Поэтическое созерцание сродни религиозному. О духовном свете невечернем писали многие русские писатели, начиная

с А. С. Хомякова. Помню, как впервые я переступила порог храма на поле Куликовом, когда весенний мартовский день клонился к закату, в сумерках зажегся свет в храме. И вспоминались строчки Ивана Бунина:

*Любил я в детстве сумрак в храме,
Любил вечернюю порой
Его, сияющий огнями,
Перед молящейся толпой;
Любил я Всенощное бдение,
Когда в напевах и словах
Звучит покорное смирение
И покаяние в грехах.
Безмолвно, где-нибудь в притворе,
Я становился за толпой;
Я приносил туда с собой
В душе и радости, и горе.
И в час, когда хор тихо пел
О “Свете тихом”, — в умиление
Я забывал свои волнения,
Я сердцем радостно светлел...*

“Вечер и утро особенно благодатны, — писал Павел Флоренский своему другу Василию Розанову, — для молитвы, для созерцания”. Вот как описывает Флоренский всенощную службу в Троице-Сергиевой лавре: “Вечерело. Золотые лучи ликовали. И торжественным гимном Эдему звучало солнце. “Свете тихий” совпадало с закатом. Пышно нисходило умирающее солнце. Сплетались и расплетались древние, как мир, напевы. Ритмически пульсировало чтение канона. И грусть потери таинственно зажеглась радостью возврата. Слава Тебе, показавшему нам Свет! И звезда Вечерняя стала тогда в алтарное окно. А в сердце всходила неувыдаемая радость”.

Людмила Григорьевна в своей книге дарит эту неувыдаемую радость, напоминая вечные слова русской литературы: стихотворения Константина Бальмонта “Свете тихий”, Александра Блока “Вечерняя”, Марины Цветаевой, вдохновлённой “Вечерней” Блока: “Божий праведник мой прекрасный, свете тихий моей души”.

Постигая эту неувыдаемую радость, мы, подобно поэту, “забываем свои волнения”, они уходят в осознание Божественной тайны мира, как в стихах Николая Рубцова:

*...и над Родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!*

Эти стихи, рождённые в прикосновении души поэта к тайне мира, перекликаются со словами Игнатия Брянчанинова: “Все существо человека погружается в духовное утешительное наслаждение священным миром Христовым...”

У Рубцова в стихотворении “После грозы”:

*Как это странно
И всё-таки мудро:
Гром роковой перенести,
Чтоб удивительно
Светлое утро
Встретить, как светлую весть.*

Как это созвучно с библейским “Свет во тьме светит, и тьма не объяла его!...”

По словам Игнатия Брянчанинова, вера является “причиной сердечного спокойствия, сердечного благодатного мира” — этих драгоценных свойств христианской души.

“Любовь на вечный срок”

Христианский идеал любви в книге “Православное слово...” рассматривается в творчестве таких вологодских поэтов, как Николай Рубцов, Михаил Карачёв, Нина Иванова-Романова. Строки Николая Рубцова о “неувядаемом цветке, неувядаемой ниве” перекликаются с библейской и святоотеческой традицией понимания любви. Земная жизнь конечна, как полевые цветы, а душу человека наполняет “любовь на вечный срок”. Сквозь неё прозревает поэт Святую Русь в стихотворении “Жар-птица”. Лирический герой, познав суету земной жизни, возвратился домой для того, чтобы узнать святую истинную любовь. В стихотворении “Старая дорога” он признаётся в любви к “древним дорогам” родины, видит над ней “голубые вечности глаза”:

*Здесь русский дух в веках произошёл...
И ничего на ней не происходит,
Но этот дух пойдёт через века!*

К голосу души прислушивается Михаил Карачёв. “Все дарования без любви ничто”, – этими апостольскими словами можно определить духовное и художественное мерило русской поэзии. Чувство поэта сродни молитве, творческое восхищение души – сила, побеждающая смерть.

О жизни и поэзии Нины Ивановой-Романовой, судьба которой сложилась трагически, Людмила Яцкевич пишет, как о судьбе поколения, представителями которого стала поэтесса и её герой – Александр Афанасьев. Её стихи и роман “Книга жизни” оставили нам живые чувства: любовь и горечь вечной разлуки, мужественную победу над обстоятельствами. В стихотворении “Мысли без оглядки”, посвящённом Анне Ахматовой, с которой Нина Михайловна была знакома, она писала:

*Как ты ошибся, человек!
Ты торопил себя безмерно
Не в этот ли двадцатый век,
Кровавый, грубый, лицемерный?*

Автор книги хотела бы создать портрет Нины Ивановой-Романовой, с которой она была знакома в молодости в 1960–1980-е годы. Людмила Яцкевич пишет: “Стихи и роман потрясли меня глубиной чувств, суровой судьбой героев, красотой романтического, необыденного восприятия жизни”.

*Редко-редко, меж дождём и градом,
спазмой горла, горьким жестом рук —
И ко мне заглядывает Радость,
Словно лето за Полярный круг.*

Эта светлая радость верной любви – духовная сила, которая преодолевает мировые катастрофы.

“Священный дар красоты”

В главе “Красота” Людмила Яцкевич размышляет о рассказе Николая Устюжанина “Вечная девушка”. В храме молодой человек увидел на клиросе среди поющих необыкновенную девушку, он ощутил в крови “неутихающую нежность”. Однако образ целомудренной, божественной красоты был ограждён от земных проявлений любви: девушка оказалась горбуньей. “Слёзы разбитого счастья” ощущал на лице герой рассказа, обращаясь к Богу в молитве, чтобы Он “открыл тайну произошедшего”. И вот “восторги утихли”, “сменились ровным ходом отрезвлённого сердца”. Описывая духовное возрастание молодого человека, писатель в своём рассказе сплетает в единый узор земное и небесное.

Гёте говорил: “Красота – в глазах смотрящего”. Такой вывод делает и Л. Г. Яцкевич, размышляя над рассказом А. А. Цыганова “Садовник”. Писатель реалистично изобразил внешний облик главного героя, неудачливого,

униженного и бедного человека, и на контрасте показал прозорливо его со-кровенную душу, красоту которой люди не замечают. По своему терпению, любви к ближнему и милосердию его душа уподобилась Христу, которого в Евангелии называют “Господином виноградника”.

“Свете тихий от народного лика”

Духовная радость и чистота живут на страницах книги Людмилы Григорьевны. Обращаясь к творчеству вологодских писателей, она напоминает нам о “вековом родстве”, не раз выручавшем и спасавшем народ в годину горя, беды. Она выполняет свой главный творческий долг – напомнить об исконном соборном единстве православных людей и о его сохранении:

*И поныне те злодеи
Рвутся к власти неспроста.
Что ж мы в горе холодеем?
Встанем,
Встанем в круг родства!*
(А. А. Романов)

Русский народ издавна соборность жизненного уклада определял словом “лад”. Книга с этим названием Василия Белова напоминает о соборном сознании, включающем веру, главную хранительницу русской земли, труд и русскую природу. А как потрясающе напоминает книга Людмилы Яцкевич об исконно русском, древнейшем слове “хор”. Хоровое пение было распространено на Руси в церкви и в быту, было выражением соборного сознания народа. Отмечаемое митрополитом Иоанном Сычёвым хоровое пение – это “свидетельство богатства соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности”.

“Невыразимы смертными словами” величие духа русского народа, его судьба, здесь нужны “вечные слова”, которые и находит автор книги, созидая её, как молитву, под благодатным покровом умиления, полноты сердечного чувства. Прочитав книгу, ты прошёл тем путём, который подобен нашей жизни, земному пути среди родных просторов, и сквозь историческое время Отечества...

А вологодские писатели подобны “вещим Бояновым сынам” (Н. Клюев), которые своим православным словом несут *благую весть* – твёрдое желание соборного единения народа и созидания нетленной России.

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

НИ ПЕСЕН, НИ БАСЕН...

Нет нужды доказывать мудрость наших пословиц, поговорок, присловий, а также полюбившихся народу афористичных выражений из былин и сказок, из песен и побасок, из художественной классики и святоотеческой литературы. Мудрость эта очевидна. Лишним доказательством её может служить тот факт, что к употреблению пословиц, лаконичных изречений и прочих “крылатых слов”, по моим наблюдениям, более склонны люди пожилые, бывалые и опытные, нежели легкомысленная и праздноречивая молодёжь.

На эту особенность “старших” я обратил внимание давно, ещё в школьные годы: на живых примерах своих родителей, вечных тружеников-крестьян, не проходивших ни классов, ни коридоров. Они не любили длинных речей и частенько для краткости прибегали к пословицам и присловьям. Отец вместо долгих объяснений, почему он, плотник и столяр, июньским днём собрался поискать подходящих берёзок для санных полозьев, просто говорил: “Готовь сани летом”, – и ехал на телеге в лес. А при затяжных дождях в июльскую пору: “С косой в руках погоды не ждут”, – и отправлялся на покос.

Но ещё наглядней в этом смысле была речь малограмотной крестьянки Степаниды Ефимовны, моей тёщи, изредка наезжавшей из села к нам в город. Она на старости лет, кажется, вообще говорила одними пословицами да поговорками. Запаса хватало на все случаи жизни. Скажем, расхныкалось наше дитя, мы, молодые родители, в смятении, а она успокаивает нас: “Поди, золотая слеза не выкатится”. Или я, припоминается, рассуждаю вслух, какой бы подарок преподнести приятелю на именины, а она с диванчика советует: “Подари другу калач: не понравится – сам съешь”. А то ещё помню: сидим за столом, ужинаем, тихо беседуем, вдруг она, окинув взглядом нашу городскую еду, сплошь “с магазина”, сочувственно замечает: “Что купил, то и слупил...”

Но почему-то особенно запомнилась характеристика, которую баба Степанида выдала однажды моему коллеге. Он жил холостяком по соседству и как-то вечером забрёл к нам “под мухой”, явно желая поддержать тонус, ну и, конечно, дружески пообщаться. Первое его желание я исполнил без труда, выставив “беленькую” и закуску на скорую руку. Но со вторым оказалось сложнее. Дело в том, что гость, и вообще-то не отличавшийся красноречием, после принятия пары тонизирующих рюмок почти совсем умолк. Говорить пришлось мне, а собеседник лишь изрекал некие междометия и блаженно улыбался. И когда я, наконец, проводил его за дверь, приметливая Степанида Ефимовна, молчаливо наблюдавшая с дивана за нашим общением, подытожила, как припечатала: “Ни песен, ни басен...” И вот уже более полувека мне памятна эта её “печать”.

Впрочем, что там вспоминать бабушку Степаниду, я теперь и сам дедушка: тоже ловлю себя на том, что всё чаще прибегаю в разговорах к народным пословицам и поговоркам. Особенно в ответах. Так получается короче и выразительней. Притом эти готовые сгустки жизненного опыта, услышанные где-то в народе или вычитанные из книжек, всплывают в памяти произвольно, сами приходят на помощь, когда затрудняешься быстро сформулировать мысль. Я охотно пользуюсь их мудростью, пусть и заёмной.

И даже горжусь, что некоторые из пословиц могу преподать в первоначальном виде с истинным содержанием, “открытым” мною. К сожалению, смысл довольно многих пословиц и присловий исказился в процессе долгого и подчас бездумного их употребления. И всем нам с вами, говорящим по-русски, стоило бы помочь возвращению им исконной формы и значения, пока ещё хранимых народной памятью и наукой языкознания. Пусть они удобряют и украшают нашу речь, выступая во всей первоходной полноте и нарядности.

Зачастую иные пословицы мы просто не договариваем, укорачиваем их и тем произвольно обедняем смысл. Допустим, кому-то, склонному к зависти либо охочему поживиться за счёт других, говорим: “На чужой каравай рот не разевай”, — и ставим точку, отбрасывая дельный совет, следующий далее: “. . . а пораньше вставай да свой затевай”. Можно сказать, обходимся примитивной командой “рот не разевай”, тогда как полная пословица содержит конкретную программу действий, целую “дорожную карту”, выражаясь по-нынешнему.

В некоторых усечённых пословицах теряются важные детали, эпитеты и метафоры, а с ними выразительность и наглядность назидания.

Например, мы повторяем привычно: “От добра добра не ищут”, — забывая о всей полноте пословицы, в которой она звучит глубже и краше: “От добра кони не рыщут, от добра добра не ищут”. Или есть присловье: “Без стыда лица не износишь. . .”, — прямо сказать, вообще не очень понятное, пока не вернёшь ему утерянной концовки: “как платья без пятна”. А ещё можно припомнить поговорку с каким-то уж слишком грубо-прямолинейным наставлением: “Не так живи, как хочется. . .” Услышишь и невольно спросишь: “Простите, а как?” Если, конечно, не знаешь, что в оригинале, в первоисточниках — это цельная пословица, которая сама содержит недвусмысленный ответ: “Не так живи, как хочется, а как Бог велит”. То есть — по заповедям Божиим, по совести. . .

Но это бы ещё полбеды. Всё же и по обрывкам можно понять, о чём идёт речь. А бывает, что после урезания пословицы её смысл не просто изменяется, но даже превращается в противоположный. Как, например, в общеизвестном выражении, которое обычно употребляют в разговоре о наследниках, нередко идущих по стопам отцов, повторяющих какие-то их черты, зачастую не самые лучшие: “яблоко от яблони недалеко падает”. Однако в неповреждённом виде пословица совсем о другом: “Яблоко от яблони недалеко падает, но. . . далеко закатывается”. Насколько весомо значение этого уточнения, нет надобности разъяснять. Или, скажем, в таком расхожем изречении, как: “Книги имеют свою судьбу”. Ну да, имеют, и что? Карандаши вон тоже имеют свою судьбу, и сапоги, и какие-нибудь садовые грабли. В чём же дело? А суть, оказывается, скрыта в продолжении фразы, редко воспроизводимом пишущими и говорящими: “Книги имеют свою судьбу, в зависимости от головы читателя”.

Между прочим, это “крылатое” выражение пришло к нам из далёкого по времени и расстоянию Рима, от грамматика Теренциана Мавра. Оно частенько цитируется по латыни: “Habent sua fata libelli, pro kapite lektoris”. Как видите, тоже со ссылкой на голову читателя.

Порой содержание пословицы или афоризма изменяет укорачивание их не только на целую фразу, на часть предложения, но и на одно слово и даже на единственный звук. Показательна в этом плане широко распространённая пословица, о которой мне уже доводилось где-то писать: “Делу время — потехе час”. Именно в такой форме обыкновенно употребляют её устно и письменно. В том числе и многие знатоки языка, лингвисты с учёными степенями. Не буду упрекать их за это, называть пофамильно, ибо понимаю, что они следуют (так им представляется) за народом-языкотворцем и стараются найти приемлемое толкование его очередному многоумному речению. Вот, мол, какое значение придаётся трудолюбию нашим народом-созидателем, что

“для дела” он щедро отмеряет “время”, а на “потеху” отпускает всего лишь “час”. Но ведь под “часом” – то здесь подразумевается то же самое “время”, а не отрезок его в шестьдесят минут. Это очевидно. Мудрый языковтворец наш изначально вылепил эту фразу “чутьочку” по-иному и тем вдохнул в неё абсолютно другой смысл. “Делу время – и потехе час”, – отчеканил он, уже самым строем слов подчёркивая, что да, делу необходимо отдавать должное время (читай – внимание, старание, силы телесные), но и о потехе (читай – отдохновению от трудов праведных ради развития сил душевных и духовных, для чего мы вообще живём на этом свете) тоже забывать никак нельзя.

Похожим образом переворачивает смысл единственный изменённый, точнее – опущенный звук в знакомой всем пословице, которая советует “не выносить сор из избы”. Если трезво подумать, странная она, однако, даёт совет, явно противоречащий здравому рассудку. Почему это не выносить сор? Как раз его надо именно выносить вон, выметать почаше, в соответствии, допустим, с примером, подаваемым в склáдной народной прибаутке: “По-нашему ведётся – веничком метётся. Весь сор за порог, а веничек под порог”. Откуда же тогда сомнительная “сорная” пословица? Думаю, нетрудно догадаться, что и в ней до времени, пока чья-то легкомысленная головушка не исказила её, лишив одного только звука “с”, всё было “по-нашему”, разумно: “Не выносите **ссор** из избы”. Согласитесь, что это более резонный совет. Ссорьтесь, бранитесь дома (там же, по другой пословице, трясите грязным бельём), а на миру ведите себя прилично, старайтесь выказывать лучшие черты своего характера и нравов.

К подобным же пословицам с переименованным содержанием за счёт одного звука можно отнести и такую: “На тебе, Боже, что людям негоже” (или “что нам негоже”). Если пошевелить мозгами, тут уже не только бессмыслицей, но и кощунством отдаёт. Притом абсолютно немотивированным. Ну, в самом деле, зачем это поминание всуе имени Божьего при осуждении некоего дарения или даже “впаривания” чего-то ненужного, “негожего” ни себе, ни людям? Явно неуместное и глупое. А мы механически повторяем кем-то не от большого ума запущенный “вариант”. Первоисточники же говорят, что прежде имела хождение в народе вполне разумная пословица: “На тебе, **убоже**, что людям негоже”. Она с горькой иронией порицала лукавого дарителя, якобы благотворителя, который просто “сбагривал” убогому (бедному, жалкому, безответному) нечто дешёвое, бросовое в расчёте на то, что одаряемый и тому будет рад.

Ещё больше, чем в народных пословицах, таких смысловых искажений, вольных или невольных, в разных “крылатых словах”, “мыслях мудрых людей” и фразеологизмах, о которых мы уже говорили. Приведу пример “вольного” искажения, достаточно наглядный по нарочитости. Можно даже сказать, политической нарочитости. Ныне с языков наших политиков, имя которым легион, и даже иных церковнослужителей, вовлекаемых в политику, то и дело слетают слова: “Всякая власть от Бога”, – будто бы сказанные когда-то Апостолом Павлом и потому являющиеся непререкаемой истиной, которой положено следовать. То есть все мы с вами, простые смертные, должны покорно принимать любую власть, преданно служить ей и терпеливо переносить всё её притеснения и выверты. Однако у любого свободно мыслящего человека, в том числе и верующего, формула эта о священности всякой власти вызывает понятные сомнения. Да неужели и впрямь Господь Бог, само воплощение Правды и Справедливости, мог благословить “всякую” власть? Или хотя бы попустить?

Посещали подобные сомнения и меня, грешного. Пока не встретил я однажды в печати любопытное сообщение, что перевод данных слов Апостола Павла, ставших “крылатыми”, был искусственно искривлён. И нашёлся у нас смелый и грамотный человек, иеромонах Алексей (Айсин), который дотошно разобрал и вывел, что правильно переведённые слова Апостола: “Несть бо власть аще не от Бога”, – означают: “Не есть власть, если не от Бога”. Иначе говоря, смысл их совершенно противоположный тому, который привычно им придаётся пишущими и говорящими “головами”. Одними по неразумению, другими из корыстных, сословных или политических соображений.

А сколько ещё туманных и затуманенных “устойчивых словосочетаний”, идиом и афоризмов ждёт своих добросовестных толкователей! В первую очередь, их внимание хотелось бы обратить на пословицы. Должен признаться, что иные ставят меня в тупик. Положим, есть такая пословица: “Сухо древо назад не пятится”. Что она означает? Почему лишь “сухо древо” не пятится?

А “сыро”? Сдаётся, опять кто-то слова искажил, что-то перепутал... Но скорее дело в моём незнании. Вот недавно вычитал у поэта Станислава Куняева, что по его родной калужской земле протекает “извилистая речушка с былинным именем Суходрев”... Так это, может, она “назад не пятится”? Тогда бы всё логично...

Впрочем, подожду знатока и подвижника вроде Айсина, либо... Толстого. Да-да, Лев Николаевич не однажды восстанавливал смысл выхолощенных пословиц. Некоторые из них я привёл именно в его толковании. Он вообще любил поучительные афористичные выражения. К примеру, печалюсь о нравственном несовершенстве людей, особенно власть имущих, часто повторял фразу: “Бог живёт во всех людях, да не все люди живут в Боге”. То ли заимствованную, то ли свою...

Жаль, теперь у новых поколений пословицы, фразеологизмы и афоризмы не в особом ходу. Видно, не место им в клипах да СМСках. Включишь радио, телевизор или компьютер – сплошная какофония и гвалт с мутным потоком англицизмов, а что до нашего родного, до русского народного... “ни песен, ни басен”...

ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ 2019 ГОДА

ПРЕМИЯ ИМЕНИ В. В. КОЖИНОВА за многолетнее служение русской культуре присуждена Марку Николаевичу ЛЮБОМУДРОВУ;

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Л. М. ЛЕОНОВА (номинация “Молодые прозаики”) за роман “Пробуждение” (№ 3, 4) присуждена Андрею ТИМОФЕЕВУ (Подмосковье);

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Ю. П. КУЗНЕЦОВА (номинация “Молодые поэты”) за подборку стихов “Здесь пели ветры испокон веков...” (№ 8) присуждена Александру ТИХОНОВУ (Омск);

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А. Г. КУЗЬМИНА (номинация “Молодые историки и публицисты”) за статью “Ольга Берггольц. Голос блокадного Ленинграда” (№ 8) присуждена Дмитрию ФИЛИППОВУ (Петербург).

Ежегодные премии за лучшие произведения 2019 года присуждены:

— Виталию АВЕРЬЯНОВУ, обществовед — за статью “Рок” в овечьей шкуре” (№ 10);

— Михаилу БАРКОВУ, публицисту — за главы из книги “Я — последний солдат империи” (№ 9, 10);

— Сергею ГЛАЗЬБЕВУ, экономисту — за работу “Логика истории” (№ 11, 12);

— Александру ИВАНИЦКОМУ, прозаику — за книгу воспоминаний “Ломаные уши” (№ 2, 3);

— Владимиру КРУПИНУ, прозаику — за подборку рассказов “Исцеление” (№ 1);

— Петру КРАСНОВУ, прозаику — за статью “Лев Толстой и ноосфера” (№ 11);

— Владимиру КУЗНЕЧЕВСКОМУ, историку — за статью “Русский вопрос” (№ 4);

— Дмитрию МИЗГУЛИНУ, поэту — за подборку стихов “Ощутить дыхание свободы” (№ 9);

— Николаю РЫЖКОВУ, государственному деятелю — за статью “Размышления о тернистом пути России” (№ 1);

— Евгению СЕМИЧЕВУ, поэту — за подборку стихов “Мир отражается в слезинке...” (№ 11);

— Валерию ФОКИНУ, поэту — за подборку стихов “Жить вместе со своим народом” (№ 1);

— Валерию ХАЙРЮЗОВУ, прозаику — за рассказ “По главной сути, жизнь проста” (№ 1);

— О. Ярославу ШИПОВУ, священнику, прозаику — за рассказы “Уроки живописи” (№ 10);

— Евгению ЧЕПУРНЫХ, поэту — за подборку стихов “Входя и в сердце, и в строку...” (№ 7);

— Георгию ЦАГОЛОВУ, экономисту — за статьи “Индустрия 4.0 и мы” (№ 7), “Какой строй нам нужен” (№ 5), “Русский алюминий становится американским” (№ 2).

В 2019 году литературных премий за публикации в журнале удостоены: Станислав КУНЯЕВ, Яна САФРОНОВА, Карина СЕЙДАМЕТОВА, Елена ТУЛУШЕВА, Сергей ШАРГУНОВ.

Поздравляем лауреатов!

ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ 2019 ГОДА

ПРЕМИЯ ИМЕНИ В. В. КОЖИНОВА за многолетнее служение русской культуре присуждена Марку Николаевичу ЛЮБОМУДРОВУ;

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Л. М. ЛЕОНОВА (номинация “Молодые прозаики”) за роман “Пробуждение” (№ 3, 4) присуждена Андрею ТИМОФЕЕВУ (Подмосковье);

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Ю. П. КУЗНЕЦОВА (номинация “Молодые поэты”) за подборку стихов “Здесь пели ветры испокон веков...” (№ 8) присуждена Александру ТИХОНОВУ (Омск);

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А. Г. КУЗЬМИНА (номинация “Молодые историки и публицисты”) за статью “Ольга Берггольц. Голос блокадного Ленинграда” (№ 8) присуждена Дмитрию ФИЛИППОВУ (Петербург).

Ежегодные премии за лучшие произведения 2019 года присуждены:

— Виталию АВЕРЬЯНОВУ, обществовед — за статью “Рок” в овечьей шкуре” (№ 10);

— Михаилу БАРКОВУ, публицисту — за главы из книги “Я — последний солдат империи” (№ 9, 10);

— Сергею ГЛАЗЬБЕВУ, экономисту — за работу “Логика истории” (№ 11, 12);

— Александру ИВАНИЦКОМУ, прозаику — за книгу воспоминаний “Ломаные уши” (№ 2, 3);

— Владимиру КРУПИНУ, прозаику — за подборку рассказов “Исцеление” (№ 1);

— Петру КРАСНОВУ, прозаику — за статью “Лев Толстой и ноосфера” (№ 11);

— Владимиру КУЗНЕЧЕВСКОМУ, историку — за статью “Русский вопрос” (№ 4);

— Дмитрию МИЗГУЛИНУ, поэту — за подборку стихов “Ощутить дыхание свободы” (№ 9);

— Николаю РЫЖКОВУ, государственному деятелю — за статью “Размышления о тернистом пути России” (№ 1);

— Евгению СЕМИЧЕВУ, поэту — за подборку стихов “Мир отражается в слезинке...” (№ 11);

— Валерию ФОКИНУ, поэту — за подборку стихов “Жить вместе со своим народом” (№ 1);

— Валерию ХАЙРЮЗОВУ, прозаику — за рассказ “По главной сути, жизнь проста” (№ 1);

— О. Ярославу ШИПОВУ, священнику, прозаику — за рассказы “Уроки живописи” (№ 10);

— Евгению ЧЕПУРНЫХ, поэту — за подборку стихов “Входя и в сердце, и в строку...” (№ 7);

— Георгию ЦАГОЛОВУ, экономисту — за статьи “Индустрия 4.0 и мы” (№ 7), “Какой строй нам нужен” (№ 5), “Русский алюминий становится американским” (№ 2).

В 2019 году литературных премий за публикации в журнале удостоены: Станислав КУНЯЕВ, Яна САФРОНОВА, Карина СЕЙДАМЕТОВА, Елена ТУЛУШЕВА, Сергей ШАРГУНОВ.

Поздравляем лауреатов!

Премия им. В. В. Кожина

М. Любомудров

Премия им. Л. М. Леонова

А. Тимофеев

Премия им. Ю. П. Кузнецова

А. Тихонов

Премия им. А. Г. Кузьмина

Д. Филиппов

Ежегодные премии журнала

А. Аверьянов

М. Барков

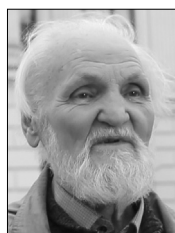
С. Глазьев

А. Иваницкий

П. Краснов

В. Крупин

В. Кузнецовский

Д. Мизгулин

Н. Рыжков

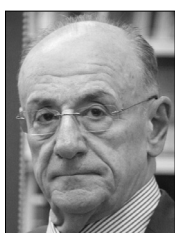
Е. Семичев

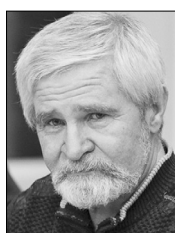
В. Фокин

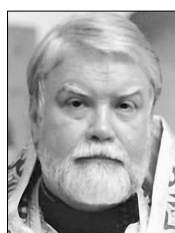
В. Хайрузов

Г. Цаголов

Е. Чепурных

Я. Шипов